

**МУЖСКИЕ ОТВЕТЫ
НА ЖЕНСКИЙ ВОПРОС
В РОССИИ**

вторая половина XIX в

—

первая треть XX в

Антология

Том II

Ответственный редактор и составитель

Валентина Успенская

Тверь
ФЕМИНИСТ-ПРЕСС
2005

**Основные дискурсивные сюжеты
в отношении женской эмансипации
в конце XIX — начале XX вв.**

Издание осуществлено
при поддержке Канадского Фонда Гендерного Равенства

МУЖСКИЕ ОТВЕТЫ НА ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ
(вторая половина XIX — первая треть XX вв.). Антология. Сост. и
общ. ред. В. Успенская. — ФЕМИНИСТ-ПРЕСС, Тверь, 2005. —
352 с.

Редакционный совет:

Н. Козлова

С. Рассадин

Г. Успенский

© Успенская В.И., составление, 2005

© ФЕМИНИСТ-ПРЕСС, 2005

© Тверской центр женской истории
и гендерных исследований, 2005

Содержание

Предисловие	6
П. Бакунин Запоздалый голос сороковых годов: по поводу женского вопроса	9
Н. Соловьев Женщины и дети	24
Н. Страхов Женский вопрос	56
В. Стасов Надежда Васильевна Стасова	99
Л. Толстой Мысли об отношениях между полами	120
П. Кропоткин Записки революционера	168
В. Хвостов Женщина накануне новой эпохи	173
П. Мижуев Женский вопрос и женское движение	243
Д. Андреев Роза мира. Метафилософия истории.	294
Е. Щепкина Женское движение 1905 года в отзывах современных деятелей	298
Н. Чехов Петиция женщин в государственную думу	321
Н. Щепкин Участие женщин в местном самоуправлении	327
М. Меньшиков Женское брожение	331
М. Меньшиков Утомленные женщины	339
Об авторах текстов	346

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гендерная проекция российской культуры двух последних столетий, подобно европейской, явно и вполне закономерно отражала господствующие ценностные императивы андроцентричной, патриархатной культуры. Определенная дистанция, поддерживаемая российскими мыслителями и общественными деятелями по отношению ко всем инновациям с Запада, вкупе с дискурсивно предзаданными традиционными установками на воспроизведение четкой системы гендерного неравенства породили весьма оригинальную дискуссию о месте и роли женщин в процессе развития культуры. Концептуализируя проблему гендерного равенства в рамках так называемого «женского вопроса», российская интеллектуальная элита через культурную рефлексию второй половины XIX — первой трети XX вв. производила весьма выборочную ассимиляцию западных наработок в данной области, пыталась дать свой ответ на четко прозвучавший феминистский вызов. Наиболее характерным и значимым в силу фаллоцентричности самого дискурса был ответ мужской части культурной элиты. Тем самым, очевидна одна из важнейших социально-культурных проблем: преобладание гендерных стереотипов как в процессе описания самого культурного творчества, так и в рамках определения и потенциального разрешения «женского вопроса» как специфичного российского способа «снятия» гендерной проблематики мужским опытом и дискурсом.

Данное отношение к проблеме гендерного неравенства должно учитываться при анализе современной ситуации. Активная рецепция западной гендерной методологии и инструментария происходит у нас в ситуации дискурсивного разрыва в данном проблемном поле, созданным «решением женского вопроса в советское время». Преобладающее влияние западных концептов и интеллектуальных инвестиций без реконструкции достижений российской культуры (прежде всего интеллектуальной) может стать контрпродуктивным. Поэтому восстановление российского опыта рефлексии гендерного неравенства с целью выявления её специфики и конструктивного сопряжения с тематикой современных

гендерных исследований видится делом чрезвычайно важным и своевременным.

В 2004 г. при поддержке Канадского Фонда Гендерного Равенства сотрудники Тверского центра женской истории и гендерных исследований работали по проекту «МУЖСКИЕ ОТВЕТЫ НА ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ (вторая половина XIX — первая треть XX вв.)». В содержание проекта входило: печатное издание традиционных мужских текстов в виде антологии «Мужские ответы на женский вопрос (вторая половина XIX — первая треть XX вв.)»; составление электронного (в том числе аннотированного) указателя литературы; проведение на базе Центра круглых столов для общественности «Женский вопрос в России XIX — XX вв.: мужская оценка и гендерная переоценка»; организация выставок оригинальных текстов, хранящихся в фондах научной библиотеки Тверского государственного университета и посвященных истории женской эмансипации.

Проект способствует росту осведомленности общества о традиционной российской рефлексии гендерных проблем, об основных направлениях дискуссий по женскому вопросу на рубеже XIX — XX вв. в России, о гендерных барьерах, стереотипах и предубеждениях, а также путях их преодоления. Более того, вопреки массовым стереотипам о «чуждости» российскому обществу профеминистских идей, указанный проект показывает богатую традицию попыток осмысления женского вопроса в отечественной истории и культуре.

В содержание данной *Антологии* включены тексты авторов-мужчин, освещающие подход мужской части общества к проблемам гендерного неравенства. Причем, это тексты как *pro*, так и *contra* женской эмансипации, ставшие ныне большой редкостью, но которые в свое время оказывали значительное влияние на общественное мнение в отношении женского вопроса. Их публикация способствует разрушению стереотипа о том, что женский вопрос имеет отношение только к женщинам и не затрагивает положение мужчин, помогает вскрыть предубеждения о том, что все мужчины негативно относятся к женской эмансипации и женскому культурному творчеству.

Большинство текстов — из фондов научной библиотеки Тверского государственного университета. Мы выражаем огромную благодарность директору библиотеки О.В. Вершининой и сотрудникам читального зала, отдела редких книг за поддержку нашего проекта и активное содействие в его реализации.

В настоящей публикации орфография текста приведена в соответствие с нормами современного русского языка, но сохранены некоторые особенности авторской пунктуации и характерные для стиля авторов «архаизмы», подчёркивающие метафизическую значимость ряда тезисов.

В издание включен также текст русского историка и одного из лидеров движения «равноправок» в конце XIX — начале XX века Елены Николаевны Щепкиной «Женское движение 1905 года в воспоминаниях современников» (1906), в котором она приводит ответы мужчин-депутатов Государственной Думы на вопрос активисток Союза равноправности женщин об их отношении к предоставлению российским женщинам избирательных прав.

Руководитель проекта и автор идеи: В.И. Успенская

Координаторы проекта:

Н.Н. Козлова, С.В. Рассадин, Г.А. Успенский

П. Бакунин
ЗАПОЗДАЛЫЙ ГОЛОС СОРОКОВЫХ ГОДОВ: ПО
ПОВОДУ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА ¹

Глава I. Женский вопрос в действительности

По первому предположению «голос 40 гг.» должен был выйти журнальной статьёй, в которой имелась в виду только некоторая критика на странные увлечения нашего времени и преимущественно на то случайное сочетание разнородных притязаний, которые развиваются на почве научности и современности под именем женского вопроса, волнуют легкую публику и развода в зыбкой среде ее напрасный шум и великую смуту, препятствуют серьезному обществу додуматься до самой действительности: там, разумеется, не до серьезности, где уже и женский вопрос может выступать и выдаваться за нечто серьезное.

Но на горизонте современной литературы не находилось журнала, который по своему направлению мог бы принять на свою ответственность статью столь несовременного и ненаучного содержания.

<... > Таким образом, статья о женском вопросе никуда в журнал не попала, а взошла в запоздалый голос в виде вступления к нему... имеет целью вызвать спор и тем возбудить... внимание нашей слишком рассеянной и многими делами и вещами озабоченной публики.

Между многими вопросами, возмущающими убогое содержание нашей жизни, за последнее время над нами пронесся, прошумел назойливо ещё продолжает шуметь и так называемый женский вопрос. В жизни встречаются или возникают всякого рода иные вопросы, которые можно откладывать и до времени оставлять без внимания, но когда поднимается вопрос, касающийся женщины, то это всегда означает, что в вопрос уже поставлены не теории, не мысли, не слова одни,...но само существо и все ее содержание.

¹ Печатается по: Бакунин П. Запоздалый голос сороковых годов. СПб., 1881. С. 8-83.

<...> Для правильной постановки женского вопроса и для его разрешения необходимо требуется, чтобы в сознании уже было некоторое общее, предварительное утверждение, в виду которого, во-первых, мог быть поставлен самый вопрос, и на основании которого, во-вторых, могло бы быть найдено и надлежащее ему разрешение.

В каждом существующем обществе вся его действительность распределяется между явлениями, требованиями и утверждениями, проистекающими в нем по необходимости или от давления его неотступной нужды или же от осознания его непреклонного долга. В смысле нужды женский вопрос выражается как настоятельное требование дать женщинам право и средства к самобытному существованию, и поставить их в полную независимость от внешних случайностей, от родственников, от мужа, от детей, от людей посторонних: для этого является необходимость вооружить их такими правами и способами и подготовить их к жизни так, чтобы они могли жить, ни от кого не завися, собственным трудом своим <...>

Образ существующего общества есть явление, которое складывается определенным порядком, отчасти в силу законов естественных, отчасти в силу законов самосознательного разума: первые познаются через изучение природы, вторые излагаются логикой. <...> Если же женский вопрос не имеет своим основанием ни природу, ведающую все то, что в самом деле есть, ни логику, ведающую все то, что неминуемо должно быть, то следовало бы признать, что он не имеет под собой никаких оснований. Обеспеченность и независимость существования каждого человека в обществе мужчин, женщин, детей предоставляются им отчасти в меру сил общественных, отчасти в меру их собственных сил и способностей. В обществе как обеспеченность, так и независимость положения являются собственно благом и даром самого общества, оно дарует его тем, кто ему наиболее нужен и полезен, ...интересы же общественные часто не совпадают, не совместны, не соизмеримы с интересами живущих в нем индивидов. Соизмерять интересы общественные с интересами индивидов мужчин, женщин или детей, значит извращать действительную меру вещей и намеренно впадать в заблуждение. В порядке естественном всякое право есть всегда достояние действительной силы, в порядке логическом понятие о праве не имеет ничего общего с индивидуальными притязаниями, предъявляемыми поборниками или поборницами женского вопроса.

В женском вопросе предъявляется право на труд: собственно говоря, женский труд в обществе вовсе не новость. Он всегда существовал, существует в значительной мере. В рабочих классах населения сила и ловкость женщины всегда пользовались большим почетом, хотя вообще мужскому труду отдается предпочтение. Впрочем, насколько возможно уже и ныне определять общее направление общества на пути развития его сил, ... оно кажется не в том, чтобы ещё более обременить женщину тяжестью физического труда, а напротив, скорее в том, чтобы в меру возможности постепенно освобождая ее от тяжелой работы, ограничивать ее трудовую деятельность делом домашним, и особенно делом воспитания. Ели же она до сих пор ещё не избавлена от тяжелой работы, но обременена ею даже сверх силы, то это происходит вовсе не по желанию, а только от слабости и недостатков общества.

Но женский вопрос имеет в виду не столько женский труд и работающих женщин, имеющих в обществе свое полное призвание, сколько независимый женский труд и независимых женщин. С целью возвышения ценности женского труда, указывают на необходимость всестороннего развития, обучения, образования женщин; требуют образовательных женских школ, женских курсов, гимназий, университетов, академий; для того, чтобы женщины, получив образование равное с мужчинами по всем отраслям человеческого знания, могли вступить с ними в конкуренции на всех рынках человеческого труда, на всех поприщах человеческой деятельности и быть с ними во всех отношениях в семье, в домашнем быту, в частных занятиях, в обществе, в общественных заведениях, как равные перед равными, как товарищи с товарищами, с сознанием в душе и с проявлением на деле своей полной от них независимости <... >

По убеждению поборников и поборниц женского равноправия, ... женщины способны исполнять все то, что до сих пор исполнялось исключительно мужчинами и устранять их от какого б то ни было дела, не признавать за ними их полной правоспособности наравне с мужчинами есть вопиющая несправедливость.

В таком виде женский вопрос возникал уже у древних народов и в классической Греции он давал право Аристофану изощрить едкость своих сарказмов и по нашим понятиям не всегда благоприспособной иронии насчет нравов и притязаний тогдашних женщин.

<... > Под давлением нужды, зубы которой гораздо острее всех сарказмов и всего остроумия Аристофана, очень естественно и вполне законно порождается в женщинах желание, стремление или притязание конкурировать с мужчинами... конечно, невольно думается, что едва ли слабость в состоянии конкурировать с силою, не основываясь и не опираясь на великодушие этой самой силы; причем, само собою припоминается замечание Жорж Санд о крайней забавности видеть ребенка, который на руках у взрослого капризничает, плачет, кричит и колотит его изо всех сил своими слабыми ручками.

Не в смысле общего женского вопроса и стремлений его, касающихся женщины вообще, но в каждом частном случае, если нужда неволит кого, все равно женщину или мужчину, приняться в видах существования за то или другое дело, если оно выгодно и при том не противозаконно, то, разумеется, само собою, что порицать это дело и указывать на его целесообразность с полом, званием, возрастом, или с чем-либо другим, не устраняя самой невольной нужды, было бы не только бесполезно, но и не разумно, но и очень бездушно и неприлично <... >

<... > В больших городах при скученности населения, где более всего и ощутимее сказывается трудность жизни, очень многие женщины, девушки и замужние предприняли с большим воодушевлением, хотя и не без некоторого, времени свойственного, сумбура в понятиях, завоевать себе право жизни, и добиться признания в них правоспособности к отправлению разных общественных должностей, и с этой целью стали очень серьезно учиться и проходить курсы разных наук как в средних, так и в высших учебных заведениях. По общему свидетельству, они, занимаясь с усердием, успешно преодолевают всякого рода трудности и удостоиваются по заслугам аттестатов, ученых свидетельств, дипломов: с такими дипломами пред ним открываются многие пути и многие средства существования, прежде недоступные, и как сообщают, очень многие из них и в самом деле, достигая цели своих стремлений, живут трудом своим без всякого содействия мужчины.

<... > Однако если некоторое число женщин и избавляются этим путем от столь жалкой участи, то общая статистика ежегодно погибающих в больших городах едва ли от того существенно изменяется, и в той печальной графе ее таблиц, где обыкновенно

выставляют процентное число всех жертв нищеты, невежества, разврата, это роковое число на вряд ли убавляется.

<... > Конкуренция женщин с мужчинами на том же поприще труда в случае успеха некоторого числа женщин по необходимости вытесняет с него такое же число мужчин, а если и не вытесняет, то неминуемо сбавляет плату за труд не к выгоде предлагающих, а только к выгоде покупающих оный. Через замену одного лица другим или через общее понижение рыночной цены за труд, успех и удача некоторых женщин, во всяком случае, окупаются соответственными неуспехом или неудачей некоторых мужчин: потому что по закону непроницаемости два вещества, две материи совместно быть не могут, и по необходимости вытесняют друг друга. А между тем, на попечении тех вытесненных мужчин жили и существовали женщины и дети.

<... > Женский труд, вступая на общий рынок, количество требуемого и оплачиваемого труда не увеличивает, а только производит некоторую перетасовку в его размещении между лицами, через что, если одним становится жить легче, то зато другим приходится жить на столь же труднее. И в конце концов, ещё неизвестно станет ли всем лучше, когда весь мужской персонал работающих и трудящихся заменится женским: когда все учителя, преподаватели, профессора, адвокаты, медики, чиновники, управители, военачальники будут повсюду заменены учительницами, профессоршами, адвокатшами, докторшами, чиновницами, управительницами, военачальницами, и исполнит ли женский комплект всех служащих свое дело исправнее, чем оно исполнялось мужским комплектом <... >

Человек, как сказал Аристотель, есть существо общественное, и способное жить только в обществе. А с точки зрения общества, зависимость человека от другого человека или от других людей не есть бедствие, от которого следует во что бы то ни стало избавиться: она напротив, признается основанием и самым источником всего лучшего в обществе. В нем, что касается до существования, находятся в зависимости от других сил более или менее близких, более или менее чуждых не только женщины, но и дети и старики; в нем, наконец, и взрослые, и сильные мужчины существуют, только опираясь друг на друга, и не редко даже в большинстве случаев заимствуют силу свою от дряхлых стариков, от слабых женщин и от слабейших детей.

<... > В действительном, в живом обществе все люди без различия полов и возрастов связаны взаимно, и живут, только в силу своих привязанностей друг к другу. А потому предполагаемая или мнимая независимость женщин от силы мужчин имеет, между прочим, также и смысл отрешения женщин от общества.

Никому не приходило в голову протестовать против зависимости детей от взрослых: потому что каждый видит, как взрослые несут их на руках своих, и для каждого их слабость, а потому и неизбежность их зависимости совершенно очевидны: но относительно женщин их слабость и вследствие оной неизбежность их зависимости в обществе отчасти прикрыты его образованностью, и потому многим мерещится, что женщины могли бы сами собою, не опираясь на мужскую силу, справляться с теми стихийными силами природы, которые, обступая человека со всех сторон, постоянно стремятся подавить его существование, и отражаются только мужеством и силами мужчин.

В образованном обществе и в меру его образованности, которая достигается им именно только при установившемся общественном образе отношений мужчин и женщин друг к другу, некоторые из женщин достигают возможности существовать независимо и, по-видимому, без всякого содействия мужчины. Но, во-первых, эта видимость очень обманчива и мгновенно рассеивается при несколько более внимательном размышлении. Таким же точно образом, если судить только на основании поверхностной видимости, людям из среды образованных классов очень легко может представиться, что наличная образованность общества, существует и пробавляется в нем сама собой, совершенно независимо от влияния, от силы, и от неустанной работы невежественного мужика. Но при некоторой сообразительности такое ослепление долго продержаться не может: всякий легко поймет, что невежественный мужик кормит и поить ту образованность, которая, однако, очень скоро о нем забывает. Точно также и женщины, мечтающие о своей независимости, очень легко забывают, откуда она происходит, и чьим силам они ей обязаны.

Во-вторых, успешное разрешение женского вопроса о независимости существования женщин, указываемое двумя, тремя, несколькими примерами в небольшом числе случаев не может относиться ко всем женщинам, не может считаться разрешением самого женского вопроса: говоря о всех женщинах, следует при-

знать за бесспорный факт, что они не только домогаются своей независимости от мужчин, в том смысле как она мерещится в женском вопросе, но наоборот, всей душой всей жизнью и всеми упованиями именно только и стремится к такой зависимости и притом в высшей мере, при которой она обращается в неделимое, в кровное отношение. В таком отношении они инстинктивно в силу своих жизненных физиологических и органических потребностей полагают всю цель и самое счастье своей жизни. Это есть с их стороны, может быть, великий предрассудок: но если они, эти бедные и угнетенные женщины чего не хотят и чего всего более боятся, так именно только своей свободы и своего избавления от такого предрассудка. Он внушен им силою природы и не поддается, по крайней мере, до сих пор не поддавался быть может вследствие коварства негодных мужчин, никакого рода отменяющим его учениям или теориям.

Выделяя интерес и судьбу женщин в обществе как нечто особое и исключительно только до женщин касающееся содержание под именем женского вопроса, есть и по отношению к целостности общества и по отношению к женщинам очень фальшивый прием.

<....> В действительности, как нет женщин отдельно от мужчин, как нет женщин, стоящих вне общества, так точно нет и женских интересов, а есть только интересы всего целого общества.

Успешное разрешение вопроса об обеспечении существования женщин в обществе вполне зависит от развития сил общества в его борьбе против одолевающих сил и гнета нужды.... Вследствие такой несостоятельности целой страны или целого общества в нем великое множество людей, мужчин, женщин детей живут в крайней нужде.... Но выделить женщин из общей доли всего общества и создать их благосостояние помимо благосостояния мужчин, помимо благосостояния целой страны есть по существу своему дело невозможное.

В каком бы то ни было обществе условия существования женщин в совершенной зависимости от условий существования мужчин: потому что существование самого общества во всей целостности его всегда опирается о силу мужчин: в стране бедной, которая не в состоянии оплатить и то, что ей необходимо, и от чего она пропадает, дополнительная деятельность нескольких сведущих или практикующих женщин, разумеется, ничего пополнить не может общество, лишенное и того, что ему до крайности нуж-

но, оплачивает самое существование своей только гибелью и смертью своих членов; и женский вопрос со всем полагаемым в него одушевлением, являясь напрасною тратой сил, ни коим образом по крайней мере непосредственно не может не то что отворотить, но даже сколько-нибудь убавить насущную нужду его и все беды из нее истекающие.

Когда все дело состоит в борьбе с нуждою и с гнетущими силами, в охранении себя от голода, от холода, в сооружении самого крова, под которым можно было бы жить, мужская сила имеет несравненно больше прав на внимание, чем все права женщин: и всякие женские вопросы должны, конечно, посторониться, чтобы дать место не женскому, а чисто мужскому делу.

Пусть женщины позволят сперва устроиться мужчинам и тогда после уже можно будет на досуге потолковать с ними и об их делах, и об их сокрушениях, а до тех пор их действительный ум, и их врожденная скромность требовали бы, чтобы они только не мешали, не шумели и не путались в дело, которое есть не их рук дело.

<... > Указывая на крайнюю бедность общества, обыкновенно утверждаю, что его бедность обуславливается в нем недостатком образованности, и что наилучший способ к развитию образованности заключается в содействии образованию женщин... Увеличение круга научных сведений есть само по себе как для мужчин, так и для женщин очень желательное дело. По этому вовсе не удивительно, что в обществе, особливо в последнее время, очень часто приходится слышать толки о крайней необходимости открыть учебные заведения собственно для женщин. При этом указывают на великую общественную несправедливость по отношению к женщинам, что для них ещё не думают открывать высшие учебные заведения и между тем не допускают их пользоваться тем, которые уже открыты для мужчин. На такого рода указания, на возгласы о мнимой несправедливости общества можно возражать, что общество не ведает в своей среде выделения женщин от мужчин и, не признавая между ними даже и возможности какого бы то ни было антагонизма, полагает, что все, что делается для мужчин, неминуемо делается и в интересах женщин. Толковать особо о женщинах и особо о мужчинах, противопоставляя их взаимно в таком антагонизме как два друг другу враждебных лагеря и выводить на основании такого разделения их обоюдные права и учение о справедливости или систему уравнивания их прав и их

притязаний, значит вдаваться в мертвую и в пустую абстракцию, которой мысленно делится то, что действительно есть неделимое. Противоположение женщин мужчинам и женских прав правам мужским есть само по себе только очень ученая и потому очень дикая теория... Общество положительно игнорирует всякую другую абстракцию, оно устраивает мужские заведения преимущественно пред женскими на том основании, на каком оно для самосохранения берет солдатами и вооружает мужчин и преимущественно сильных мужчин, а не слабых женщин. В крайности можно, конечно, вооружить и женщин, но такой крайности ещё не предстоит, и слава Богу, потому что такая крайность была бы уже бедствием.

Общество учит преимущественно мужчин, а не женщин вовсе ни в виду той мнимой несправедливости, вытекающей из абстрактного уравнивания мужских и женских прав, а только потому, что ученые мужчины ей нужны, даже необходимы для его самосохранения, а без ученых женщин оно может ещё благополучно обходиться. Оно, правда, крайне нуждается в образованности, в образованности мужчин и особенно женщин, но образованность несравненно более зависит от ума, развиваемого жизнью, нежели от обучения наукам...

В действительной среде общественного существования ежедневно встречаются черствые, стихийные силы, разнородно заявляющие о действительной неотступной нужде. В их взаимном трении и непрерывном споре друг с другом о хлебе насущном, о дневном пропитании поставлены ребром все мужские вопросы и вовсе нет места для вопроса женского. Он возник в среде людей, которые, пользуясь досугом, настоящей нужды не знают, и потому могут заниматься книжками и строить свои карточные домики для спасения человечества и женщин в особенности от вычитанной ими в книжках нужды теоретической. Но их теории ни мало не касаются действительных забот и мыслений людей, живущих под законом действительной нужды...

Мера действительной нужды, одолевающей и подавляющей общество, необъятна: вымерить ее или устранить мерами, предлагаемыми с точки зрения женского вопроса невозможно, даже немислимо. Все эти меры либо ребяческие, или пожалуй, совершенно женские меры, напоминающие своей наивностью наивность юной принцессы....Чтоб конечно не отвлечь вполне, а

только несколько удавить действительную нужду, ...необходим упорный и неустанный труд, который не только женщинам не под силу, едва ли ещё мужчинам под силу. И при том такой труд может оказать пользу только при уме, а у нас, тот ум, который выпал на нашу долю, и для увеличения которого мы сами ещё ничего не сделали, весь теряется и в конец до последней крохи пропадает в непроходимых дебрях и трущобах женского вопроса.

При всяком серьезном деле требуется много ума, и очень худо, если женщины путаются в такое дело. Они очень способны даже и очень умных людей с ума сводить: но людям, пропадающим в сумасбродстве, они ума не придают.

По уставу Домостроя при всякой наступающей или наступившей беде, прежде всего следует удалить, успокоить или унять женщин для того, чтобы они не путались, не смущали и не затрудняли дела. Беда наступила, а с ней и тревога, и большая смута. И тут-то, в противность старого, мудрого правила, женщины как на грех, расхотелись и обратив все дело в женский вопрос, выступают со своими возгласами, притязаниями и требованиями, и не видя, не понимая, что дело вовсе не в них; в то самое время, когда уже и без того уже трудно, громко заявляют о себе, пытаются привлечь на себя все наличное внимание общества, или, по крайней мере публички, и своим женским толком, своим женским смыслом, подводя все под свой женский уровень, и заменяя здравый смысл и критику своими женскими увлечениями, низводят самую мысль и самый ум общества на степень моды, прихоти и женского легкомыслия.

По отношению к тому, что есть действительная нужда, женский вопрос является совершенно праздным, совершенно ненужным вопросом, пустым измышлением людей, далеких от всякой нужды, рекламою или приемом привлечь к себе внимание. В стихийной среде общества....женский вопрос с его толками о правах женщин и несправедливости к ним общества, о женском труде, оказывается чистейшим недоразумением, порождаемым не жизнью и не мыслью, но только полным убожеством и совершенным отсутствием и жизни, и мысли.

Но если не пред лицом внешнего разума и не в виду всеобщей нужды, то быть может, женский вопрос находит свое полное оправдание перед лицом внутреннего разума и по смыслу осознается, как долг и как действительное назначение женщин. И потому, оставляя тесную и гнетущую сферу нужды, должно попытаться

взглянуть на женский вопрос с другой точки зрения и обсудить его на почве, составляющей нравственное основание общественной деятельности...

Именем долга от женщины требуется, чтобы она несмотря ни на что всей своей жизнью, самым дыханием своим утверждала добро, которым сложилось все общество и держится весь его устав: потому что в этом общественном уставе осуществляется и охраняется свобода женщины. Вне его, в среде всеобщественной начинается ее рабство, а с ее рабством и рабство самого общества...

Широкий, царственный путь долга, правды и добродетели открыт перед женщинами: исполненные сознанием своего бесконечного и высокого назначения быть в своей жизни живым образом самого добра, они или скорбно, или с трудом, с горем и с лишениями пробираются по нем, ни на минуту не забывая куда они идут, или же горделиво, царственно шествуют по нем, указывая и всем другим за собой куда идти следует...

Но, отрицая долг, идущий от старого предания, отрицая всякое домостроительство по уставу Домостроя, новые люди, со своей стороны, сами обращаются к женщинам с требованиями и тоже во имя долга, но только не во имя старого, а во имя нового долга, истекающего уже не из пустого измышления, но из самой современности, на вполне реальном и научном основании. Говоря о правах и о назначении женщины, во имя ее реальных потребностей, они требуют, чтоб она разорвала и сбросила с себя те мнимые обязательства, те путы, которыми с ног до головы повязали, с детства напевая ей о каком-то измышленном долге ее вечного самоотречения и самопожертвования ради других...

Ее реальное назначение, ее истинное достоинство, ее настоящий долг вовсе не в том, чтобы жертвовать самой собой, своими влечениями, своим счастьем и самим существованием во славу какого-то отвлеченного, ненасытного Молоха, напротив, только в том, чтоб разоблачив ничтожность и пустоту этого старого, схоластического пугала, страшного только для невежества, предьявить перед ним свою полную свободу, свободу существа, безбоязненно живущего и пользующегося всем своим существованием согласно с законами и реальными определениями природы.

Женщина существо разумное, она не должна уподобляться курице, о которой рассказывают, что она не смеет ни встать, ни голову приподнять, как скоро пред ней провели мелом черту по

полу, как будто эта черта и в самом деле неразрывная цепь. Женщина не должна сама себе придумывать такие пути и цепи, которыми бы ее же потом и связали на рабство.

В существующем общественном строе женщина в целостности ее жизни и всего самосознания до того попутана и связана этого рода надуманными цепями, предрассудками противоестественного и супранатурального измышления, что все ее существование представляется вполне искаженным. Она, в конце концов, утратила свой человеческий образ, и стала и в самом деле жалкой жертвой дикого воспитания, глупости, грубости, светских приличий, предрассудков, тщеславия, невежества, бессмыслия и бездушия. Жертвуя всеми реальными потребностями природы, влечениями и порывами сердца, жадной жизни и самим существом своим во имя навязанных на нее условностей, приличий, и мнимого, не существующего долга, она и вправду обратилась в нарядную куклу, живущую лишь нарядами, готовую из-за тряпок и тщеславия на всякую низость, холодную, двоядушную, жестокую, пустую, питающуюся лишь сладостями галантерейности, сплетнями и злостью.

В столь жалком и ненавистном образе женщина, само собой разумеется, оказывается вполне неспособной и совершенно негодной ни на что доброе, ни на что дельное, ни на что серьезное.

Так оставлять ее немислимо: и всякий живой и мыслящий человек понимает, что он обязан, не жалея трудов, ни усилий, сделать все, что только от него зависит, лишь бы высвободить женщину из ее душной и тлетворной тюрьмы, в которой она до сих пор пропадает, вывести ее как можно скорее из тьмы на свет.

Новые люди, только что выйдя из сферы бытия стихийного на свет познания, ещё не жили жизнью старого общества, они лишь вчера взошли в него и как не причастные к грехам его, смело бросают в него камень. Указывая на очевидные нелепости, пустоту и пошлость, которым женщина подпадает в обычном, общественном строе жизни, они выступают с решительным протестом против подчинения всех живых потребностей ее природы, ее ума, ее сердца тяжелому гнету и мертвящему уставу домостроя, к тому же ещё исправленного и дополненного в его новом издании французской примесью...

Увлекаясь горячностью и современностью своего протеста, новые люди может быть и сами не замечают, что они тем самым ставят возбуждаемый ими женский вопрос на очень почтенную и

древнюю почву, с которой уже исстари произносились вечные укоры и суровые приговоры против легкомыслия и извращенности нравов женщин...

Новые люди по отношению к женщинам безжалостны в своих обвинениях, суровы в своих требованиях и очень строги в своих приговорах...

В силу их учения женщины обязаны следовать внушению своих реальных потребностей, но не тех, однако, которые в них находятся, а только тех, которых в них нет, которых они в себе не ощущают, не имеют... Бедные женщины! Им страсть как хочется предаться своему реальному влечению, своей естественной потребности легкомысленничать, кокетничать, позабавиться, нарядиться, и отрешаясь от измышленных пут, которыми их связало старое учение о долге, о приличиях, о разных глупостях, они умиленно поглядывают на новых людей, с полной уверенностью ожидая встретить с их стороны и одобрение, и поощрение своим милым реальностям. Ну, нет, этого нельзя! Новые люди смотрят буками, и суровее всяких менторов, не признавая права за естественными позовами, воспрещают такие забавы: не легкомысленничай, не кокетничай, не забавляйся, а ступай на курсы учиться и лекции слушать, ступай жить своим трудом, ступай дело делать! А они, бедняжки, вовсе не желают лекции слушать, не имеют никакого позова трудиться, не чувствуют особой потребности дело делать...

Все, что в обществе есть действительно, стало в нем из глубины всей его прошедшей жизни, а женский вопрос с его новым учением о долге, о его естественных потребностях скомбинировался только вчера и представляется чем-то вроде особого лекала, наскоро всклокоченного грубой и неумелой рукой: и таким лекалом новые люди берутся выправить образ женщины, столь неудачно созданный самой действительностью.... Увидав женщину в обществе, новые люди нашли ее вовсе не такой, какой они ожидали и представляли ее. Красота! Да разве это красота?... Нет, это совсем не то, это вовсе не по-ихнему: ее следует исправить, ее общественный образ никуда не годится, он слишком бесцветен...

Чего греха таить, жизнь русского общества, бесспорно, представляется во всех отношениях убогой и нищенски недостаточной... И если мы русские, чем и можем хвалиться в нашей убогой, жизненной среде, то именно образом русской женщины. Конечно, ее образ, как и наше небо, мы редко видим во всей чистоте: он

большей частью сокрыт от нас застилающими его туманами нашего невежества и призраками нашей реальности. Но как мы, несомненно, знаем, что за облаками есть невозмутимо ясное небо,...так точно мы не всей душой знаем, что за нашим невежеством есть...тот любимый, тот заветный образ русской женщины, которым мы выросли, живем и дышим. Другого, ей подобного, который мы могли бы так несказанно любить, во всем мире нет.

А новые люди предъявляют свое притяжение преобразовать этот самый образ по своей мере, по своему лекалу. Они полагают, что ему недостает придатков и подвесков научности и учености, и выставляют в замене его собственный образ, всем известный образ современно развитой барышни, которая уже не киснет в своих идеалах, а бодро и развязно прохаживается по всяким ученостям и идет индуктивным путем к преуспеванию.

Это, пожалуй, тоже своего рода мечта, которая вместе с современностью лишь вчера народилась на почве научности, но эта школьная и современная мечта едва ли вытеснит из души ее заветную, ее жизненную мечту, которая сложилась в ней самой жизнью.

Другие женщины, немки, англичанки, француженки, итальянки и испанки, все подневольны, все подвластны и считаются только со своими естественными, женскими слабостями... Когда барин зовет и кличет ее, она как рабыня, хочет, не хочет, а должна бежать на клич его. Потому что она слаба...

Одна только русская женщина является вполне человеком, вполне самой собою: в своем невозмутимом, царственно свободном образе, она стоит столь недосыгаемо выше всяких страстей, всяких слабостей и обаяний, и сознавая не слабость, но силу свою, ведается своею жизнью вовсе не с мужчинами и не с их глупостями, и вовсе не с реальностью, а только с самой судьбой, и если она предается жертвою, то только судьбе своей, перед которой и мужчины смущаются как малые дети. Сила, властность, похвальба мужчин обличаются перед ее величественным образом, как непомерно жалкая слабость и ее чувство к ним есть, прежде всего, чувство жалости и снисхождения, потому что в них нет той силы, которую она имеет в себе самой.

Мы не забыли, как в смутную тяжелую годину русского общества...самый цвет высшего общества, жены декабристов, без всякой учености, не ведая никаких наук даже и по названию, слабо владея не только русской грамматикой, но и русской речью, изба-

лованные, изнеженные, в минуту решения без сожаления оставили весь блеск своего высокого положения...последовали за мужьями своими на край света, в их далекое изгнание, свершая свой царственный путь на стезе долга.

Особенность и самобытность русской женщины именно в том, что она знает и всей душой исповедует единственно только долг свой, и через это...утверждает все права наши и наши упования на будущее. Наши права, какие у нас есть и какие у нас будут, дарует нам женщина тем именно, что она неприкосновенно хранит сознание о своем долге в сердце своем.

В сознании своем и в исполнении своего долга между совестью и Богом своим, женщина, безусловно, свободна и самобытна и потому она никогда не торгуется тем, что есть долг ее, и ни на йоту не поступаясь им нив жизни, ни в смерти, верна ему до последнего дыхания.

Н. Соловьев
ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ¹

II

<...> Несмотря на очевидную несообразность всего высказанного в этом роде о женщине, эти-то несообразности более всего именно и подействовали на женщин. Это мы видим лучше всего на наших так называемых нигилистках. Их уж, можно сказать прямо, вышколила современная литература. Происхождение и размножение их можно объяснить так: с тех пор, как признано во всеуслышание, что ревность есть явление гнусное, а стыдливости женской не должно существовать, женщины, корчившие у нас Жорж Зандов, стали создавать свою собственную эмансипацию. С отрицания женской стыдливости они принялись отбрасывать понемногу и другие особенности. Началось мелочное подражание разным мужским привычкам, вышедшим у женщин чрезвычайно неграциозными: хватание за руки в разговоре, лежание на диване в неприличных позах, пожатие рук ухарским образом, снятие портретов в штанах и куртках, обрезывание кос и отпущение ногтей, аплодисменты и вызовы в театре, посещение холостых мужчин и наконец, совместное сожителство комуннами в видах разумеется хозяйственных. Все эти внешности и мелочи были приняты с величайшею радостью за что-то важное. У более нравственных натур дело только и ограничилось этим комическим щеголяньем внешними признаками мужского воспитания: они подвергали себя только нравственному самоистязанию. Других более слабых это щеголянье поставило уже в шаткое положение: они стали глупо и нелепо падать.

Вот для примера одно из такого рода падений бедной женщины. Молодой человек встречается на каникулах с молодой девушкой. Оба учат детей и мало-помалу принимаются за обучение друг друга. Молодой человек говорит о реализме, пронимает ее Боклем, толкует о зоологии и эмбриологии; проклинает Пушкина, Шекспира, Рафаэля. Через две недели нигилистка готова и в добавок еще

¹ Печатается по: Соловьев Н.И. Женщина и дети. М., 1869.

влюблена. Между тем, каникулы оканчиваются; студент уезжает в Петербург: нигилистка в тоске по нигилисту не знает, что делать; перечитывает историю о Базарове, «Нерешенный вопрос», «Последнего идеалиста», роман «Что делать» и ничто ее не утешает, Наконец, надумавшись, она бросает свое место, едет в столицу и является в квартиру нигилиста. Тот сначала смущен, однако дело обошлось: они зажили вдвоем. Жили, жили и вдруг эдакая неожиданность нигилистка сделалась беременна. Нигилистка-мать, да на что это похоже? Семейство нигилистов да естественная ли это вещь? И вот в одно прекрасное утро нигилист сбежал. Нигилистка, увидя в чем дело и зачем ей говорили о реализме, опять обратилась в обыкновенную женщину, и теперь, бедная, мыкается со своим ребенком по свету. Этот факт мы передаем в точности; им вполне объясняется вторая категория нигилистов.

Что касается до третьего сорта их, то это сорт самый низший. Некоторые гуляющие господа заметили, что мужчины в отношении их очень прихотливы: одни любят евреек, другие полек; одни замужних, другие несовершеннолетних; кто брюнеток, а кто блондинок. Наконец заметили они еще, что им нравятся нигилистки. И вот, сделавши необходимый запас сведений, вроде того как они делают запас кружевами, лентами и шляпками, этими-то фразами о Бокле, Дарвине и Люисе они начинают ловить неоперившихся в любви и не опомнившихся от изумления юношей. Мы наблюдали даже в маскарадах эти образцы нигилистов-камелий. «Ты читал Люиса?»,- спросила одна маска в виде приступа к разговору, перешедшему на Куно Фитера и окончившемуся просьбою денег на карету.

Женщине говорят, что она должна бросить свою апатию и приняться за производительный труд, и что же она делает? обезьяничает, подражает мужчине. И в чем же более всего? в бесстыдстве. Да уймитесь ради Бога! Мужчины известные бесстыдники; с нами вы никогда не сравняетесь в этом. Мы к вам должны подходить, а не вы к нам; мы вас должны брать за руки, а не вы нас. Наши роли и в любви совсем другие. Этого никак не хотят понять наши сенсуалисты и сенсуалистки.

Что такое нигилистка? Это не мужчина и не женщина, это какое-то бесполое существо, гермафродит в юбке. Вместо того, чтобы обезьяничать и подражать мужчине во всем, женщина, не отказываясь от своей женственности, не оставляя своей нравствен-

ной красоты, должна создать свою роль в мире. Эта роль, конечно, еще не вполне признана; но она ни в каком случае не заключается в том, чтобы женщины себя обмужчинивали.

И никак-таки наши женщины не могут понять, что если во имя идеи образуется какое-нибудь общество, и к нему присоединится не американец, не англичанин, а наш русский кавалер-прогрессист, то он сейчас же из развивателя обращается в обожателя. И там, где женщины своим умом могли бы придумать что-нибудь в защиту своего обиженного положения, они при мужчинах только путаются и повторяют, что им говорили холостые сердцем люди.

К людям, уважающим семейную жизнь, они обыкновенно не обращаются по части прогресса, да и этого пожалуй им и делать не нужно. Они спросили бы совета своего собственного сердца, и оно бы им сказало, что это не жизнь, что им показывали, что это не счастье, чем их соблазняли. Их девичий и материнский инстинкт научил бы их, *что делать* со своими напрасно увядающими силами и способностями. Но не хочет русская женщина жить своим сердцем, засохло оно у нее, застыло, не бьется почти. Слышите ли, ведь это пульс жизни остановился! под сердцем женщины лежит все человечество, а в сердце её все радости.

III

Ошибка защищающих безбрачие заключается именно в том, что они санкционируют обмужчинивание и неверность. Где нет верности, где ревность считается явлением фальшивым, измена не великим несчастьем, там нет и семьи, там нет и детей. Против этого-то семейного начала вы бессознательно и враждуете. «Современник» предлагал поискать в любом курсе политической экономии советов безбрачия, для того чтобы не плодились нищие, и забывает в то же время, что эту же самую Мальтусову теорию безбрачия, бесплодия и детобоязни опровергло то самое лицо, которому после показалось, что ревность есть явление гнусное. До таких-то нескончаемых противоречий дошли люди, проповедавшие у нас бездетный и бессемейный прогресс.

Некоторые, чтобы найти какое-нибудь оправдание в прошедшем, этим взглядом на семейный и женский вопрос утверждают, что Белинский точно был такого мнения и приводят даже в доказательство одно место из его сочинений, где он говорит, что человек, которому изменила любимая женщина, не имеет права стеснять её

любви, и что ревнивый Отелло, несмотря на всю гениальность его изображения, есть все-таки лицо варварского времени. Не тот ли самый Белинский говорит в другом месте, что и если от человека, которому изменили, будут скрываться, то любовь его перейдет в презрение... Если же ему скажут, что его более не любят, то подозрения тем менее могут иметь смысл» (459 стр., VIII т.). «Женщина, прибавляет Белинский, поступает безнравственно, принадлежа вдруг двум мужчинам, одного любя, а другого обманывая. Против этой истины не может быть никакого спора» (603 стр.). Понимаете ли теперь, читатель, какая разница между взглядом на женщину Белинского и взглядом тех, которые советовали прибегать ей к *маленьким хитростям и предосторожностям*, необходимым для наслаждения любовью? Не нужно также забывать, что Белинский не раз повторял, что всякая личность обязана остерегаться, чтобы своею изменою не разбить своего существования: и в самом, наконец, чувстве ревности Белинский не допускал главнейшим образом мщения и деспотизма. Если в статьях его и попадаются иногда фразы, несколько противоречащие тому, что мы сейчас из него выписали, то не нужно забывать, что Белинский писал еще под влиянием идей Жорж Занда: требование безграничной свободы в любви от имени такой талантливой женщины, не могло не отразиться на нем, не могло не помешать полному выражению его идей о женском вопросе. Но теперь, когда Жорж Занда никто уже не принимает догматически, некоторые, чтобы поддержать проповеданную Жорж Зандом идею об эмансипации плоти вместо эмансипации духа, идут еще далее: чтобы поскорее женщину освободить, они на нее клеветают. С этою целью, по крайней мере, была напечатана невероятная по своему содержанию повесть «Женские немощи». Все немощи женщин, по мнению этого произведения, заключаются в сфере растительных позывов; беда женщин не от нежного сердца, как прежде думали, а от страстного. Все героини г. Федоровича не влюблены, как водилось до сих пор в романах, а просто *раздражены* до высочайшей степени (его термин). Одна, одержимая бесом, ушла к своему предмету, от заутрени; другая уткнула от побоев, на последнюю побои подействовали так дурно, что у неё развилась в высшей степени редкая женская болезнь. Симптомы этой последней женской немощи описаны, для большого эффекта, на конце повести. С самым героическим цинизмом передаются там подробности, не встречающиеся и в терапиях; что я гово-

рю в терапиях! В терапиях о таких вещах и речи не может быть; наука смотрит на сущность явлений, а не на внешние мелкие факты, не имеющие другой цели, кроме порчи воображения. Автор «Женских немощей» говорит даже в заключение, что женщины, подобные его героиням, совсем не редкость, не исключение. Общий вывод из неё значит такой: если женщины таковы, то как же можно искать в них женственности и чистоты. Но к счастью женщин, все, что ни говорили повествователи публицисты «Русского Слова» и отчасти «Современника», основано на положительном незнании женской природы, как в физиологическом, так и во всех других отношениях.

Женщина вовсе не такое существо, каким она представляется петербургским литератором. Эмансипаторы наблюдали женщину только в столицах, где перевес мужского народонаселения ставит ее в несколько исключительное положение и отчасти, быть может, тревожит её нервы. На самом деле, женщина всегда была и будет консервативней в деле любви, чем мужчина. Это утверждает и наука. Гигиенист Леви доказывает положительно, что не страстность, не сила темперамента толкает женщину к проституции; она приходит к разврату вследствие нужды, лености, непредусмотрительности, оставления любовником или родными и т. д. Но вот еще более красноречивая страница из сочинения знаменитого врача, которая, нам кажется, лучше всего выставляет положение женщины в отношении мужчины. Страница эта заключается в определении посредством цифр значения причин, доводящих женщину до крайнего падения. Из 5183 таких несчастных субъектов в Париже оказалось:

1441 — жертв крайней нищеты

1425 — женщин, покинутых любовниками

1255 — потерявших родителей, изгнанных из дома и оставленных на произвол судьбы

404 — приведенных в Париж и брошенных там офицерами, студентами, приказчиками

289 — служанок, соблазненных господами и выгнанных

280 — пришедших из провинции, чтобы найти средства к существованию

37 — чтоб поддержать бедных и калек родителей путем падения

29 — старших из семейства, чтобы содержать братьев и сестер этим же путем

23 — вдов, поддерживающих детей
и ни одной по доброй воле.

Ко всем этим фактам можно прибавить еще известное всякому наблюдение, что у мужчины обыкновенно страсть сама по себе, чувство само по себе; у женщины же, настоящей женщины, чувство переходит в страсть, чувство предшествует страсти, идеализирует, так сказать, ее.

Итак, в верности, в неизменности женщины заключается принцип, требуемый от неё природой. Настоящее материнство немислимо без верности. Там, где верность нарушена до последней крайности, всякая возможность быть матерью уничтожается, и общество недаром этих несчастных женщин называет потерянными. Пусть не забывают, что мы говорим только о принципе, а не о применении; худо, если мы не исполняем принципа, но в тысячу раз хуже, если совсем в него не верим. Мы утверждаем, что верность есть не роковой или юридический закон, а святой принцип, который по мере развития и уравнивания образования мужчин и женщин будет более и более распространяться. От женщины требует верности сама природа; мужчина же верен потому, что этого требует справедливость; если она верна, то и он должен быть верен. Женщина в этом, как и во многих других нравственных движениях, имеет инициативу. Назначение её не раздувать страсти, а укрощать их.

Многие думают, что причина проституции заключается только в дурном социальном положении низших сословий; но это неверно: причина тут главнейшим образом в самом положении женщины и отношении к ней мужчин. Хотя и справедливо, что женщина в большинстве случаев падает из бедности; но падает она все-таки не сама собой, а благодаря нам. Протягивая к ней свои нежные и страстные объятия, мужчина обыкновенно забывает тот роковой процесс, который следует почти за всякою сильною, не платоническою привязанностью. Если о женщине можно сказать, что взор её проникает иногда дальше внешних форм, и еще Гёте выразился, что женщина способна полюбить даже за глубокомыслие, то этого нельзя сказать о мужчине. Отношения его к ней отличаются в большинстве случаев самую непростительную легкостью, чтобы не сказать жестокостью, и неудивительно, что в семье так не радуются рождению на свет женщины...

В этом отношении можно, впрочем, роптать столько же на общество, сколько и на природу. Женщина организована так, что на

нее вообще легло несколько больше страданий, чтобы тем самым как бы более был гарантирован и охранен в людях нравственный элемент. Грустная привилегия девичества, родов и болезненного материнства делают женщину не только консерватором в любви, но еще побуждают всегда желать, чтобы всякая привязанность оканчивалась по возможности семейственностью. Мужчине же наоборот, до некоторой степени возможно и стремление к либерализму в отношении к семье являться где нужно Мальтусом, а где так и Фурье. Женщина, будучи по природе более верна мужчине, чем он ей, остается через это и более верна семье, ей, значит, более присуще семейное начало. Инициатива в этом принадлежит по преимуществу ей, в чем и заключается основа её воспитательного значения и вся глубина того выражения, что все человечество лежит под сердцем матери. *Пропагандировать, очищать, облагораживать семейное начало было и будет всегда высшею общественною деятельностью женщины.* И с этим тем более нельзя медлить женщине, что диссонанс в отношениях мужчины и женщины уже слишком сделался очевиден. Писатели, касавшиеся до этого деликатного предмета были все большею частью повествователи; потому что разглагольствования публицистов-эмансипаторов за что-нибудь серьёзное принять невозможно. Объяснялась вся эта семейная неладица только тиранией мужа и угнетением жены, только некоторые приводили кое-какие примеры в защиту своего пола; обыкновенно же вся вина сваливалась с плеч женщины, чтобы облегчить таким образом путь движения её вперед. Если бы мужчины все без исключения были сильного характера, то тогда бы, конечно, тирании их не было конца даже и при нынешнем сравнительно лучшем положении полов; но мужчины не все твердого характера, не все построены в мажорном тоне, и потому в общей дисгармонии сожителства женщины играют не меньшую роль. Разница тут в общих чертах следующая. Мужчина обыкновенно более вредит физически, женщина же нравственно; мужчина например может худо кормить, одевать, делать всевозможные притеснения; женщина же наоборот, расстраивать, лишать покоя и расположения к делу. Мужчине чрезвычайно легко сделать женщину голодной, больной, заставить испытать все ужасы бедности, так как у нее уже собственно ничего нет; женщине же наоборот, очень удобно подвергнуть мужчину истязанию и распространить в доме в самом воздухе, то ужасное настроение,

при котором всякий труд труднее, всякая цель дальше; и чем цель эта выше, недоступнее её понманию, тем более в её средствах отодвинуть эту цель. К низким же целям, к бесчестному добыванию средств жизни женщина иногда, к несчастью, подвигает сама, даже не сознавая того. Опираемся в этом случае на мнение умнейшей из женщин.

«Сколько раз говорит жена Джона Стюарта Милля, мужчина, которого не могли подкупить ни деньги, ни личная лесть, менял свои политические убеждения на титул или лестные предложения его жене, а еще большее число мужчин ударилось за общественными отличиями, потому что их жены придают им большую цену... Что касается умственного прогресса исключая тех самых маловажных успехов, которыми поощряется суетность или честолюбие он вообще останавливается в мужчине, который вступает в брак с женщиной, низшей его в умственном отношении; исключение разве только в том случае, когда он бывает несчастлив в браке, или становится равнодушным. От мужчины в двадцать пять или тридцать лет, после того как он вступит в брак, опытный наблюдатель редко ожидает дальнейшего прогресса в развитии ума или чувства. Не всегда даже сохраняется приобретенное. Частицы искры божией (*men's diviniior*), которая при других обстоятельствах могла бы распространиться и сделаться пламенем, редко сохраняется; свой блеск на долгое время и обыкновенно угасает».

Женщина или ангел или аспид как выразился один господин. Слова преувеличенные; но верно однакож, что она, как существо, не вошедшее в норму, способнее соприкасаться с крайностями и потому уже иногда вредит, что лишена возможности приносить другим пользу. Тирания её над мужчинами слабого характера иногда бывает очень заметна; это доказывает с одной стороны её нравственную силу, а с другой ту неловкость, которую она чувствует в своем положении. Мужчина, вместо того чтобы поправить дело, обыкновенно еще более его усложняет, огрубляя женский характер или даже совсем ожесточая его. И в общем результате этой нравственной борьбы выходит иногда то, что они делаются оба несвободны в своих поступках: отсюда противоречия убеждениям, измена, нелюбовь к домашней жизни, ненависть, и наконец, они оба как бы в ужасе разбегаются друг от друга. Что такие случаи не исключения, что дисгармония семейной жизни растет не по дням, а по часам, доказывает уменьшение числа браков и уве-

личение количества холостых и незамужних. Есть два довольно выразительных факта, которые еще более характеризуют это положение. Центральный статистический комитет недавно опубликовал, что из 79388 замужних женщин 27104 или 1/3 живет врозь с мужьями. В газетах было опубликовано, что в одном итальянском календаре определено было число браков счастливых и несчастных: счастливые пары считались единицами, несчастные тысячами. В Архиве судебной медицины, в pendant к этому, напечатана была тоже статья (извлеченная из Гюегеля) об успехах проституции, и оказывается, что она, возрастает: самая цивилизованная в мире страна, Англия, более всего развращена. В Лондоне насчитывают до 80,000 совершенно падших женщин, более 3,000 существующих для них пристанищ и до 100,000 мальчиков, входящих в число посетителей этих мест. Значит, с одной стороны мы видим увеличение семейного раздора, с другой возрастание жертв проституции. Какой же будет исход из этого? Ужели проституция, как думают некоторые, явление нормальное? Нет! Если бы это была правда, то должно бы последовать предложению Фурье разорвать всякие семейные узы и уничтожить брак. Тогда бы, конечно, не было проституции, но зато не существовало бы и семьи. И людям пришлось бы, верно, отказаться от потомства; у проституции нет детей. То же самое скажем и о фурьеризме, который в отношении любви есть не что иное, как проституция, принятая за норму. И ставя вопрос категорически, можно сказать, что существование семьи, существование проституции несовместны друг другу, противоречат и друг друга разрушают.

IV

И все то бежит, все то рвется из семьи, этой нормы созданной самой натурой, хочет перескочить через связи родства, чтобы вынырнуть как-нибудь из омута домашней жизни. И оказывается, вдруг, что вынырнуть некуда, что семья есть такое общественное положение, вне которого для мужчины ничего нет, кроме проституции. Женщина еще может миновать и того, и другого и прожить век какой-то мертвой мумией, но мужчина всегда обыкновенно пристраивается или к полигамии или к полиандрии. И как ни понятен страх перед семейной жизнью, перед обязанностями, ею возлагаемыми, положение холостого все-таки ненормально в полнейшем смысле этого слова. Если семейная жизнь ослабляет энергию

ума и характера, то холостая делает человека эгоистом, мизантропом; он, наконец, лишается того смягчающего, морализирующего действия, которое производит присутствие детей на взрослых. Как бы ни спутаны были понятия супругов об обязанностях, как бы ни изломаны были их характеры и принципы, в них всегда сохраняется известная степень совестливости, стеснения перед детьми, перед будущим поколением, которое у них вечно на глазах. В том-то и заключается великое неудобство бессемейной жизни, что у холостого одинокого человека будущее как бы в стороне; он его воспринимает абстрактно, а не реально. Но жизнь вне семьи, имеет даже влияние и на срок существования человека. Статистика по крайней мере утверждает, что жизнь холостых и незамужних короче, чем жизнь связавших себя какими-нибудь узами. И как бы строго не относились мы к недостаткам семейной жизни, как бы ни были недовольны формальностью её уз, мы все-таки должны сказать, что если существует какая-нибудь форма жизни, которая по живучести своего начала, по высоте нравственных и эстетических инстинктов, ею затрагиваемых, способна возбудить безусловное уважение, то это конечно, семья.

Семья есть социальный индивидуум, без которого не может быть построено никакое общество и государство. Мужчина сам по себе и женщина сама по себе не образуют еще целого человека в общественном смысле. Целый идеальный человек является только в семье, из которой, как ростки от дерева, выходят дети. Муж, мать и дети, индивидуальные сами по себе, в отношении общества есть только части целого семейного индивидуума. Но для того, чтобы это древо семьи, это древо познания добра и зла росло, и цвело, необходимо, чтобы ни одна из ветвей не задерживала в себе соков жизни и не ослабевало в развитии от недостатка движения или труда. Только в таком случае, при таком строе жизни гармония отношений между мужчиной и женщиной долго протянется. А между тем, в этом, то есть в отношении труда и деятельности, женщина еще и не споется до сих пор с мужчиной.

О женском труде теперь говорится очень много; женскому труду принялись учить женщину сами мужчины, и, что всего страннее, труду механическому или египетскому, над которым уже и без того убила много сил женщина. Если какой труд знаком ей, то это, конечно, труд ремесла, труд машинный шитье, вязанье, плетенье, стеганье и все виды механической работы, над которыми

сидела женщина, нагнувшись до потери зрения, до притупления ума. И этот же механический или египетский труд предлагают прежде всего женщине наши эмансипаторы. Как бы желая препятствовать понижению его ценности, они устраивают ей разные мастерские; но не столько выгоды денежной через это выходит, сколько отвычка от семьи усваивается. Нет, чтобы увидеть женщину в полном развитии её достоинства и нравственной красоты, нужно развить в ней не мышцы и страсти, как делают господа, говорившие о возможности ассоциации молодых людей и молодых девушек а сердце и ум; нужно уничтожить ту страшную дисгармонию, которая существует между занятиями мужчин и женщин. Муж профессор, жена швея, муж философ, женакухарка, разумеется, благородная и утонченно называемая хозяйкой; муж питается великими идеями, помня человечество и забывая семью, жена же питает грудью младенцев и, изнывая над ними, поет свою заунывную колыбельную песнь. Муж исключительно ученый или судья, а жена, по специальному занятию, кухарка или швея никогда не поймут друг друга. Швея, положим, тоже необходима, как и ученый, и они необходимы даже друг другу; но это только тогда, когда они живут врозь, в разных домах; вместе же живя, они непременно помешают друг другу и складом мыслей, и родом занятий; поэтому-то и выдумана была знаменитая нейтральная комната. Женщина, занимаясь исключительно то хозяйством, то рукоделием, невольно отвыкает от мысли или приучает ее к вечной беготне; ум её вращается не в сфере логики и факта, а в сфере мелких интересов и соображений примеривания, разрезывания и процеживания. Приемы эти играют у неё как-бы роль категорий. Муж, наоборот, вдается в другую крайность: книги, факты, и умствования, за которыми он прячется от семьи, так иногда заедают его, что он обращается в безжизненную мумию. Замечательно, что мужчина умственно недеятельный бывает часто счастливее: это оттого, что он своим присутствием в семье не производит резкого несогласия с окружающим.

Итак, женщина, во-первых, должна избавиться от высшей степени развращающего общества предрассудка, что любовь её может быть ценима чем-нибудь другим, кроме любви же, что любящий прежде всего должен выразить свою любовь содержанием. За любовь ничем больше нельзя платить, как любовью же! Мужчина, взявши женщину за себя, купил ее, так сказать, у общества,

и вот у этой-то неволи и неразлучной с нею египетской работы она должна себя теперь выкупить. Привыкши считать себя каким-то протеже, каким-то существом, живущим на земле на чужой счет, она невольно и на красоту свою смотрит, как на капитал; так что счастье ее почти роковым образом связано с тем насколько она красива или некрасива.

Как же бы это так сделать, чтобы перестали печалиться рождению на свет женщины? Одно неприложимое бесцельное занятие искусством и наукой тут недостаточно. Как судья, делая свое дело не перед публикой а за бюро, обращается в формалиста, так и женщина из любопытства, а не по необходимости заглядывающая в книги, только перелистывает их, а не читает. Какое дело ей до книг, где говорится о науке, и искусствах, в которых она не принимает участия? Все перемены умственной и общественной жизни несутся перед ней в виде какой-то фантазмагии, на которую она выглядывает из-за спины мужа. И мы не удивляемся, что много женщин, которые будучи умны, и практичны, не интересуются серьезным чтением.

Но ведь у женщины в полном распоряжении хозяйство, возражат нам. Но эта обязанность, это дело, скажем мы, может иметь два совершенно противоположные исхода: если хозяйство женщины заключается только в том, что она командует слугами, то этого рода деятельность есть не более, как предлог к праздности; потому что женщина, надсматривающая над трудом чужих рук, в сущности ничего не делает, как ведет непрерывную войну с кухарками и няньками, и сберегая крохи, тратит весь умственный запас, так что если кухарки и няньки сделаются ловче и добросовестней, то госпожи эти останутся без всякого дела, что и случается нередко.

Если же, наоборот, хозяйство женщины заключается в том, чтобы делать все самой, как это и бывает в бедных семьях, то такой труд ей не по силам. Вредное действие этого труда замечают и гигиенисты. Поговорив о притуплении способностей умственных вследствие одностороннего занятия рабочих и ремесленников, Эстерлен замечает, «что такой же душевный или умственный упадок образуется и у женщин, особенно же у фабричных работниц, швей и гризеток и проч., а также и у тех, которые, вечно оставаясь в кругу семейном, несколько не участвуют в жизни окружающего их общества и в движении современных идей. Это вредно действует не только на умственное развитие, но от этого же зависит и

множество телесных болезней, нервных страданий и неправильного проявления нравственности». Сидячая жизнь, на которую осуждены матери-рукодельницы, ночной труд ухаживания за детьми и лишение всяких умственных и нравственных движений и радостей, образует именно те горбы старости и преждевременного увядания, на которые осуждены множество бедных женщин.

Скажут, что женщина все-таки положительно слабее мужчины. И процесс кормления, и роды, и беременность, и множество лишних болезней, и разные явления органической жизни — все убеждает нас, что женщина больше склонна к заболеванию. Но если женщина действительно слабее силами и здоровьем, то из этого разве следует, что на нее нужно возложить труд механический или египетский, каким по преимуществу есть труд домашний, в настоящем его значении. Женщина самой слабостью своих физических сил, неустойчивостью равновесия в здоровье показывает, что она создана не для одной черной и тяжелой работы. Изобретение машин, которых усовершенствованию не видно и конца, облегчит, можно сказать, участь женщин еще более, чем облегчили они участь мужчин. В управлении машинами главное не сила, а инициатива силы — воля; водить, например, лошадей, запряженных в жатвенные машины, могут и дети. Машины, требующие большого напряжения физической силы, еще несовершенные машины; но и они уже вырывали из рук женщин и чулки, и носки, и многое тому подобное, так что им по необходимости скоро придется работать головою. Мужчине, изобретшему такие совершенные орудия своей энергии, такие непосредственные приложения своего ума к природе, стало как бы совестно, что есть рабы, разыгрывающие и до сих пор роль машин. И не совестно ли после того ему, что он продолжает смотреть на женщину, как на утонченную машину? Что же касается до содержания той деятельности, того участия в общественной жизни, которое должна принять женщина, то она, конечно сама определит это; и тогда будет видно, насколько справедливы были ожидания от неё многих мужчин. Мужчина мог сказать, что женщина свободна, мог убедиться из сношений с нею, что основы её природы несколько иные, но куда пойдет и какую роль в мире она создаст — это должно быть определено самою женщиной. Американские женщины поступили необыкновенно умно, когда для разрешения своего вопроса образовали свои самостоятельные собрания. У нас же делается

наоборот: у нас женщины, стремящиеся вперед, состояли большей частью при мужчинах и потому только плетутся за ними, подражая им в мелочах. И мы думаем, что главная причина, препятствующая женщине её развитию, заключается не в её натуре и положении в обществе, а в том что мужчина не оставляет своих эгоистических позывов даже и в таком важном деле, как воспитание женщины. Женщинанатура нетронутая; от неё можно столько же ожидать, как и от народа. Человечество до сих пор жило, можно сказать, одною только половиною своего существа. Если другой нетронутой половине суждено играть большую роль в мире, то *она сама должна сказать, чего она хочет?*

Жизнь прошлого впрочем уже приготовила кое-что, хотя и не многое, но все-таки при дальнейшем развитии могущее дать некоторый результат. Многие девушки у нас играют, поют, рисуют; если они действительно к этому способны, а не занимаются только в виде моды, то пусть они делают это основательней, разумней, с большим уважением к своему труду, и тогда они получают право считаться самыми деловыми женщинами. Знание какого-нибудь искусства, особенно музыки, справедливо считается большим украшением женщины, и можно без преувеличения сказать, что в том доме, который оглашается звуками фортепиано бывает меньше ссоры и крика. Труд актрисы — тоже протертая дорога; он требует только большего уважения со стороны общества; в силу этого уважения дорога эта может расширяться и дать им более значительные выгоды. Труд гувернантки тоже производительный труд, в особенности если гувернантки будут готовиться не для светского воспитания, а для умения готовить детей в школы. Звание учительницы — еще более выгодная и важная женская должность, но ее впрочем мужчины неохотно уступают. Что же касается до труда телеграфистки, наборщицы, то в этом, сколько нам известно, мужчины и соперничать даже не могут. Далее говорили у нас много о женских врачах; не смекнули только одного что более практическое исполнение этой задачи заключается в расширении образования акушерки, что особенно удобно бы было исполнить при повивальных институтах: акушерки, по естественному ходу вещей, могли бы обратиться тогда в женских врачей. Что же касается до предположения образовывать девушек в медицинской академии или в университете, то оно нам кажется положительно неосуществимо. Влечение полов, конечно, никогда не

бывает так сильно, как в периоде юности. Ни прежде, ни после того уже не бывает. Если даже и в гимназиях не считают возможным учить девочек и мальчиков вместе, то тем невозможнее и практически неисполнимее в высших учебных заведениях. Женский университет поэтому необходим. Это так ясно, что и распространяться не нужно. Если бы даже такое учебное заведение выпускало несколько только десятков вполне и университетски образованных женщин, то и тогда бы женский вопрос быстро двинулся вперед и места женских начальниц и учителей не были бы заняты мужчинами. Ко всему этому необходимо конечно для решения женского вопроса и женский журнал, как это уже было высказано в «Отечественных Записках»^{*}.

V

Отчего же поддерживается постоянно такая путаница в решении женского вопроса, так что он в глазах людей чересчур острожных стал вопросом почти праздным? А от того, что все решители этого вопроса упустили, забыли об одном предмете, имеющем немалую важность и именно о детях. Когда Наполеон спросил у мадам Кампан: «чего не достает для воспитания детей»? она отвечала: «матерей». Мы, если бы нам сделали такой вопрос, ответили бы на него иначе. Отцов не достает нашим детям. Отцы не только забывают о своих детях, но еще отнимают у них и матерей. Современные отцы первые сказали, что быть матерью, значит почти то же, что быть самкой, очень наивно забывая, что словами отец и мать означаются как бы две главнейшие человеческие должности, которые, если бы исполнялись как следует, не толкали бы, как теперь, а двигали бы человечество.

Значение детей в обществе недостаточно еще сознано. О детях, давно уже вышедших из детского возраста, говорят у нас много, о

^{*} Мысль эта, в первый раз высказанная нами в 1866 году, была подхвачена после отрицателями; но так как за нее взялись мужчины, то и толку никакого не вышло; почти та же история повторилась, к несчастью, и с женским университетом, о котором мы, несмотря на свою ретроградность, заговорили тоже первые. В журнал «Дело», как о том было заявлено печатно, стали присылать письма о желании каких-то женщин совместного обучения с мужчинами — ну и не вышло толку. В нашем обществе вообще очень немало еще женщин, которые сочувствуют их обмужчиниванию.

детях же собственно почти ничего, между тем как в них-то и связь семьи. При тесном сближении мужчины с женщиной может существовать только пара; до тех пор, пока у этой пары нет детей, нет в настоящем смысле и семьи. Связь мужчины с женщиной не так еще крепка, они более любовники. Супругами же вполне они делаются когда между ними является новый индивидуум, связанный по природе столько же с отцом, сколько и с матерью. *Дети поэтому есть центр семьи.* Если пошатнуть этот центр, то не устоит и семья. В нашем образованном обществе он сильно пошатнут. Между тем как у американцев, которых чаще всего с нами сравнивают, бездетность считается большим несчастьем, у нас ее чуть ли не добиваются. Все хотят быть только любовниками, а не отцами и матерями; от этого, понятно, разумеется и отрицание ревности, и позывы к холостой жизни, и теперешнее безобразное девство.

Если теперешнее поколение разошлось с прежним, то это еще дело исправимое, но если оно разойдется с будущим выйдет худо. В этом, и крупная ошибка наших эмансипаторов, что они менее всего думают о детях. Юноши еще составляют предмет их попечений. Дети же в настоящем смысле их мало интересуют. Ни одной сколько-нибудь замечательной статьи о воспитании не встречается в наших журналах. Но это бы еще не беда; беда в том, что увлекшись порывистыми стремлениями вперед, они затормозили женщину. Последняя до того потерялась, что материнские инстинкты в ней как будто исчезли. И вот таким-то образом многие дети очутились чуть не сиротами в обществе. Вопрос о детях есть поэтому самый насущный вопрос нашей литературы. Все наши передраги с отцами, неохотно уступающими нам место ничто перед подготовкою, которую мы должны сделать для будущего посредством детей. Такой ригоризм посреди теперешней распушенности многих, конечно, удивит, а некоторых, пожалуй, и насмешит. Все это однако же не остановит нас в том, чтобы довести мысль до конца.

Первое, что более всего поражает, если взглянуть в строй нашей современной семьи, это то, что на матери лежат все труднейшие заботы о детях, и отец от семьи как будто устраняется. Мать, конечно, рождает и прежде всего воспитывает; но дело идет тут не о воспитании, а о той черной работе, которою обременил ее слишком мужчина. Если же желаем выдвинуть женщину на производительный труд и вывести из спальни и детской, где она до сих пор была подавляема заботами, то мы сами прежде должны

туда войти и взять часть этой черной работы, от которой хотим ее избавить. Иначе детям будет плохо; дети останутся одни. Это сближение отцов с детским миром есть такое же неперемнное условие к улучшению положения женщин, как и удержь, которую мы рекомендовали мужчинам.

Видали ли вы, господа реалисты, что значит ухаживание за детьми? Это такое тяжелое дело, от которого женщина не только преждевременно увядает, но и тупеет и делается совсем негодною для воспитания. Мать, утомленная дневными заботамн и супружескою нежностью засыпает. Сон её сладок, но непродолжителен. Вот раздается пронзительный крик больного ребенка: дети ведь все детство свое больны; она подымается с постели, качает, носит, баюкает, ласкает малютку, *бранит* его и поет. И эта песнь, наполовину перемешанная со слезами и ропотом, тянется иногда всю ночь. Ребенок, убаюканный заунывными звуками, засыпает. Тогда только бедная мать ложится опять подле своего спящего непробудным сном мужа. Чего не переживает тогда на душе женщины? Каким призраком представляется все её счастье? Какой горечью наполняется её сердце от своей же собственной песни? Справедливо ли делает мужчина, что этим болезненным материнством как бы продолжает муки родов? Давно ли она разделявалась с неумолимой природой, давно ли все её слабое тело извивалось от судорожно-конвульсивных движений, крупные слезы смешивались с холодным потом и боль жгучая без отдыха, без конца пронзала все её нервы?! И она, наконец, безумно вскрикивала, рождала дитя, и это дитя опять делается её мучением. Ребенку необходимы, как воздух, материнская ласка и материнское молоко, но забота должна быть и со стороны отца.

Ужели когда жещина, не оправившись от родов и так еще слаба, что не может подняться с постели, то отец не поднесет ей к груди ребенка? Этим он только ускорит выздоровление матери, но не унизит нисколько своего человеческого достоинства. Правда, что эти хлопоты имеют свою неприятную сторону. Это-то и было причиной, что более сильный мужчина взвалил все неприятное и тяжелое на руки женщины. Нам возразят, что кормить родившихся детей все-таки должна мать. Но кормление продолжается до известного возраста, за которым следует ухаживание и воспитание детей. Да этим, как известно, и занимаются простолюдины в подмогу своим замученным женам. Если в самом деле

повара с таким успехом конкурируют кухаркам, то мы не видим причины, почему бы многим обеспеченным мужьям не конкурировать своим женам в хозяйстве. Многие мужья, быть может, вышли бы несравненно лучшими хозяйками, чем их жены, от природы больше способные к высшей деятельности. Как бы ни был тупоумен муж и как бы ни глупа, ничтожна казалась его роль в обществе, хоть бы он занимал место последнего писаря, он все-таки хочет разыгрывать роль общественного деятеля и потому бежит из дому вон. Из этого-то источника и происходит бесчисленное множество ресторанов и трактиров с газетами, облитыми вином, прислужгой, снующей как машина и со всею пошлостью, дымом и грязью, которыми они насквозь пропитаны. Только обзревшему хоть часть этих заведений и видевшему своими глазами всю многочисленность мужского народонаселения, их пополняющего с утра до ночи и всю ночь напролет, может быть понятно то разделение, которое существует между мужчинами и женщинами. Если в общественной жизни мужчина должен играть первую роль, то в семье он, конечно, должен быть вторым лицом; а если он в семье второе лицо, то есть лицо пассивное, то не прямо ли он этим изгоняется в объятия проституции.

Разумеется, все это говорится не в отношении большинства, которое может иметь няnek. Но так как некоторые без них обыкновенно не обходятся, то положение их у нас более почтенно, чем обыкновенно думают. Нянька иногда избавляет не только отца, но и мать от её труднейших обязанностей. Звание няньки поэтому обуславливает много сведений, потому что в уходе за детьми — основа их будущего развития. По настоящему, должны бы существовать школы для няnek, где бы они, подобно акушеркам обучавшимся женским болезням, знакомились более или менее с детской гигиеной. Если носы и губы наших детей раздувает золотуха, железа сдавливают горло, английская болезнь кривит члены, то это, конечно, зависит столько же от наследственных болезней отцов, сколько и от невежества матерей и няnek. Чем позже начинается воспитание ребенка, тем оно бессильнее. Если ребенок и лицом и ростом походит на своих родных, то понятно, что он и достоинства, и недостатки, и болезни от них наследует. Развить одно, устранить другое и ослабить третье можно только в самом раннем возрасте, когда ребенок на руках няньки. Привычка вторая натура, воспитание второе создание. Хотя природа и дает

толчок жизни преимущественно актом зачатия, и тогда уже ей, так сказать, известно на кого и сколько эта жизнь в зародыше будет похожа, но обстоятельства делают легко уклонения; а остановочной черты нет на всем протяжении вырастания зародышного индивидуума в сложный человеческий организм. Обстоятельства влияют на ребенка даже и тогда, когда он еще под сердцем матери. Как же мы отдаемся и отдаем так своих детей на произвол обстоятельств, которые подобно морскому ветру, оставляющему фигуру на песке, чертят детские характеры?..

Тут опять сталкиваемся мы с новой бедой с отдаленностью отношений родителей к детям. Хотя отношения нашего поколения и сделались значительно мягче, но нельзя еще сказать, чтобы мы к своим детям стали ближе. Взгляд взрослого на детей по-прежнему высокомерен. Вечное искание одной только непосредственной пользы и желание быть всегда сухим и серьезным мешают нам, как снисходить до детей, так и детям — приближаться к нам. Чтобы уметь действовать на ребенка, недостаточно домашней дисциплины и учительского самообладания, *нужно, чтобы отец и мать как бы помолодели*. Матери еще могут молодеть, и при серьезном даже образовании забавляют иногда ребенка по целым дням, но отцы очень редко. Дал денег, совесть чиста и дело с концом, так думает многое множество отцов.

Эта же самая поверхность взгляда на развитие маленьких детей поддерживает в обществе и необходимость наказаний. Желание как можно скорее отделаться и нетерпение при встретившихся препятствиях были причиной той системы, во главе которой стоят розги. За ребенка берутся не с той стороны, природа его не поддается; воспитатель в гневе отсюда и розги. Наказывая дитя, родители наказывают, так сказать, свою же собственную природу. Это есть как бы самобичевание семьи. Анализ мучения, доставляемого телесными наказаниями, превосходно развит в записках Мертвого Дома. Мы же со своей стороны прибавим, что эффект их на детях, вероятно, нисколько не меньше. Нервная система детей восприимчивее, чем у взрослых; и этим даже объясняются частые судороги в детском возрасте и происхождение их от самых незначительных причин. Мы даже думаем, что большая часть эпилептиков, страдающих падучей болезнью в простом народе, приобрели ее вследствие телесного наказания. Испугом объясняют же её происхождение. Наше глубокое убеждение, что с отменой те-

лесных наказаний люди избавились теперь от многих и многих нервных недугов. Дети, впрочем, еще не совсем от них избавлены, особенно крошечные. Да минует же их родительская палка, которую рекомендуют теперь вместо нежности. Им нужна ласка, уход, как за самыми нежными и дорогими растениями, иначе же они скоро умирают, не дохнувши жизнью. Теперь уже и животных запрещено бить и они, значит, избавлены от телесных наказаний, тем более это должно быть в отношении детей.

С вопросом о детях тесно связан и вопрос о слугах. Слуги это первые люди, после родных, окружающие ребенка. Наконец, они сами тоже в своем роде дети, потерявшие часто способности быть взрослыми. Испорченность и развращенность слуг вошли в разговорку, и если на ком более всего отражается эта испорченность, то это на детях. Если справедливо, что всякий должен распространять сведения и здравые понятия в той среде, в которую он поставлен, то скорей всего, этот свет и гуманность нужно распространять в слугах; от них уже он пойдет и дальше. И главное, дети не будут подвергаться вредному влиянию. Поэтому даже личный интерес семьи побуждает нас к *сближению со слугами*. Слуга если не друг, то большею частью враг; это уж такое скверное положение. Барыни наши обыкновенно на слуг ворчат, а мужья их бранятся; но никто из них не хочет дать хорошего совета, растолковать, объяснить, подействовать примером, а при случае и книгою.

Дети и народ наше будущее. Этого мы никогда не должны упускать из виду при воспитании. Давно уже объяснена и доказана сила примера в детском возрасте. На этом основана и сила воспитания и сила искусства. Искусство прельщает нас идеалом, воспитание действует примером. Как дидактическая или тенденционная поэзия бессильна, так и одно наставление напрасно. Пример выше всего. Это как бы электрическая сила, восстанавливающая онемевшие органы. Ни один наш поступок, ни одно сильное душевное движение в присутствии детей не обходится без того, чтобы оно на них не подействовало. Родители и воспитатели обыкновенно и не стесняются этим. *Бесстыдство*, неделикатность и невоздержанность в поступках доходят иногда до крайности. Как морская губка, мозг ребенка все в себя впитывает. О последствиях никто не думает. Расчеты на школы и жизнь одним настоящим ослабляют в наших отцах и матерях всякую совесть перед детьми, этим воплощением будущего. Отчасти эта *совесть* существует,

иначе и говорить бы было незачем, но существует в самом нелепом виде. Стесняются, например, разговорам о беременности, о рождении, любовных интригах, как будто только одной любви и надо бояться ребенку. Нет, пусть они ограничат себя во всем, что вредно действует на ребенка, и тогда это ограничение подействует прогрессивно даже и на родителей. Замечательно, что рождение ребенка делает иногда как бы целомудренней родителей, особенно мать: от неё положительно отлетают все любовные помыслы, дальше даже, чем от другой девушки. Она как бы влюбляется в свое дитя. На мужа даже отражается её холодность.

Равнодушием же и безответственностью отцов в семье можно объяснять и сравнительно большой перевес учения перед воспитанием. Воспитание, конечно, должно различать от учения: последнее развивает ум, наполняет голову сведениями; второе дает форму человеку облагораживает, дает тон воле и поступкам его. Учение, сосредоточиваясь более в школе, идет еще у нас как-нибудь; но воспитание, которого начало в семье, совсем в упадке, и это главным образом оттого, что оно начинается слишком поздно. Принимаются воспитывать ребенка тогда, когда он уже значительно испортился. Этому же причина, как мы видели, в том, что нет настоящих нянек. У нас вообще непонято значение няньки. Нянька, повторяем, если только приготовлена как следует к своей должности, может быть не только не лишним лицом семьи, но даже как бы членом её. Нянька это как бы вторая мать. У нас же она на положении слуги. Между тем, через надлежащее приготовление нянек или, как называют светские люди, бонн, женщина может быть облегчена в значительной степени в домашнем труде, который все-таки есть труд черный, если он не осмыслен и не систематизирован. Никакие советы докторов не могут предотвратить тысячи несчастных случаев, происходящих от невежества нянек и матерей. Нравственное безобразие, производимое нянькою в ребенке, еще очевиднее. Одни детские игры чего стоят. Игра для дитяти дело столь же важное, как занятие для взрослых. Упражня свои способности игрой, человек как бы готовится к делу. Когда эта игра или мера способностей будет доходить до крайности, и ребенок, взявшись за одно, схватится сейчас же за другое, потом за третье, то из того разовьется безалаберность, капризы и прихоти... Но если ребенок не может иметь определенной цели в играх, то цель эта должна быть в голове взрослых. Словом, детские игры есть такой предмет, над которым стоит задуматься и няньке, и матери, и отцу.

Замечательно, что на древнем еврейском языке дети и мысль выражаются одним словом. Одноименность эта имеет глубокий смысл. И дети и мысль рождаются одинаково нелегко. Даже и цели-то в наших детях как и в нашем слове одни и те же. Чего не удастся нам выразить посредством одного, то мы можем выразить посредством другого. Один отец, помнится мне, говаривал: я провел праздную жизнь, даром растратил силы, ничего нужного после себя не оставляю; но у меня есть сын, который будет человеком, и потому я умираю спокойно. Дети это наше будущее. Привыкли смотреть на детей только как на повторение самих себя, а не как на свое будущее, мы невольно привыкли их и более унаследывать, чем воспитывать, снабжать капиталом вещественным, чем обеспечивать в умственном и нравственном отношениях. Но человек, трудящийся над увеличением капитала и оставляющий его потом худо воспитанному сыну, обыкновенно немногого достигает. И немало гибнет людей оттого только, что, являсь в жизни, они оказываются только физически обеспеченными. Трата и уничтожение капиталов более всего производится теми, кто им не знает цены. Но леность человеческая так велика, что многие оставляя после себя детей, заботятся только об их материальной обстановке; а другие вследствие нужды и невежества просто пускают по ветру, так что уже случай чертит детские характеры. Дотронемся же в нашем беглом очерке хоть до одного из этих не ждущих очереди вопросов воспитания.

VI

Одно из первых воспитательных средств, дающих тон организму и противовешивающих страстям, есть конечно *физическое развитие*. Деятельность, работа мышц есть отвлечение от деятельности ума и еще более от воображения, в котором стимул страстей. Древнее выражение «здоровый ум в здоровом теле» — хоть и не аксиома, но основывается на том, что сила ума не встречает для себя большого противовеса в страстях, когда организм силен и правильно развит. Страсти упорны и, так сказать, уместны более в слабых организмах, чем в сильных. По исследованию ученых, слабые и худо питающиеся жители имеют больше детей; но зато эти дети чаще и мрут в противоположность сильным и бесстрастным аристократам Англии, у которых мало рождается, но столь же мало и умирает. У бедных, действительно, много детей. Так-то рука об руку идут бедность, смертность и человеческие страсти.

Наше поколение, говорят, мельчает, не выдерживая широкой деятельности, и делается то жертвою идей, то жертвою страстей, а чаще всего и того и другого вместе. Сидячая жизнь, отсутствие физических упражнений, более чем где-нибудь необходимых в нашем холодном климате, и дали такой неправильный рост нашему самообладанию. Особенно отражается это на женщинах. Вместе с умственной неподвижностью в них соединяется также и физическая. Наша женщина более всего на свете, кажется, сидит или лежит. Ходьба для многих женщин составляет мучение. К ней или к её руке не только приросла игла, но и сама она как бы пришита к месту. Разумеется, это говорится не о всех: есть много и прогуливающих всю жизнь, и эти последние портят уже свои организмы иначе; замыкая бюсты в стальные корсеты, они ослабляют таким образом движение груди, и дышат одною верхнею половиною, что нормально только в беременности. Из физиологии известно, что есть дыхание мужское (нижнею частью груди) и женское (верхнею). В высших сословиях разница между дыханием мужским и женским особенно велика. Замечательно, что на женщине уменьшение подвижности мышц отражается несколько иначе, чем на мужчине. В ней увеличиваются через это не страсти, как у мужчины, а страдания. Медицина давно уже признает сравнительно большую мучительность родов у женщин высшего сословия перед низшим. Факт этот можно объяснить так: рождение происходит силою внутреннего органа, сокращающегося болезненно, и силою мышц туловища и ног. Если мышцы развиты от ходьбы и работы, то они помогают болезненным сокращениям внутреннего органа, делают их, так сказать, менее нужными при рождении. Об изнеженных аристократках можно сказать, что они родят одним внутренним органом и ходят в корсете как бы вечно беременные, да и плод-то свой еще затягивают в корсет. Изнеженность женщины, возвышая чувствительность, тоже усиливает боль. Корсеты же, которыми изменяется не только положение органов, но и положение плода, служат подготовкою к самым несчастным случаям. Если еще женщина делает какой-нибудь моток, то это в танцах. Но танцы не могут заменить гимнастики: они происходят обыкновенно в душных комнатах, в самом испорченном воздухе. И наконец, они есть удовольствие юности, танцы это своего рода объятия, только под музыку. Немецкие педагоги советуют начинать гимнастику почти с первых годов жизни, пред-

лагают даже особые игры для этого; но все это едва ли исполнимо. Достаточно было бы, если бы гимнастика сделалась вполне обязательным предметом в наших гимназиях.

Когда рабство дало грекам средства избегать механического труда, они не оставили своих мышц без действия и изобрели гимнастику; у нас она должна получить еще большее распространение и развитие, потому что цивилизация наша основана не на рабстве человека, а на господстве его над природою: машины теперь должны исполнять роль рабов. Чем далее мы будем идти вперед, тем механический труд человека будет более терять свою практическую приложимость, тем необходимее делается гимнастика. Английский бокс и спортменство, вероятно, немало имели влияния на развитие энергии и самообладания верхнесословных англичан.

Само собою разумеется, что физическое развитие само по себе не составит еще основы воспитания. Силы наши должны быть не только собраны, но им еще нужно проложить дорогу посредством знания и дать тон и направление посредством искусства. *Наука учит, а искусство воспитывает.* Небрежение, которым пользуется искусство в глазах некоторых, факт временный, в будущем же его педагогическое и морализирующее значение подыметься.

Кто же должен быть главным ответственным лицом в воспитании? Женщина. С женщин мы начали свое слово о детях, ими же кончим. Мы не говорим, чтобы она не могла быть слугою науки, но утверждаем, что искусству она принадлежит больше. Наука требует постоянного труда, перерывы тут менее всего нужны. Как со всем этим справиться женщине, чуть ли не каждый месяц заболевающей и чуть ли не через год находящейся в опасности? С улучшением физического воспитания все эти помехи поуменьшатся, но не в такой все-таки степени, чтобы уравнивать организмы мужской и женский. Не думаем отгораживать женщину от науки, это было бы не только невежество, но даже и невежливость. Некоторые ученые степени так же нужны женщине, как и мужчине. Женские врачи, например, необходимее женских астрономов. Женщина должна не только лечиться, но также и учиться у женщин, в женских школах; только недостаток образованных женщин заставляет мужчин занимать чужие места. Но в высшей творческой жизни деятельность женщины все-таки будет преимущественно воспитательная, понимая это слово в обширном смысле. До сих пор, по крайней мере, женщина, если что сделала, то это в сфере воспитания и искусств;

особенно американская женщина, захватившая в руки почти всю педагогию и заведующая многими редакциями. Известно, как было велико нравственное влияние женщины в средние века. В истории приводится множество примеров великих людей, которые обязаны своим развитием матери. Гегель называет женщину гением дитяти. Достаточно иногда появления одной порядочной женщины, чтобы круг самых циничных мужчин присмирел. Все это указывает на будущую великую роль её в деле воспитания и гуманизирования людей. До сих пор по дороге к будущему шел только один мужчина, и шаг его был страшно неровен. Посмотрим, не успешнее ли сделается его шаг, если он пойдет рука об руку с женщиной и с мыслью в голове о детях.

К жгучему вопросу этой новой деятельности мы уже возвращались не раз, и теперь как и прежде, скажем, что перемены в этом отношении неизбежны. От этого грядущего, но еще несовершившегося факта мы потому уже не вправе отвергаться, что само правительство дает этой перемене инициативу значительным улучшением и расширением женского образования. И оно, позволяем себе заметить, делает это к несомненной выгоде общества. Все революции и реакции, глупость прогрессистов и промахи консерваторов, вся вереница судорожных движений, бесконечной тоски и колоссального безобразия, все это зависит, по нашему глубокому убеждению, оттого, что жизнь не полна, что в ней недостает новой силы, нового начала — женственности. От тех, которые видят в женщине низшее существо, мы так же далеки, как и от тех, которые хотят, чтобы она была вторым мужчиною, чтобы она ему подражала во всем, даже в манерах, прическе, бестыдстве, в бессердечии и неумении любить. Последние еще вреднее, чем первые: первые не признавали только в ней высших способностей; эти же уничтожают в ней натуру, хотят обратить ее в гермафродита или другого мужчину. Миру мало будет выгоды, если к деятельности мужчин прибавится еще другая такая деятельность, если к мужчинам в сюткуе присоединятся мужчины в юбке. Для общества необходимо, чтобы перемена была не только количественная, но и качественная. Количественно общество может изменяться насчет народа; качественно же насчет женщин.

VII

Правда, что женщина в глупой борьбе с мужем и вечной войне со слугами уже сильно растеряла свою грацию и в действительности представляется далеко не таким существом, каким желало бы его видеть нравственное чувство мужчины.

Но она оттого-то и бессильна, что не знает, в чем её сила; сила эта заключается в её слабости: грация и мягкость характера берут верх над самою зверообразностью. Этот, смягчающий нравы, элемент женственности во все времена гуманизировал людей, и он только и может поставить семью в такое положение, что никакие принципы дурного товарищества не в состоянии будут ее расшатать. Если дурно сложившееся общество влияет на склад семьи, то может быть и обратно; женщина именно призвана к этому обратному влиянию на жизнь. Чем в известной среде больше семейственности, тем скорее развивается в ней и гражданственность. У кого есть свой очаг, у того есть и своя арена, свое поприще для деятельности, тот уже не скиталец, не имеющий покоя и пристанища, и разгуливающий по морю житейскому, как буйный ветер по полю. От женщины зависит, чтобы этот очаг засветился новым блеском и чтобы вертеп неладицы, дрязг и пошлости, называемый семейною жизнью, обратился в убежище, куда бы человек мог скрыться от общественных язв и бедствий!

Читатели пусть не удивляются, что мы в своих статьях часто касаемся таких предметов, как семья, достоинство женщины и т.д. Вопросы сердца вопросы критики. Область его не так тесна, как думают: это ясно даже с физиологической точки. Целый обширный отдел душевных отправления, называемых эстетическою деятельностью, находится в самой неразрывной связи с сердцем. С этим центром кровообращения самым теснейшим образом связана и раздражаемость чувств, и акт воображения и всякая вообще концепция. Кровь, можно сказать, вращается потому, как смотрит человек на мир. Если жизнь человека не теснит, то ему и смотрится хорошо, и пульс жизни его бьется правильно, и всякое движение его оказывается уместно, плодотворно. Если же наоборот, то мрачные, злобные впечатления берут перевес, задерживают кровообращение, производят застой в органах, усиливают отделение желчи, желтят и зеленят лица. Такого рода выработка желчных людей или желтяков производится и у нас. Одним этим, впрочем, не ограничивается влияние общей жизни на отдельные

индивидуумы: между тем как у одних она портит расположение духа, на других нагоняет сон и апатию. Если эта спячка и бездельствие бывают слишком продолжительны, то обществом овладевает, наконец, такое нетерпеливое желание идти вперед, что оно готово бывает даже детей посадить на козла. Правьте, дескать, ребята, колесницею прогресса, вы прытче, а мы будем отдыхать! Ну те, разумеется, и направили*. Роскошные луга, зеленые нивы и кустарники — все очутилось мигом под копытами ретивых коней. Дорога затерялась, ось хрупнула. Тпру! Батюшки, да ведь перед нами круча! Слава богу, еще миновали беды. Теперь придется и пообождать. А погода-то, погода-то какая! Синеющая на западе даль так и тянет, так и манит вперед. Есть, правда, над нею облака и что-то гремит; но это не гром: все небо тихое, ясное, лазурное... Странно только, что в воздухе, несмотря на всю его прозрачность, разлита какая-то грусть. Это вздохи всех нуждающихся, обремененных, алчущих и жаждущих правды; это звуки песни, которую поет, полуплача, женщина, снедаемая заботой о семье и боязнью за своего неверного спутника. Она видела всю происходившую перед нею тревогу и, смущенная и испуганная, поняла отчасти, что спутники её накуролесили, что если бы они были поближе к ней, почаще заглядывали ей в душу, то не вышли бы такими вертопрахами, гуляками и забияками, да и сама-то она была бы больше женщиною, а не бабою, человеком, а не кухаркою... Прислушайтесь, однакож, грозная мужская нота до сих пор еще звучит во всем. Что бы это значило? Судорожные, резкие движения преобладают; во всем берет верх ломаная, а не изогнутая линия, человечество идет точно зигзагами или как бы ступая по обрывам, то опускается, то поднимается. Если бы, как нам кажется, к энергии, которую проявляет в таком избытке мужчина, присоединилась грация женщины, то дело бы могло пойти лучше. Понимаем слово «грация» в обширном смысле, как характеристическую черту всего чисто женского, как противоположный и дополнительный элемент к энергии мужчин. Грация есть тоже сила, но сила другого рода: это сила женщины! Сила, которую признает всякий порядочный из мужчин и которой нередко покоряются даже свирепейшие из них.

* Это было напечатано в 1866 г.

Разумеется, говоря о грации, мы имеем в виду и женщину не выдохшуюся, не лишившуюся всей своей женственности и не утратившую своего пола, как это случилось было с теми из них, которые от баловства с наукой, от страха произнести нежное слово, испустить вздох или пропеть задушевную песню переступали вдруг далеко за пределы гражданского брака. Мы говорим, мы обращаемся к тем из женщин, для которых слово «любовь» сохранило всю великость своего значения. Не из кавалерского заигрывания говорим это, а как бы из чувства зависти к тому запасу жизни, которым еще так богата женская натура и которым так оскудел развратившийся и износившийся мужчина.

Где твои силы, добрый молодец, рыцарь бутылки и трактира? На что ты их растратил? Не вином ли заливал ты свое горе, и не покупными ли ласками душил червя, точащего твою душу? Не более ли ты в своей жизни был пьян, чем влюблен? И поэзию-то ты, можно сказать, заложил в кабаке; и нервы твои потому отупели, и перестали воспринимать, что покупные бессердечные ласки довели тебя до полного бессилия. Да еще от женщины стал требовать, чтобы она сделалась таким же импотентом в нравственном смысле. Посмотри, какая она теперь ходит в твоих глазах смешная или разряженная до комизма в павлинья перья и блестящие, и с хвостом даже, как у птицы, или остриженная до безобразия. Это ты ее стриг, как овцу глупую, ты ее рядил, как куклу, в которой заведены пружины глупости; ты ее сосредоточил на внешности и устранил от всех интересов, ты, наконец, показал ей науку так, как бы эта была булавка, которую только стоит взять да приколоть! И ты же теперь боишься, чтобы она не выступила со всею силой своей грации, и не заставила бы тебя покаяться во всех твоих безобразиях трактирных, литературных и всяческих. В ней, в её груди найдешь ты все то утешение, которого ты напрасно ищешь, рыская по трактирам, катая бильярдные шары и бледнея при звуке проигранных денег. Нравственного обновления мужчин и умственного возрождения женщин!... Рука об руку и дружно вперед!...

VIII

Пробудитесь же вы, женщины, чуткие до сих пор только к морали Жорж Занда или реализма Писарева, из книг делающие себе орудие кокетства и книгами покрывающие горшки по выходе за-

муж, науку изучающие в ролях Аспазии и нравственными остающиеся только в ролях кухарок! Нам все сдается, мы все еще не перестаем верить, что в вас та сила или та половина, которой недостает человечеству, чтобы оно шло безостановочно, а не подпрыгивало только по пути прогресса, что вы больше всего тормозите и упираетесь назад, будучи с нами связаны самыми нежными и неразрывными узами. Солдат, отправляющийся на войну, разве не боится оставить за собою все, что дорого его сердцу? Почти такое же чувство одиночества и страха томит теперь и всякого деятеля, ринувшегося в сферу мысли. Тех современниц, которые от маменек, связавших миллионы чулок, перешли под покровительство реалистов, прошедших сквозь огонь, воду и медные трубы, он, конечно, не сочтет за спутниц. Они нравственности учились у нашего брата; значит, сердца, в котором все сокровища женщины, высшие всех сокровищ мира, в них лучше не ищи: блестит что-то такое, режет чувства, раздается какой-то набор слов, произносимых женским голосом, и мечется какая-то фигура, чуть-чуть только напоминающая грациозный женский облик. О скромницах же, которые изучают науку между недоконченным шитьем и недоигранным вальсом, и поминать нечего: подобно горшкам с цветами, они, по-прежнему, безотлучно в гостиной, откуда готовятся перейти в кухню и спальню, и от этого задумываются и вздыхают. Между тем и другим родом женщин мало даже и разницы: все одна и та же инерция ума, тупость воображения и механический труд, вывернутый наизнанку. Как там рукодельничают, так и тут работают руками; там только в одиночку и с меньшею выгодой, тут вкуче и с большим прибытком. Работа последних, значит, имеет еще более поощряющего свойства идти по протоптанной дорожке.

Мы положительно против распространения ручной работы *между образованными женщинами*, только одна крайняя необходимость может вполне оправдать этот род добывания себе средств и независимости в женщине умственно развитой. Действие механического труда на ум и страсти не дает нравственного и умственного освобождения: трудящийся физически всегда будет в зависимости от трудящегося умственно; и потому, какого же рода независимость может добыть себе женщина, если она по выходе из школы будет специализироваться в ремесле, чтобы потом по выходе замуж идти врозь с мужем. Если бы современные рукодельницы, совершенствуясь в ремесле, могли и замуж выходить за ре-

месленников или, если бы муж ученый, а жена швея в состоянии были уживаться вместе, то тогда бы, конечно, труд их имел и цель и будущность; но так как этого ожидать нельзя, то их будущим мужьям и придется, конечно, прибегнуть к изобретению нейтральной комнаты, как людям двух противоположных занятий. В стремлении мужчии заключить женщину в круг скучного семейного рукоделия или артельного бессемейного мастерства мы не видим больше ничего, как выражение старого предрассудка о превосходстве мужской природы над женской и желание ее обмужчинивать. Задача передовой женщины именно и заключается теперь в том, чтобы показать пример умственного развития и выбраться на *ту великую дорогу, которая лежит между образованием Аспазии и нравственностью кухарки.*

Отчего так стала непонятна передовым женщинам и их благодетелям Татьяна Пушкина? Оттого, что она есть цельная, женственная натура; и вот, в угоду отрицания, стали над нею потешаться, не замечая, что это самая чистая, нетронутая, сохранившаяся женщина, какую только может представить себе воображение поэта. Ее даже французские романы не извратили, предрассудки старины не испортили все её увлечения полны грации, женственности и девичей целомудренной любви. Мечтательность её не имеет в себе ничего немецки-плаксивого или ложнофантастического; в стыдливости её нет и следа жеманства: она написала прямо к Онегину, когда, после сцены с няней в саду, увидела, что любовь её перешла в страсть. Письмо это есть самый огневой и грациозно-страстный порыв, который когда-либо вырывался из женской души... Но, написавши такое письмо, Татьяна, однакож, когда очутилась замужем, не бросилась в объятия Онегина, чего желали многие; нет страстность в ней равнялась её девичеству, её женственности, её целомудрию. Она инстинктивно понимала, что, принадлежа одному мужу, она уже не могла быть для Онегина тем, чем желала бы быть для него со своей безграничной любовью. Как чистая женщина, она хотела отдаться счастью или вся, или совсем от него отказаться, сменивши его на будничное увядание... Такого чистого женского облика, как Татьяна, никто еще у нас ни до Пушкина, ни после Пушкина не изображал. Пушкин во множестве стихотворений является поэтом фривольным; но когда дело дошло до изображения настоящей женщины, он изобразил Татьяну. Она неразвита, она необразована; но она — настоящая рус-

ская женщина со всеми своими достоинствами, готовыми к развитию. Подобно Екатерине Островского, Татьяна не перенесла бы равнодушно своей измены и сделалась бы только несчастна от своего счастья. Мы не говорим, что все женщины должны жить по определенной рамке; *но думаем, что только верность, неизменность в любви равняется в женщине её девственности, её женственности, её материнству*. Преследовать женщину за измену, позорить девушку за увлечение — варварство; но не боготворить её чистоты, её девственности, её материнства — верх безобразия.

Некоторые, быть может, подумают, что мы уклонились от своего вопроса; напротив, мы вошли в самую средину его: женщина непременно должна быть хороша, если не физически, то нравственно! Если бы мужчииа уничтожил всю красоту в мире, то женщина бы воскресила ее своим присутствием; потому что она есть первообраз красоты!

Восстановление образа и подобия божия в современной женщине должно быть главной обязанностью современного искусства, возвышение же семейных начал и морализирование их силою поэтического представления одною из целей истинной поэзии. Семья есть центр, куда преимущественно направлялись все стремления поэтов. Разумеется, мы говорим о семье в настоящем смысле этого слова о семье, которую готовят не узы, акты или денежные договоры, а которая является результатом непобедимого влечения мужчины и женщины. Где любовь, там и основа семьи; где нет её, там карикатура семейного счастья. В этом то смысле можно сказать, что и Гейне пел о семейном счастье; потому что любовь истинная, хоть и слишком капризная, столкнувшая его в могилу, не сходила с его пера. Многие удивляются, почему любовь составляет главную тему художественных и поэтических произведений; это вполне естественное стремление: говоря без умолку о любви, поэты именно толкают людей ни к чему другому, как к семейному счастью. Либо любовь со всем её обаянием и прелестью, либо похотливые и бессердечные ласки — а если любовь, то уж вертись не вертись, а семья выйдет, природе этого хочется! Поэтому можно сказать, где начинается любовь, там является постоянство и оканчивается разврат; о неверности и отсутствии ревности у нас потому заговорили, что любить перестали. И в настоящее время не редкость встретить образованного человека, дожившего до сорока лет и ни разу не любившего в жиз-

ни. Различные Buch der Lieder, где анализируется любовь, то есть связь мужчины и женщины, поэтому не пустяки, как кажется многим господам, никогда в своей жизни не мыслившим. Все восторги и мучения сильно любивших поэтов есть высокие нравственные движения, которые влекут нас незаметно разными путями к домашнему очагу. Изображая более всего обыденную жизнь, художники-поэты невольно делаются домашним чтением. Кто не знал в своей жизни этого круга, кто не был ни сыном, ни отцом, ни братом, ни мужем или верным любовником, тому не может быть понятно ни одно художественное произведение; он может быть хорошим публицистом, юристом или ученым, но никогда верным ценителем тех тонких нравственных движений, из которых зачинается ткань общественной жизни. Человек холостой сердцем, то есть не любивший ни разу в жизни искренно и долго, не может и не вправе касаться до художественных произведений. О наших критиках-фразерах или крикунах можно сказать, что они все холосты сердцем. Но чего же щадить семью, когда она в большинстве случаев выказывает самые неутешительные явления? возразят, быть может, нам. Все это так, семья, действительно, представляет теперь самую обманчивую картину человеческого счастья и вместо счастливо живущих семей, у нас можно только встретить счастливо плодящиеся гнезда. А настоящего, не физического только, сожителства, плодотворного обмена идей между мужчиной и женщиной и наследственной передачи их детям, то есть генерации идей мы не видим. Либо болотное, парализующее душу спокойствие, либо мучительная, истощающая жизнь вражда всех членов семьи без исключения вот что представляет нередко наша русская семья. Но такое положение семейного вопроса еще не дает права отчаиваться в его разрешении: трудные вопросы всегда решались позже, чем легкие, а *вопрос семейный — такая задача человечества, которая, если бы была решена вполне, то тогда бы было ничем решение других задач. Это есть величайший и труднейший вопрос жизни.*

Н. СТРАХОВ ЖЕНСКИЙ ВОПРОС¹

ПОДЧИНЕННОСТЬ ЖЕНЩИНЫ, сочинение Джона Стюарта Милля. Перевод с английского, с предисловием Николая Михайловского, с приложением писем О. Конта к Д. С. Миллю, по женскому вопросу. С.Петербург. Издание книгопродавца С. В. Звонарева. 1869.

О ПОДЧИНЕНИИ ЖЕНЩИНЫ, сочинение Джона Стюарта Милля. Перевод с английского, под редакцией с предисловием Г. Е. Благодетлова. Исторические женские типы. Статья Иоганна Шерра. Перевод с немецкого. С.Петербург. 1869.

I

Наше печальное время очень любит всякого рода вопросы. Возбудить, поднять, поставить вопрос считается заслугой, некоторым умственным подвигом. Подвергать сомнению существующие мнения и установившиеся порядки признается делом не только позволительным, но и похвальным, как самая правильная и законная деятельность ума. Многие притом уверены, что все области человеческой жизни так и кишат вопросами, что стоит только поумнее взяться за любой предмет и он тотчас обратится в вопрос.

Какое странное направление умов! Давно уже замечено, что задавать вопросы легко, а отвечать на них трудно; лица, занимающиеся фабрикацией вопросов, очевидно берут на себя самую меньшую долю работы и предоставляют другим самую существенную и важную её долю. Пословица говорит, что на вопросы одного дурака не сумеют отвечать десять умников. А во множестве случаев глупость есть непременно условие для того, чтобы мог возникнуть вопрос. Самое простое и ясное дело становится вопросом для того, кто или не в силах его уразуметь, или не считает себя обязанным напрягаться для его уразумения. «Я ничего не понимаю!» кричит иная тупая голова; «объясните мне то и это!». И вот готовы бесчисленные вопросы, которые потому только и суще-

¹ Заря. 1870. № 1-2.

ствуют, что есть множество глупых и самоуверенных людей, не могущих уразуметь вещей самых простых и ясных.

Но таково наше печальное время, что умственное движение, создание вопросов и господствующих мнений по-видимому вполне предоставлено людям тупым и глупым. Нынче предполагается, что каждый дурак имеет право предлагать вопросы, и что умные обязаны отвечать ему. Таким образом, ум обращен в слугу глупости и должен удовлетворять всем её прихотям и капризам. Люди ничего не понимающие гордо и смело заявляют свое непонимание, как будто именно в непонимании заключается право возвышать голос и требовать всеобщего внимания; люди же хоть что-нибудь понимающие обязаны смиренно представлять свои объяснения, и горе им, если тупоголовые предлагатели вопросов найдут эти объяснения недостаточно для себя вразумительными! Каждый из дураков считает себя в праве наложить свое veto на любое мнение и учение и не снимать этого veto до тех пор, пока и его глупая голова не уразумет чего-нибудь в этом деле.

На это нам заметят вероятно, что мы преувеличиваем и искажаем современное настроение умов. Можно, скажут нам, дать всему этому движению более глубокий и правильный смысл. Вопросы, как выражение сомнения, как стремление отдать себе отчет в своих мыслях и действиях, есть неизбежный и правильный прием ума. Если наш век продолжает дело скептитизма и анализа, начатое прошлым веком и даже гораздо раньше, то в этом нельзя видеть ничего дурного. Это признак того, что спящие умы все больше и больше пробуждаются, что даже дураки начинают мыслить, начинают рассуждать и спрашивать. Причина обилия вопросов в наше время не есть одна глупость и одно непонимание, а напротив, избыток ума, предлагающего столь глубокие запросы, заявляющего столь высокие требования, что их не могут удовлетворить существующие мнения и порядки. Вопросы возникли и усилились именно потому, что ответы на них давались все слабее и несостоятельнее. Партия вопрошающих потому и получила такой победный вид, такую дерзость и развязность, что партия отвечающих все больше и больше робеет, все меньше и меньше чувствует в себе сил на ответы.

Положим так; тогда современное движение нам следует рассматривать как *чистый скептицизм*, как выражение сомнения,

постепенно разрушающиеся существующие убеждения, постепенно берущего верх над уверенностью в старых понятиях.

Но справедливо ли это? Справедливо ли, что наш век болеет сомнением, а не чем-нибудь другим, не какою-либо излишнею верой? Сомнение, действительное сомнение есть чувство тяжелое и мрачное. Для человека, любящего свет разума, сомнение представляет мрак и ужас. В жизни мысли сомнение есть то же самое, что отчаяние в жизни сердца. То ли мы видим в полчищах современных скептиков и создателей всякого рода вопросов? Похожи ли они на людей отчаивающихся? Очевидно нет. Они сияют какой-то радостью, которая ясно показывает, что ими владеет не печаль о потерянной истине, а напротив, твердая вера, крепкое убеждение.

Эту веру легко назвать; это вера в *человеческий разум*, вера слепая и фанатическая, как и многие другие веры. Эти скептики незыблемо веруют в то, что разум человеческий может все разрешить и все постигнуть, что для него нет тайн ни на земле, ни на небе. Эти скептики готовы во всем сомневаться только потому, что в одном они никогда не сомневаются, в силе своего собственного разума. От того они так легкомысленно и дерзко ставят вопрос за вопросом, возбуждают сомнение за сомнением; им кажется, что чем скорее они это сделают, тем скорее они получат и ответы, разрешающие эти вопросы и сомнения. Так как собственный разум признается единственным руководителем людей, единственною надежною верою, то всем дается право спрашивать и всем внушается надежда, что они могут получить ответ, могут уразуметь указания своего единого божества. Вот почему и дураки, за исключением слишком явных идиотов, призваны к этой новой утешительной вере, подобно тому, как некогда бедные, страждущие и нищие духом получили обетование царствия небесного. Всем обещается, что они все уразумеют, что им будут разрешены всякие вопросы и разъяснены всякие недоумения. Признается общее равенство по разуму, подобно тому, как некогда было провозглашено общее братство по Христу. За всеми признается право на разум, точно так же, как некогда за всеми было признано право на высшее нравственное достоинство. Приводить ли здесь возникшие отсюда декламации против *аристократии ума*, против слишком трудных наук, против умственных занятий, требующих слишком много времени и сил? Таких декламаций можно множество найти в западной литературе;

наши новые отечественные писатели представляют тоже образчики, не уступающие красотой своим образцам.

Итак, вот в каком положении дело. Не скептицизм гнетет и омрачает современные умы, а их воодушевляет и возбуждает новая пламенная вера. Отсюда-то такой азарт, такая торопливость и жар в этом умственном движении. Только одна слепая вера в разум могла породить столько нелепостей, расшевелить самые тупые головы, развязать самые мямлющие языки, и таким образом дать значительный перевес глупости над умом. Наперерыв, вперегонку все пустились предлагать и разрешать вопросы, твердо веруя, что они таким образом исполняют заповедь своего нового божества, и что это божество не замедлит обнаружить свое всемогущее могущество. Последний дурак возмечтал, что он может стать наряду с первыми умами человечества, и что глупости, приходящие ему в голову, имеют такое же право на существование, на обсуждение и разбирательство, как и заветнейшие мысли великих философов и поэтов. Движение и развитие литературы получило странный ход. Чем грубее и тупее писатель смотрел на вещи, чем меньше он проникал в их глубину, тем больше он находил себе последователей, тем значительнее был его успех в массе умов, верующих в свои силы, а между тем стоящих на степени самого низкого и грубого развития. Таким образом вышло, что самое распространенное явление нынешнего умственного прогресса есть непонимание вещей не только глубоких и трудных, но даже самых простых и ясных. Нынче господствует не скептицизм, а простое тупоумие; не высокие требования и глубокие запросы волнуют умы и истощают их силы в безнадежно-трудных изысканиях, а напротив наибольший ход имеют самые низменные взгляды, самые общедоступные и грубые глупости.

Но нам скажут опять, что мы преувеличиваем и клеветаем на разум. Разум, скажут нам, сдержал или готов сдерживать свои обещания. Если современное настроение не заключает в себе отчаяния в достижении истины, то это потому, что истина действительно оказывается все более и более доступною человеку. Несправедливо сказать, что в наше время господствует непонимание и недоумение: вопросы, возникающие из сомнения в прежних учениях и порядках, не остаются на степени вопросов, а постепенно получают новое, более удовлетворительное решение. Наш век не

век скептицизма, а век положительных, твердых знаний, понемногу вытесняющих прежние шаткие и фантастические понятия. Перевес принадлежит теперь не глупости, а истинам очевидным, доступным проверке каждого и потому не составляющим принадлежности немногих избранных умов, а делающихся собственностью массы, убеждением каждого сколько-нибудь не чуждого просвещению человека.

Так, конечно, скажут поборники современного прогресса; они, очевидно, люди, исполненные самых радужных надежд и самой пламенной веры, а вовсе не унылые скептики, измученные трудными вопросами.

Если так, то посмотрим же, как они решают свои вопросы; взглянем на ту широкую дорогу к истине, которую они по-видимому вполне открыли и очистили, так что по ней теперь стремятся целые толпы без различия степеней умственной зрелости. Какие истины получают в наше время все больше и больше ходу? Какие новые решения получились для старых вопросов? В чем состоит новая мудрость?

Сущность этой мудрости уже так ясно обнаружилась, так отчетливо проявилась, что ее можно выразить в немногих и совершенно определенных словах. Новое решение стародавних вопросов, то смело высказываемое, как уже вполне добытое, то предлагаемое в виде отрадной и скоро имеющей сбыться надежды, заключается в следующем:

Между Богом и природою нет разницы. Бог есть природа, олицетворенная человеческою фантазией.

Между духом и материею нет разницы. Дух есть некоторая деятельность материи.

Между организмами и мертвыми телами нет разницы. Организмы суть создания физических и химических сил.

Между животными и растениями нет разницы. Чувствительность и так называемое произвольное движение суть явления рефлексов, совершающихся механически.

Между человеком и животными нет различия. Душевные явления человека совершаются точно также как и у животных.

Между душою и телом нет различия. Душа есть некоторая деятельность тела.

Между мужчиною и женщиною нет различия. Женщина есть как бы безбородый мужчина меньшего роста, чем обыкновенно бывают мужчины.

Между нравственностью и стремлением к счастью нет различия. Нравственно то, что ведет к человеческому благополучию.

Между прекрасным и полезным нет различия. Прекрасно только то, что ведет к некоторой пользе.

Между искусством и наукою нет различия. Искусство есть только особая форма для популяризации истин науки.

Продолжать ли этот список новейших истин, этот перечень блистательных открытий, которыми новое время озаряет нам глубочайшую природу и сущность вещей? Мы могли бы, если бы захотели, тянуть этот перечень сколько угодно, ибо мир природы и мир человека весьма разнообразны, и нет кажется ни одной черты этого разнообразия, в которой бы не усомнилось наше мудрое время. Вся совокупность человеческих отношений, все эпохи истории с её незапамятных времен были подвергнуты действию современного анализа, и этот анализ везде увидел одно и то же, ни в чем не нашел никакого различия и порешил, что действия человеческие всегда имеют один и тот же смысл, одни и те же побуждения. Точно так все явления природы, от падения камня до развития прекраснейших человеческих форм, сведены новою наукою к одному, к движению атомов, бесконечно притягивающихся, отталкивающихся, вращающихся, зыблющихся и таким образом составляющих ту безмерную и однообразную толчею, тот нескончаемый, бесцельный, серый вихорь, который мы называем мирозданием. Все однообразно, все равно одно другому, все имеет один и тот же источник, одну и ту же сущность, одну и ту же цель таково глубочайшее решение всех вопросов, к которому все ближе и ближе приходит наше время и которое оно считает своим лучшим умственным достоянием.

Читатели на этот раз вероятно согласятся, что мы не преувеличиваем, что таков именно характер современной популярной философии, приобретающей все большую и большую силу. Эта философия не многосложна, не трудна и не туманна, в противоположность обыкновенному мнению о всякого рода философии. Стоит назвать эту новую мудрость и все ее узнают.

Но какой же смысл в этих простых положениях? Какое разумение вещей в них содержится? Если судить по самым вещам, то никакого. Ибо каковы бы ни были вещи сами в себе, познание во всяком случае должно состоять в том, чтобы эти вещи были различены между собою, чтобы найдено было их взаимное разграничение, тот порядок, по которому они не смешиваются между собою, чтобы открыто было то единственное значение, которое принадлежит каждой познаваемой вещи и которое никакой другой принадлежать не может. Мудрость, по самому простому определению, состоит в том, чтобы знать *цену* вещам, то есть знать их относительное достоинство, их степень и место в мироздании, а следовательно и ту степень и то место, которое они должны занимать в наших желаниях и нашей любознательности. Таково старинное понятие о мудрости, и едва ли его придется изменить. По этому понятию не тот мудр, кто не видит никакой разницы между человеком и животными, а напротив тот, кто ясно и отчетливо понимает, чем человек возвышается над животными, кто знает цену истинно человеческих мыслей и действий; не тот мудр, кто о женщинах судит точно так же как о мужчинах, а тот, кто с величайшею тонкостью понимает своеобразные черты как женской так и мужской натуры. То же самое нужно сказать и обо всем остальном. В каждой вещи нужно уметь различать существенное от случайного, важное от маловажного, дух и содержание от формы и внешности; а в совокупности вещей нужно видеть их иерархию, находить те центры, около которых вращается мироздание, и уметь с точностью определять расстояние, в котором каждая вещь находится от этих центров и которого по самой сущности своей она изменить не может. Как *видеть* значит различать предметы в пространстве, по цвету, величине, форме и расстоянию, так и *разуметь* значит распределять вещи в уме по их качеству, достоинству, сущности и важности. Знать что-нибудь, значит уметь отличать знаемую вещь от всех других вещей. И, следовательно, новая мудрость, утверждающая, что для нее вещи друг от друга не различаются, тем самым утверждает, что она ничего о них не знает, что она отрекается от познания, что она забыла или потеряла и то первое ведение, которое по священным сказаниям получил первый человек и которое состояло тоже в умении различать, именно различать добро от злого.

Итак, не далеко же подвинулись мы в разрешении всякого рода вопросов, и не очень блистательны результаты, получившиеся от нашего служения разуму, от предоставления ему полной свободы, от веры, по которой поклонники этого божества думали, что они до всего могут прийти собственным умом. До чего мы дошли? Мы вернулись к исходной точке всякого мышления и познания; мы на всевозможные лады твердим одно: мы ничего не знаем, мы не умеем находить различия между вещами, для нас весь мир сливается еще в однообразную массу, в которой мы еще не умеем разглядеть ни единой черты гармонии и порядка!

При том — какое нелепое положение! Предаваясь умствованиям и разглагольствиям, которых существенный смысл есть исповедание неведения, эти люди однако же твердо уверены, что они владеют целыми сокровищами истины. Они бродят в густейших потемках, а воображают, что их окружает свет, и что даже сами они носители этого света. К такому странному ослеплению привела вера в разум. Если перевес в нынешнем умственном движении принадлежит не глупцам, то во всяком случае он достался на долю слепцов, на долю людей с тупым и близоруким зрением, для которых весь мир обратился в серый хаос, и которые всем хором стали уверять, что разнообразие, красота и стройность мира есть ложь и выдумка коварных хитрецов, желающих захватить власть над ними, слепцами, и что в сущности, как в этом легко убедиться каждый слепец собственным опытом, все вещи имеют серый цвет или даже вовсе не имеют никакого цвета.

Итак, если мы хотим усмотреть разумный и законный смысл в современном умственном движении, то никак не должны толковать его в положительную сторону, видеть в нем прогресс познания. Единственный правильный смысл его *отрицательный*; единственная разумная речь современного мудреца была бы такого рода: я не знаю различия между вещами и не берусь его указать; но я убедился, что то различие, которое признавалось прежними понятиями, несправедливо, несостоятельно. Я не умею решать вопросов, но нахожу, что существующее их решение не годится. Например, я не знаю, в чем заключается разница между человеком и животными, но меня не удовлетворяет то объяснение, что у животных не достаёт особой сущности, души, которая есть у человека. Я не знаю, в чем состоит тайна психических явлений, но

не нахожу, чтобы признание существования в теле особого духовного начала было их действительным объяснением. Словом, я не отвергаю различий, о которых не знаю и не могу судить, а отвергаю только те объяснения этих различий, какие были сделаны до сих пор. Если я иногда выражаюсь так, как будто для меня не существует никаких различий между вещами, то это не имеет того нелепого смысла, будто между ними действительно нет различия, а только тот чисто субъективный и весьма дозволительный смысл, что я сам не имею еще оснований, чтобы твердо и ясно судить об этих различиях, и что существующие до сих пор основания для таких суждений меня не удовлетворяют.

Вот единственный разумный смысл, который имеет современная популярная философия. Этот смысл заключается не в новых взглядах, не в расширении познаний, не в лучшем, более светлом и общедоступном постижении вещей, а в *чистом скептицизме*, который, как мы уже заметили, всегда законен, если представляет правильное стремление ума отдать себе отчет в своих суждениях. Было бы великою нелепостью с нашей стороны, если бы мы упустили из виду эту законную сторону современного умственного движения; но в то же время мы бы очень дурно понимали это движение, если бы вообразили, что здравый скептицизм составляет его душу. Его истинные двигательные силы — общераспространенная тупость понимания, вера в собственный разум и самообольщение познаниями, которые под видом лучшего постижения вещей содержат в себе отрицание всякого их познания.

Преыдушим небольшим рассуждением мы приготовили себе некоторые твердые точки для суждений о явлениях нынешней популярной философии. Эти точки — следующие:

1. Новая философия не содержит в себе никакого решения вопросов, которыми она занимается. Относительно каждого такого вопроса можно доказать, что он несмотря на все толки этой философии сохраняет всю свою глубину и загадочность.

2. Самая глупая черта новой философии заключается в убеждении, что она имеет силу разрешать вопросы. Всего нелепее те писатели и те сочинения, которые провозглашают, как новое открытие и решение, что между предметами, входящими в вопрос, нет никакого различия.

3. Всего умнее те писатели и те сочинения, которые всего ближе держатся скептицизма, и следовательно как можно меньше покушаются на решение вопросов.

А впрочем и все, вместе взятое, т. е. и вопрос, и новое решение, и самое сомнение в прежнем решении может оказаться сплошным вздором, сплошной глупостью. Этого никак не должно упускать из виду, если мы не желаем впасть в глубокую ошибку, именно приписать болезненному и фальшивому брожению мыслей важность действительного философского движения. Сомнение в вещах очевидных, сильно затрагивающих ум и сердце, собственно несравненно нелепее, чем признание известных взглядов на эти вещи, положим взглядов односторонних и грубых, но все-таки дающих некоторый ответ на то, на что ответ непременно требуется и непременно существует. Понятно и извинительно, если человек увлекается подобием истины и красоты; но какое извинение приискать для того, кто глух на всякие доводы и не понимает вещей, которые должны бы громко говорить в душе каждого? Есть случаи, когда незнанием и непониманием отговариваться невозможно, когда сомнение оказывается не стремлением углубиться в вопрос, а слепотою ума и глухотою сердца. Вот точки зрения, с которых, как мы думаем, следует рассматривать *женский вопрос*, как и многие другие современные вопросы. Последняя книжка Милля, как и все его другие произведения, очень удобно подводится под эти точки зрения.

II

Женский вопрос есть вопрос весьма легкий, конечно не сам по себе, не по сущности тех вещей, которые входят в него, а по тому виду, в каком этот вопрос существует в современной литературе, по малосодержательности и легкости тех рассуждений, которые к нему относятся. Контраст между действительною сущностью дела и между постановкою его у нынешних популярных философов так велик, что резко и ясно бросается в глаза. Вот почему мы не побоялись взять на свою ответственность несколько простых замечаний, которые намерены предложить читателям.

Дело наше будет нетрудное. Мы не пишем трактата о различии между мужчинами и женщинами; мы не имеем ни нужды ни обязанности правильно и ясно формулировать самый вопрос, о котором идет речь (задача вовсе не легкая, как то известно всяко-

му серьезно мыслившему человеку); мы обязаны только точно анализировать некоторые мнения об этом вопросе, ту постановку, которую ему дают современные мыслители, и нам кажется, что эта новая мудрость вовсе не требует для своего постижения больших усилий.

Весь смысл книжки Милля, её главное положение, к которому сводятся все остальные рассуждения, заключается в следующих словах: «Никто в настоящее время не имеет права утверждать даже, что есть *какая-нибудь разница* между обоими полами, рассматриваемыми как разумные и нравственные существа» (*Подч. женщ.* стр. 56).

Вот полная формулировка женского вопроса, по Миллю. Вот та истина, которую он считает вполне доказанною, вполне несомненною. Все другие свои рассуждения он выдает только за догадки и предположения, но это положение имеет в его глазах совершенную достоверность. Сделаем некоторые необходимые пояснения. Милль — скептик по самой сущности своего ума; в скептицизме заключается единственная важность, которую имеют его труды; скептицизм делает его умнейшим из современных популярных мыслителей. Но к великому сожалению, он сам не знает, в чем заключается его сильная сторона, он преспокойно воображает, что обладает орудиями для добывания положительных результатов и потому постоянно пытается не только ставить вопросы, но и решать их. В сущности, *Система Логики*, которую он написал, есть наука не о том, как познавать вещи, а о том, как сомневаться в вещах и их познании. В основе этой книги лежит *отрицание мышления*, как силы способной к познанию. С замечательною последовательностию Милль проводит свой анализ по всем приемам мышления и в каждом из них отрицает тот элемент, который делает из этого приема орудие познания. Если бы Милль твердо держался этой точки зрения, и если бы самый его скептицизм был чем-либо новым, а не составлял прямого продолжения и развития скептицизма Давида Юма, то Милль был бы очень важным философским явлением. В настоящей же своей деятельности Милль представляет только интересный пример человека непоследовательного, который стремится согласовать со своим скептицизмом разные положительные истины, любезные ему совершенно независимо от его философских взглядов.

Как бы то ни было, в женском вопросе Милль оказался скептиком и придумал для этого вопроса умнейшую формулу, какую этот вопрос допускает, а именно, что до сих пор будто бы *мы не знаем между мужчинами и женщинами, как разумными и нравственными существами, никакой разницы.*

Точный смысл этих слов вот какой: Милль допускает, что существует *физическая* разница между людьми того и другого пола; но относительно умственных способностей и нравственных качеств он утверждает, что мы ничего достоверного не знаем. В этом отношении вопрос: *в чем состоит естественное различие полов?* он считает *труднейшим из вопросов* (стр. 55) и полагает, что «никто до сих пор не имеет права заявлять положительное мнение об этом предмете» (стр. 56).

Такова самая умная постановка вопроса; легко видеть, однако же, как она ведет к самой глупой. Милль делает некоторые недурные замечания с целью показать, как шатки, неясны, а иногда и неправильны те различия между двумя полами в умственном и сердечном отношении, которые обыкновенно указываются. Понятно, что на эту тему можно наговорить немало умных вещей. Самое остроумное и глубокомысленное изложение различия между данными предметами все еще допускает поправку, возражение, пояснение. Но беда в том, что главная цель при этом у Милля вовсе не состоит в скептической проверке существующих мнений; тайная его мысль заключается в положительном признании, что нет никакой разницы между умом и сердцем мужчины и умом и сердцем женщины. Свой скептицизм Милль употребляет не как орудие для достижения истины, какова бы она ни была, а как средство достигнуть заранее предположенной цели. Он заявляет, хотя в виде догадки и предположения, что, вероятно, «не обнаружится никаких врожденных стремлений, отличающих женский ум (*также точно, конечно, и нравственный женский склад*) от мужского» (стр. 180).

Вот это есть уже совершенная нелепость, это то глупое решение женского вопроса, которое стало ходячим мнением, пришлось по плечу новейшим просвещенным людям — и составляет одну из побед тупоумия над разумным пониманием вещей. Как скептик, Милль конечно имел право на самые нелепые предположения; но в том и беда, что он плохой скептик, и ему дорого не право отрицать известную истину, а право поставить на её место одну

из нелепостей, вытекающих из её отрицания. Кто сомневается в том, что земля кругла, тот может конечно сказать: может быть она имеет вид куба, или цилиндра или треугольной шляпы; истинный скептик нарочно придумывает нелепое предположение, чтобы тем показать, как далеки мы от средств узнать истину. Но скептик, предлагающий возражения против круглоты земли и питающий в то же время тайную мысль доказать, что земля имеет вид треугольной шляпы, есть очевидно не скептик, а жалчайший фантазёр. И в таком положении находится Милль, так что если бы мы не знали его добросовестности и действительного скептического настроения его ума, то могли бы подумать, что самый скептицизм его напущен им на себя ради предвзятых целей.

Милль допускает физическое различие между мужчиною и женщиною; еще бы он решился его отвергать! Но он сомневается в существовании нравственного и умственного различия; по какому же праву?

Вообще говоря, это различие непременно должно существовать, и сомневаться в нем нельзя уже а priori, в силу чистых логических требований. Ибо этого различия необходимо требует уже то понятие, что женщина и мужчина суть различные организмы; относительно органических явлений имеет силу правило: каждая часть и каждое явление организма имеют на себе особый отпечаток, отражают на себе особенность целого. В организме все связано, все находится во взаимной зависимости и гармонии. Увидев двух человек, ходящих на подставных ногах, я могу конечно предположить, что несмотря на все различие этих людей, их подставные ноги состоят из того же материала, имеют совершенно одинаковую крепость и форму; но относительно живых ног двух различных людей я наперед заключаю, что они различны настолько же, насколько различно и остальное тело. Психический строй человека имеет строгую параллельность с его физическим строем. Тело есть оболочка души и различие в телесном устройстве непременно влечет за собою различие душевных способностей. Если опытный анатом с первого взгляда отличает женскую кость от мужской, если самые ненаблюдательные люди умеют отличить женский почерк от мужского, то как же сомневаться в том, что и во всех психических отправлениях существует подобная же разница?

Давно уже мы привыкли судить по этим категориям, заранее признавать всестороннее различие между вещами, имеющими характер организмов. Если дело идет о различных исторических эпохах, о различных человеческих племенах, о различных народах и даже о мелких подразделениях каждого народа, везде мы привыкли предполагать особый умственный и нравственный склад, отличающий каждую группу человеческого рода и каждую степень развития этой группы от других степеней и групп. Точно так же, рассматривая языки, искусства, философские системы, религии, государственные и общественные строи, мы всегда полагаем между ними органическую разницу, то есть разницу простирающуюся на все части рассматриваемого явления. И это не какие-нибудь гипотезы и мечтания, а простые требования науки. Натуралист считает непременно и прямою обязанностью науки разрешать такие задачи: по одной части организма определить все остальные его части. И были случаи, когда, например, Кювье по одной кости животного действительно составлял заключение об особенностях всего его остального тела. Так точно для антрополога существует следующая точная и строгая научная задача: по данному органическому различию между мужчинами и женщинами определить все другие их различия, как в телесном устройстве, так и в психических отправлениях. Связь непременно должна быть, хотя бы мы в настоящую минуту не умели указать ни единой её черты.

Эти логические требования столь неизбежны, столь мало произвольны, что волею или неволею и Милль должен был им покориться. Но, идя по единственному возможному пути, Милль, как и подобает скептику, упирается на каждом шагу (что, конечно, весьма простительно) и сверх того, беспрестанно сбивается на свою предвзятую мысль что уже вовсе непростительно, по крайней мере с точки зрения логики.

Все различие, которое ныне существует между мужчинами и женщинами и которое Милль называет *громдным* (стр. 38), он выводит из разницы в физической силе. Мужчина будучи сильнее женщины, поставил ее в подчиненное положение, и вследствие этого подчиненного положения развились все те особенности, которые теперь отличают женщин от мужчин.

Так как мы привыкли думать, что вообще история управляется нравственными идеями, что отношения между людьми зависят от

некоторых понятий о правах и обязанностях, то Милль для доказательства своей темы старается опровергнуть подобные взгляды на историю.

«Если люди», говорит он, «по большей части пребывают в таком неведении о том, до какой степени, с самого существования нашего рода, *право сильнейшего было единственным общепризнанным*, а всякий другой закон был исключением и последствием особых отношений, и как недавно еще общественные порядки стали управляться, даже номинально, каким-нибудь чисто нравственным законом, то конечно не понимают и не соображают того, каким образом учреждения и обычаи, никогда не имевшие другого основания, кроме права сильнейшего, могут держаться в таких веках и при таком состоянии общественного мнения, которые никогда не допустили бы им заново учредиться» (стр. 21).

Таков взгляд Милля на всеобщую историю. Нравственные начала вошли в эту историю только *очень недавно*, а до этого недавнего времени она *исключительно управлялась законом превосходства силы* (стр. 16). В доказательство Милль ссылается на разные исторические факты, между прочим на то, что и до сих пор существует в Европе абсолютная монархическая власть, которая будто бы есть ни что иное, как военный деспотизм, не имеющий никакого оправдания в нравственной натуре человека.

Если вся история основана на законе превосходства силы, то понятно, что и положение женщины определено этим же законом, а не нравственной природою женщины. Эта природа не только не была основанием общественного положения женщины, но до сих пор остается совершенно неизвестною, так как была совершенно заслонена разницею физических сил. Этого мало; в настоящее время природа женщины совершенно *искажена* ненормальным её положением, и достигнуть познания естественных свойств женщины можно не иначе, как после новых долгих опытов, после преобразования всей нашей жизни.

«Становясь на почву здравого смысла, говорит Милль, и основываясь на устройстве человеческого ума (вероятно души) *я отрицаю, чтобы кто-нибудь знал или мог знать природу обоих полов до тех пор*, пока их видели только в их настоящем положении в отношении друг к другу. Если бы когда-нибудь существовало общество мужчин без женщин или женщин без мужчин, или существо-

вало бы общество мужчин и женщин, в котором женщины не были бы подвластны мужчинам, тогда можно было бы узнать что-нибудь положительное насчет умственных и нравственных различий, *может быть врожденных каждому полу*. То, что теперь называется природою женщины вообще в высшей степени искусственный результат принудительного стеснения в некоторых направлениях, неестественного подстрекательства в других. Можно не задумываясь утвердительно сказать, что ни у одного другого сословия зависимых лиц характер не был до такой степени искажен и отклонен *от своего естественного развития*» (стр. 52).

Итак, Милль допускает, что *может быть* есть различия, врожденные полом и могущие получить естественное развитие; но говорит, что мы этих различий не знаем, и что их развитие совершенно искажено. Чтобы добыть познание об естественном различии между полами, нам остается одно средство изучать его искажение и уклонение. Милль неоднократно и упорно указывает на существование особой науки, особого отдела психологии, который один может нас просветить в этом случае. Это — *наука о развитии характера*. Только углубившись в эту науку мы будем в состоянии судить, какие различия между полами естественные, и какие искусственные. Но, к величайшему сожалению, и самая наука эта еще совершенно не разработана, находится так сказать в одном предположении.

«Из всех трудностей, говорит Милль, препятствующих прогрессу мысли и развитию на здоровых основаниях мнений о жизни и общественных порядках, величайшая в настоящее время заключается *в неизреченном невежестве и невнимательности человечества относительно влияний, развивающих человеческий характер*.» (стр. 54).

Поэтому разрешение женского вопроса путем чисто теоретическим, посредством изучения истории, поэзии, психологии и т. д. до сих пор совершенно невозможно. Таков главный вывод Милля, которого он строго держится.

«Естественными, говорит он, можно считать только те различия, которые никаким образом не могут быть искусственны, т. е. которые остаются по устранении каждой особенности того или другого пола, могущей быть объясненной воспитанием или внешними обстоятельствами. *Нужно глубочайшее знание законов развития характера*, чтобы иметь право утверждать, что есть *какая-*

нибудь разница, тем более, *в чем* разница между обоими полами, смотря на них как на разумные и нравственные существа. А так как никто еще не имеет этого знания (потому что нет предмета, который, в сравнении с его важностью, так мало изучался), то *никто до сих пор не имеет права заявлять положительное мнение об этом предмете*. Можно делать догадки больше ничего» (стр. 56).

Вот скептический взгляд на дело, вполне характеризующий приемы мышления Милля. Если строго держаться такого взгляда, то отсюда можно, пожалуй, вывести, что женщины в настоящее время гораздо лучше, чем их создала природа; по крайней мере можно утверждать, что этого никто еще не имеет права отрицать.

Некоторые *догадки* Милля, относящиеся к новой науке о развитии характера, дают нам полную возможность думать, что женщины, в настоящее время, гораздо выше мужчин. Например Милль вообще говорит: «Порабощение там, где оно не окончательно обращает поработанных в подобие скотов, хотя и тлетворно действует на нравственность обеих сторон, однако *менее* развращает рабов, чем рабовладельцев. Для нравственной природы человека *здоровее* быть обуздану, чем иметь возможность самому пользоваться неограниченною произвольною властью».

Из этого следует, что женщины во все течение истории развивались в более здоровых, менее развращающих условиях, чем мужчины, и следовательно, теперь, стоят выше мужчин. Вывод этот относится к нравственной стороне, но и относительно умственной стороны можно сделать подобную же догадку. Отчего не предположить, что история исказила мужской ум в несравненно большей степени, чем она исказила ум женский? Предрассудки и дикие уклонения от истины, наполняющие собою историю, принадлежат преимущественно мужчинам; почему не предположить, что женщины именно потому, что всегда были менее пропитаны ложною мудростью, сохранили более здоровые умственные инстинкты, более ясный и естественный взгляд на вещи?

Но Милль не простирает своего скептицизма так далеко. Руководимый своею тайною мыслью, он делает *догадки* совершенно в другую сторону. Он предполагает, что в течение истории женская натура не улучшалась, а напротив становилась все хуже и хуже. С глубокою верою в превосходство мужской природы верою весьма неизвинительною для такого крайнего скептика, Милль почитает

недостатком женщин все то, чем они отличаются от мужчин. Для ясности приведем два существенных пункта. Известно, что женское сердце — есть лучшая красота женского существа, что мужчины не могут равняться с женщинами в достоинствах сердечных чувств. Милль видит в этом только дурное влияние власти мужчин.

«Мужчины», пишет он, «требуют от женщины не только, чтобы она ему повиновалась, но еще, чтобы она отдала ему всю свою душу (*какие злодеи!*) Все мужчины, кроме настоящих скотов, желают иметь в женщине, наиболее близкой к ним, рабыню, служащую им не по принуждению, а по доброй воле, и не только рабыню, но и фаворитку» (стр. 36).

Вот где великое зло! Женская натура потерпела глубокое искажение вследствие того, что мужчины искали любви женщин, что они не удовлетворялись обращением их в рабынь, как на Востоке, а пожелали сделать из них своих подруг, заслужить их привязанность и нежность.

«Все нравственные правила, продолжает Милль, которым учат женщин, внушают им, что долг женщины и притом природное душевное влечение её жить для других, предаться полному самоотречению и не иметь жизни, кроме как в своих привязанностях, а под «своими привязанностями» разумеют только те привязанности, которые им позволяют иметь — привязанность к мужчинам, которым они близки, или *к детям, которые составляют положительную и несокрушимую связь между ними и одним женщиной*» (стр. 37).

Итак, вот на что жалуется Милль. Любовь, которую женщина питает к мужу и детям, ему кажется искусственною, нарочно развитою сверх меры — как будто есть мера любви! Милль находит, что мужчины даже своих детей обратили в средство для подчинения женщин и хвалят материнскую любовь только потому, что эта любовь дает им власть над женою! Нужно быть англичанином, нужно очень любить власть и иметь в груди очень холодное сердце, для того чтобы рассуждать подобным образом.

Как бы то ни было, женский характер, по мнению Милля, в настоящее время искажен, и Милль выражает надежду, что лишь со временем он, может быть, исправится от этого недостатка.

«Если женщины, говорит он, действительно чем-нибудь лучше мужчин, то это именно способностью к личному самопожерт-

вованию ради членов своей семьи. Но я этому качеству не придаю особой цены до тех пор, пока им со всех сторон внушают и твердят, что они рождены и созданы исключительно для самопожертвования. Я полагаю, что равноправие *поуменьшило бы чрезмерное, преувеличенное самоотречение*, составляющее нынешний искусственный идеал женского совершенства, и что хорошая женщина делалась бы не более способной к самопожертвованию, чем хороший мужчина» (стр. 104).

Наш философ очевидно хочет, чтобы все было в меру; он хвалит и самоотречение, но только тогда, когда оно не переходит известных границ.

Итак мы, мужчины, испортили женское сердце; мы же, по словам Милля, не давали развиваться и женскому уму, всячески его давили и задерживали. Но тут дело оказывается сложнее. Перебирая великих ученых, мыслителей, художников, мы никак не можем сказать, что именно те мужчины отличились умственными подвигами, которые не встречали никаких препятствий или получили наилучшее образование. Напротив, мы привыкли думать, что гений побеждает недостаток благоприятных условий; он не всегда гибнет при дурных обстоятельствах. Отчего же ничего подобного мы не видим у женщин? Милль не скрывает от себя этого возражения, и вот как характеризует умственную деятельность женщин: «Если мы рассмотрим произведения женщин в новейшие времена и сравним их с произведениями мужчин по литературной или художественной части — окажется, что недостаток, в котором можно укорить их, весь сводится почти исключительно на одно впрочем надо сознаться, что это одно чуть ли не самое главное: на *недостаток оригинальности*, т. е. не на совершенный недостаток, потому что каждое произведение ума, имеющее самобытную цену, имеет непременно оригинальность своего рода, есть порождение собственного ума, а не копия с чего-нибудь другого. Оригинальные мысли, в смысле незаимствованных ни от кого, а выработанных умственным процессом в собственном мозгу, путем собственных наблюдений, изобилуют в сочинениях женщин. Но женщины пока еще не произвели ни одной из тех великих, светлых идей, которыми отмечаются новые эры в мышлении, и ни одной из тех радикально новых концепций в искусстве, которые раскрывают впереди целый ряд возможных результатов, до тех пор неизвест-

ных, и служат основанием новым школам. Их сочинения по большей части построены на существующем фундаменте мысли, и их творения немного уклоняются от существующих типов» (стр. 173).

Чем же объяснить такой разительный факт? В этом случае Милль уже не прибегает к теории искажения; он ищет причин более объективных. Женщины потому не могут поравняться с мужчинами в науках и искусствах, что *слишком поздно* довелось им вступить на это поприще.

«С тех пор», пишет Милль, «как сколько-нибудь значительное число женщин смело заниматься отвлеченным мышлением, оригинальность уже не могла даваться легко. *Почти все результаты, до которых можно было дойти силою собственных, самобытных способностей, давно уже достигнуты*, а оригинальность в высоком смысле теперь почти никем не достигается, кроме умов, подвергшихся тщательной и строгой разработке и имеющих обширные знания по части результатов мысли прежних веков. Г. Морис, кажется, первый заметил, что наиболее оригинальные мыслители нашего века те, которые лучше всех знали все, что мыслили их предшественники, — *так отныне будет всегда*» (стр. 175).

Итак, *самобытными способностями* женщины не могли ничего сделать потому, что их предупредили мужчины; а с тех пор, как, по замечанию г. Мориса, ход умственной истории человечества будто бы совершенно изменился, и для оригинальности требуется еще огромная ученость, женщины еще не успели предаться этой учености. Поприще науки, с одной стороны, почти все захвачено мужчинами, а с другой стороны, с недавнего времени представляет новые условия, новые трудности, которых *еще не успели* победить женщины. В одном случае они уже опоздали отличиться, в другом еще не успели.

Самый свободный дар есть дар поэзии; в отношении к художественным талантам, вероятно, и Г. Морис не скажет, чтобы в человечестве наступили новые условия для их развития. Поэтому неудачу женщин в искусствах Милль объясняет исключительно тем, что они опоздали. Для доказательства он ссылается на историю различных литератур вообще.

«Если от чистого мышления, говорит он, мы обратимся к литературе в полном смысле этого слова и к искусствам, мы найдем весьма уважительную и *простую причину*, по которой женская

литература, по общей концепции и главным чертам своим, *есть подражание мужской*. Почему римская литература, как нам критики досыта нажужжали, не есть литература оригинальная, а есть подражание греческой? *Просто потому, что греческая предшествовала ей по времени*. Если бы женщины жили в другой стране, чем мужчины, и *никогда не читали бы ни одного мужского сочинения*, у них непременно сложилась бы собственная литература. Так как этого нет, то они не создали литературы, потому что нашли целую, сильно развитую литературу уже созданную» (стр. 178).

Так просто и легко объясняет нам философ самые трудные вещи. Различие между духом греков, художественным по преимуществу, и духом римлян, преимущественно политическим это различие не существует для нашего скептика. Он твердо уверен, что все люди равны по способностям, и что если бы не было греков, их дело было бы совершено римлянами.

Такие и подобные соображения и *догадки* предлагает Милль для объяснения разницы, существующей между мужчинами и женщинами. Характер этих объяснений очень ясен, да ясен и тот результат, к которому они стремятся. Несмотря на то, что никто еще не знает *науки об образовании характера*, мы уже теперь можем видеть существенные приемы и цели этой науки.

Эта наука заранее признаёт, что все характеры равны и что их различие есть случайное, зависящее от совершенно внешних обстоятельств, например, от физической силы. Она признает, что нет различий существенных, прирожденных, что все различия *образовались* из некоторого первобытного безразличия. Очевидно, это не скептицизм, а весьма упорный догматизм. История всех народов, опыты всех веков отвергаются только потому, что они не совпадают с предвзятою мыслью. Милль находит, что вся эта история и все эти опыты только мешали развитию женщин, препятствовали естественному обнаружению их характера. Милль беспрестанно приходит к требованиям и предположениям, представляющим полное отрицание самых естественных, самых необходимых условий существования женщины. В одном месте он выражает желание, чтобы не было той *положительной и несокрушимой связи, которую дети образуют между женщиною и мужчиною*; в другом месте ему хотелось бы, чтобы существовало общество *одних женщин*; в третьем, чтобы женщины *не читали бы ни одного*

мужского сочинения. Вот при каких условиях, по мнению Милля, могла бы во всем блеске проявиться женская натура. Теперь же будто бы все испорчено и искажено, так как к великому несчастью женщин существуют мужчины, которые их любят, приживают с ними детей и дают им читать свои сочинения. Очевидно, Милль, руководствуясь своею новою наукою *об образовании характера*, готов видеть неестественность и искажение в вещах самых простых и нормальных.

III

Из условий, предлагаемых Миллем для правильного и беспрепятственного развития женщины, есть однако же одно возможное, и в нем-то, как оказывается, все дело. Чтобы узнать истинные свойства женской природы, невозможно составить общество из одних женщин, нельзя уничтожить все мужские книги и художественные произведения, нельзя воспрепятствовать несокрушимым связям, образующимся между женщинами и мужчинами, но можно устранить *все юридические преимущества одного пола над другим* и посмотреть, что тогда будет.

Милль рассуждает довольно последовательно со своею скептической точки зрения. Он говорит, что женская натура до сих пор не могла свободно обнаружиться, так как на положение женщины имел влияние посторонний делу элемент физическая сила мужчин, из которой проистекли и юридические преимущества одного пола над другим. По правилам экспериментальной философии, когда требуется определить истинную природу какого-нибудь явления, нужно отнимать одно условие за другим и таким образом определить, какие свойства необходимо принадлежат явлению и какие для него случайны. Такого рода эксперимент и предлагает сделать Милль над женщинами. Попробуем отменить все особенные права и привилегии, которыми пользуются мужчины, и тогда мы увидим, какова настоящая, неискаженная женская натура.

«Если бы, говорит Милль, власть мужчины над женщиной при первом её водворении была результатом добросовестного сличения различных способов уладить строй общества, если бы *по испытании разных других способов общественной организации* власти женщины над мужчинами, равенства между ними, или наконец *разных комбинаций, которых много можно было бы выдумать*, — было решено *на основании опыта*, что тот способ, при котором

женщина находится вполне под властью мужчины, не пользуясь ни малейшим участием в публичных делах и будучи в частной жизни обязана законом повиноваться мужчине, с которым она соединила свою судьбу, — более всех способствует к счастью и благоденствию того и другой, тогда еще можно

было бы с некоторым основанием признать общее принятие этого способа за доказательство, что во время принятия его он был лучшим из всех».

«Но женский вопрос во всех отношениях поставлен как раз наоборот. Мнение в пользу существующей системы, вполне подчиняющей слабейший пол сильнешнему, основано на одной теории, потому что *никогда не было испытано никакой другой системы*, так что опытность, в том смысле, в каком она обыкновенно противопоставляется теории, уже *никаким образом не участвовала в приговоре*» (стр. 9, 10, 11).

Итак, вот источник великих несчастий и заблуждений человечества. Люди не сделали надлежащих опытов и принялись жить по первой попавшейся системе, не догадываясь, что могли бы жить по другим системам, которые, может быть, оказались бы лучше. Экспериментальная философия, эта глубокая мудрость, до которой мы, наконец, достигли, требует поступать иначе. Сделаем сперва все возможные комбинации отношений между женщинами и мужчинами, и тогда опыт решит, которая из них ведет к наибольшему счастью; ту мы и выберем. Теперь же мы живем по такой системе, в выборе которой опыт *нимало не участвовал*.

Но точно также, как Милль оказался непоследовательным скептиком, он оказывается не вполне последовательным и в методе экспериментов. Помощью различных соображений он отказывается от длинного и медленного пути опыта, и думает, что можно ограничиться всего одним экспериментом, который считает не только необходимым, но и совершенно достаточным, чтобы порешить вопрос. Нужно испробовать, по его мнению, одну следующую комбинацию или систему: установить равенство между полами. В доказательстве необходимости и пользы этого эксперимента и заключается сущность всей разбираемой нами книги.

Таким образом, цель книги Милля — чисто юридическое решение вопроса. По многим страницам можно подумать, что автор имел и другие цели, может показаться, что его занимали философские,

нравственные, эстетические и другие вопросы, но в сущности он имел в виду доказать, что женщинам должны быть предоставлены те же права, как и мужчинам. В этом отношении Милль совершенный англичанин; сперва он кажется отчаянным скептиком, отвергающим самые простые истины; затем вдруг является решительным практиком, для которого отвлеченные рассуждения не имеют большой цены, который имеет в виду практическое дело и стремится к нему с уверенностью и настойчивостью, чуждою малейшего скептицизма. В настоящем случае Милль думает, что его скептицизм и его практические цели совершенно совпадают.

«Люди, говорит он, по большей части не имеют ни малейшего понятия о действительной природе женщин, да и невозможно в настоящее время ни отдельным личностям из мужчин, ни всем мужчинам вместе иметь достаточного знания о ней, чтобы иметь право предписывать женщинам путем закона, в чем их призвание и в чем нет. *К счастью, такое знание не нужно для практического решения вопроса о положении женщины в отношении к обществу и к жизни. По всем принципам, руководящим современными общественными вопросами, это должно быть предоставлено решить самим женщинам*» (Стр. 64).

Это значит, что по современным принципам, женщинам должны быть предоставлены все права, какие вообще предоставляются разумным и нравственным существам. И для этого нам вовсе не нужно изучать действительную природу женщины, не нужно знать, искажена ли она или нет, не нужны все те рассуждения, которыми наполнил свою книжку Милль.

Таким образом, вопрос представляется в двояком виде: то он является как интересный эксперимент для открытия истинной природы женщины, то вдруг является как простое требование *принципов, руководящих современными общественными вопросами*. В первом отношении это предмет сомнительный, сложный, трудный; во втором, к нашему великому счастью он не допускает никакого сомнения и колебания. Хотя бы мы не имели никакого понятия о разнице между мужчинами и женщинами, хотя бы считали женщин несравненно выше, или несравненно ниже мужчин, нам все-таки следует уравнивать в правах оба пола.

Принцип же, из которого прямо истекает такое решение, и который получил большую силу в современных юридических поня-

тиях, есть следующий: «По новейшему убеждению, говорит Милль, плоду тысячелетнего опыта, все дела, в которых личность прямо заинтересована, никогда нейдут хорошо, если они не предоставлены её собственному усмотрению, и подчинение их правилам, сочиненным властями, далее того, что требуется для охранения прав других, действует непременно вредно» (стр. 42).

Вот главный принцип, на основании которого Милль требует, чтобы закон и учреждения не налагали на женщин никаких ограничений, чтобы на всех поприщах общественной и политической жизни женщинам предоставлена была свободная конкуренция с мужчинами.

IV

Но если так, то все дело принимает иной вид. Если женский вопрос сводится только на вопрос о праве, то он суживается и упрощается; он получает несравненно меньший объем, чем думает Милль. Дело становится даже совершенно простым и элементарным, если для самого права признать принцип, выставляемый Миллем, знаменитый принцип *laissez faire laissez aller*, принцип свободной конкуренции, свободной торговли. Тогда решение будет такое: не вмешивайтесь ни во что, не определяйте заранее ни цели, ни содержания чьей-либо деятельности. Все определится само собою; наилучший порядок тот, который сам собою возникает из беспорядка.

Но если так, то отсюда следует, прежде всего, что все предыдущие рассуждения Милля совершенно излишни. Если требование уравнивания полов вытекает просто из того положения, что женщины — такие же разумно-нравственные существа, как и мужчины, и что не религия или государство, а свободная конкуренция должна решать их годность или негодность к известному положению в обществе, к известной деятельности, то не стоит уже ни малейшей надобности рассуждать о природе женщины или заботиться о её благополучии. Если бы в силу свободной конкуренции женщины пришли в несравненно худшее положение, чем ныне, то и тогда, как известно из политической экономии, сумма общего благополучия вышла бы более прежней, и следовательно хуже никакого не было бы.

Отсюда нам открывается особенный характер книжки Милля. Очевидно, *право* у него имеет преувеличенное значение, несогласное с его собственными принципами. Попробуем рассмотреть

женский вопрос с этой стороны, различить в нем его действительное содержание от посторонних примесей.

Зачем рассуждать о природе женщины? Разве негры освобождены потому, что мы убедились в невозможности найти существенные отличия их от белого племени или уверовали в их полное равенство с белыми людьми? Если бы равенство способностей требовалось для равенства прав, то мы пришли бы к величайшим несправедливостям. Не в том ли состоит истинно человеколюбивое и христианское начало, что человеческое достоинство признается и за людьми малоразвитыми, за слабыми и неспособными? Если тупой и бессильный мужчина пользуется известными правами, то на каком основании этих прав может быть лишена умная и энергичная женщина?

Итак, весьма неправильно поступают те, которые, ратуя за равноправность женщины, опираются на то, что будто бы тот и другой пол имеют одинаковые духовные силы. Читая Милля, можно подумать, что если женщины не способны к гениальности в науках и художествах, если они не могут поравняться во всем с мужчинами, то будто бы можно их лишить некоторых прав. Но отчего же так? Почему можно думать, что для какого бы то ни было права, даже например для права заседать в парламенте, необходимы доказательства великих способностей? Нельзя же сказать, что это право дается только Аристотелям и Шекспирам, и что каждый член только потому и сидит в парламенте, что подает надежду произнести и высказать хоть одну гениальную мысль. Напротив, мы будем ближе к истине, если предположим, что между членами парламента есть и такие, которые, как говорится, хуже всякой бабы, или, по крайней мере, не выдумают пороку. А если так, то почему рядом с ними не может сесть и умная, и бойкая женщина? Как ни важны дела, решаемые в парламенте, нельзя опять-таки сказать, что для участия в них необходимо быть гением; очень может быть, что даже нужно не быть гением, что, например, Рафаэль или Бетховен, пожалуй были бы весьма плохими членами парламента. Для этих дел иногда всего пригоднее, может быть, были бы люди средственных талантов; и следовательно, отчего же в них не участвовать женщинам?

Вот как мы смотрим на дело. Если права должны быть даны женщинам, то не потому, что право есть нечто драгоценное, дос-

тупное лишь избранным, а потому, что обладание и пользование правами возможно и для людей мало способных и может быть им предоставлено без всякого препятствия.

Вот то различие в понятиях о праве, из которого мы выводим точку зрения Милля и объясняем себе содержание его книги. Как западный человек вообще, и как чистый англичанин, Милль придает правам гораздо больше значения, чем мы, русские. Для него право — главный, существенный вопрос, которому подчиняется все остальное. На всякое дело он смотрит с этой стороны; лишение права для него есть высшее зло, какими бы выгодами это лишение не сопровождалось, а обладание правом есть высшее благо, к которому должны сводиться все цели и способности человека. В одном месте он говорит:

«Так как подчиненность женщин мужчинам есть с незапамятных времен всемирный обычай, то *всякое уклонение от него* совершенно естественно кажется неестественным». Например: «Англичанам кажется в высшей степени неестественным, чтобы женщина *была солдатом или членом парламента*» (стр. 30 и 31).

Итак, быть солдатом и быть членом парламента в глазах Милля суть два *права*, которых мужчины не дают женщинам в силу привычки с незапамятных времен держать женщину в своем подчинении.

Не очевидно ли, однакоже, что *быть солдатом* есть не столько право, сколько обязанность, притом весьма тяжкая? Мы привыкли думать, что освобождение женщин от военной службы есть некоторая привилегия женщин, но Милль, как видим, и здесь находит лишение права. Если хорошенько вдуматься, то такая же разница в понятиях окажется и относительно другого права — быть членом парламента. Милль, конечно, не сомневается, что это есть высокое право, которым всякий должен дорожить (которого всякий должен добиваться); но нам, русским, прежде всего бросается в глаза другая сторона дела, и мы находим, что и быть членом парламента, значит исполнять некоторую важную и очень ответственную обязанность. Мы готовы видеть льготу для женщин в том, что они *не несут* государственной *службы*. Что для англичанина *право*, то для нас *служба*, и мы *несем* то, чем они *пользуются*.

Вообще всякое дело, всякое положение имеет эти две стороны: право и обязанность, и кто берет на себя известные права, тот берет

вместе и соответствующие обязанности. Поэтому в глазах людей всякое дело получает различный вид, различную цену и значение смотря по тому, что дороже человеку, власть или совесть. Если человек властолюбив, то ему всего более льстит обладание правами; а если он совестлив, то его всего больше пугает мысль об обязанностях. Мы, русские, очевидно принадлежим к этому второму разряду; мы гораздо больше думаем об обязанностях, чем о правах, и не любим брать на себя большую ответственность. Этим свойством многое объясняется в нашей истории; от него вероятно зависит немало темных и плачевных сторон нашей жизни; ибо где не любят и не ценят права, там оно часто попирается; где не дорожат властью, там легко злоупотреблять ею тем, у кого она в руках.

Западный человек, напротив, властолюбив в высокой степени; он дорожит правами и добивается их, потому что верит, что вполне способен пользоваться ими, что может наилучшим образом сделать все то, на что имеет право. Подобная вера в себя приводила и приводит европейцев часто к насилиям, которых русские никогда не совершали в таких размерах и с такую последовательностью, как европейцы. Нам никогда не приходило в голову, что мы можем держать в рабстве другой народ на том основании, что мы выше его своим развитием. Гордясь своими духовными началами, ставя свой народ весьма высоко, мы однако же не выводили из этого необходимости юридических различий между собою и инородцами. Только тот, кто считает, что высшие способности дают непременно и высшие права, может доказывать справедливость освобождения негров тем, что и негры способны к наилучшей умственной и нравственной деятельности. По нашему же, негры должны быть свободны, *хотя бы* далеко не могли поравняться с белыми в душевных силах.

Английские понятия о праве отразились, разумеется, и в английской жизни. Так например мы можем поверить Миллю, когда он утверждает, что подчинение женщин имело своим источником властолюбие мужчин.

«Несомненно, лестно для гордости, говорит он, обладать властью и выгодно лично пользоваться ею, и это удовольствие, эта выгода в этом случае (т. е. в женском вопросе) не ограничиваются одним каким-нибудь классом людей, а простираются на *всю мужскую половину человечества*». «Этот вопрос касается личности и

домашнего очага *каждого мужчины*, главы семейства, или имеющего в виду сделаться главой семейства. Последний мужик пользовался и будет пользоваться своею долею власти наравне с первым вельможей. Наконец, вопрос касается именно тех отношений, в которых более всего хочется власти: ведь каждому, *кому власти хочется*, хочется иметь ее над людьми наиболее близкими к нему, с которыми у него наиболее общих дел и в которых независимость от его авторитета всего чаще может мешать его личным вкусам» (стр. 24 и 25).

Вот изложение чисто английских чувств, того властолюбивого духа, из которого возникло юридическое устройство английского семейства. Отношения между членами семьи английские законы возвели на степень юридических обязанностей, и естественное главенство мужа обратили в законную власть. Приведем главные черты этого устройства, как их излагает Милль.

«По старым английским законам муж назывался повелителем жены (lord). На него буквально смотрели, как на *её личного государя*, и убийство мужа женой называлось *изменой* (только *малой*, — petty treason в различие от *высшей*, high treason, или государственной измены)» (стр. 74).

Но и в настоящее время законы в Англии сохраняют тот же характер.

«Жена, пишет Милль, в полном смысле невольница мужа, несколько не менее невольница, относительно легальной обязанности, чем настоящие купленные рабы. Она пред алтарем клянется в пожизненном повиновении и закон обязывает ее до гроба соблюдать эту клятву.»

«Она не может делать ничего иначе, как по разрешению мужа. Она не может приобретать собственность иначе, как для него. В ту минуту, как собственность поступает в её руки, хотя бы по наследству, она переходит в его власть. В этом отношении положение женщины по английским законам хуже положения невольника» (стр. 75).

Таково положение относительно собственности; не менее обделена женщина и в другом отношении.

«Какое положение занимает она относительно детей, в которых она и повелитель её одинаково заинтересованы? Они по закону *его* дети. Он один имеет над ними легальное право; она не может со-

вершить ни одного действия относительно их иначе как по его разрешению и повелению. Даже после его смерти она не делается их законной опекуной, если он не назначит ее опекуной в своем духовном завещании» (стр. 78). Таковы английские законы. Об них одних только и говорит Милль, ни разу не упоминая о других законодательствах. Между тем, если бы он принял в соображение и законы других стран, то может быть убедился бы, что не везде господствует то мужское властолюбие, которому он приписывает ограничение прав женщины, и что едва ли существует тот общий заговор мужской половины человеческого рода против женской, о котором можно заключить из многих мест книжки Милля. По нашим русским законам, женщины ограничены несравненно менее. Пользуясь, как и везде, свободою от некоторых повинностей, они у нас обладают многими гражданскими правами совершенно в той же мере, как мужчины. Так, жена есть полная собственница своего имущества, и муж не имеет на это имущество ни самонаименьших прав. В случае смерти мужа, его дурного поведения и т. п. жена признается законом опекуной над детьми. В дворянских собраниях женщины обладают выборным голосом наравне с мужчинами и пр. Одним словом, в нашем законодательстве вовсе не существует того принципа полной бесправности женщины, который господствует в законодательстве английском. Как в отношении к инородцам, так и в отношении к женщинам русские люди никогда не были так скупы на права, как англичане.

Отсюда мы видим особенный характер книжки Милля. Очевидно это сочинение есть отчасти протест против существующего в Англии порядка, протест, для которого у нас нет таких сильных и многочисленных поводов, как там. Мы были поэтому весьма удивлены соображениями г. Благосветлова, который в предисловии к переводу Милля выражается так: «Если предлагаемый Миллем идеал свободной женщины еще далек от своего осуществления в среде такой высокой цивилизации, какова английская, то какое же отношение он может иметь к нам, идущим по крайней мере на два столетия позади англичан в умственной культуре?» (см. стр. III).

Подобные общие соображения весьма неосновательны. В действительности оказывается, что по женскому вопросу, если в нем за главную сторону признавать юридические отношения, мы ушли

далеко вперед англичан. В Англии требуется коренного изменения в законодательстве, внесения в него нового принципа; у нас же оказывается нужным только развить те самые начала, которые уже лежат в основании наших законов.

Мы видим, таким образом, что женский вопрос в том виде, как его представил Милль, имеет своеобразный, именно вполне английский характер. С другой стороны, мы можем отчасти видеть, что такое женский вопрос у нас в России. Этот вопрос, очевидно, никак не составляет выражения потребностей русской жизни. Это явление отчасти привозное, отчасти сочиненное. Завезли его к нам иностранные книжки, а подсочинили его петербургские сочинители, которые, подобно г. Благодетелю, далеки от всякого прикосновения с русской жизнью, которые вовсе не обращают на нее внимания, а занимаются писанием статей и изданием журналов. Статьи пишутся и журналы составляются по тому рецепту, который так наивно обнаружен г. Благодетелем в приведенных нами словах. Принцип для суждений и темы для вопросов целиком заимствуются от каких-нибудь передовых европейских людей. Поступая таким образом, наши писатели заранее уверены, что они приносят к нам лучшие плоды прогресса, последние выводы человеческого ума, и что таким образом способствуют просвещению своего невежественного отечества. Знать же свое отечество они почитают совершенно излишним на том самом основании, которое приводит г. Благодетель: если что-нибудь, думают они, составляет прогресс для Англии, то тем более то же самое должно составлять прогресс для России.

Таким образом, произошло, что, например, наши просвещенные люди вдруг воспылали против нашего смиренного и забитого духовенства тою ненавистью, которую возбудили против себя на западе властолюбивые и могущественные католические духовные. Возгорелась война против капитала, тогда как у нас нет капиталов; явился фабричный вопрос, тогда как наши фабрики составляют весьма незначительное явление среди массы народа, занимающейся земледелием, скотоводством и т. п.

Точно так же возник и женский вопрос. К величайшему сожалению нужно признать, что в этом вопросе нет ни единой нашей самобытной черты, что мы не слышим в нем выражения какой-нибудь действительной потребности русских женщин, а видим

только напускные требования, подражание иностранцам, фантазию, не имеющую никакой правильной и ясной связи с действительностью.

Вот зло — величайшее, и кто хлопочет о женском вопросе, тот должен сюда устремить все свои усилия. При том постоянном возбуждении умов, которое производится у нас авторитетом и влиянием запада, женский вопрос имеет у нас неизбежное и в известном смысле законное существование. Лишить этот вопрос его фантастических форм, как-нибудь сблизить его с действительностью, откинуть бессодержательные, напыщенные декламации и свести дело к действительным надобностям и к возможным средствам для их удовлетворения — вот настоящая цель для наших новаторов и прогрессистов.

Но они, кажется, думают не о том. Не считает ли себя тот из них превосходнее других, кто заскакал всего дальше от действительности и от настоящих живых интересов?

Впрочем, нынче являются многие признаки отрезвления, и авось время все перемелет, авось мы дождемся и самостоятельно-го умственного движения у наших женщин и мужчин.

V

Англичанки находятся в очень дурном юридическом положении, гораздо худшем, чем русские женщины. И однако же всему свету известно, что такое англичанка. Это очень высокий тип женской красоты и женских душевных качеств, и с этим типом не могут равняться наши русские женщины, несмотря на то, что издавна находились в несравненно лучшем юридическом положении. Вот сторона женского вопроса, очевидно вовсе упущенная из виду Миллем. Между тем, это сторона вполне действительная и для нас весьма важная. Во многих русских семействах девушек учат английскому языку именно для того, чтобы сделать им доступною английскую литературу, в которой отразился образ английской женщины. Английские романы составляют обыкновенное, давно у нас принявшееся и заведомо доброкачественное чтение для женщин и девушек. Англия — классическая страна чистых семейных нравов, подобно тому как Франция есть классическая страна любовных похождения. Вот сторона дела, которую, по-видимому, никак нельзя упускать из виду и которая не может нас не интересовать. Что будет из русской женщины? Даст ли она миру новый образец красоты человеческой природы или же оста-

нется примером бесцветности и, пожалуй, какой-нибудь нравственной уродливости?

В сущности, ведь это одно только и важно; важно не право, не свобода, а то, для чего нужны право и свобода. Право и свобода суть только возможность что-нибудь делать, только отрицательное условие деятельности, только отсутствие помех для раскрытия сил. Истинная же пружина жизни, положительное её условие суть некоторые определенные цели и желания, некоторый идеал деятельности, ясно установившийся в душе. Только те стремления и хороши и сильны, которые опираются на такой определенный идеал. Мы непременно завоюем известное право, непременно добьемся известной свободы, если это право и эта свобода для нас не беспредметны, если они дороги нам по положительным целям в них содержащимся.

Чем должна быть, или все равно чем хочет быть женщина?

На этот вопрос мы не встречаем у Милля никакого ответа. Может быть, нам скажут, что в этом случае мы несправедливы к Миллю, что он, по самой цели своего сочинения не считал нужным задаваться таким вопросом. Самое заглавие книги показывает, что он имел в виду только один юридический вопрос, хотел говорить только о *подчинении* женщин, а не о том идеале, к которому они должны стремиться. На это заметим, что разделить эти два предмета невозможно, и что главная ошибка Милля, конечно, заключается в том, что он не взял женского вопроса во всей его общирности, упустил из виду главную точку зрения.

Так этому и следовало быть вследствие самых приемов и основ мышления Милля. Мы рассмотрели его книжку с двух сторон, с теоретической и с практической. В философии Милль скептик, в практике индивидуалист, в том и в другом случае чистейший англичанин и протестант. *По счастью*, как он сам говорит, одно другому не мешает; мы же могли бы сказать *по несчастью*, одно другому помогает. Какой может быть идеал женщины у скептика, который настойчиво утверждает, что мы не имеем ни малейшего ясного познания о женской натуре? С другой стороны, какой может быть идеал женщины у индивидуалиста, для которого независимость одного человека от другого есть лучшая идея человеческой жизни, для которого власть, право дороже всего на свете? Даже на самые естественные связи женщины, на её связь с му-

жем, с детьми, Милль смотрит, прежде всего, как на некоторые препятствия свободе и приписывает им даже вредное влияние на развитие женщины.

Идеала женщины, очевидно, нужно искать в другом разряде идей, в другом направлении мышления. Только тот, кто сколько-нибудь понимает своеобразие женской природы, кто видит красоту и достоинство человеческой жизни не в одном обладании правами, не в одном ненарушимом произволе *личных вкусов* (так, как мы видели, выражается Милль), только тот может прийти к понятию о некотором *женском идеале*.

Для скептика все равно, есть ли разница и в чем разница между мужчиною и женщиною. Но для того, кто признает между полами определенную разницу, уже не может быть все равно как и в чем эта разница проявляется. Мы любим и ценим именно те вещи, в которых их род выражается со всею определенностью. Нам одинаково противны и женоподобный мужчина, и мужеподобная женщина. Так точно мы не любим и стариков, прикидывающихся молодыми, и юношей, блистающих зрелостью, и всякого другого извращения природы, столь обыкновенного между людьми. Поэтому прежде всего и больше всего мы желали бы в женщине самого чистого и ясного развития женских качеств, а не каких-нибудь других.

Женщина, как известно, по красоте, по прелести душевной и телесной есть первое существо в мире, венец создания. Недаром же статуи языческих богинь и картины христианских мадонн представляют высочайшие выражения красоты, доступной искусству. Но благородство и прелесть женской природы принадлежат ей только на том условии, чтобы она не изменяла самой себе. Чем прекраснее вещь, тем отвратительнее её отклонения от типа, извращения её природы. Из женщин выходят не одни богини и мадонны, из них же выходят и фурии, и ведьмы. Отклонения тем возможнее, тем многочисленнее и глубже, чем выше и чище идеал. Мужчина по самому существу дела никогда не может достигнуть той степени отвратительности, до которой доходит женщина.

И, следовательно, если мы только признаем за собою некоторое разумение женской природы, то главною целью нашею будет охранение её во всей чистоте, развитие тех качеств, которые она может иметь, и устранение тех недостатков, которые ей свойственны.

Обыкновеннейший порок женщин есть их фальшивость, отсутствие искренности и естественности. Одно из самых злых замечаний относительно женщин принадлежит Пигасову (в «Рудине» Тургенева), который уверял, что добыть естественный звук от женщины можно не иначе, как неожиданно хвативши ее колом в бок. Новейшие преобразователи истории, желающие радикально изменить человеческое общество и человеческую натуру, должны бы, кажется, подумать об исправлении этого недостатка; между тем они думают о прямо противоположном, они внушают женщинам новое притворство, новую фальшивую роль: они хотят, чтобы женщины подражали мужчинам.

Если бы женский вопрос истекал из каких-нибудь женских потребностей, если бы он был делом самих женщин, мы бы весьма охотно с ним помирились, простили бы ему все крайности. К несчастью, дело идет иначе; женский вопрос выдуман мужчинами, и женщины схватились за него, как они хватаются за все, чем надеются привлечь внимание мужчин. Женщины вдруг почувствовали то, чего они никогда не чувствовали; они почувствовали жажду к наукам, как будто науки в первый раз явились им, а до тех пор существовали не в кабинетах их мужей и братьев, а где-нибудь за тридевять земель. Вдруг женщины стали мечтать о политических правах, как будто до сих пор они и понятия не имели о том, что есть на свете политические права. История вовсе не представляет нам примеров стремления женщин к политическим правам; это стремление выдуманно современными мужчинами.

И однако же мы вовсе ничего не имеем против развития законодательства в смысле уравнивания прав полов; нас возмущает только фальшивый вид всего дела, преувеличенное значение, приписанное одной его стороне, и нелепый скептицизм относительно самых простых вещей.

В одном месте Милль сам сознается, что если бы женщинам даны были все возможные политические права, то для большинства женщин эти права оказались бы совершенно ненужными, совершенно лишними. Вот это прекрасное место: «Женщина, выходя замуж, собственно говоря, уже *выбирает себе род занятий*, точно так же, как мужчина, выбирающий профессию: о ней можно сказать, что она посвящает себя ведению хозяйства, воспитанию детей, как специальности, на столько лет своей жизни, сколь-

ко потребуется на это дело, и потому отказывается на это время не от всяких занятий вообще, но от занятий, помешавших бы ей в исполнении избранных ею обязанностей. Постоянные, систематические занятия вне дома при таком взгляде *сами собою*, без постороннего вмешательства *не входили бы в программу большинства замужних женщин*. Но следовало бы предоставить всевозможный простор применению общих правил к личным особенностям и не должно бы быть никакой помехи, препятствующей женщине, которую способности её исключительно влекут к тому или другому роду занятий, следовать своему призванию несмотря на брак, причем всегда найдется способ как-нибудь *иначе* уладить *неудобства, которые неизбежно вкрадутся в семью и в хозяйство вследствие неполного исполнения ею простых обязанностей хозяйки и матери семейства*. Все эти вопросы, если бы только общественное мнение взглянуло на них как следует, можно бы *без малейшей опасности* предоставить собственному решению заинтересованных лиц, без всякого вмешательства закона» (стр. 120 и 121).

Итак, для большинства замужних женщин невозможно посвящать себя другим делам, кроме *простых обязанностей хозяйки и матери семейства*. Но найдутся женщины с особыми способностями, с особым призванием к делам менее простым; тогда возникнут *неудобства и неполное исполнение* семейных обязанностей, но Милль уверяет, что будто бы тут нет даже малейшей опасности, что и тут нужно держаться правила *laissez faire, laissez passer*.

В других местах Милль еще яснее показывает, для кого он собственно хлопочет.

«Женщины, говорит он, на которых лежит забота о семействе, куда заботы эти не сняты с них, имеют *хотя* этот исход своим способностям и деятельности, и *он вообще оказывается достаточным*. Но что же скажем мы о *постоянно возрастающем числе женщин, не имевших случая исполнить призвание*, которое, точно в насмешку уверяют их, исключительно прилично им? Что скажем мы о женщинах, потерявших детей через смерть или разлуку, или дети которых выросли, переженились и повышли замуж и обзавелись собственным хозяйством?» (стр. 248).

Итак, старые девы и пристроившие всех детей своих старухи — вот те лица, для которых необходимы политические права. Число старых дев, по уверению Милля, *постоянно возрастает*, и ка-

жется, для них-то главным образом и подымается женский вопрос. Говоря о том, что, конечно, молоденькие женщины не годятся в члены парламента, Милль делает следующее весьма определенное замечание.

«Здравый смысл говорит, что если бы подобные должности стали бы вверять женщинам, то только тем из них, которые бы оказались *без особенного призвания к супружеству* или предпочли бы другое употребление своих способностей (ведь и теперь *много женщин, предпочитающих браку любое из тех немногих почетных занятий*, от которых они не исключены) и потому посвятили бы большую часть своей молодости стараниям подготовить себя к занятиям, которым они намерены посвятить свою жизнь; или еще чаще, по всей вероятности, *вдовам и женам лет под сорок, под пятьдесят*, которым знание жизни и умение управлять, приобретенное в семействе, при помощи нужных научных занятий могли бы весьма пригодиться в менее тесной сфере» (стр. 251).

Итак, вот кого мы увидим в парламенте. Это будут те немногие пятидесятилетние старухи, которые сохранили свои силы, несмотря на семейные заботы; да кроме того, это будут те интересные девицы, которые не имеют *особенного призвания к браку* или предпочитают супружеству другия занятия, вероятно, кажущиеся им более *почетными*. Милль точно радуется, что таких девиц становится все больше и больше; они составляют, конечно, главный предмет его забот.

Вот где было бы совершенно кстати вспомнить *науку об образовании характера*. Не объяснила ли бы нам хоть эта наука, как являются женщины, не чувствующие склонности к браку, и какого свойства бывают эти женщины?

Общий вывод совершенно ясный: для общественных дел требуется женщина *бесполоя*, то есть, или такая, которая не имеет пола от рождения, или такая, которая перешла уже за пределы полового возраста. *Бесполость* достигается еще одним средством, весьма известным в истории женщин, игравших политические роли; обыкновенно, такие женщины, отвергая брак, отвергают вместе и любовь, и стыдливость; они становятся развратными не в силу похотливости, как обыкновенные испорченные женщины, а в силу равнодушия к чисто женским стремлениям, в силу уклонения от пути женской природы.

Итак, женский вопрос имеет главнейшую важность и силу для бесполоых женщин; развитие женского вопроса стремится к распространению бесполости между женщинами. Что же хорошего во всем этом? Не есть ли это крайняя уродливость, о которой невозможно говорить без отвращения? Застарелая дева или женщина распущенных нравов — вот один из результатов, к которому необходимо приводят эксперименты, предлагаемые Миллем. Пусть женщинам будут открыты всевозможные поприща; что же из этого выйдет? Может быть, явится из женщин несколько порядочных солдат, несколько недурных членов парламента. Велик ли от этого будет выигрыш для человечества? А какое извращение истинной женской природы, какой опасный пример!

С ясным духом и спокойною совестью Милль советует зачеркнуть все наши понятия о женском идеале, забыть все то, в чем мы полагаем красоту и достоинство женской жизни, выбросить из головы все цели и стремления, определяющие собою житейское поприще женщины, и начать все сызнова. Если бы подобная нравственная анархия была возможна, если бы женщины вдруг могли забыть свой пол и пуститься в свое жизненное поприще, не отличая себя от мужчин, не имея никаких чисто женских целей, то отсюда произошли бы для женщин величайшие затруднения и опасности. Эту опасную сторону женского вопроса напрасно упускают из виду, и нравственная опасность, по нашему мнению, тем страшнее, что она менее бросается в глаза, а между тем, существует столь же реально, как материальная.

Не думаем, чтобы когда-нибудь на женщин была возложена рекрутская повинность. Самым ярким завоевателям, которые забирали в войска всех мужчин своего народа, пригодных для войны, никогда не приходило в голову усилить свое войско хоть одним отрядом женщин. Но гораздо возможнее ввести женщин в экономическую борьбу, поставить их в ряды самостоятельных трудящихся, непрерывно воюющих за средства и удобства существования. Если бы это могло произойти в больших размерах, то результат вышел бы самый плачевный. Нет никакого сомнения, что в свободной конкуренции труда мужчины задавили бы женщин, имели бы над ними постоянное и громадное превосходство, и, следовательно, заставили бы их влачить весьма жалкое существование. Наконец, в нравственном отношении опасность никак не

менее. Женщина, отказавшаяся от идеала жены и матери, возмечтавшая о *более почетных* занятиях (как будто есть на свете звание более почетное, чем, например, *мать!*), такая женщина легче всякой другой испортит свою судьбу, доведет себя до какого-нибудь нравственного уродства, которого пожалуй не только не будет замечать, но которым будет даже хвалиться!

Горе тем, которые потеряли руководящий нравственный идеал! Промышленность, труд, политические права, государственные дела все это вещи прекрасные; но есть нечто, что стоит и должно стоять выше всего этого. Мы, русские, всегда это понимали, никогда не ставили красоту и достоинство человеческой жизни в тех вещах, в которых они вполне заключаться не могут. Идеал жизни для нас всегда стоял выше.

Общество должно свято хранить женский идеал и давать всякий простор его раскрытию и его осуществлению. Но это делается не столько законами и правами, сколько тем духом, в котором заключается внутренняя сила общества.

Что же касается до прав и привилегий, то нельзя не пожелать от души, чтобы женщинам были открыты всевозможные поприща. Но для чего мы желаем этого? Это нужно, по нашему мнению, на случай несчастья, на случай неудачи в жизненном пути, на тот случай, когда женщине нужен какой-нибудь исход из бедственного положения. Жизнь человеческая полна несчастий. Девушка не нашла себе супруга, жена потеряла мужа, мать детей. Прежде в таких случаях часто шли в монастырь; нынче Милль предлагает поступить в солдаты или добиваться места в парламенте. Что же? Когда некуда себя девать, когда жизнь разбита казарма и парламент тоже годятся для того, чтобы как-нибудь скоротать свой век.

Итак, на случай крайности, в виде исключения, в виде неизбежного зла — можно и женщинам вступать на неженские поприща. Но видеть в этом что-либо желательное, и всячески толкать женщин на несвойственные им пути было бы нелепо и вредно. Нынче все помешались на счастье и думают, что при всевозможных случайностях можно устроить для человека счастливую жизнь. Нам кажется это невозможным и мы думаем, что права и привилегии нужны именно для несчастных женщин, и притом, не для уничтожения, а только для облегчения их несчастья.

VI

Женский вопрос один из самых интересных и простых примеров влияния на нас Европы. Подчиняясь авторитету Запада, постоянно обращаясь к нему, как к источнику просвещения и умственного развития, мы и в женском вопросе идем по его следам. Что же он дает нам? Вместо *идеала женщины*, вместо представления того, в чем должна состоять красота женской души и достоинство женской жизни, Европа насылает на нас только те болезненные стремления, которыми сама страдает. Недавно, преимущественно со стороны Франции, к нам приходило и прививалось учение о так называемой *реабилитации плоти*, о свободе связей между мужчинами и женщинами. Мы преклонялись перед *Лукрецией Флориани*, женщиной до такой степени холодной и в то же время исполненной страстных порывов, что она ни одного мужчину не любила *более восьми дней* (так она сама признавалась, уверяя, что затем она уже поддерживала связь без любви) и в тоже время едва ли более восьми дней провела без какого-нибудь мужчины. Мы русские очень снисходительны в этом случае; мы не особенно караем и преследуем наших Магдалин, но и не возводим их в героини и святые. Нужна была католическая крайность, католическое преувеличение презрения к плоти, чтобы вызвать в виде реакции ту распущенность понятий, которая некогда разумелась под эмансипациею женщин. А мы принялись впитывать в себя эту распущенность, как будто и без того в нашей жизни было мало всякого рода безобразий.

Ныне другое явление; из Англии и из Америки к нам прививается политическое властолюбие, заразившее там женщин. Мужчины там так властолюбивы, что некогда лишили женщину всяких прав; теперь же свою страсть к власти они внушают своим женам и сестрам. Подобное явление весьма естественно на Западе, где права имеют такое высокое значение, где естественная реакция должна была вызвать со стороны женщин требование прав. Но какой смысл имеет это у нас? К нашему счастью или несчастью, мы ставим право невысоко, мы легко от него отрекаемся; мы никогда особенно не притесняли наших жен и сестер; и вдруг поднимается протест против какого-то мнимого зла в общественном устройстве. Наше общество пока таково, что немного прав принадлежит мужчинам, немногие умеют их ценить и пользоваться ими, очень часто попадаетея бесправие и беззаконие; и что же? Вдруг оказывается,

что зло будто бы заключается не в общем порядке вещей, которому одинаково подчинены мужчины и женщины, а в том

будто бы, что мужчины стоят за свое первенство и не хотят уступить места женщинам. Не странно ли подобное извращение дела? Не значит ли это драться из-за медвежьей шкуры прежде, чем убит медведь?

Таким образом все, что приносит к нам Запад по женскому вопросу и весьма мало касается нашей жизни, мало идет к ней, и в то же время отличается явной односторонностью, явным отсутствием какого-нибудь цельного взгляда на дело. Запад очевидно не имеет ясного идеала женщины; он его утрачивает или забывает, и русская женщина, если не имеет своего собственного идеала, не найдет для себя руководства в передовых европейских писателях.

Читатели нас простят, если мы не говорили здесь о самых важных и интересных сторонах женского вопроса, об отношениях женщин к мужчинам, о детях, семье и пр. Книжка Милля, как мы видели, не касается этих важных предметов и имеет центр тяжести в вопросе о праве. Вот самое лучшее доказательство односторонности и неполноты, с которою трактуется все дело. Говоря о правах и обязанностях жены и мужа, Милль вовсе не думает о той связи, которая существует между этими лицами, как женой и мужем, а рассматривает брак как всякое другое *товарищество*.

«Личная ассоциация, говорит он, помимо брака чаще всего встречается в виде товарищества по торговым делам, и никто до сих пор не ощущал надобности в законе, постановляющем, чтобы в каждом таком товариществе один из членов фирмы пользовался полной властью во всех делах, а другие были обязаны повиноваться ему».

«Закон никогда ничего подобного не делал, и опыт вовсе не доказывает необходимости существования какой-то теоретической неравноправности между членами одной фирмы или других условий товарищества, кроме условий, *которыми сами товарищи связуют себя по контракту*. Между тем исключительная власть в этом случае была бы менее опасна для прав и интересов подчиненного, чем в *брачном товариществе*, потому что члены торговой фирмы все-таки сохранили бы право свободного выхода из ассоциации; жена же этого права не имеет» (стр. 96, 97).

Вот та точка зрения, с которой Милль смотрит на брак; он удивляется что *брачное товарищество* не рассматривается законом как всякое другое товарищество; он больше всего заботится о власти и желает, чтобы люди и в браке так же ревниво ее оберегали, как и в торговых ассоциациях.

О любви и супружеской нежности Милль ничего не говорит, как будто это предмет вовсе посторонний для женского вопроса, как будто это одно из случайных или искусственных условий современного быта, испорченного историей. Вот где глубочайшая ошибка. Легко было бы, однако, же усмотреть, что не будь половых различий и половых отношений между женщинами и мужчинами, не было бы вовсе и женского вопроса. Если бы для женщины не было наилучшим условием правильной жизни — связать себя навсегда с одним мужчиной, а для мужчины с одною женщиною, тогда конечно закон не имел бы никакого повода рассматривать *брачное товарищество* иначе, чем всякое другое. Тогда вопрос о власти между супругами не имел бы никакого смысла, и тысячи затруднений, возникающих из сущности брака, вовсе не существовали бы. Современные мыслители очень хлопочут о том, чтобы уничтожить эти затруднения, но кажется эти хлопоты сводятся у них к одному, весьма простому соображению: если уничтожить брак, то уничтожатся и все его затруднения.

Так врачи, не умея вылечить больной руки или ноги, отрезают эту руку или ногу. Не нужно однако же забывать, что подобные средства представляют только выбор более легкого из двух тяжких зол, и что есть предел такому выбору: нельзя отрезать больную голову; а выкинуть брак из жизни людей по нашему мнению то же, что отрезать голову человеку, у которого она ранена или заражена.

Несправедливо Милль говорит, что положение женщины определено двумя факторами: властолюбием мужчин и перевесом на их стороне физической силы. Существенный фактор, определявший и имеющий определять это положение, есть пол женщины. Взаимное влияние мужчины и женщины зависело, главным образом, от того, что они смотрели друг на друга, как на существа разного пола; существенный интерес для той и для другой стороны заключался в этом их отношении. Мужчина подчинялся требованиям, которые делала женщина, желавшая от него известных

качеств, как от жениха, возлюбленного, мужа, отца своих детей. Женщина развивалась под влиянием идеала, который мужчина составлял себе о невесте, любовнице, жене, матери. Несправедливо и нелепо говорить, что мужчины при этом думали только о власти; есть вещи гораздо слаще власти, есть в человеке стремления более высокие и никогда незаглушающиеся. Человечество засвидетельствовало, что оно гораздо лучше, чем о нем думает Милль. Чистота девы, любовь жены, чувства матери составляют предмет благоговения мужчин, перед которым они преклоняются и который охраняют часто гораздо ревностнее, чем всякую власть и всякий закон.

Отношения между полами, эти таинственные и многозначительные отношения — источник величайшего счастья и величайших страданий, воплощение всякой прелести и всякой гнусности, настоящий узел жизни, от которого существенно зависит её красота и её безобразие, — эти отношения упущены из виду Миллем и не внесены им в женский вопрос. Это значит, философ выпустил из рассматриваемого явления самую существенную его сторону и думал, однако же, понять и объяснить явление.

Не в праве ли мы после этого сказать, что женский вопрос после всех подобных толков остается столь же загадочным и неисчерпанным, как и прежде? Все рассуждения Милля ходят только вокруг да около; его скептицизм и неправильные попытки приложения экспериментального метода всего больше и яснее свидетельствуют об одном о слепоте к самым ясным явлениям, о глухоте к самым громким требованиям человеческой природы. Женский вопрос, так как понимает его Милль, вытекает не из сущности отношений между женщинами и мужчинами, а из источников совершенно посторонних. И, следовательно, мы вправе сказать, что этот вопрос есть плод непонимания дела, а вовсе не какого-либо слишком глубокого проникновения в него.

1870. 11 февраля.

В. Стасов
НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА СТАСОВА¹

Приступая к рассказу о деятельности моей сестры в течение ее зрелых годов и всего более о ее участии в русском женском движении 50-х и 60-х годов, я считаю нужным сначала в кратких чертах изложить, откуда пошло это движение, какие были его причины, какой ход, а потом и результаты.

Русская история доказывает точь-в-точь то же самое, что и история других европейских народов, а именно что женщина ничуть не ниже мужчины по способностям, по уму, по дарованиям, по энергии, по инициативе; но если существовала всегда громадная разница в участи и истории мужчины, с одной стороны, и женщины — с другой, то причина лежит не в натуре женской, а во внешних обстоятельствах, в насилии, в угнетении, происходившем в течение долгих столетий. Умных, даровитых, великодушных, дальновзорких и сильных женщин всегда бывало немало на свете, но только они были постоянно задавлены и одурачены. С их умом, способностями и волей было всегда совершаемо то самое, что всегда совершалось с ногами китайских женщин: на них тотчас же, с первой минуты рождения, надевались прочные колодки, башмаки-давители, с множеством перевязок, и спастись от страшной операции возможно было разве только словно каким-то чудом. Зато едва появлялась малейшая возможность, едва мелькал самый капельный просвет, женщины расправляли смятые пружины души и скоро доказывали, что и они тоже люди, что и они способны быть не все только изящными цветочками и грациозными побрякушками, но и созданиями, полными мысли, чувства, понимания жизни и стремления к истинному интеллектуальному бытию и всяческому творчеству. Как у средневековой Европы всех стран, так и у средневековой Руси были свои княгини Ольги и Марфы Посадницы, начинавшие и совершавшие великие дела народные; как у Европы новых времен, так и у России последних столетий были свои царевны Софьи, свои великие княжны Натальи Алексеевны, свои княгини

¹ Воспоминания и очерки. СПб., 1899

Дашковы, из которых одни способны были двигать большие массы народные и направлять их к крупным целям, другие, в стране еще полуазиатской, пробовали прививать своему народу богатые плоды европейской цивилизации, но вместе разили своими комедиями и сатирами вековой застой и косность всеобщую; третьи бодро и смело становились во главе светлого просвещения своего народа и давали ему могучее направление. Наконец, целая масса других русских женщин, тех, которые были менее одарены для целей интеллигенции, но не менее предыдущих женщин одарены золотой душой и сердцем, посвящали себя делам сострадания, милосердия, сердолобия, одушевленной помощи бедствующим и страждущим — вообще посвящали себя высокопочтенному делу филантропии. Таковы были благочестивые княжны и княгини, боярыни и монахини средневековые. Таковы были Евфросиньи Полоцкие, Евфросиньи Суздальские, Февроньи Муромские, Юлиании Лазаревские и множество других; таковы были позже наследницы их, женщины прошлого и настоящего века, проявившие несокрушимое мужество сердечное и непобедимое желание добра, — такими вышли сначала, в 20-х годах нашего столетия, декабристки; после них — сотрудницы общества посещения бедных 40-х и 50-х годов, наконец, добровольные сестры милосердия времени войн 50-х, 60-х и 70-х годов — женщины из всех слоев русского общества. Великолепны и чудесны были их великодушные дела, и вечная им слава в истории нашей, но нигде тут не было еще ни малейшего помышления о правах женщины. Везде все дело шло только об обязанностях ее. Ощущение права еще спало непробудным сном. И так было не у одних нас. То же самое было везде и у других.

Но великий переворот в умах, начавшийся во Франции еще в начале XVIII века и кончившийся громовым переломом жизни в конце столетия, коснулся громадным крылом и участи женской. Женщина была официально признана существом, равным мужчине.

Конечно, это сделалось не сразу и не без сопротивления. Даже Руссо, будучи истинно великим человеком и великим умом, пламенным защитником поправленных прав, чудным герольдом правды и справедливости, все-таки еще не был в состоянии понять новых, начинавших раздаваться около него требований. В «Новой Элоизе» (1759) он возражал дерзким новаторам только старинными банальностями: «Совершенная женщина и совершенный мужчина

должны столь же мало походить друг на друга душой, как и лицом. Эти *напрасные* подражания чужому полу — верх сумасбродства: они смешат мудрого человека и гонят прочь любовь. У кого нет $6\frac{1}{2}$ фута роста, басового голоса и бороды внизу лица, тот не должен соваться быть мужчиной...» В своем знаменитом «Письме к Даламберу» (1758) он также говорит: «Нет для женщины ничего доброго вне уединенной и домашней жизни; кроткие семейные и хозяйственные заботы — настоящая их доля; достоинство их пола заключается в скромности; искать мужских взглядов — это уже значит давать себя подкупать; всякая женщина, выходящая в публику, уже бесчестит себя...» На эти ординарные пошлости было тогда у Руссо много товарищей в публике и печати.

Но, кроме Руссо, был тогда у Франции также и Вольтер. Это был человек более глубокий, чем большинство его современников, невзирая на давно прицепленный к нему ограниченными и злобными консерваторами аттестат легкого и поверхностного человека. Он думал о женщинах уже совершенно иначе. Правда, не совсем еще отделавшись от общих вековых предрассудков, он провозглашал в знаменитом «*Dictionnaire philosophique*»²: «Мужчины обыкновенно превосходят женщину и телесною, и умственной силою. Бывали женщины ученые, бывали женщины воительницы; но никогда еще не бывало женщин с творческою изобретательностью», — и такие слова доказывают только, что даже и Вольтер иногда заблуждался и смешивал коренные способности женщины с теми результатами, которые были следствием приниженого и задавленного положения женщины в продолжение целых тысячелетий. Но все-таки этот самый Вольтер, в минуты полной свободы и светлости своего великого ума, еще в начале столетия, в 1736 году, писал своему приятелю Берже: «Женщины способны делать все то, что и мы, но вся разница между ними и нами только в том, что они гораздо милее нас...» В другом письме, уже к одной женщине, которую ему сильно хотелось убедить в способностях и интеллектуальных правах женщины, вопреки ходячим предрассудкам — к знаменитой маркизе Дюшатле, — он писал (в 1734 году): «Было время, когда во Франции, и даже во всей Европе, думали, что сметь учиться — для мужчин унижительно, а для женщин — неприлично. Первые полагали, что они рождены только

²Философский словарь (фр.)

для войны и праздности; вторые — для кокетства... Но это пред-
рассудки варварства. Если бы вместо того, чтобы писать сатиры
на женщин, Буало потолковал с самыми умными дамами фран-
цузского двора, он прибавил бы много грации и цветов к своим
произведениям. Напрасно он пробовал в своей сатире предать
посмеянию одну даму, учившуюся астрономии: он лучше бы сам
ей поучился... Мы живем в такое время, когда поэт должен быть
мыслителем, а женщины смело могут стать ими...»

Эти самые мысли, здоровые и могучие, были также проповеду-
емы товарищами Вольтера. Кондорсе, один из величайших умов
XVIII века, перед самым началом Великой французской револю-
ции высказал их (в 1787 году) в знаменитых своих «Письмах к граж-
данину Виргинии», и это уже не в виде отрывочных суждений и
мыслей, а в виде целой стройной системы и неотложного требова-
ния. «Почему мужчины имеют права? спрашивал он, — Потому
что они существа, способные иметь рассудок, нравственные идеи;
именно поэтому и женщины должны иметь те же самые права...»

Книга Кондорсе со своей несокрушимой логикой действовала
зажигательно, и, только началась революция 1789 года, посыпал-
ся целый дождь брошюр и книг, требовавших для женщин прав,
равных с мужскими. Еще при жизни Людовика XVI французские
женщины подавали ему «петицию», где говорилось: «Мы требуем
для себя образования, мы требуем для себя общественной служ-
бы, но не для того, чтобы завладеть мужской властью, но чтобы
быть более уважаемыми со стороны мужчин и иметь средства жить
обеспеченно против горькой доли». После того женщины требо-
вали от Национального собрания закона, который бы постано-
вил: полное уничтожение, навеки, во всей Франции, всех муж-
ских привилегий; утверждение за женщинами той же свободы и
тех же преимуществ, тех же прав, какие до тех пор принадлежали
одним только мужчинам. Одна из самых выдающихся, даровитых
и смелых женщин того времени, Олимпия де Гуж, выпустила в свет
книгу «Declaration des droits de la femme» («Заявление прав жен-
щины») в параллель к знаменитому «Заявлению прав человека»,
опубликованному Великим народным собранием 1789 года. В этой
книге она говорила: «Женщина родится свободной и равной в
правах с мужчиной. Пользование женщины естественными пра-
вами может быть ограничено только вечной тиранией, оказывае-
мой против нее мужчиной. Все граждане и гражданки должны быть

равны перед законом и потому должны быть равно допускаемы ко всем родам службы и занятий, смотря по своим способностям... Женщина имеет право идти на эшафот и потому должна также иметь право идти на трибуну...» Одновременно с этим возникли во Франции женские общества, женские товарищества, женские клубы, женские газеты, женские собрания. Во всех тогдашних политических дебатах, во всех общественных проектах и программах для полной перестройки жизни женщины принимали самое коренное и деятельное участие. Они даже успели возбудить своим слишком горячим вмешательством антипатию и ненависть самых главных заправил революции: Робеспьера и Мирабо. Выход женщины на публичную арену казался им чем-то незаконным, несообразным и вредным. И Робеспьер в 1793 году казнил на эшафоте ту самую Олимпию де Гуж, которая являлась самой блистательной, яркой и талантливой представительницей своего пола, за ее «попытки изменить установленный образ правления» (тогдашний террор). Вот как ново и враждебно было действительное, уже не идеальное, а практическое вступление женщин в общественную жизнь даже для самых фанатических поклонников свободы в новой Франции!

Конечно, грубо-солдатское время Наполеона I и реакционно-ханжеское Людовика XVIII и Карла X не могло быть благоприятно для каких бы то ни было человеческих прав, в том числе и женских; но именно во время этих траурных периодов истории продолжали тлеть и разгораться искры, загоревшиеся еще в конце XVIII столетия. В 1807 году появилась в печати первая книга Сен-Симона «Вступление к научным работам XIX века», в следующем, 1808 году — первая книга Фурье «Теория четырех движений», и в этих двух книгах лежал первый зародыш всех будущих сочинений обоих этих мыслителей, — сочинений, глубоко потрясших и изменивших впоследствии европейский мир. Не беда, что книг этих вначале не заметила масса и что обе они много лет пролежали по каким-то темным углам, для большинства неведомые. Кроме *большинства*, есть также еще *меньшинство*, а им-то именно и живет история, в нем-то главным образом она осуществляется и им-то движется вперед. Горсточка людей мало известных, а пожалуй, и вовсе не известных для прочего люда, страстно примкнула к мысли о возможности лучшей жизни для человеческого рода и, исправляя ошибки и заблуждения первоначальных учителей, повела их учение все вперед и

вперед, по настоящим жизненным дорогам. Но одним из главных столпов нового символа веры было учение о равноправии женщины с мужчиной и о необходимости для нее трудиться и действовать. К эпохе июльской революции 1830 года новое учение стояло уже крепко, во всей своей силе и расцвете. Множество свежих, мощных умов молодой Франции толпилось вокруг вождей и предводителей и в бесчисленных книгах, статьях, лекциях и беседах разносило это учение среди массы.

Еще во времена самого неограниченного деспотизма Наполеона I явилась во Франции женщина, во многих отношениях могучая умом, сильная самостоятельной мыслью, начинавшая задумываться об участи нынешней и будущей женщины, — г-жа Сталь. Но при всей значительности ее натуры, выдвигавшей ее на высокую позицию среди остальных европейских женщин, ей многого еще недоставало для того, чтобы взять ту сильную, глубокую и яркую ноту, которая должна была начать искупление и возвышение современной женщины. Г-жа Сталь была часто независима в своих суждениях и понятиях, она уже чего-то желала и начинала искать в отношении к настоящим правам женщины, она уже начинала жаловаться на униженное их положение, пробовала заявлять нечто о некоторой ее равноправности с мужчиной, и всего более в том, что касается брака и брачной жизни, но везде тут, во всех ее речах и мыслях, является налицо также огромное количество прежних европейских предрассудков, не дающих ей выступить истинным женским вождем и трибуном. В предисловии к своему роману «Дельфина» (впрочем, во многих отношениях очень замечательному) она говорит: «Мужчина должен уметь бороться с общественным мнением, женщина должна уметь подчиняться ему». В одном месте этого же романа героиня говорит: «Очень возможно, что даже суеверные представления более гармонируют с назначением женщины, чем умственная свобода. Эти слабые и колеблющиеся существа нуждаются в опоре, особенно когда они полюбили». Кто так думает, кто не способен подняться выше этих старинных понятий и символов веры, еще не способен разуть то, что для нынешней женщины потребно и что составляет истинное ее достояние. Оттого г-жа Сталь вышла женщиной даровитой и умной, не бесполезной в истории культуры нашего столетия, но ничего не сделавшей для самомалейшего шага современной женщины вперед.

Настоящей блестящей и талантливой распространительницей и водворительницей тех идей, которые специально относились к женщине и ее судьбе, требующей изменения, и уже начинали появляться во Франции, помимо г-жи Сталь, явилась Жорж Санд. По таланту, по дару творчества, по уму, по глубине мысли и чувства, по страстному увлечению это была, конечно, первая и высшая женщина из всех, какие были до тех пор на свете, и романы ее скоро произвели громадное влияние на весь мир. Нужды нет, что ее творчество было чуждо всякого реалистического направления и часто было полно одного только утопического, частью лишенного всякой почвы, идеализма; нужды нет, что большинство личностей ее романов — фантазия, утопия и небывальщина; нужды нет, что почти все разговоры этих личностей — книжны и «литературны», а действие происходит все равно что не на действительной земле, а на облаках, — несмотря на все это, ее создания имеют громадную ценность и значение, как один из самых могучих рычагов, способствовавших прогрессу человечества. Достоевский говорит в своем «Дневнике»: «Жорж Санд не мыслитель, но это одна из самых ясновидящих предчувственниц более счастливого будущего, ожидающего человечество, в достижение идеалов которого она бодро и великодушно верила всю жизнь». Осуществятся ли когда-нибудь «идеалы» Жорж Санд — те, в которых женщина является олицетворением чего-то кристально-чистого, невинного, наивного, небесного, детского, «не от мира сего», — Бог весть, да и сомнительно, следует ли желать в самом деле их осуществления; они так абстрактны, так фантастичны и такой Аркадией пахнут. Но верно то, что, вопреки понятиям Достоевского, Жорж Санд есть *мыслитель* по преимуществу, — мыслитель не для созидания невозможного, да и вовсе нежелательного будущего, а мыслитель, понимающий существующее действительное зло, неправду, ложь, несправедливость, нарушение права и рассудка. В этом направлении Жорж Санд совершила бесконечно много, чудный ее талант живописания всегда способствовал укреплению в сердцах правды, здравости, мысли и разума. И при этом, работая много для Европы, она принесла громадную пользу и России, о которой никогда не думала.

Европейские новые идеи, корень всех писаний Жорж Санд, очень туго и медленно принимались в нашем отечестве. Мы только любовались художественностью, талантом и страстностью Жорж

Санд и все-таки долго оставались при несокрушимых старых понятиях. Сам Белинский, этот светлый и глубокий ум, впоследствии воспитатель и умственный вождь России, будучи даже 25 лет, ничего еще не понимал в начинающемся женском движении и писал в «Телескопе» 1835 года: «Женщина должна любить искусства, но любить их для наслаждения, а не для того, чтобы самой быть художницей. Нет, никогда женщина-автор не может ни любить, ни быть женой и матерью... Женщина-писательница с талантом — жалка; бездарная — смешна и отвратительна... Женщина-писательница есть эмансипированная женщина». А три года спустя, в 1838 году, он же писал в «Московском наблюдателе»: «Жорж Санд приглашает людей к естественному состоянию, почитая гражданские установления, и особенно брак, главной причиной человеческих бедствий». Таким образом, невзирая на свою высокую натуру, Белинский вначале ничем не отличался, по части женского вопроса, от герольдов темной русской массы, Сенковского и Булгарина, которые с пеной у рта и несокрушимой ненавистью в сердце преследовали Жорж Санд, а вместе с ней и всех русских женщин, начинающих уже понемногу иметь свою собственную мысль. По словам Достоевского, живого свидетеля всего, что тогда к нам приходило, оба эти человека предостерегали от этой писательницы нашу публику еще до появления романов Жорж Санд на русском языке; они особенно пугали русских дам тем, что она «ходит в панталонах»; они хотели испугать ее развратом, сделать ее смешной. Сенковский начал называть ее печатно в своей «Библиотеке для чтения» Егором Зандом и, кажется, серьезно остался доволен своим остроумием. Булгарин печатал о ней, даже в 1848 году, в «Северной пчеле», что она ежедневно пьянствует с Пьером Леру у заставы и участвует в афинских вечерах у разбойника и министра внутренних дел Ледрю-Роллена. Но для Сенковских и Булгариных было уже поздно. Их место давно было занято Белинским, но не Белинским «Телескопа» и «Наблюдателя», а Белинским «Отечественных записок», тем, который быстро перевоспитался сам и мгновенно стал во главе мыслящей и растущей России. Новое поколение уже и само по себе обожало теперь Жорж Санд, страстно прильнув не только к ее изображениям, но и к ее мысли, а Белинский решительно и смело провозглашал ее (чего бы, конечно, сама публика никогда не посмела) женщиной «гениальной» и писательницей «выше всех остальных писателей тогдашней Европы». В 1841 году он писал:

«Какая человечность дышит в каждой строке, в каждом слове этой гениальной женщины... Женщина и ее отношения к обществу, столь мало оправдываемые разумом, столь много основывающиеся на предании, предрассудках, эгоизме мужчин, — эта женщина наиболее вдохновляет поэтическую фантазию Жорж Санд, возвышает до пафоса благородную энергию ее негодования к легитимированной насилием невежества лжи, ее живую симпатию к униженной предрассудками истине. Жорж Санд есть адвокат женщины, как Шиллер был адвокат человечества. Мудрено ли после этого, что госпожа Дюдеван ославлена слепой чернью, дикой и невежественной толпой, как писательница безнравственная...» В 1842 году он во всеуслышание провозглашал: «Гениальная Жорж Санд есть бесспорно *первая поэтическая слава* современного мира. Каким бы ни были ее начала, с ними можно не соглашаться, их можно не разделять, их можно находить ложными; но ее самой нельзя не уважать...» Увлечение Белинского Жорж Санд шло так далеко, что он приносил ей отчасти в жертву даже самого Гоголя, которому давно уже так глубоко поклонялся, вместе со всей Россией. В 1842 году, возражая Константину Аксакову, поставившему «Мертвые души» наравне с Гомером и Шекспиром, Белинский писал: «Константин Аксаков замечает, что в разряд великих писателей Жорж Санд не входит ни безусловно, ни условно, — и думает, что этими словами он решил дело и все сказал; тогда как этим сказал только, что он или совсем не читал Жорж Санд, или читал, да не понял... Жорж Санд имеет большое значение и во всемирно-исторической литературе, не в одной французской, тогда как Гоголь, при всей неотъемлемой великости его таланта, не имеет решительно никакого значения во всемирно-исторической литературе и велик только в одной русской; что, следовательно, имя Жорж Санд безусловно может входить в реестр имен европейских поэтов, тогда как помещение рядом имен Гоголя, Гомера и Шекспира оскорбляет и приличие, и здравый смысл».

Такому преувеличению Жорж Санд в ущерб Гоголю никто не верил в интеллигентной России и никто с ним не соглашался, но зато энтузиазм Белинского и твердые слова его о великом, несравненном значении французской писательницы действовали тем сильнее на всех, что сходились с общей мыслью и чувством и служили новой мощной иллюстрацией великих слов того же Белинского, сказанных им о женщине вообще в том же 1842 году и за-

павших во все великодушные сердца: «Мнение, что женщина годна только рожать и нянчить детей, варить мужу щи и кашу или плясать и сплетничать да почитать легонькие пустячки — это истинно киргиз-кайсацкое мнение! Женщина имеет равные права и равное участие с мужчиной в дарах высшей духовной жизни, и если она во всех отношениях стоит ниже его на лестнице нравственного развития, — этому причиной не ее натура, а злоупотребление грубой материальной силой мужчины, полуварварское, немного восточное устройство общества и сахарное, аркадское воспитание, которое дается женщине. Но век идет, идеи движутся, и варварство начинает колебаться. Женщина уже сознает свои права человеческие и блистательными подвигами доказывает гордому мужчине, что и она тоже дочь неба, как он сын неба...»

Так, например, пять-шесть лет раньше, а потом даже и позже, Белинский признавал стихотворения графини Растопчиной «прекрасными, полными души и чувства», в них он находил поэтическую прелесть, высокий талант; Зинаиду Р-ву (г-жу_Ган) — автором «многих превосходных повестей». Теперь, узнав и глубоко полюбив творения Жорж Санд, он говорил в 1843 году про графиню Растопчину: «Вначале она обнаружила много чувства и одушевления, при отсутствии какой бы то ни было могучей мысли, которая пронизывала бы собой ее стихотворения; то, что тут может показаться мыслью, есть не что иное, как отвлеченные понятия, одетые в более или менее удачный стих. В ее последних стихотворениях (начиная с 1837 г.) нельзя узнать прежнего стиха даровитой стихотворицы; тут все мысли и чувства кружатся словно под музыку Штрауса, и скачут словно под музыку модного галопы, или около я автора, или в заколдованном кругу светской жизни, не выходя в сферу общечеловеческих интересов, которые только одни могут быть живым источником истинной поэзии...»

Про Зинаиду Р-ву (Ган) он уже писал: «Все ее повести проникнуты одним чувством, одной идеей, которые можно выразить такими словами: как умеют любить женщины и как не умеют любить мужчины... Талант Зинаиды Р-вой не был развит, вечно колебался в какой-то нерешительности... в нем вечно присутствовал провинциальный идеализм...»

Вот какова была перемена: от женщины-писательницы прежде всего теперь требовалась мысль; «удачные стихи» и изображения все только «любви» уже не имеют прежней, преобладающей и

притягательной силы! Справедливость принуждает меня заметить, впрочем, что Белинский, всегда увлекающийся, и на этот раз слишком увлекся и далеко не вполне был прав: между стихотворениями гр. Растопчиной, даже и после 1837 года, есть несколько проникнутых превосходной мыслью и глубоким чувством. Таковы, например, «Негодование» (1840 г.), написанное по поводу газетного известия, что американцы употребляют собак для травли краснокожих индейцев; потом, прославленное тогда по всей Европе стихотворение «Старый барон» (1846 г.), где высказывается сильно, смело и чрезвычайно талантливо один из важнейших моментов современной европейской истории³; наконец, можно указать (впрочем, из числа сочинений, появившихся на свет после смерти Белинского) на восторженное приветствие папе Пию IX, в начале 1848 года, когда он, при восшествии на престол, поразил всю Европу своими светлыми, прогрессивными намерениями и стремлениями. И все-таки, невзирая на такие блестящие исключения, поэзия гр. Растопчиной принадлежала прежнему времени и поколению. Понятия этой дамы о женщине и женском призвании вполне обрисовались в ее стихотворении «Как должны писать женщины», написанном, когда ей было 30 лет, то есть когда все ее понятия и мысли крепко и навсегда уже сложились. В этом стихотворении она говорила про женщину-писательницу:

... Я люблю,

Чтоб внутренний порыв был скован выраженьем,

Чтобы приличие боролось с увлеченьем,

И слово каждое чтоб мудрость стерегла...

Да, женская душа должна в тени светиться,

Как в урне мраморной лампы скрытый луч,

Как в сумерки луна сквозь оболочку туч,

И, согревая жизнь, незримая теплиться...

Для нового русского поколения никакая мраморная ширма, никакая луна в сумерках, никакая скромная незримость уже более не годились: русская женщина желала не луны, а солнца, не незримости, а светлой, бодрой явственности и смелого присутствия, и потому стихи и вся натура гр. Растопчиной становились

³ В 1887 году оно было перепечатано в «Русской старине» и в «Хрестоматии Гербея».

теперь ненужными, лишними и даже враждебными для интеллигентных людей.

Конечно, внешние обстоятельства много мешали в 40-х годах немедленному торжеству у нас новых европейских идей не только о женщине, но и вообще о всем самом важном и существенном в жизни человеческой. Но тут-то литература, и в особенности романы Жорж Санд, оказала самую действительную и самую огромную помощь. Достоевский говорит: «Тогда только романы и были позволены: остальное все, чуть не всякая мысль, особенно из Франции, было строжайше запрещено. О, конечно, весьма часто смотреть не умели, да и откуда бы могли научиться: и Меттерних не умел смотреть, не то что наши подражатели. А потому и проскакивали «ужасные вещи» (например, проскочил весь Белинский). Романы дозволялись, и сначала, и в середине, и даже в самом конце, и вот тут-то, и именно на Жорж Санд, сберегатели дали тогда большого маху. То, что вторгнулось к нам тогда в форме романа, не только послужило точно так же делу, но, может быть, было, напротив, еще самой «опасной» формой...»

Таким-то образом новое женское наше поколение 40-х и начала 50-х годов было воспитано Белинским и Жорж Санд. Но в 1847 году Белинский умер, Жорж Санд уже более не писала великих вещей, потрясавших мир (исключение составляют ее чудные политические статьи и брошюры времени французской революции 1848 года), да сверх того, в России стояло самое темное и безотрадное время. Люди ушли в себя и молчали, ожидая у моря погоды.

И погода пришла. После севастопольской войны начиналось у нас чудесное светлое время. Везде поднимались богатые всходы, везде свежая травка зеленела. Бодрым и смелым легионом стояло новое поколение русских женщин. Оно сознавало свои силы, застоявшиеся, как у коня, слишком долго продержанного на конюшне, без шага, без рыси и без галопа, оно рвалось к деятельности. Притом в это время, во второй половине 50-х годов, стали приходить к нам первые вести о женском движении в Северной Америке.

Несмотря на свое освобождение от чужеземных английских и своих собственных, домашних пуританских цепей еще в конце прошлого столетия, Северная Америка долго была совершенно чужда пониманию женских прав; она не хотела ни знать их, ни признавать и относилась даже очень враждебно к первым прояв-

лениям женского истинного самосознания. Но время взяло свое, а энергия женских отдельных личностей восторжествовала над косностью правительства и массы, и в конце 40-х годов нашего столетия, особенно после парижской революции 1848 года, Северная Америка глубоко прониклась идеями о женской эмансипации, приносившимися к ней из Англии и Франции. Эти идеи распространяли теперь неуправляемый пожар.

«Первым проявлением движения в пользу эмансипации женщин, — говорит Джон Стюарт Милль в своей знаменитой статье 1851 года, — был съезд женщин весной 1850 года, в Америке, в штате Огайо. В октябре того же года происходил ряд публичных митингов в Ворстере, в Массачусетсе, под именем «Конвента о правах женщин», президентом которого была женщина, так же как и все главные ораторы... В собрании было более 1000 человек, и, будь помещение обширнее, тут присутствовало бы еще несколько тысяч... Главные требования были: 1) воспитание в приготовительных и высших училищах, в университетах, в медицинских, юридических и других учебных заведениях; 2) товарищество в производительной промышленности, в труде и заработках; 3) равное участие в составлении и администрации законов, государственных и национальных, в законодательных собраниях, судах и исполнительных бюро...»

Известия обо всем этом приходили к нам в отрывках, смутных и неполных, но все-таки приходили и производили глубокое впечатление на мыслящую часть публики, в том числе и на женщин. Никто еще не думал у нас о возможности немедленного достижения той широкой программы, какая была поставлена в Америке, но многое уже казалось и возможным, и неизбежно-необходимым, и всего более поднятие вопроса о женском воспитании.

Притом же глубочайшие, лучшие люди русской интеллигенции, помимо всякой Америки, уже и сами начинали, со времени нового царствования, высказывать старинную, мучительную боль и горе и требовать их лечения. Не далее как через полтора года после воцарения Александра II гениальный Пирогов напечатал в «Морском сборнике», тогдашнем самом прогрессивном органе, в июле 1856 года, статью, которая произвела громадное впечатление на всю читающую русскую публику и имела последствия неисчислимые. Статья эта называлась «Вопросы жизни». Она действительно трактовала о всех самых насущных делах тогдашней

русской жизни и, в числе их, посвятила несколько горячих, полных мысли страниц делу женского воспитания. Пирогов говорил тут: «Воспитание обыкновенно превращает женщину в куклу. Воспитание, наряжая, выставляет ее напоказ для зевак, обставляет кулисами и заставляет ее действовать на пружинах, так, как ему хочется. Ржавчина съедает эти пружины, а через щели истертых и изорванных кулис начинает высматривать то, что от нее так бережно скрывали... Развитие мышления и воли для женщины столько же нужны, как и для мужчины... Только близорукое тщеславие людей, строя алтари героям, смотрит на мать, кормилицу и няньку, как на второстепенный, подвластный класс. Только торговый материализм и невежественная чувственность видят в женщине существо подвластное и ниже себя... Положение женщины в обществе, воспитание ее — вот что требует перемены. Пусть мысль воспитать себя для этой цели, жить для неизбежной борьбы и пожертвований проникнет все нравственное существование женщины, пусть вдохновение осенит ее волю — и она узнает, где она должна искать своей эмансипации...»

«Женский вопрос, — говорит Н.А. Белозерская, одна из ближайших приятельниц, товарищей и сотрудниц моей сестры, в превосходной своей «Записке» (написанной по моей просьбе), — женский вопрос, возникший у нас во второй половине 50-х годов, не только сразу получил в России право гражданства в обществе и литературе, но стал модным со времени появления в свете статьи Пирогова».

Скоро вслед за Пироговым стало появляться у нас в печати множество статей, трактовавших о том же женском вопросе, но шедших часто гораздо дальше самого Пирогова. Как ни превосходны были его мысли и требования, но все-таки они были ограничены в ином несколько узкими рамками. Пирогов желал и требовал более справедливого и хорошего положения для женщины, но все еще считал ее, по-старинному, существом, не равным мужчине и потому не имеющим надобности в полном освобождении от цепей. В той же самой своей превосходной статье, на которую я только что ссылался, Пирогов говорил: «Если женские педанты, толкуя об эмансипации, разумеют одно воспитание женщин, — они правы. Если же они разумеют эмансипацию общественных прав женщины, то они сами не знают, чего хотят. Жен-

щина эмансипирована и так уже, да еще, может быть, более, чем мужчина...»

Русская женщина более эмансипирована, чем мужчина! Об эмансипации женской «толкуют» только «женские педанты!» Какие это все странности! Как это не сходилось с тем, что уже начинали ясно видеть и понимать тогдашние русские женщины, что они находили необходимым высказывать целый день, у себя дома, и публично, и повсюду!

Одной из таких женщин была Марья Ник[олаевна] Вернадская (урожденная Шигаева), жена очень известного тогда профессора политической экономии, женщина не только с высоким образованием, но еще одаренная истинно глубоким, независимым умом. Это была *первая* русская женщина, писавшая по части политической экономии, которую она с самой молодости изучала со страстью. Еще с 26-летнего своего возраста она писала и переводила, но не повести и романы, а переводила сочинения отличных французских и английских политэкономов и писала свои собственные, очень замечательные сочинения о том же предмете. Впоследствии вместе с мужем она основала журнал «Экономический указатель», где поместила множество отличных статей, предназначенных для борьбы с царствующими предрассудками и мраком. Одни из лучших и важнейших ее статей были те, которые носили заглавие «Женский труд» и появились в ее журнале в 1858 году. Вот главнейшие места ее проповеди: «Если бы женщины работали, как мужчины, и могли бы собственными трудами зарабатывать себе пропитание, то были бы свободнее. Наши кухарки, няньки, горничные гораздо независимее, чем их барыни. Отчего же и женщинам благородного происхождения нельзя было бы работать? На это обыкновенно говорят: для женщин закрыты все карьеры. Женщина, говорят, кроме гувернантки и классной дамы, ничем не может быть. Это обвинение несправедливое: поле деятельности, открытое для женщин, очень велико, но они сами не хотят им пользоваться... Торговля, фабричное дело, сельское хозяйство, литература, поэзия, наука, преподавание, медицина, художество, сценическое искусство, пение, музыка, ремесла — вот уже, кажется, довольно большое число занятий, которые так же доступны женщинам, как и мужчинам... Женщина, наверное, могла бы быть таким же хорошим художником, как и мужчина, и раз-

ница происходит часто оттого, что мужчина посвящает всю свою жизнь искусству, а женщина смотрит на искусство как на забаву... И в литературном деле многие женщины теряют очень много оттого, что слишком надеются на свой талант и мало думают о том, чтобы хорошенько его выработать... Что поприще деятельности закрыто для женщин — это несправедливо, но справедливо то, что они сами себе его закрывают: женщины просто не хотят работать, и, скажу более, — женщины стыдятся труда. Готовят ли себя женщины для какого-нибудь занятия? Ни для какого, кроме того, чтобы быть женой и матерью, положим, еще — хозяйкой, но — более ни к чему. Сколько от этого пропадает истинных талантов и дарований, а что еще хуже — в какое унижительное положение ставят себя чрез это женщины!.. Для них открыты почти все ремесла. Отчего же им не быть цветочницами, портнихами, одним словом, отчего им избегать всех тех честных трудов, которыми не только добывают себе хлеб, но часто составляют себе очень порядочное состояние женщины не благородного происхождения? Это — занятия унижительные. Но почему же? Конечно, приятнее заниматься литературой или изящными искусствами, но что же делать, если к ним нет способностей? Во всяком случае, каждое занятие, хотя бы самое не блестящее, гораздо уважительнее житья на чужой счет... Странное презрение к труду ставит женщин в полную зависимость от мужчин... Ни одна женщина, если только ее не заставит крайность, не станет работать; мало того, если бы какая-нибудь и решилась, то на нее стали бы указывать пальцем, как на сумасшедшую... Мужчина гордится тем, что работает за деньги и содержит свое семейство, а женщина — стыдится платы за свой труд, как позорного дела... Кто из нас решится попасть в гости к повивальной бабке? Кто пригласит к себе в приемный день повивальную бабку?.. За что же такое презрение к ней? Только за то, что она работает!.. Нет унижительной работы!.. Женщинам так часто приходится в жизни бороться с обстоятельствами, и важными и пустыми, что странно, отчего они так боятся вступить в борьбу с предрассудком, от которого так много терпят и который сами же они и поддерживают... Женщины напрасно обвиняют мужчин за то, что те смотрят на них как на существа низшие; к этому приводит требование самих женщин, чтобы мужчины за ними постоянно ухаживали, заботились о них, лелеяли и забавляли их. Все это хорошо для малолетних... Mesdames, перестаньте быть детьми,

попробуйте стать на свои собственные ноги, жить своим умом, работать своими руками, учитесь, думайте, трудитесь, как мужчины, и вы будете так же независимы или по крайней мере в меньшей зависимости от своих тиранов, чем теперь, а главное перестаньте стыдиться и презирать работу. Пока труд будет в презрении, вы будете всегда в подчиненном состоянии, потому что только в одном труде — истинная свобода женщины!..»

Какая разница против тех мыслей Пирогова, которые я привел в конце своих цитат из его превосходной статьи! Он хотел только улучшения и возвышения положения женщин. Но сами женщины, в лице Вернадской, искали полного переворота своей жизни, они желали для большинства, для массы среднего и высшего сословия, труда, равного или подобного тому труду, какой до тех пор несли одни женщины низшего сословия, — и учили в этом не находить стыда. С другой стороны, они надеялись, что женщины, более одаренные и более способные, вступят в область художества и науки и достигнут там великих, еще небывалых до сих пор результатов — тех, на которые так мало надеялся даже сам Вольтер. Какие широкие горизонты раскрывала для русских женщин М.Н. Вернадская — к несчастью, теперь вовсе неизвестная, недостойно игнорируемая! Эта умная, высокообразованная, сильно даровитая женщина умерла слишком рано — всего 29 лет от роду. Она не видала изумительного подъема русской женщины 60-х и 70-х годов, совершившегося в значительной доле вследствие ее работы и горячей пропаганды. Но всю правду и силу ее мыслей твердо понимали ее современницы 50-х годов, и потому-то статьи ее имели тогда громадное распространение и влияние.

Скоро после нее выступили на сцену и многие мужчины. Одним из самых главных и полезных деятелей по части женского вопроса стал М.Л. Михайлов. Он поехал во Францию, думая найти там настоящие скрижали завета для всего самого важного в современной жизни, он воображал найти там откровения для всех горячих вопросов нового мира — и глубоко разочаровался. Тогдашняя Франция была уже почти целиком Францией Наполеона III, обманутой, обольщенной, купленной и искаженной, Францией чудовишного и грубо эгоистического обжорства жизнью и попираания всего самого светлого и чистого. Обломки же старой, донаполеоновской Франции коснели в ограниченных предрассудках и устаревших формулах идеализма. Михайлов при-

шел в негодование от того, что говорили о женщине в своих новейших книгах такие прославленные люди, как Прудон и Мишле. Михайлов увидел, что наши новые люди далеко опередили их и ушли в новые светлые области понимания и стоят уже на новых рельсах, устремляющихся в чудные, неизвестные прежде дали. Михайлов с негодованием писал в своих «Парижских письмах» («Современник», 1858 г., декабрь), что новая книга Мишле «L'amour» философского значения никакого не имеет, что это только сентиментальное повторение того, что так цинически высказано Прудоном в его последнем сочинении: «De la justice dans la Revolution et dans l'Eglise» («О справедливости в революции и церкви»). Мишле признает женщину существом по преимуществу больным, не позволяет ей ничего делать и разрешает только капризничать. Много ли тут разницы со взглядом Прудона на женщину как на «существо тупоумное, которое не должно сметь думать», как на игрушку, которой прилично только наряжаться и заниматься пестрыми тряпками»?... Но после этого Михайлов еще более принялся помогать начинающемуся самосознанию русских женщин: он напечатал в 1860 году (тоже в «Современнике») перевод знаменитой уже во всей Европе, но все еще мало известной у нас статьи Дж. Стюарта Милля об эмансипации женщин⁴.

Милль давно уже был наполнен идеей о необходимости освобождения женщин. Его, с молодости проникнутого лучшими идеями равноправности, проповедуемой сенсимонизмом и фурьеризмом, давно коробило от тех мрачных взглядов на женский вопрос, исповедуемых во Франции многими, даже замечательнейшими умами, такими, как Прудон, Огюст Конт и другие. Еще в 1843 году он вел оживленную переписку с Контом и оспаривал его поразительные, по непостижимой косности, идеи о женщине и ее назначении. Конт писал ему тогда: «Характеристическая неспособность женщин к отвлечению, творческая их слабость, почти совершенное бессилие их мысли выдержать напор страстных по-

⁴ Напомню мимоходом читателю, что после смерти своей жены Милль в 1859 году объявил печатно, что статья эта вполне принадлежит его покойной жене и что доля участия в ней его самого разве немногим больше доли переписчика и издателя. Тем не менее, статья эта была перепечатана им в собрании его собственных сочинений, а не самостоятельно, как сочинение его жены.

рывов, хотя бы, вообще говоря, страсти их были даже лучше мужских, — все это должно отделять их от всякого непосредственного управления человеческими делами, не только в науке или философии, но и в области эстетической, и даже в практической жизни, как промышленной, так и военной... В последние два-три столетия многие женщины были очень счастливо обставлены и достаточно подготовлены, но все-таки не произвели ничего действительно выдающегося ни в музыке, ни в живописи, ни в поэзии... Ход истории все более и более приближает женщин к их истинному назначению, и это возрождение нового общества окончательно привлечет их к домашней жизни. Я не верю в эмансипацию женщин, ни как в факт, ни как в принцип. Наши писательницы, как мне кажется, ничем не выше г-ж Севинье, Лафайет, Мотвиль и др. Прославившаяся под мужским именем Жорж Санд, по моему мнению, далеко ниже их, не только с точки зрения приличия, но и по отсутствию женской своеобразности». Конечно, такие отсталые и скудные взгляды должны были действовать на Милля как нечто возмутительное и отталкивающее, а потому он решил ответить на них и на множество подобных же других авторов статьей без подписи, напечатанной в 1851 году в «Вестминстерском обозрении», а после смерти Огюста Конта (в 1857 г.) перепечатанной в собрании сочинений «Милля 1890 года.

Здесь стояли те знаменитые слова, которые действовали так неотразимо на умы и так победоносно отвечали на тщедушные возражения консерваторов, о препятствиях, поставленных будто бы самой природой и полом женщины, участию ее в социальной, политической и вообще всяческой деятельности. Милль, повторяя слова своего учителя Фурье, указывал на то, что сколько ни было женщин-правительниц, лучшие из них никогда не были чем-либо ниже лучших мужчин-правителей; но тут же прибавлял, что «девять десятых» из числа мужских занятий устраняют мужчин от публичных занятий, но от этого еще вовсе не следует, что надо составить закон, который исключал бы далее эти «девять десятых, не говоря об остальных». Милль взвешивал в своей статье все, что было высказано консерваторами всех стран против самостоятельности и равноправия женщины с мужчиной, и приходил к заключению, что только одни укоренившиеся издревле предрассудки заставляют нынешнее общество держать

женщину в старинном угнетении мысли и деятельности. «Мир еще очень юн, — говорил он в конце, — и едва начал сбрасывать с себя цепи несправедливости. Только в настоящую минуту (1859) отделяется он от невольничества негров. Он только что начинает смотреть как на граждан на некоторых мужчин. Можно ли после того удивляться, что он еще не сделал того же относительно женщин...» «Человечество переросло тот образ мыслей, что быть равными — значит быть врагами, что два лица не могут действовать совместно без того, чтобы один был поставлен выше другого. Все тяготеет теперь к тому, чтобы равенство стало основным принципом человеческих отношений и сменило господство сильнейшего... Многие думают, что занятия, из которых женщины исключаются, — не женские и что свойственная женщинам сфера — одна частная и домашняя жизнь. Но мы отрицаем право одной части общества решать за другую, одного лица за другое, какая именно сфера *свойственна* для той или для этой и какая нет. *Свойственная* сфера для каждого живого человеческого существа есть обширнейшая и высшая, какой только оно способно достигнуть. А какая именно, этого нельзя решить без полной свободы выбора. Пусть всякое занятие будет доступно для всех без стеснения и без привилегий и каждое дело попадет в руки тех мужчин или женщин, которые будут признаны опытом наиболее способными исполнять его... С детства твердят женщинам, что мысль и все ее применения — не их дело. Высокая сила ума в женщине будет исключительной случайностью до тех пор, пока для них не откроются все поприща, пока они не станут воспитываться *для себя* и для общества, а не для другого только пола, как теперь...»

Но Михайлов не удовольствовался только переводом Милля, он сопровождал его также своими собственными соображениями, заключавшими много нового для тогдашнего времени. Он здесь говорил: «В Англии с каждым годом возрастает, и преимущественно в образованных классах общества, число женщин, произвольно отказывающихся от семейных уз... Английские незамужние женщины составляют в настоящую минуту один из образованнейших классов общества. Они не образуют никакой секты, никакой партии, ни мистической, ни политической; многие из них даже не высвободились еще вполне из-под власти пуританизма, некоторые не чужды романтизма в своих взглядах на мир, но

едва ли есть хотя бы одна, которой не представлялось бы возможным освобождение женщины... Не скоро еще примутся обществом принципы, впервые провозглашенные «американской конвенцией»; долго еще произвол мужчины будет отстаивать свои привилегии — но благо и то, что мы можем уже легко следить за движением к существенному преобразованию нынешних отношений между двумя полами...»

Статья Милля обратила на себя, в громадной степени, внимание всей русской публики и имела для умов молодого поколения огромные результаты.

«Что касается русской беллетристики конца 50-х и начала 60-х годов, — говорит в своей «Записке» Н.А. Белозерская, — то и здесь в героинях романов и повестей встречаются новые черты, стремление к чему-то иному; но это стремление носит слишком неопределенный или личный характер, женских типов здесь нет». Их пока не существовало и в действительной жизни. Тип новой русской женщины выработывался под влиянием стремления к самостоятельности умственной, нравственной и фактической и искания новых путей, которые приблизили бы к конечной, ясно осознанной цели. Хотя уже и в 40-х годах, по свидетельству очевидцев, у нас были попытки к личной самостоятельности со стороны интеллигентных женщин, но это были единичные явления и прошли бесследно. Женское движение 60-х годов носило более общий и самобытный характер и проникло в разные слои общества. Здесь на все было обращено внимание, и, при серьезном отношении к делу, ничто не казалось мелочным или пустым. Молодые девушки и женщины, не только среднего, но отчасти и высшего общества, стали являться на улицах никем не сопровождаемые; строгая простота в одежде заменила прежнюю роскошь и наряды. Пустая светская болтовня и кокетство вызывали насмешки, французский язык в разговоре и письме заменился русским и т.д. Разумеется, и тогда, как во всяком общественном движении, явились крайности, изображенные Тургеневым в лице Кукшиной и в женских типах, еще более карикатурных и изуродованных, которые были выведены в романах второстепенных писателей. Но, по верному замечанию Д.И. Писарева, «между Кукшиной и эмансипацией женщины нет ничего общего: Кукшина заимствовала у своей эпохи только верхнюю драпировку, и поэтому назвать ее порождением времени было бы в высокой степени нелепо»...

Л. Толстой

МЫСЛИ ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ПОЛАМИ¹

В числе писем, полученных мною из разных мест по поводу «Крейцеровой сонаты» и «Послесловия», показывающих, что необходимость изменения взгляда на отношения между полами сознана не мною одним, а большим количеством мыслящих людей, голоса которых неслышны и незаметны потому только, что они заглушаемы криком людей толпы, с упорством и задором отстаивающих привычный и потакающий их страстям порядок вещей, — в числе этих писем получено мною 7-го октября 1890 года следующее письмо с приложением брошюры под заглавием «Диана», п которой в нем упоминается. Вот это письмо:

New-York, 7 окт. 1890 г.

«Мы имеем удовольствие послать вам маленькую брошюру под заглавием: «Диана, психо-физиологический опыт о половых отношениях женатых мужчин и женщин», которую, надеемся, вы получите.

«С тех пор, как ваше произведение «Крейцера соната» появилось в Америке, многие говорили: «Диана исполняет, объясняет и делает возможными теории Толстого». Итак, мы решаемся послать вам эту брошюру, чтобы вы могли сами судить.

«Молясь об исполнении желания вашего сердца, остаемся преданные вам Burns-Co».

«Мы будем рады, если вы почтите нас извещением п получении брошюры».

Раньше этого получено было мною из Франции письмо Angele Francoise и её брошюра.

В письме г-жа Angele сообщала мне п существовании двух обществ, имеющих целью поощрение чистоты половой жизни: одного — в Англии и другого — во Франции, «Societe d'amour pur». В статье г-жи Angele были выражены те же мысли, как и в статье «Диана», но только менее ясно и определенно, с оттенком мистцизма.

¹ Печатается по: Толстой Л.Н. Соч., т. XV.М., 1908, С.122-172.

Мысли, выраженные в брошюре «Диана», хотя и имеющие в основе не христианское, а скорее языческое, платоновское миро-созерцание, настолько новы и интересны и так очевидно показывают неразумие установившейся распущенности как в холостой, так и в женатой жизни нашего общества, что мне хочется поделиться этими мыслями с читателями.

Основная мысль брошюры, эпиграфом которой поставлены слова: «И будут два одною плотью», следующая:

Разница в организации мужчины и женщины существует не только в физиологическом отношении, но еще и в других нравственных свойствах, в мужчине называемых мужественностью, в женщине женственностью. Влечение между полами основано не на одном стремлении к физическому общению, но и на взаимном притяжении, которое оказывают друг на друга эти противоположные свойства полов: женственность на мужчину и мужественность на женщину. Один пол стремится пополнить себя другим, и потому влечение между полами производит одинаково стремление к духовному, как и к физическому общению. Стремления к физическому и духовному общению суть два проявления одного и того же источника влечения, находящиеся в такой зависимости одно от другого, что удовлетворение одного стремления всегда ослабляет другое. Насколько удовлетворено стремление к духовному общению, настолько ослабевает или вовсе уничтожается стремление к физическому, и наоборот: удовлетворение физического влечения ослабляет или уничтожает духовное. И потому влечение между полами не есть только физическое стремление, производящее деторождение, но есть влечение различных полов друг к другу, могущее принимать форму самого духовного общения только мысли, самого животного общения, производящего деторождение, и всех самых различных ступеней между тем и другим. Вопрос о том, на какой из этих ступеней останавливается сближение разных полов, решается тем, какое общение соединяющиеся считают в данное время или навсегда хорошим, должным и потому желательным (Замечательной иллюстрацией того, до какой степени отношение между полами подчиняется представлению о том, что считается хорошим, должным и желательным, служит поразительный обычай малороссийского жениханья, состоящего в том, что сосватанные парни годами проводят ночи вместе с своими невестами, не нарушая их девственности).

Полное удовлетворение для отдельных соединяющихся лиц составляет та ступень, которую эти лица считают хорошей, должной и потому желательной, и зависит от их личного взгляда. Но, независимо от этого, само по себе, объективно, для всех одна ступень общения должна давать более удовлетворения, чем другая. Какое же общение дает это наибольшее удовлетворение само по себе для всех, независимо от личного взгляда соединяющихся: то ли, которое приближается к духовному, или то, которое приближается к физическому? Ответ на этот вопрос, ясный и несомненный, хотя и противоречащий всему тому, что привыкли думать в нашем обществе, состоит в том, что чем форма общения ближе к крайнему физическому пределу, тем больше разжигается желание и тем меньше получается удовлетворения; чем ближе к противоположному крайнему, духовному пределу, тем меньше вызываются новые желания, тем полнее удовлетворение. Чем ближе к первому, тем разрушительнее для жизненной силы; чем ближе ко второму, к духовному, тем спокойнее, радостнее и сильнее общее состояние.

Соединение мужчины и женщины «в плоть едину» в форме неразрывного единобрачия автор считает необходимым условием высшего развития человека. Брак поэтому, по мнению автора, составляющий естественное и желательное условие для всех людей, достигших зрелого возраста, не есть необходимо физическое соединение, но может быть и духовным. Смотря по условиям и темпераменту, а главное по тому, что соединяющиеся считают должным, хорошим и желательным, для одних брак будет более приближаться к духовному общению, для других — к физическому; но чем больше общение будет приближаться к духовному, тем полнее будет удовлетворение.

Так как автор признает то, что те же половые стремления могут вести к духовному общению — любовности и к физическому — производительности, деторождению, и то, что одна деятельность переходит в другую в зависимости от сознания, то, естественно, он не только не признает невозможности воздержания, но считает его естественным и необходимым условием разумной половой гигиены как в браке, так и вне его.

Вся статья обставлена богатым подбором примеров и иллюстраций к тому, что в ней говорится, и физиологическими данными п процессах половых отношений, их воздействия на организм и возможности сознательного направления их по тому или другому пути

— любовности или производительности. В подтверждение своей мысли автор приводит слова Герберта Спенсера: «Если какой-либо закон, — говорит Спенсер, — содействует благу человеческого рода, то природа человеческая непременно подчинится ему, так что повиновение ему делается для человека радостным». И потому мы не должны, говорит автор, слишком полагаться на установившиеся привычки и условия, теперь окружающие нас, но должны смотреть скорее на то, чем должен быть и может быть человек в предстоящем ему блестящем будущем.

Сущность всего сказанного автор излагает так. Основная теория «Дианы» та, что отношения между полами имеют две функции: производительную и любовную, и что половая сила, если только не имеется сознательного желания иметь детей, должна быть всегда направляема на путь любовности. Проявление, которое примет эта сила, зависит от разума и привычки, вследствие чего постепенное приведение разума в согласие с изложенными здесь принципами и постепенное образование привычек, согласных с ними, избавит людей от многих страданий и даст им удовлетворение их половых стремлений.

В конце книги приложено замечательное «письмо к родителям и наставникам» Элизы Борнс. Письмо это, несмотря на то, что трактует о предметах, считающихся неприличными (называя, как этого нельзя иначе и сделать, вещи по имени), может иметь такое благодетельное влияние на несчастную молодежь, страдающую от эксцессов и неправильностей, что распространение этого письма между взрослыми мужчинами, губящими так напрасно свои лучшие силы и свое благо, и, главное, между бедными, гибнущими только от незнания, мальчиками в семьях, училищах, гимназиях и в особенности корпусах и закрытых заведениях, было бы истинным благодеянием.

Касательно полового общения я выразил мой взгляд, насколько мог, в послесловии к «Крейцеровой сонате». Весь вопрос решается одним словом: человек должен всегда, во всех обстоятельствах женат ли он или холостой быть по возможности и целомудренным, как это Христос, а после Него Павел высказал. Если он может быть настолько сдержанным, что не знает женщины вообще, то это самое лучшее, что он может сделать. Если же он не может удержать себя, то он должен по возможности редко поддаваться этой слабости, а никак не смотреть на половое общение,

как на «jouissance». Я думаю, что всякий искренний и серьезный человек не может иначе смотреть на дело и что все такого рода люди в этом согласны.

Еще письмо от редактора «The Adult» — о свободной любви. Если бы было время, хотелось бы написать об этом предмете. Должно быть, и напишу. Главное — показать, что все дело в выгораживании для себя возможности большего наслаждения без думы о последствиях. Кроме того, они проповедуют то, что уже есть и очень дурно. И почему отсутствие внешней restraint поправит все дело? Я, разумеется, против всякой регламентации и за полную свободу, но только идеал есть целомудрие, а не наслаждение.

Все бедствия, порождаемые половыми отношениями влюбленностями, происходят только оттого, что мы смешиваем плотскую похоть с духовной жизнью, страшно сказать, — с любовью; употребляем разум не на то, чтобы осудить и определить эту страсть, а на то, чтобы разукрасить ее павлиньими перьями духовности.

Вот где *les extremes se touchent*. Приписывать все влечения между полами половой похоти кажется очень материальным, а, напротив, это самое духовное отношение — выделить из области духовной все, что не принадлежит ей, чтобы мочь высоко оценить ее.

Страсть, источник величайших бедствий, мы не то что унижаем, умеряем, а разжигаем всеми средствами, а потом жалуемся, что страдаем.

Женщина, наряжаясь, сама на себя разгорается похотью. Наряжая других даже, она живет воображением в похоти. От этого то наряды так властны над женщинами.

Блудник есть не ругательство, но состояние (думаю то же и блудница), состояние беспокойства, любопытства и потребности новизны (как пьяница), происходящее от общения ради удовольствия не с одной, а с многими. Можно воздерживаться, но пьяница — пьяница, и блудник — блудник, при первом послаблении падает.

Ослабляет нас в нашей борьбе с искушением то, что мы задаемся вперед мыслью о победе, задаем себе задачу сверх сил, задачу, которую исполнить или не исполнить не в нашей власти. Мы, как монах, говорим себе вперед: я обещаюсь быть целомудренным, подразумевая под этим внешнее целомудрие. И это, во-первых, невозможно, потому что мы не можем себе представить тех условий, в которые мы можем быть поставлены и в которых мы не выдержим соблазна. И, кроме того, дурно; дурно потому, что

не помогает достижению цели приближения к наибольшему целомудрию, а напротив.

Решив, что задача в том, чтобы соблюсти внешнее целомудрие, или уходят из мира, бегут женщин, как афонские монахи, или скопятся и пренебрегают тем, что важнее всего, — внутренней борьбой с помыслами в миру, среди соблазнов. Это все равно, как воин, который сказал бы себе, что он пойдет на войну, но только с тем условием, чтобы наверно победить. Такому воину придется уходить от врагов на-стоящих, воевать с воображаемыми врагами. Такой воин не выучится воевать и будет всегда плох.

Кроме того, это постановление себе задачей внешнего целомудрия и надежда, иногда уверенность осуществить его невыгодно еще и оттого, что, стремясь к этому, всякое искушение, которому подпадает человек, и тем более падение сразу уничтожает все, заставляет усомниться в возможности, даже законности борьбы. «Так, стало быть, нельзя быть целомудренным, и я поставил себе ложную задачу». И конечно, и человек отдается весь похоти и погрязает в ней. Это все равно, что воин с амулетом, который в его воображении обеспечивает его в том, что он не будет ни убит, ни ранен. Такой воин теряет последнее мужество и бежит при малейшей ране — царапине.

Задачей может быть одно: достижение наибольшего по моему характеру, темпераменту, условиям прошедшего и настоящего целомудрия — не перед людьми, которые не знают того, с чем мне надо бороться, а пред собой и Богом. Тогда ничто не нарушает, не останавливает движения, тогда искушение, падение даже, все ведет к одной вечной цели — удалению от животного и приближения к Богу.

Христианское учение не определяет форм жизни, а только во всех отношениях человека указывает идеал, направление; то же и в половом вопросе. Люди же нехристианского духа хотят определения форм. Для них выдуман церковный брак, не имеющий в себе ничего христианского. А в половых сношениях, как и в других: насилия, гнева, нельзя и не должно спускать идеала, кривить его. А это сделали церковники по отношению к браку.

Вследствие непонимания духа христианства обыкновенно делают людей на христиан и нехристиан. Самое грубое деление состоит в том, чтобы крещеного только считать христианином; но деление, хотя и менее грубое, человека, на основании учения Христа

живущего чистой семейной жизнью, не убийцу и т. п. называть христианином в противоположность живущим иначе, так же неверно. В христианстве нет черты, отделяющей христианина от нехристианина. Есть свет, идеал, Христос; и есть мрак, животное и движение во имя Христа, к Христу на этом пути.

Так вот и по отношению полов, идеал — целомудрие полное, совершенное. Человек, служащий Богу, так же мало может желать жениться, как и напиться; но на пути к целомудрию есть разные стадии. И одно можно сказать для тех, которые хотят ответа: что же, жениться или нет? Это то, что если вы не видите идеала целомудрия, не чувствуете потребности отдаться ему, то идите к целомудрию, сами не зная того, нецеломудренным путем брака. Как не могу я, будучи высок ростом и видя перед собой колокольню, указать ее идущему подле меня невысокому человеку, не видящему её, — как направление пути, а я должен указать ему какую-либо другую веху на том же пути: такая веха есть брак честный для тех, кто не видит идеала целомудрия. Но это могу указывать я, вы; но Христос ничего иного не указывал и не мог указывать, как целомудрие.

Бороться это самая и жизнь, она только и жизнь. Отдыха нет никакого. Идеал всегда впереди, и никогда я не спокоен, пока не то что не достигну, а не движусь к нему.

Хоть бы идеал безбрачия. Не насыщение физического чувства, успокоив на время похоть, удовлетворит меня, как накормление всех голодных вокруг меня не удовлетворит меня в экономическом отношении. Удовлетворит вас только ясное созерцание идеала во всей его высоте, такое же ясное созерцание своей слабости во всей отдаленности от идеала и стремление приблизиться к идеалу. Удовлетворит только это, а не поставление себя в такое положение, в котором я, прищурившись, могу не видеть различия своего положения от требования идеала.

Борьба с половой похотью самая трудная борьба, и нет положения и возраста, кроме первого детства и самой глубокой старости, когда человек был бы свободен от этой борьбы, и потому не надо тяготиться этой борьбой, надеяться на то, что можно придти в такое положение, в котором ее не будет, и ни на минуту не ослабевать, а помнить и употреблять все те меры, которые ослабляют врага: избегать возбуждающего и тело и душу и стараться быть занятым. Это одно. Другое: если видишь, что не осилишь борьбы, —

жениться, т.е. избрать женщину, которая согласилась бы на брак, и сказать себе, что если не можешь не падать, то падать только с этой женщиной и с нею воспитывать детей, если будут, и с нею вместе, поддерживая ее, придти к целомудрию – чем раньше, тем лучше. Других средств я не знаю. Главное же – для того, чтобы быть в состоянии и с успехом употреблять и то и другое средство, усилить свою связь с Богом, чаще вспоминать, что от Него пришел и к Нему пойдешь и что смысл и цель всей этой жизни только в том, чтобы исполнять Его волю.

Чем больше будете помнить Его, тем больше Он поможет вам.

Еще одно: не унывайте, если падете: не думайте, что вы пропали и что вам нечего беречься после этого, а надо распуститься. Напротив, если пали, тем с большей энергией вновь боритесь.

Приступы половой похоти порождают путанницу мыслей, скорее отсутствие мыслей. Весь мир потемнеет; теряется отношение к миру. Случайность, мрак, бессилие.

Очень вы, бедный, много пострадали от этой ужасной страсти, особенно, когда она разнуздана, т.е. ей дан уже ход. Знаю, как она все застилает, уничтожает на время все, чем жило сердце и разум. Но одно спасение против нее это знать, что это сон, наваяние, которое пройдет, и я вернусь к настоящей жизни, к тому месту, с которого она схватила меня. Это можно знать даже в минуты ее власти. Помогай вам Бог.

Не забывать, что ты никогда не был и не будешь вполне целомудрен, а что ты находишься на известной степени приближения к целомудрию, и потому никогда не унывать в этом приближении: в минуты искушения, в минуты падения даже не переставай сознавать то, к чему стремишься, и говорить себе: падаю, а ненавижу падение, и знаю, что если не теперь, то после победа будет не за ним, а за мною.

Не целомудрия задачу должен себе задавать человек, а приближения к целомудрию. Целомудренным живой человек, строго говоря, не может быть. Живой человек может только стремиться к целомудрию, именно потому, что он не цело-мудрен, а похотлив. Если бы человек не был похотлив, то для него не было бы никакого целомудрия и понятия о нем. Ошибка в том, чтобы задавать себе задачу целомудрия (внешнего состояния целомудрия), а не стремления к целомудрию, внутреннего признания всегда во всех усло-

виях жизни преимущества целомудрия перед распущенностью, преимущества большей чистоты перед меньшей.

Ошибка эта очень важная. Для человека, поставившего задачей внешнее состояние целомудрия, отступление от этого внешнего состояния, падение разрушает все и прекращает возможность деятельности и жизни; для человека, поставившего себе задачей стремление к целомудрию, нет падения, нет прекращения деятельности; и искушения и падение могут не прекращать стремления к целомудрию, часто даже усиливают его.

Когда люди не знают другого блага, кроме личного наслаждения для одного себя, любовь влюбленье представляется подъемом на высоту; но, изведав чувства любви к Богу и к ближнему, ставши христианином хоть в самой слабой степени, если только это чувство искренно, нельзя не смотреть на влюбленность сверху вниз, как на чувство, от которого желательно быть свободным. И почему вам было не удовольствоваться этой христианской, братской любовью? И потому, простите меня: то, что вы говорите, что ваша любовь к ней поддерживает вас в чистоте, оскорбительно для женщины. Всякий человек, особенно христианин, хочет быть орудием духовного воздействия, а не физического. Чистоту блюдите сами своими силами, а любовь давайте уже чистую и свободную от всяких выгод. Не меняйте Бога на человека; Бог несравненно больше даст вам всего самого неожиданного и любовь того человека даст еще в придачу. Вы пишете, что ее надо спасти. Я решительно не понимаю — от чего? И почему и в чем вы ее жалуете? Среди нас часто повторяется та ошибка, что люди хотят жениться как-то по-особенному, по-новому. Как Христос сказал, и подтвердил Павел, и подтверждает наш разум: кто может вместить быть целомудренным, да вместить; кто же не может, пусть женится. Жениться же нельзя по-новому, а жениться нельзя иначе, как так же, как все, т.е., избрав супруга, решить быть ему верным, не покидать его до гроба и стараться с ним вместе восстановить потерянное целомудрие. Если мы не приписываем значения совершению обряда и разных обычаев, то самый брак мы не можем понимать иначе, как все понимают его. И замешивать в брак какое-нибудь высшее религиозное соображение не следует и нельзя. А как совершался брак естественно, вследствие взаимного влечения, так всегда и будет совершаться. А если нет этого взаимного влечения, то брак, как брак, нехорошее дело.

Я понимаю, мне кажется, вас обоих и очень желал бы помочь вам тем, чтобы извлечь из ваших отношений то, что в них мучительно и тревожно, оставив то, что в них хорошего и радостного. Она совершенно права, говоря о том, что исключительная любовь не только не есть любовь к Богу, но мешает любви к Богу. Но эта исключительная любовь, та, которую вы испытываете к ней, есть факт и такой же несомненный и с которым так же нельзя не считаться, как с присутствием тела и свойствами характера, которых нельзя уничтожить. Надо, признав существование факта, сделать так, чтобы взять от него все хорошее и откинуть все дурное. Хорошее есть сознание любимости того, что любим, любима, и любим, любима не эгоистически, а для того, чтобы помогать друг другу служить делу Божию. Это — радость. Но чтобы это была радость, надо хорошенько стерилизовать ее от преувеличения влюбленности (а вы в этом грешны), от исключительной и вытекающей из нее требовательности, ревности и всякой гадости, прикрывающейся хорошими именами. Практический мой совет: не копайтесь в своих чувствах, не передавайте все друг другу (это не скрытность, а воздержанность), а пишите о себе, об общем деле. То же, что вы любите ее исключительно и она вас, — она знает и вы знаете, и потому знаете все мотивы ваших поступков и слов. Есть предел высказывания чувств, который не надо переходить, а вы перешли его. Предел этот такой, за которым всякая передача чувств становится не радостью, а тягостью.

Пользуйтесь той радостью любви, которую вам послал Бог, не забывая, что это любовь, т.е. желание блага не себе, а другому. И как скоро это будет точно любовь, т.е. желание блага ей, так и уничтожится все то, что в этом чувстве есть мучительного и для вас и для нее.

Любовь не может быть вредной, но только бы она была любовь, а не волк эгоизма в овечьей шкуре любви. Только стоит спросить себя: готов ли я для его, ее блага никогда не видеть его, ее, прекратить с нею, с ним сношения. Если нет, то это волк, и его надо бить и убить. Я знаю вашу религиозную и любящую душу и потому уверен, что вы победитель волка, если он есть.

Да, всех любить нельзя равно. И большое счастье полюбить хоть одного особенно, но только полюбить его, ее, а не себя, не свое наслаждение, испытываемое при общении с ним, с нею.

Я часто думал о влюблении и не мог найти ему места и значения. А место это и значение очень ясное и определенное: оно в том, чтобы облегчать борьбу похоти с целомудрием. Влюбление должно у юношей, не могущих выдержать полного целомудрия, предшествовать браку и избавить юношей в самые критические годы, от 16 до 20 лет и больше, от мучительной борьбы. Тут и место влюбления. Когда же оно врывается в жизнь людей после брака, оно неуместно и отвратительно.

Спор о том, хорошо ли влюбление. Для меня решение ясно.

Если человек живет уже человеческой, духовной жизнью, то влюбление, любовь, брак будут для него падение; он должен будет отдавать часть своих сил жене, семье или хоть только предмету влюбления. Если же он на степени животной, ест, работает, служит, пишет, играет, то влюбление будет для него подъемом, как для животных, для насекомых.

Не думаю, чтобы вам нужно было сближение с женщинами, особенное духовное общение с ними. С ними только тогда общение хорошо и радостно, когда в сознании своем ничем не отличаетесь их по их полу от всех людей.

Нужно вам, мне кажется, больше всего труд, труд, который поглотил бы все ваши силы.

Мне понравилась недавно присланная мне брошюрка Стокгэм «*О творческой жизни*», как она озаглавила ее. Она говорит, что когда у человека проявляется, кроме всех его обычных отправления, еще потребность половая, то он должен знать, что эта потребность творческая, которая только в самом низшем проявлении выражается половою похотью; это есть творческая способность, и от воли и старания, упорного старания, зависит перевести ее в другую, физическую или, лучше всего, духовную деятельность.

Я думаю, что действительно это есть сила, участвующая в деле Божиим установления царства Божия на земле; при половом акте это есть только передача другим детям возможности участия в деле Божием; при воздержании и деятельности прямой служения Богу это есть высшее проявление жизни. Переход труден, но он возможен и совершается на наших глазах сотнями и тысячами людей.

Осилите будет хорошо; не осилите женитесь, будет не так хорошо, но не дурно.

Дурно, как Павел говорит, разжигаться, дурно носиться с этим ядом, всасывая его всею кровью.

Не верьте только себе в том, что в сближении с женщинами есть что-то особенно хорошее, смягчающее. Все это обман похоти. В сближении с женщиной, как и со всяким человеком, много радостного, но особенно радостного в женском сближении ничего нет; а что есть, то обман чувственности, очень скрытой, но все-таки чувственности.

Вы спрашиваете: какое средство для борьбы со страстью? В числе маленьких средств, вроде труда, поста, самое действительное средство есть бедность, неимение денег, внешний вид нищеты, такое положение, при котором очевидно, что ты не можешь быть привлекателен для никакой женщины. Главное же и единственное средство, которое я знаю, есть неустанность борьбы, сознание того, что борьба не есть случайное, временное состояние, а постоянное, неизменное условие жизни.

Вы спрашиваете меня о скопцах: о том, справедливо ли суждение о скопцах, что они дурные люди, и справедливо ли скопцы понимают Евангелие, 19 гл. Мат., на основании этой главы, стиха 12, оскоряя себя и других.

На первый вопрос мой ответ состоит в том, что дурных людей нет, и все люди одного Отца дети, и все братья, и все равны не лучше и не хуже одни других. Судя же по тому, что я слышал о скопцах, то живут они нравственною и трудовою жизнью. На второй же вопрос о том, верно ли они понимают Евангелие, на основании его оскоряя себя и других, с полной уверенностью отвечаю, что понимают они Евангелие неверно и, оскоряя себя и в особенности других, совершают поступки, прямо противные истинному христианству. Христос проповедует целомудрие, но целомудрие достойно, как и всякая добродетель, когда оно достигается усилием воли, поддержанным верою, а не тогда, когда оно достигается невозможностью греха. Все равно, если бы человек, для того чтобы не объедаться, произвел в себе болезнь желудка или, чтобы не драться, связал бы себе руки, или, чтобы не ругаться, вырезал бы себе язык. Бог сотворил человека, каким он есть; вдул божественную душу в плотское тело для того, чтобы эта душа покоряла себе похоти тела (в этом вся жизнь человеческая), а не для того, чтобы уродовать тело, поправляя дело Божие.

Если люди влекутся к половому общению, то это происходит для того, чтобы то совершенство, которого не достигло одно поколение, было бы возможно достигнуть в следующем.

Удивительная в этом отношении премудрость Божия: человеку предписано совершенствоваться: «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный». Верный признак совершенства есть целомудрие истинное целомудрие не на деле только, но и в душе, т.е. и полное освобождение от половой похоти. Если бы люди достигли совершенства и стали бы целомудренны, род человеческий прекратился бы и не зачем ему было бы жить на земле, потому что люди стали бы как ангелы, которые не женятся и замуж не идут, как сказано в Евангелии. Но пока люди не достигли совершенства, они производят потомство, и потомство это совершенствуется и достигает того, чего велел достигать Бог, и все ближе и ближе приближается к совершенству. Если же люди поступали бы так, как скопцы, то род человеческий прекратился бы и никогда не достиг бы совершенства, не исполнил бы воли Бога.

Это одна причина, по которой я считаю, что скопцы поступают неправильно; другая та, что евангельское учение дает людям благо, и Христос говорит: «Ибо Мое благо, и бремя Мое легко», и запрещает всякое насилие над людьми; и потому нанесение ран и страданий, даже хоть бы и не другим (что уже есть явный грех), а себе есть нарушение христианского закона.

Третья причина в том, что скопцы явно неправильно толкуют 12 ст. 19 гл. Мат. Вся речь с начала 19 гл. идет о браке, и Христос не только не запрещает брак, но запрещает развод, т.е. перемену жен. Христос и в браке требует наибольшего целомудрия того, чтобы люди держались одной жены. Когда же ученики (ст. 10) сказали Ему, что этак очень трудно воздерживаться, т.е. обходиться одной женой, Он говорит им, что, хотя и не все могут так воздерживаться, как воздерживаются те, которые родились скопцами, или те, которые, как евнухи, оскоплены людьми, но что есть такие, *которые сами сделали себя скопцами для Царства Небесного*, т.е. духом победили в себе похоть, и что вот такими-то надо стараться быть. То, что под словами: такие, *которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного*, надо разуметь духовную победу над плотью, а не телесное оскотление, видно из того, что, где говорится про телесное оскотление, говорится: *оскотлены* от людей, а где говорится о победе духа над плотью, говорится: *сделали сами себя скопцами*.

Так я думаю и так понимаю стих 12, но должен прибавить, что если бы даже вам казалось неубедительно толкование буквы, надо

помнить, что только дух живет. Насильственное или даже добровольное оскотление противно всему духу христианского учения.

Я бы хотел написать ему в том смысле, как и я понимаю, что деторождение в браке не есть блуд; но хотелось бы лучше обдумать это, чтобы написать основательно, потому что и в мнении о том, что плотское общение, хотя бы и с женой, ради одной похоти греховно, есть правда. Я думаю, что оскотление себя есть такой же грех, как и плотское общение ради похоти. Так же как я думаю, что одинаковый грех объедаться, как и уморить себя голодом или отравиться. Законна ниша для тела такая, при которой человек может служить другим людям, и законно плотское общение такое, при котором продолжается род человеческий.

Скопцы правы, когда они говорят, что сожитие с женой, если оно делается без духовной любви, только для похоти, и потому не вовремя, что это блуд, но они не правы в том, что общение с женой для рождения детей и в духовной любви грех. Это не грех, а воля Божия.

Оскотление, по-моему, вроде вот чего. Скажем, жил бы человек невоздержно и имел бы привычку из своего хлеба курить вино и варить пиво и напиваться, и почувствовал бы человек, что это дурно и грех, и вместо того, чтобы бросить дурную привычку и научиться на дело на корм людей и животных употреблять свой хлеб, решил бы, что одно средство избавиться от греха это сжечь свой хлеб, и так бы и сделал. И вышло бы то, что грех в нем остался бы тот же, и соседи его все так же варили вино и пиво, а только бы он не мог кормить ни себя, ни семью, ни добрых людей.

Не даром Христос хвалил детей, говорил, что их Царство Небесное, что то, что скрыто от мудрых, открыто им. Мы и сами это знаем: не было бы детей, не рожались бы вновь дети, не было бы и надежды на царство Божие на земле. Только на них вся надежда. Мы уже изгажены, и трудно нам очиститься, а вот с каждым поколением, в каждой семье — новые невинные, чистые души, которые могут остаться такими. Мутна и грязна река, да ключей много чистых вливаются в нее, и есть надежда, что вода очистится.

Вопрос этот большой, и я рад подумать о нем. Знаю только одно: что одинаково скверно и греховно похотливый блуд и оскотление. Но второе оскотление хуже. В блуде нет гордости, а есть стыд, а в оскотлении нет стыда у людей, а они еще гордятся тем, что сразу нарушили закон Божий для того, чтобы не подпасть со-

блазну и не бороться. Сердце свое надо оскопить, тогда внешнее оскопление не будет нужно, а внешнее оскопление не спасает от соблазна. Попадаются на этот обман люди потому, что уничтожить в сердце похоть блудную одну никак нельзя, надо уничтожить всякую похоть, надо возлюбить Бога так, чтобы возненавидеть всю прелесть мира, и это путь длинный; а тут как будто сразу коротким путем можно избавиться от самого явного и постыдного греха, да горе-то в том, что коротким путем этим часто никуда не придешь, а только в болото,

Инстинкт половой это стремление если не исполнить весь закон, то обеспечить возможность его исполнения своим потомством. Истинность этого подтверждается и на отдельных лицах: чем больше человек приближается к исполнению закона, тем более он отвращается от половой страсти, и наоборот.

...Как человек вместе со всеми животными подчиняется закону борьбы за существование, так он подчиняется, как животное, и закону полового размножения; но человек, как человек, находит в себе другой закон, противный борьбе, закон любви, и противный половому общению для размножения закон целомудрия.

... По церковному верованию должен наступить конец света; по науке точно так же должна кончиться и жизнь человека на земле, и сама земля; что же так возмущает людей, что нравственная, добрая жизнь тоже приведет к концу рода человеческого? Может быть, это совпадает. В статье шекеров говорится: почему же людям воздержанием не избавить себя от *насильственной* смерти? Прекрасно.

Есть расчет Гершеля, по которому выходит, что если бы человечество удваивалось каждые 60 лет, как теперь, то считая 7000 лет от первой пары, теперь людей было бы столько, что если бы их ставить друг на друга по всей земле, то эта пирамида достала бы не только до солнца, но перешла бы это расстояние в 27 раз. Какой из этого вывод?

Только два вывода: или допускать и желать моров, войн, или стремиться к половой чистоте. Только стремление к чистоте может уравновесить.

Интересна бы статистика войн и моров и безбрачия. Наверно в обратном отношении, т.е. что чем меньше губящих условий, тем больше безбрачных: одно уравновешивает другое.

Другой невольно представляющийся вывод, который я еще не умею ясно формулировать, тот, что забота умственная, расчеты о сокращении жизни людской неправильны. Правильна только любовь; а любовь не бывает одна, а всегда соединяется с чистотой. Представить себе человека, который плодил бы людей и заботился бы о сокращении их жизней; оба дела вместе безумны. Правильно бы было в таком случае родить одного и, по крайней мере, убить одного. Разумно одно: будьте совершенны, как Отец ваш. Совершенство же это в чистоте и потом в любви ...

Все молодые люди вашего возраста, живущие в тех условиях, в которых вы живете, все находятся в очень опасном положении.

Опасность эта состоит в том, что в том возрасте, когда складываются привычки, которые останутся навсегда, как складки на бумаге, вы живете без всякой, без всякой нравственной, религиозной узды, не видя ничего кроме тех неприятностей учения, к которому вас принуждают и от которого вы стараетесь так или иначе избавиться, и тех самых разнообразных удовлетворений похоти, которые вас привлекают со всех сторон и которые вы имеете возможность удовлетворять. Такое положение вам кажется совершенно естественным и не может казаться иным, и вы никак не виноваты, что оно кажется вам таковым, потому что вы в нем выросли, и в таком же положении находятся ваши товарищи, но положение это совершенно исключительно и ужасно опасно. Ужасно опасно оно потому, что если поставить всю цель жизни в таком удовлетворении, как она у вас, у молодых людей, когда похоти эти внове и особенно сильны, то непременно, по очень известному и несомненному закону, выйдет то, что для того, чтобы получать то удовольствие, которое привык получать от удовлетворения похоти: сладкой еды, катанья, игры, нарядов, музыки, надо будет все прибавлять и прибавлять предметы похоти, потому что похоть, раз уже удовлетворенная, в другой и третий раз не доставляет уже того наслаждения, и надо удовлетворять новые и более сильные. (Существует даже закон, по которому известно, что наслаждение увеличивается в арифметической прогрессии, тогда как средства для произведения этого наслаждения должны быть увеличены в квадратах.)

И так как из всех похотей самая сильная половая, выражающаяся во влюблениях, ласках, онанизме и совокуплении, то всегда очень скоро доходит до этого, всегда одного и того же. Когда эти наслаждения уже нельзя заменить чем-нибудь новым, более силь-

ным, то начинается искусственное увеличение этого самого наслаждения посредством одурманения себя вином, табаком, чувственной музыкой. Это путь такой обычный, что по нем, за редкими исключениями, идут все молодые люди, и богатые и бедные, и если вовремя останавливаются, то оправляются к настоящей жизни более или менее искалеченные, или погибают совершенно, как погибли на моих глазах сотни молодых людей.

Спасение от вашего положения есть только одно: остановиться, опомниться, оглянуться и найти себе идеалы, т.е. то, чем хочешь быть, и жить так, чтобы достигнуть того, чем хочешь быть. Все дело в воздержании, в школе, в воспитании воздержания. Как скоро благо будут находить в воздержании, то умерятся и браки.

Жениться, чтобы веселей было жить, никогда не удастся. Поставить своей главной, заменяющей все другое, целью женитьбу соединение с тем, кого любишь, есть большая ошибка. И очевидная, если вдуматься. Цель женитьба. Ну, женились, а потом что? Если цели жизни другой не было до женитьбы, то потом, вдвоем, ужасно трудно, почти невозможно найти ее. Даже наверное, если не было общей цели до женитьбы, то потом уж ни за что не сойдется, а всегда разойдетесь. Женитьба только тогда дает счастье, когда цель одна; люди встретились по дороге и говорят: «давай пойдем вместе». «Давай», и подают друг другу руку; а не тогда, когда они, притянутые друг к другу, оба свернули с дороги.

Все это потому, что одинаково ложно понятие, разделяемое многими, что жизнь есть юдоль плача, как и то понятие, разделяемое огромным большинством, понятие, к которому и молодость, и здоровье, и богатство вас склоняют, что жизнь есть место увеселения. Жизнь есть место служения, при котором приходится переносить иногда и много тяжелого, но чаще испытывать очень много радостей. Только радости-то настоящие могут быть только тогда, когда люди сами понимают свою жизнь, как служение: имеют определенную вне себя, своего личного счастья, цель жизни. Обыкновенно женившиеся люди совершенно забывают это. Так много предстоит радостных событий женитьбы, рождение детей, что, кажется, эти события и составят самую жизнь, но это опасный обман. Если родители проживут и нарожают детей, не имея цели в жизни, то они отложат только вопрос о цели жизни и то

наказание, которому подвергаются люди, живущие, не зная зачем, они только отложат это, а не избегнут, потому что придется воспитывать, руководить детей, а руководить нечем. И тогда родители теряют свои человеческие свойства и счастье, сопряженное с ними, и делаются племенной скотиной. Так вот я и говорю: людям, собирающимся жениться, именно потому, что их жизнь *кажется* им полной, надо больше, чем когда-нибудь, думать и уяснять себе, во имя чего живет каждый из них. А чтобы уяснить себе это, надо думать, обдумать условия, в которых живете, свое прошлое, расценить в жизни все, что считаете важным, что не важным, во что верите, т.е. что считаете всегдашней несомненной истиной и чем будете руководствоваться в жизни. И не только узнать, уяснить себе, но испытать на деле, провести или проводить в свою жизнь, потому что, пока не делаете того, во что верите, сами не знаете, верите или нет. Веру вашу я знаю, и вот эту веру или те стороны ее, которые выражаются в делах, вам надо, больше чем когда-нибудь, именно теперь уяснить себе, проводя ее в дело. Вера в том, что благо в том, чтобы любить людей и быть любимым ими. Для достижения же этого я знаю три деятельности, в которых я постоянно упражняюсь, в которых нельзя достаточно упражняться и которые вам теперь особенно нужны. Первое — чтобы быть в состоянии любить людей и быть любимым ими, надо приучать себя как можно меньше требовать от них, потому что, если я много требую, у меня много лишений, а много лишений, я склоняюсь не любить, а упрекать, тут много работы.

Второе чтобы любить людей не словом, а делом, надо выучить себя делать полезное людям. Тут еще больше работы, особенно для вас в ваши годы, когда человеку свойственно учиться.

Третье чтобы любить людей и быть любимым ими, надо выучиться кротости, смирению и искусству переносить неприятных людей и неприятности; искусству всегда так обращаться с ними, чтобы не огорчить никого, а в случае невозможности не оскорбить никого, уметь выбрать наименьшее огорчение. И тут работы еще больше всего и работа постоянная от пробуждения до засыпания. И работа самая радостная, потому что день за днем радуешься на успехи в ней и, кроме того, получаешь незаметную сначала, но очень радостную награду в любви людей.

Так вот я советую как можно серьезнее и думать и жить, потому что только этим средством вы узнаете, точно ли вы идете по

одной дороге, и вам хорошо подать друг другу руки или нет, и вместе с тем, если вы искренни, то приготовить себе будущее. Цель ваша в жизни должна быть не радость женитьбы, а та, чтобы своей жизнью внести в мир больше любви и правды. Женитьба же затем, чтобы помогать друг другу в достижении этой цели. Les extrêmes se touchent. Самая эгоистическая и гадкая жизнь есть жизнь двух людей, соединившихся для того, чтобы наслаждаться жизнью, и самое высокое призвание людей, живущих для того, чтобы служить Богу, внося добро в мир, и для этого соединившихся друг с другом. Так вы не спутайтесь: то, да не то. Почему же человеку не избрать высшего? Но только, избрав высшее, надо всю душу положить в него, а немножко — ничего не выйдет.

Жениться надо никак не по любви, а непременно с расчетом, только понимая эти два слова как раз наоборот тому, как они обыкновенно понимаются, т.е. жениться не по чувственной любви и по расчету, не тому, где и чем жить (все живут), а по тому расчету, насколько вероятно, что будущая жена будет помогать, а не мешать мне жить человеческою жизнью.

Главное, подумайте двадцать, сто раз о женитьбе. Связать свою жизнь с жизнью другого человека половую связью для нравственного, чуткого человека есть самый значительный и чреватый последствиями поступок, который только может совершить человек. Жениться надо всегда так же, как мы умираем, т.е. только тогда, когда невозможно иначе.

После смерти по важности и прежде смерти по времени нет ничего важнее, безвозвратнее брака. И так же, как смерть только тогда хорошая, когда она неизбежна, а всякая нарочная смерть — дурно, так же и брак. Только тогда брак не зло, когда он непреодолим.

Дело брака не так просто само по себе, как оно кажется. Влюбление есть отступление в одну сторону, но холодный расчет еще худшее отступление в другую. Если, как вы говорите, следовало бы обратиться к первой девушке, т.е. не следует выбирать для своего счастья, то следует отдаться той случайности, судьбе, которая руководит внешними явлениями, подчиняя свой выбор выбору меня. Чувство спутает, но рассудок напутает еще больше, а это самое великое дело в жизни. По-моему, как и во всем в жизни и больше, чем во всем другом, надо не задавать себе задачу жениться, а задавать себе одну всегдашнюю задачу — жить хорошо и тер-

петь и ждать, и тогда придет время, и обстоятельства сделают то, что нельзя не жениться. Так вернее не ошибешься и не согрешишь.

Суждение княгини Марьи Алексеевны о женитьбе известно: «жениться молодым людям без достаточного состояния, пойдут дети, нужда, прискучат друг другу через год, два... десять лет, пойдут ссоры, недостатки ад». И во всем этом княгиня Марья Алексеевна совершенно права и предсказывает верно, если только у этих женившихся людей нет другой одной единственной цели, неизвестной княгине Марье Алексеевне. И цели не головной, не рассудком признаваемой, а составляющей свет жизни, достижение которой волнует более, чем все другое. Есть это — хорошо, и княгиня Марья Алексеевна останется в дурах. А нет этого, из 100 шансов 99, что, кроме несчастья, от брака ничего не выйдет.

Люди, которые женятся так, мне представляются людьми, которые падают, не споткнувшись... Если упал, то что же делать? А если не споткнулся, то зачем же нарочно падать?

Вас связывают две вещи: убеждения вера и любовь. По-моему, и одной довольно. Настоящая, истинная связь это любовь человеческая, христианская; если эта будет и на ней еще вырастет любовь влюбленье, то прекрасно и твердо. Если будет любовь одна влюбленье, то это не то что дурно, но и хорошего нет, но все-таки возможно. И при честных натурах с большими борьбами можно прожить и с этой. Но если ни того, ни другого, а только притягивание того и другого, то это наверно плохо. Надо быть как можно строже к себе и знать, во имя чего ты действуешь.

Романы кончаются тем, что герой и героиня женятся. Надо начинать с этого, а кончать тем, что они разжились, т.е. освободились. А то описывать жизнь людей так, чтобы обрывать описание на женитьбе, это все равно, что, описывая путешествие человека, оборвать описание на том месте, где путешественник попал к разбойникам.

Да, в Евангелии нет указания на брак, есть отрицание его, есть противодействие разврату, вожделению и разводу для тех, которые уже находятся в браке; но об учреждении брака, как говорит это церковь, нет и помина. Ничего, кроме нелепого чуда Каны,

которое утверждает брак столько же, сколько посещение Закхей утверждает соби́рание податей.

Да, я думаю, что брак есть нехристианское учреждение. Христос никогда не женился, не женились и Его ученики, и Он никогда не учреждал брака, а, обращаясь к людям, из которых одни были женатые, а другие нет, говорил: женатым — чтобы они не переменили своих жен (разводясь), как это можно было по закону Моисея (М. V, 32), а неженатым — чтобы, если они могут, то лучше не женились бы (М. XIX, 10-12). И тем и другим говорил, чтобы они понимали, что главный грех состоит в том, чтобы смотреть на женщину, как на предмет наслаждений (Мат., V, 28). (Само собой разумеется, что то же надо понимать и со стороны женщины по отношению к мужчине.)

Из этого положения естественно вытекают следующие практические нравственные выводы:

1. Не смотреть, как теперь смотрят, что каждому человеку-мужчине и женщине нужно непременно вступить в брак; а, напротив, смотреть так, что каждому человеку мужчине и женщине лучше всего соблюсти свою чистоту для того, чтобы ничто не мешало отдать все свои силы на служение Богу.

2. Не смотреть, как теперь, на падение человека-мужчины или женщины, т.е. на вступление в половое общение как на ошибку, которую можно исправить вступлением в новое половое общение (в виде брака) с другим лицом, или даже как на прощительное удовлетворение потребности, или даже удовольствие; а смотреть на первое вступление в половое общение кого бы то ни было и с кем бы то ни было, как на вступление в неразрывный брак (Мат. XIX, 4-6), обязывающий брачующихся к определенной деятельности, служащей искуплением совершенного греха.

3. Не смотреть на брак, как теперь, как на разрешение удовлетворения плотской похоти; а как на грех, требующий своего искупления.

Искупление же греха состоит, во-первых, в освобождении себя, помогая в этом друг другу обоим супругам, от похоти и достижения, насколько возможно, установления между собой отношений не любовников, а брата и сестры; и, во-вторых, в воспитании тех детей, будущих слугителей Богу, которые возникнут от брака.

Разница такого взгляда на брак от того, который существует, очень большая: точно так же будут жениться и выходить замуж, точно так же родители будут заботиться о том, чтоб женить и выдавать замуж детей, но разница большая в том, когда удовлетворение похоти считается дозволенным, законным и самым большим счастьем на свете или когда оно считается грехом. Человек, следуя христианскому учению, женится только тогда, когда он будет чувствовать, что не может поступить иначе, и, женившись, будет не предаваться похоти, а стремиться к укрощению ее (мужчина так же, как и женщина); родители, заботясь о духовном благе своих детей, не будут считать необходимым женить каждого и выдавать замуж, а женят и выдадут замуж, т.е. посоветуют или облегчат им падение, только тех, которые не в силах удержать чистоту, и только тогда, когда будет ясно, что дети не могут жить иначе. Супруги не будут желать, как это бывает теперь, большого количества детей, а, напротив, стремясь к чистоте жизни, будут радоваться тому, что у них мало детей, и они могут посвятить все свои силы на воспитание тех своих детей, которые уже есть, и тех чужих детей, которым они могут служить, если они хотят служить Богу воспитанием будущих служителей Ему.

Разница будет та, которая есть между людьми, которые употребляют пищу, потому что не могут обойтись без этого, и потому стараются как можно меньше тратить времени и внимания на приготовление и потребление пищи, и теми, которые кладут в придумывании, приспособлении, увеличении вкуса и в потреблении пищи главный интерес жизни, как это до последней степени доводили римляне, которые принимали рвотное, чтобы быть опять в состоянии есть.

Первое, что мне нужно сказать об этом, это то, что я, говоря о том, как должно жить супругам, не только не подразумеваю того, что я жил или живу, как должно, но, напротив, знаю твердо своими боками, как должно, только потому, что жил, как не должно.

Я не отказываюсь ни от чего, что я сказал; напротив, старался бы усилить все, что сказал, но действительно необходимо разъяснить. Необходимо потому, что мы так далеки в своей жизни от того, что должно и по нашей совести, и по учению Христа, что истина в этом отношении так же поражает нас (я это знаю по опыту), как поразило бы уездного богатеющего купца указание о том,

что надо не собирать для своей семьи и колоколов, а отдавать все, что есть, только чтоб избавиться от зла.

Вы говорите: «не спать вместе». Разумеется, нет. Я об этом самом уже и думал. Буду писать как попало все, что я об этом думаю.

Есть самое могущественное над человеком чувство влюбления, которое сначала зачинается между не познавшими друг друга людьми разных полов и которое приводит к браку; брак же тотчас имеет последствием ребенка. Начинается беременность и вследствие ее плотское охлаждение друг к другу супругов, охлаждение, которое было бы очень заметно и которое прерывало бы плотское общение, как оно прерывает его между животными, если бы люди не считали плотское общение удовольствием законным. Такое охлаждение, замененное заботой о росте и корме ребенка, продолжается до отнятия ребенка, и в хорошем браке (вот в этом-то отличие человека от скота) с отнятием ребенка опять начинается влюбленное чувство *между теми же супругами*.

Как ни далеки мы от этого, все-таки несомненно, что так должно быть. И вот почему:

Во-первых, половое общение тогда, когда женщина не готова к деторождению, т.е. когда у ней нет месячных, не имеет никакого разумного смысла и есть только плотское наслаждение, и наслаждение очень скверное, постыдное, как знает каждый совестливый человек, подобное самым гнусным неестественным половым уродствам. Человек, предаваясь этому, становится неразумнее животного, т.е. разум свой употребляет на отступление от законов разума.

Во-вторых, все знают и согласны, что половое общение ослабляет, истощает человека и ослабляет в самой сущно-человеческой деятельности в духовной деятельности. «Умеренность», скажут защитники теперешняго порядка, но умеренности не может быть, как только преступлены законы, поставленные разумением. Но вред излишества (а общение вне свободного периода есть излишество) для мужчины еще может быть не велик при умеренности (отвратительно даже произносить это слово о таком предмете), если он знает одну женщину; но то, что будет умеренность для мужа, будет страшною неумеренностью для жены, находящейся в периоде беременности или кормления.

Я думаю, что отсталость женщин и истеричность их происходит в большей степени от этого. Вот в чем должна быть освобожден-

дена женщина, для того чтобы она стала единым телом с женщиной и слугой не дьявола, какую она теперь, а Бога. Идеал далекий, но великий. И отчего же не стремиться к нему?

Мне представляется, что брак должен быть таким: пара сходится плотски под непреодолимым давлением влюбления, зачинается ребенок, и супруги, избегая всего того, что может нарушить для нее рост или кормление ребенка, избегая всякого плотского соблазна, а не так, как теперь, вызывая их живут, как брат с сестрой.

А то муж, развращенный прежде, свои приемы разврата переносит на жену, заражает ее той же чувственностью и налагает на нее невыносимую тягость быть в одно и то же время любовницей, измученной матерью и больным, раздраженным, истеричным человеком. И муж любит ее, как любовницу, игнорирует ее, как мать, и ненавидит ее за ее раздражительность, истеричность, которые он сам производит. Мне кажется, что в этом ключ ко всем страданиям, скрытым во всех семьях в огромном болыпинстве.

Так мне представляется, что муж с женой живут, как брат с сестрой; она спокойно носит, ненарушимо кормит и яри этом нравственно растет, и только в периоды свободные они оба поддаются вновь влюбленью, продолжающемуся недели, и опять успокоение.

Мне представляется, что влюбленье это то напряжение пара, при котором паровоз разорвало бы, если бы не поднялся спасительный клапан. Клапан открывается только при этом сильном напряжении, но он всегда закрыт, старательно закрыт, и цель наша должна быть в том, чтобы сознательно закрыть его как можно плотнее и наложить на него гирь, сколько можем, желая того, чтобы он не открылся. Вот в этом-то смысле я и понимаю: «кто может вместить, да вместить», т.е. пусть каждый стремится никогда не жениться, а женившись, жить с женой, как брат с сестрой. Но пар набирается и открывает клапаны, но не сами мы должны их открывать, как мы это делаем, глядя на половое общение, как на законное наслаждение. Оно законно только тогда, когда мы не можем воздержаться от него и когда оно прорывается помимо нашего желания.

Как же определить, когда мы не можем воздержаться от него?

Как много именно таких вопросов, и как они кажутся неразрешимы, а вместе с тем как они просты, когда их решаешь для себя и за себя, а не для других и за других. Для других знаешь только изве-

стную постепенность: старик предается половому общению с проституткой — ужасно противно; молодой делает то же — менее противно. Старик чувственно любезничает с женой — довольно противно, но менее, чем молодой с проституткой. Молодой чувственно относится к жене — еще менее противно, но противно. Такая постепенность есть для других, и мы все, особенно неиспорченные дети и молодые люди, ее очень хорошо знаем. Но для себя есть еще другое: есть у каждого девственника и девственницы сознание (часто очень затуманенное ложными взглядами), что ему надо дорожить своей чистотой, желание сохранить ее и горе и стыд при потере ее в каких бы то ни было условиях. Есть голос совести, который всегда ясно говорит и после и всегда, что это дурно, стыдно. Все дело в сознании, в разумении.

В мире считается, что очень хорошо наслаждаться любовью, все равно, как считалось бы хорошо открыть спасительные клапаны и выпускать из них пары; по-Божьему же хорошо только жить истинной жизнью, работать на свой талант для Бога, т.е. любить людей, души их, и из них первого, самого близкого свою жену, и помогать ей в уразумении истины, а не заглушать ее способность восприятия, делая ее орудием своего наслаждения, т.е. работать паром и употреблять все меры к тому, чтобы он не уходил в спасительные клапаны,

«Да этак род человеческий прекратится». Во-первых, как бы мы строго ни старались о том, чтобы не иметь полового общения, спасительные клапаны есть, пока они нужны, и будут дети. Да и зачем лгать? Разве, защищая половое общение, мы заботимся о продолжении рода? Мы заботимся о своем наслаждении. Так и говорить надо. Род человеческий прекратится? Прекратится животное-человек. Экая беда какая! Выродились допотопные животные, выродится и человеческое животное наверное (если судить по внешности и в пространстве и времени). Пускай его прекращается. Мне так же мало жаль этого двуногого животного, как и ихтиозавров и т. п., только бы не прекратилась жизнь истинная, любовь существ, могущих любить. А это не только не прекратится, если род человеческий прекратится от того, что люди из любви отрекутся от наслаждений похоти, но увеличится в бесчисленное количество раз, так увеличится эта любовь, и существа, испытывающие ее, сделаются такими, что продолжение рода человеческого для них не нуж-

но будет. Плотская любовь только затем и нужна, чтобы не прекратилась возможность выработки из людей таких существ.

Животные отдаются половому общению, только когда может родиться плод. Человек непросвещенный, каковы мы все, готов на это всегда и даже выдумал, что это потребность. И этой выдуманной потребностью губит женщину, вызывая ее, в то время, когда она носит или кормит, на непосильную и неестественную работу деятельность любовницы. Мы сами загубили в женщине этим требованием эту разумную природу, а потом или жалуемся на ее неразумность, или развиваем ее книгами и курсами. Да, во всем животном человеку еще надо сознательно дойти до животного, и это само собою делается, когда разумение начинает жить; а то деятельность разума направляется только на извращение животной жизни.

Вопрос о половых отношениях между супругами, о том, в какой мере они законны, есть один из самых важных вопросов практических христианских, в роде вопроса собственности, и не перестает занимать меня. И как всегда, вопрос этот разрешен в Евангелии, и как всегда, жизнь наша так далека была от того решения, которое дает Христос, что мы не только не могли и не можем приложить христианского решения, но даже не можем понять его (Мат. XIX, 11, 12). Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано. Ибо есть скопцы, которые из чрева материнного родились так; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит.

Ведь столь много и ложно перетолковываемое место это ничего другого не значит, как то, что если человек спрашивает, что ему по отношению полового чувства надо делать, к чему стремиться, в чем, на нашем языке, идеал человека, он отвечает: сделаться скопцом для Царства Небесного. И тот, кто достигнет этого, тот достигнет наивысшего, а кто не достигнет, то и тому будет хорошо что он к этому стремился. Кто может вместить, да вместит.

Я думаю, что для блага человека ему, мужчине и женщине, должно стремиться к полной девственности, и тогда выйдет из человека то, что должно быть. Метить дальше цели, чтобы попасть в цель. Если же человек сознательно будет стремиться, как это среди нас, к половому общению, хоть бы в браке, то он неизбежно попадет в противозаконие, в разврат. Если человек сознательно будет стремиться к тому, чтобы жить не для брюха, а для духа, тог-

да его отношение к пище будет такое, какое должно быть. Если же человек вперед будет устраивать себе вкусные обеды, то он неизбежно впадет в противозаконие и разврат.

О брачной жизни я много думал и думаю, и как всегда бывало со мной, как я о чем начинаю думать серьезно, так извне меня подстрекают и мне помогают. Третьего дня я получил из Америки книгу одной женщины-доктора (она писала мне) под заглавием: «Tokology» (наука о рождении детей) Стокгэм, книгу вообще превосходную в отношении гигиеническом, но, главное, трактующую в одной главе о том самом предмете, о котором мы с вами переписывались, и решающую вопрос, разумеется, в том же смысле, как и мы. Радостно видеть, что вопрос давно поднят и научные авторитеты решают его в том же смысле. Ужасно радостно застать себя в темноте и далеко впереди увидеть свет. Мне по эгоизму моему грустно думать, что я прожил свою жизнь по-скотски и что мне нельзя уже исправить свою жизнь, грустно, главное, что скажут: «Хорошо тебе, умирающему старику, говорить это, а жил-то ты не так. Мы состаримся, то же будем говорить». Вот в чем главная казнь за грехи — чувствуешь, что ты недостойное орудие для передачи воли Бога, испорченное, загрязненное. Но зато есть утешение, что другие будут таковыми. Помогай вам и другим Бог.

Думал, между прочим, для послесловия: брак был прежде приобретение жены для обладания ею. Опять отношение к женщине установилось войною, пленом. Мужчина себе устроил возможность своей похоти, не думая о женщине, гарем. Единобрачие изменило количество жен, но не отношение к ней. Отношение же истинное совсем обратное. Мужчина может всегда иметь женщину и всегда может воздерживаться; женщина же (особенно познавшая мужа) с гораздо большим трудом может воздерживаться тогда, когда может иметь общение, что с ней бывает в два года раз. И потому, если уж кто может требовать удовлетворения, то никак не мужчина, а женщина. Женщина может требовать этого, потому что для нее это не Genuss (наслаждение), как для мужчины, а, напротив, она и с болью отдается, и боли ожидает, и боли, и страданий, и забот. Кажется, что так формулировать надо брак: сходятся, любя духовно друг друга, мужчина и женщина; и оба обещают друг другу, что если они будут иметь детей, то только друг с другом. Требование же плотского общения должно идти от нее, а не от него.

Я думаю, во-первых, что вы совершенно неправильно судите о том, что вам не должно обращаться к отцу ваших детей (вы пишете: не хочу и не могу). Связь между мужчиной и женщиной, от которой родились дети, есть связь неразрывная, независимо от того, освящена ли эта связь внешним образом, церковным браком. И потому я думаю, что, кто бы такой ни был отец ваших детей, женат он или холост, богат или беден, дурен или хорош, оскорбил ли вас или не оскорбил, *вы должны* обратиться к нему и указать ему, если он пренебрег ею, его обязанность служить своей жизнью своим детям и их матери. Если бы он ответил на это не только равнодушием, но презрением и оскорблением, вы все-таки обязаны перед Богом, перед собой, перед детьми и, главное, перед ним обратиться к нему, напомнить ему, просить его для него же самого исполнить свою обязанность, просить кротко, любовно, но упорно, как евангельская вдова судью. Это мое обдуманное и искреннее мнение; можете оставить его без внимания или последовать ему. Я же чувствовал себя обязанным высказать его вам.

Физическая связь с случайным супругом² есть одно из установленных Богом средств для распространения Его истины: для испытания, укрепления сильнейшего и для просвещения слабейшего.

В Библии и Евангелии сказано, что муж и жена не два существа, а одно, и это справедливо не потому, что это будто бы сказано Богом, а потому, что есть утверждение несомненной истины о том, что половое общение двух существ, имеющее последствием деторождение, соединяет эти существа каким-то особенным от всех других соединений, таинственным образом, так что эти двое в известном отношении перестают быть двое, а становятся одним существом.

И потому я думаю, что стремиться к целомудрию, прекращению таковых отношений может и должно это совокупное существо, т.е. оба супруга вместе, и тот, кто впереди в этом отношении, стараться воздействовать на другого всеми находящимися в его руках средствами: простотою жизни, примером, убеждением. До тех же пор, пока оба не сошлись в одном желании, нести вместе тяжесть грехов своего совокупного существа.

² Т.е. с таким супругом, с которым сближение состоялось не на почве духовного единения.

Ведь делаем же мы по своим страстям дела, нам противные, противные нашей совести; точно так же приходится делать дела, противные нашей совести, если только не считать себя отдельным существом, а частью совокупного существа двух супругов. Дело только в том, чтобы как при своих личных соблазнах, так и в этом соблазне этого совокупного существа ни на минуту не признавать грех не грехом, не переставать бороться.

Вы правы, говоря, что есть обязанности к самому себе, образу и подобию Божью, и человек не может и не должен допускать осквернения своего тела; но это относится не к тем брачным отношениям, от которых были и могут быть дети. Рождение детей и воспитание, кормление их уничтожает большую долю тяжести и преступности этих отношений, и, кроме того, на долгое время беременности и кормления освобождает от них.

Рассуждать о том, благо или не благо рождение детей, не наше дело. Тот, Кто установил это искупление за грех нарушения целомудрия, знал, что Он делает.

Да и простите меня, если то, что я скажу, покажется вам неприятным: в том, что вы говорите о том, что, рожая детей, становишься все нервнее и нервнее, выражается нехорошая, грубо эгоистическая черта. Вы живете не затем, чтобы вам быть веселой и здоровой, а затем, чтобы делать то дело, к которому вы приставлены. Дело же это состоит в том, кроме всех важнейших дел вашей внутренней жизни, чтобы, если вы впереди своего мужа в деле целомудрия, помогать ему двигаться на этом пути, и в том, чтобы, если вы сами не исполнили всего, что от вас требуется, дать миру другие существа, которые будут иметь возможность исполнить это.

Кроме того, если существуют между супругами известные отношения, то участвуют в них непременно оба. Если один из супругов более страстен, то другому уж кажется, что он совершенно целомудрен; но это несправедливо.

Я думаю, несправедливо и в вашем случае. Вам только не видно своего греха из-за более заметного греха другого. Если бы вы были совершенно чисты в этом отношении, вы бы были равнодушны к тому, где будет искать ваш муж удовлетворения своей страсти, равнодушны в смысле ревности, а только жалели бы его за его падение; но этого нет.

Если бы вы потребовали от меня практического совета, как поступить, я сказал бы: выберите лучшую минуту чистого любов-

ного настроения в вашем муже и скажите ему, как тяжелы, мучительны для вас эти отношения и как страстно вы желаете избавиться от них. Если, как вы пишете, он не согласен с вами, что целомудрие хорошо, и будет настаивать, покоритесь и, вы будете беременны, чего вы должны желать, потребуйте своей свободы во все время беременности и кормления. И опять делайте то же и не заботьтесь о том, что выйдет из этого.

Кроме хорошего, из этого ни для вас, ни для вашего мужа, ни для ваших детей ничего выйти не может, потому что, поступая так, вы будете искать не своего счастья и спокойствия, а исполнения того, чего хочет от вас Бог.

Простите, если что нехорошо написал; старался перед Богом высказать то, что пережил и передумал об этом вопросе.

Тяжелые отношения с женой (или мужем) может распутать только смиренная жизнь, как узел только покорное следование всем клубком за ниткой.

Поверьте, что хороших самих по себе внешних условий нет, и неразумный человек, женатый на ангеле, и другой, женатый на дьяволе, одинаково недовольны, и что много, не только много, но почти все недовольные своим супружеством люди (а они все недовольны), все считают, что хуже их положения не может быть. Стало быть, всем равно.

Глядишь на женщину, как на предмет наслаждения, хотя бы то была, и даже тем более, если это твоя жена, то ты прелюбодействуешь и грессишь. При исполнении закона хлебного труда совокупление имеет цель вневличного наслаждения, помощника, продолжателя; но при избытке один разврат.

...Садовница опять родила, опять приехала старуха и увезла ребенка неизвестно куда.

Все страшно возмущены. Употребление средств для нерождения ничего, а для этого нет достаточно осудительных слов.

Нынче узналось, что бабка вернулась и привезла назад ребенка. Дорогой бабка съехала с другими, везшими таких же детей. Из этих детей одному дали слишком глубоко в рот рожок. Он втянул его в себя и задохся. В один день привезли в Москву 25 детей. Из этих 25-ти девятерых не приняли, потому что законные или больные.

Н. ходила утром усовещивать садовницу. Садовница, горячо выражая своего мужа, говорила, что при их бедности и нео-

пределенности жизни ей нельзя иметь детей. И грудь не берет. Одним словом, ей это неудобно...

Перед самым же этим я на качелях качал трех детей, заброшенных, и встретился мне еще мальчик, Васин племянник. Вообще кишит детвора. Родятся, растут, чтобы сделаться пьяницами, сифилитиками, дикарями.

При этом толкуют о спасении жизни людей и детей и об уничтожении их. Да зачем плодить дикарей? Что тут хорошего? Не убивать их, не перестать плодить их надо, а надо все силы употреблять на то, чтобы из дикарей делать людей. Только это одно доброе дело. И дело это делается не одними словами, но примером жизни.

Если же пал или пала, то знать, что искупления этого греха нет иного, как: 1) освободиться вместе от соблазна похоти и 2) воспитать детей, слуг Богу.

Будьте оба (муж и жена) осторожны, внимательны больше всего другого к взаимным отношениям, чтобы не закрались привычки раздражения, отчужденности. Не легкое дело стать одною душою и одним телом. Надо постараться. Но и награда за старанье большая. А средство я знаю одно главное: ни на минуту из-за любви супружеской не забывать, не утрачивать любви и уважения как человека к человеку. Чтобы были отношения как мужа с женою, но в основе всего, чтоб были отношения как к постороннему, к ближнему — это то отношение главное. В них — держава.

Не усиливайте своей привязанности друг к другу, но всеми силами усиливайте осторожность в отношениях, чуткость, чтобы не было столкновений. Это привычка ужасная. Ни с кем, как с женой и мужем, нет таких близких всесторонних отношений, и мы всегда от этого самого забываем думать о них, сознавать их, как перестаем сознавать свое тело. И это то беда.

... Для того, чтобы двум супругам быть счастливыми, как это пишется в романах и как этого желает всякое сердце человеческое, нужно, чтобы было между ними согласие. Для того же, чтобы было согласие, нужно, чтобы муж и жена совершенно одинаково смотрели на мир и на смысл жизни (это особенно нужно по отношению детей). То же, чтобы муж и жена одинаково понимали жизнь, стояли бы на одной и той же степени понимания, так же редко может случиться, как то, чтобы один лист дерева вполне

покрывал другой. А так как этого нет, то единственная возможность согласия, и потому счастья, состоит в том, чтобы один из двух подчинил свое понимание другому.

И вот тут-то главное затруднение: супругу с высшим пониманием, несмотря на все желание, нельзя подчинить его низшему. Можно для достижения согласия не спать, не есть, копать грядки для цветов и т.п., но невозможно делать то, что считаешь дурным, греховным, не только неразумным, но прямо противным разуму и недобрым. Несмотря на все сознание того, что счастье обоих зависит от согласия, что это согласие нужно для счастья и правильного воспитания детей, не может жена содействовать пьянству или картежной игре мужа и не может муж содействовать балам жены и обучению детей танцам и фехтованию, закону Божию по катехизису Филарета.

Для соблюдения согласия и не только счастья, но истинного блага, которое совпадает с любовью и единением, нужно тому, кто, стоя на низшей степени понимания, чувствует более высокое понимание другого, покориться, и не то, чтобы покориться в делах житейских, практических, в том, что есть, как есть, как одеваться, помещаться, а покориться в направлении жизни, в целях деятельности.

Если бы оказалось, что я люблю больше, чем своих детей, игру на бильярде или скачки, или свое тщеславие, тогда бы еще это мог быть упрек; или если бы оказалось, что я трус и боюсь идти против существующего порядка, чтобы не нарушить своего спокойствия, тогда бы еще эти упреки могли тронуть меня. Но если я люблю Бога, т.е. добро и истину, то я наверно наилучшим образом люблю детей и для них делаю самое лучшее, что могу сделать.

...Для счастья, больше для истинного блага двух супругов и детей, которые живут с ними, и для блага всех близких им нужно согласие супругов; разъединение, ссоры это несчастье для них, для детей, это соблазн для людей, это самый ужасный ад. Для того, чтобы этого не было, нужно только одно: одному из двух супругов покориться.

...Мне кажется, что тому из двух супругов, который чувствует, что другая его половина стоит выше его, понимает что-то не вполне доступное ему, но хорошее, божеское, это всегда чувствуется, так легко и радостно покориться, что удивляешься, когда не делают этого...

Нужно соединить служение людям и служение семье, не механически распределяя время на то и другое, а химически, придав заботе о семье, воспитанию детей идеальное, служебное людям значение. Брак, настоящий брак, проявляющийся в рождении детей, есть в своем истинном значении только посредственное служение Богу, служение Богу через детей. От этого то брак, супружеская любовь, всегда испытывается нами, как некоторое облегчение, успокоение. Это есть момент передачи своего дела другому. «Если я, мол, не сделал того, что мог и должен был сделать, так вот на мою смену — мои дети, они будут делать».

Но в том-то и дело, чтобы они делали, чтобы их воспитать так, чтобы они были не помехой дела Божия, а работниками его; чтобы, если я не мог или не могла служить тому идеалу, который стоял передо мною, то сделать все возможное для того, чтобы дети служили ему. И это дает целую программу и весь характер воспитания, дает воспитанию религиозный смысл; и это-то химически и соединяет в одно лучшие, самоотверженные стремления юности и заботу о семье.

Вновь прибывшего Ивана³ приветствую. Откуда он? Зачем он? Куда он? И кто он? Хорошо тем, для кого протоплазма составляет достаточный ответ на эти вопросы; кого же не удовлетворяет этот ответ, тем неизбежно надо *верить* в то, что есть глубокий смысл в появлении и жизни Ивана и что смысл этот мы поймем настолько, насколько мы сделаем все, что должно по отношению к нему к Ивану.

Семейным людям надо или бросить жен и детей, а этого нельзя сделать, или жить оседло. А то это кочеванье должно быть мучительно женам, которые большею частью (да простят они меня), в лучшем случае ведя христианскую жизнь, ведут ее не для Бога, а для мужей. И им, бедным, это трудно. И потому, мне кажется, их надо беречь и жалеть. Еле-еле у мужа с женою установится кое-какое равновесие, кое-как они станут на ноги, а тут трудность переселения, нового устройства. И им не по силам, и все с трудом воздвигнутое здание заваливается. Я знаю, вы скажете, что и не нужно жить с семьей: оставь жену, детей, что это сказано Хрис-

³ По поводу рождения ребенка в семье друга.

том; но я думаю, что это можно сделать только по взаимному согласию, и есть другое слово Христа, и более обязательное: муж и жена не двое, а одна плоть, и что кого Бог соединил, человек не может разъединить. Надо не жениться, как вы и другие счастливые и сильные, но, женившись и имея детей, нельзя нарушить того, что сделано, нельзя стереть грех, а надо нести последствия его. И я думаю, что требовать или советовать мужьям бросать жен — большой грех. Правда, кажется, что дело Божие выиграет от этого, что без жены я сделаю много больше того, что теперь, но ведь часто это кажется только. Если бы я мог быть вполне чист, вполне без греха, тогда бы так. Не надо этого требовать и советовать еще и потому, что при таком взгляде люди согрешившие, т.е. женатые, представляются самим себе и другим отпетыми, и это нехорошо. Я думаю, что и грешные, и слабые люди могут служить Богу.

Раз согрешив браком, надо нести последствия своего греха наилучшим, наихристианнейшим образом, а не освободиться от него, делая новый грех, и надо в этом положении всеми силами служить Богу.

Вы слишком прямолинейно понимаете слова Евангелия: оставь отца и мать, и жену, и детей и иди за Мной. О значении этих слов, главное, о том, как должно разрешать те столкновения и противоречия, которые происходят между семейными связями и требованиями Христа, т.е. истины, думаю, что разрешение этих вопросов не может быть извне, посредством правила или предписания, а каждый решает их по своим силам. Идеал, разумеется, остается всегда один и высказан в Евангелии: оставь жену и иди за Мной. Но до какой степени может человек это сделать, это знает только он сам и Бог.

Вы спрашиваете, что значит «оставь жену». Значит ли это уйти от нее, или перестать спать с ней и перестать производить детей? Разумеется, *оставить* значит сделать так чтобы жена была как не жена, а как всякая другая женщина — сестра. В этом идеал. И сделать это надо так, чтобы не раздражать жену, не соблазнить ее, не ввергнуть ее в злобу и соблазн. И это ужасно трудно. И женатый человеку, стремящийся к христианской жизни, чувствует сердцем всю трудность залечивания этой им самим сделанной раны. Одно я думаю и говорю — это то, чтобы, будучи женатым, всю жизнь

свою и все силы свои напрягать на то, чтобы разжениться, не увеличив греха.

Да, идеал Христова служения Отцу это служение, прежде всего исключаящее заботу как о жизни, так и о продолжении рода. До сих пор попытка отказа от этих забот не прекратила рода человеческого. Что дальше будет не знаю.

Я не люблю говорить про особенности нашего времени, но в отношениях мужей и жен, мужчин и женщин, во всех христианских странах, среди богатых и бедных есть что-то особенное. Так, отношения мужей с женами, мне кажется, портятся тем духом не только непокорности, но враждебности женщин к мужчинам, задора, желая показать, что оне не хуже их, что они могут делать все то же, что и мужчины, и вместе с тем отсутствием того нравственного, религиозного чувства, заменяющегося у женщин, когда оно раньше и было, материнским чувством. Я думаю, что женщины совершенно равны мужчинам, но как скоро они выходят замуж и становятся матерями, в супружеской чете естественно происходит разделение труда. Материнские чувства поглощают так много энергии, что ее уже недостает для нравственного руководства, и нравственное руководство это естественно переходит к мужу. Так это и было с тех пор, как мы знаем мир. Теперь же, после злоупотребления этим естественным порядком вещей, когда руководство мужчины утверждалось грубым насилием и женщины были освобождены христианством... женщина перестала повиноваться мужчине из страха или предоставлять ему руководство жизни из сознания того, что так лучше; и началась путаница и расстройство жизни, которое заметно во всех слоях общества и при всяких условиях.

Мода умственная восхвалять женщин, утверждать, что они не только равны по духовным способностям, но выше мужчин, очень скверная и вредная мода.

То, что женщины не должны быть ограничены ни в каких правах, то, что к женщине надо относиться так же, с тем же уважением и любовью, как и к мужчине, что она равна в правах с мужчиной, в этом не может быть никакого сомнения; но утверждать, что женщина, в среднем, одарена тою же духовною силою, как и мужчина, ожидать встретить в каждой женщине то же, что ожидаешь встретить в каждом мужчине, значит умышленно обманывать себя, и обманывать себя во вред женщине.

Если мы будем ждать от женщины того, чего ждем от мужчины, то и будем требовать этого; а не встретим требуемого, будем раздражаться, будем приписывать злой воле то, что происходит от невозможности.

Так что признание женщины тем, что она есть, более слабым духовно существом, не есть жестокость к женщине; признание их равными есть жестокость.

Слабостью или меньшей силой духовной я называю меньшую покорность плоти духу, в особенности главная черта женская меньшую веру велениям разума.

Наибольшее число страданий, вытекающих из общения мужчин и женщин, вытекает от совершенного непонимания одного пола другим.

Редкий мужчина понимает, что значат для женщин дети, какое место они: занимают в их жизни; и еще более редкая женщина понимает, что значит для мужчины долг чести, долг общественный, долг религиозный.

Мужчина может понять, хотя сам не носил и не рожал, что и носить и рожать и тяжело и больно, и что это дело важное; но женщина редкая может понять, что носить и рожать духовно новое жизнепонимание и тяжело и дело важное. Они поймут это на минутку, но сейчас же забывают. И как только на сцену выступают заботы их, хоть хозяйство, наряды, так они не могут уже помнить о реальности убеждений мужчин, и все это кажется им выдумками нереальными в сравнении с пирогами и ситниками.

Поразила меня мысль о том, что одна из главных причин враждебного чувства мужей и жен это соперничество их в деле ведения семьи.

Жене нужно не признавать мужа разумным и практичным, потому что, если бы она признавала его таковым, то бы надо было делать его волю, и наоборот.

Если бы я теперь писал «Крейцерову сонату», я бы выдвинул это.

Нелепость нашей жизни происходит от власти женщин; власть же женщин происходит от невоздержания мужчин; так что причина безобразия жизни невоздержание мужчин.

Женщина привлекательная говорит себе: «он умный, он ученый, он славный, он богатый, он великий, он нравственный, свя-

той; а он мне — глупой, невежественной, бедной, ничтожной, безнравственной — покоряется; стало быть, и ум, и ученость... и все — пустяки». Это их губит и делает их дурными.

В конце-концов всегда властвуют те, над которыми производится насилие, т.е. те, которые исполняют закон непротivления. Так, женщины ищут прав, а они властвуют именно потому, что они подчинены и были и суть силе. Учреждения во власти мужчин, а общественное мнение во власти женщин. И общественное мнение в миллион раз сильнее всяких законов и войска. Доказательство того, что общественное мнение в руках женщин, то, что не только устройство жилищ, пищи определяется женщинами, расходуют богатства, следовательно, руководят работами людей, женщины; успех произведений искусства, книг, даже назначение правителей определяется общественным мнением, а общественное мнение определяется женщинами.

Хорошо кто-то сказал, что мужчинам надо искать эмансипацию от женщин, а не наоборот.

Женщинам свойственно поддерживать жизнь рождением, воспитанием детей, поставлением новых сил вместо потраченных; мужчинам свойственно направлять эти силы, т.е. самую жизнь. И тот и другой может делать и то и другое, но свойственно.

Что может быть глупее и вреднее для женщин модных толков о равенстве полов, даже о превосходстве женщин над мужчинами. Для человека с христианским мирозерцанием не может быть, само собою разумеется, вопроса о том, чтобы предоставить какие-нибудь права исключительно мужчине, о том, чтобы не уважать и не любить женщину так же, как и всякого человека; но утверждать, что женщина имеет те же духовные силы, как и мужчина, особенно то, что женщина может быть так же руководима разумом, может так же верить ему, как и мужчина, это значит требовать от женщины того, чего она не может дать (я не говорю об исключениях, а о средней женщине и среднем мужчине), и вызывать к ней раздражение, основанное на предположении, что она не хочет делать того, чего она не может делать, не имея для этого категорического императива в разуме.

Если вопрос в том, что устранение себя мужчиной от тех забот и трудов, которые вытекают из воспитания или скорее из ухода за маленькими детьми: от укладывания их спать, мытья их и вообще всякого белья, от приготовления им, да и всем, пищи, от шитья

им одежды и т. п., то это в высшей степени не только не христиански, не добро, но несправедливо.

Женщина и так неизбежно несет самую большую долю труда ношения и вскармливания грудью детей, а потому, казалось бы, естественно, что все остальные заботы мужчина должен бы брать на себя в той мере, в которой это возможно без помехи его делу, тоже нужного для семьи. И так бы это непременно было, если бы варварский обычай взваливать всю тяжесть работы на более слабых и потому покорных так прочно не установился в нашем обществе. Обычай этот так въелся в наши привычки, что, несмотря на признаваемое мужчинами равенство женщины, самый либеральный мужчина, так же как и самый рыцарски учтивый, будет горой стоять за право женщины быть профессором, священником или с опасностью жизни бросится поднимать платок, уроненный женщиной, и т. п., но не догадается пойти выстирать пеленки, которые загадил их общий ребенок, или сшить портки сынишке, когда жена беременна, кормит или просто устала, или просто хочет за то пропущенное время в ношении и кормлении почитать или подумать.

Общественное мнение так извращено в этом направлении, что такие поступки найдут *ridicules*, и нужно много мужества, чтобы совершать их.

Вот где настоящая эмансипация женщин:

Не считать никакого дела бабьим делом, таким, к которому совестно притронуться, и всеми силами, именно потому, что они физически слабей, помогать им, брать от них всю ту работу, которую можно взять на себя.

Точно так же и в воспитании девочек: имея в виду то, что им, вероятно, придется родить, и потому меньше будет досуга, именно в виду этого устраивать для них школы не хуже, но лучше мужских, чтобы они вперед набрали сил и знаний. А они на это способны.

То, что по отношению женщин и их труда существует много очень вредных, из древности укоренившихся предрассудков, совершенно справедливо, и еще более справедливо, что надо бороться против них. Но не думаю, чтобы общество, которое будет устраивать читальни и помещения для женщин, было бы средством борьбы. Меня не то возмущает, что женщина получает меньше жалованья, чем мужчина, цены устанавливаются достоинством труда, меня возмущает то, что на женщину, которая носит, кормит, воспитывает маленьких детей, навален еще труд кухни, жа-

риться у печи, мыть посуду, стирать белье, шить одежды, мыть столы, полы, окна. Почему весь этот труд, страшно тяжелый, навален исключительно на женщину? Мужу, фабричному, чиновнику и всякому мужчине бывает делать нечего, но он будет лежать и курить, предоставляя женщине (и женщина покоряется), часто беременной, больной, с детьми, жариться у печи или нести страшный труд стирки белья или ночного ухаживания за больным ребенком. И все это от суеверия, что есть какой-то бабий труд.

Это страшное зло, и от этого неисчислимые болезни несчастных женщин, преждевременная старость, смерть, отупение самих женщин и их детей.

Для согласия супругов надо, чтобы во взглядах на мир и жизнь, если они не совпадают, тот, кто менее думал, покорился бы тому, кто думал более.

Женщины всегда признавали над собою власть мужчины. И не могло быть иначе в мире нехристианском. Мужчина сильнее и мужчина властвовал. Так было во всем мире (исключая сомнительных амазонок и закона материнства), и так и теперь среди 0,999 рода человеческого. Но явилось христианство и признало совершенство не в силе, а в любви, и тем освободило всех покоренных и плененных, и рабов, и женщин. Но для того, чтобы свобода рабов и женщины не была бедствием, нужно, чтобы освобожденные были христиане, т.е. полагали жизнь свою в служении Богу и людям, а не в служении себе... Что же нужно делать? Делать нужно одно: привлекать людей к христианству, обращать их в христиан. Делать же это можно, только исполняя в жизни закон Христа.

Я, между прочим, еще много думал о женщинах, о браке, и хотелось бы высказать. Разумеется, не о современных кумирчиках нашего времени курсах, а о великом, вечном назначении женщины. Много превратного в этом отношении проповедуется именно в кружках интеллигентных женщин, и именно вот что: например, проповедуется, что женщина должна не быть исключительной — не должна любить своих детей больше, чем других. Проповедуется много разного туманного, неясного о развитии, о равенстве с мужчиной; но это положение о том, что женщина не должна любить своих детей больше чужих, проповедуется всегда, везде, считается аксиомой и, как практическое правило, заключает в себе всю сущность учения; а оно то — это положение — совершенно ложно.

Призвание всякого человека⁴ — и мужчины и женщины — в том, чтобы служить людям. С этим общим положением, я думаю, согласны все небезнравственные люди. Разница между мужчинами и женщинами в исполнении этого назначения есть большая по средствам, которыми они служат людям. Мужчина служит людям и физическим, и умственным, и нравственным трудом. Средства его служения очень многообразны. Вся деятельность человечества, за исключением деторождения и кормления, составляет поприще его служения людям. Женщина же, кроме своей возможности служения людям всеми теми же, как и мужчина, сторонами своего существа, по строению своему призвана, привлечена неизбежно к тому служению, которое одно исключено из области служения мужчины. Служение человечеству само собой разделяется на две части: одно увеличение блага в существующем человечестве, другое продолжение самого человечества. К первому призваны преимущественно мужчины, так как они лишены возможности служить второму. Ко второму призваны преимущественно женщины, так как они исключительно способны к нему. Этого различия нельзя, не должно и грешно (т.е. ошибочно) не помнить и стирать, как это стараются делать. Из этого различия вытекают обязанности тех и других, обязанности, не выдуманные людьми, но лежащие в природе вещей. Из этого же различия вытекает оценка добродетели и порока женщины и мужчины, оценка, существовавшая во все века и теперь существующая и никогда не могущая перестать существовать, пока в людях будет разум.

И всегда было и будет то, что мужчина, проведший свою жизнь в мужском многообразном труде, и женщина, проведшая жизнь в рождении, кормлении и возвращении *своих* детей, будут чувствовать, что они делают то, что должно, и будут возбуждать уважение и любовь людей, потому что оба исполнили свое несомненное призвание. Призвание мужчины многообразнее и шире, призвание женщины однообразнее и уже, но глубже, и потому всегда было и будет то, что мужчина, имеющий сотни обязанностей, изменив одной, десяти из них, остается не дурным, не вредным челове-

⁴ Считаю необходимым предупредить читателя, что нижеследующий отрывок, как и другие подобного же содержания, был написан автором раньше окончательной выработки им своего взгляда на половой вопрос, выраженного в Послесловии к Крейцеровой сонате.

ком, исполнив $\frac{9}{10}$ своего призвания. Женщина же, имеющая три обязанности, изменив одной из них, исполняет только $\frac{2}{3}$ и, изменив двум, делается уже отрицательной вредной. Таково всегда было общее мнение и таково всегда будет, потому что такова сущность дела. Мужчина, для исполнения воли Бога, должен служить Ему и в области физического труда, и мысли, и нравственности; он всеми этими делами может исполнить свое назначение; для женщины средства служения Богу суть преимущественно и почти исключительно (потому что, кроме нее, никто не может этого сделать) дети.

Только через дела свои призван служить Богу и людям мужчина, только через детей своих призвана служить женщина.

И потому любовь к *своим* детям, вложенная в женщину, исключительная любовь, с которой совершенно напрасно бороться рассудочно, всегда будет и должна быть свойственна женщине-матери. Любовь эта к ребенку в младенчестве есть вовсе не эгоизм, как это ложно учат, а это есть любовь работника к той работе, которую он делает в то время, как она у него в руках. Отнимите эту любовь к предмету своей работы — и невозможна работа.

Пока я делаю сапог, я его люблю больше всего, как мать ребенка; испортят мне его, я буду в отчаянии; но я люблю его так до тех пор, пока работаю. Когда сработал остается привязанность, предпочтение слабое и незаконное; то же и с матерью.

Мужчина призван служить людям через многообразные работы, и он любит эти работы, пока их делает; женщина призвана служить людям через своих детей, и она не может не любить этих своих детей, пока она их делает, т.е. растит, воспитывает.

В этом я вижу совершенное равенство мужчины и женщины по общему призванию служить Богу и людям, несмотря на различие в форме этого служения. Равенство это проявляется в том, что одно столь же важно, как и другое, что одно немислимо без другого, что одно обуславливает другое, и что для достижения призвания как тому, так и другому необходимо знание истины и что без этого знания деятельность как мужчины, так и женщины становится не полезной, но вредной для человечества.

Мужчина призван исполнять свой многообразный труд, но труд его тогда только полезен, и его работа (хлеб пахать или пушки делать), и его умственная деятельность (облегчать жизнь людей или считать деньги), и его религиозная деятельность (сближать людей

или петь молебны) тогда только плодотворны, когда они совершаются во имя высшей, доступной человеку, истины.

То же и с призванием женщины: ее рождение, кормление, возвращение детей будет полезно человечеству, когда она будет выращивать не просто детей для своей радости, а будущих слуг человечества, когда воспитание этих детей будет совершаться во имя высшей доступной ей истины, т.е. она будет воспитывать детей так, чтобы они были способны брать как можно меньше от людей и как можно больше давать им. Идеальная женщина, по мне, будет та, которая, усвоив высшее миросозерцание — веру, которая ей будет доступна, отдастся своему женскому непреодолимо вложенному в нее призванию — родит, выкормит и воспитает наибольшее количество детей, способных работать для людей, по усвоенному ею миросозерцанию. Миросозерцание же это не почерпается на курсах, а приобретается только незакрытием глаз и ушей и умилением сердца.

Ну, а те, у которых нет детей, которые не вышли замуж, вдовы? Те будут прекрасно делать, если будут участвовать в мужском многообразном труде...

И всякая женщина, отрожавшись, если у нее есть силы, успеет заняться этой помощью мужчине в его труде, и помощь эта очень драгоценна...

Хорошая семейная жизнь возможна только при сознанном, воспитанном в женщинах убеждении в необходимости всегдашнего подчинения мужу. Я говорил, что это доказывается тем, что так было с тех пор, как мы знаем жизнь людей, и тем, что семейная жизнь с детьми есть переезд на утлой лодочке, который возможен только тогда, когда едущие подчиняются одному. И таким одним признавался всегда мужчина по той причине, что, не нося, не кормя, он может быть лучшим руководителем жены, чем жена мужа.

Но неужели женщины всегда ниже мужчины? Нисколько. Как только тот и другой девственны, они равны.

Но что же значит то, что теперь жены требуют не только равенства, но главенства? А только то, что семья эволюционирует, и потому прежняя форма распадается. Отношения полов ищут новой формы, и старая форма разлагается.

Какая будет новая форма, нельзя знать, хотя многое намечается. Может быть, большее количество людей, держащихся цело-

мудрия; могут быть браки временными и после рождения детей прекращаться, так что оба супруга после родов детей расходятся и остаются целомудренными; могут дети быть воспитываемы обществом. Нельзя предвидеть новые формы. Но несомненно то, что старая разлагается и что существование старой возможно только при подчинении жены мужу, как это было везде и всегда и как это происходит там, где семья еще держится.

Вчера читал *Без догмата*. Очень тонко описана любовь к женщине, нежно, гораздо тоньше, чем у французов, где чувственно, у англичан, где фарисейно, и у немцев, напыщенно; и думал: написать роман любви целомудренной... такой, для которой невозможен переход в чувственность, которая служит лучшим защитником от чувственности? Да, да, оно и есть. Затем и сотворен человек мужчиной и женщиной. Только с женщиной можно потерять целомудрие, только с нею и можно соблудить его. Хорошо написать это...

Человек, как животное, подчиняется закону борьбы и половому стремлению для усиления рода; как разумное, любящее, божественное существо, он подчиняется закону обратному не борьбы с соперниками и врагами, а смирения, перепесения обид и любви к ним, и не полового стремления, а целомудрия.

Одно из нужнейших дел человечества состоит в воспитании целомудренной женщины.

Женщина — легенда говорит — орудие дьявола. Она вообще глупа, но дьявол дает ей на подержание свой ум, когда она на него работает. Смотришь, сделала чудеса ума, дальновидности, постоянства, чтобы сделать гадости; а как только нужна не гадость, не может понять самой простой вещи, не соображает дальше настоящей минуты, и нет ни выдержки, ни терпения (кроме деторождения и детоухаживания).

Все это относится к женщине-нехристианке, нецеломудренной женщине... Ох, как хотелось бы показать женщине все значение целомудренной женщины! Целомудренная женщина (не даром легенда Марии) спасет мир.

Назначение женщины есть прежде и важнее всего назначение человека, то самое, о котором я и говорил. Замужество и дети в сравнении с безбрачием это то же, что условия деревенской жизни в сравнении с городской, роскошной: условия жизни безбрачие или семья сами по себе не могут влиять на человека. Может

быть, святое и греховное безбрачие, может быть греховная и святая семья.

Девушке же всякой, и вам в особенности, как человеку, в котором начинается внутренняя духовная работа, советую как можно больше удаляться от всего, что в нашем обществе поддерживает в девушке мысль о необходимости, желательности брака и располагает к нему: романы, музыка, праздная болтовня, танцы, игры, карты, даже наряды. Право, приятнее выстирать себе рубаху (а уж для души насколько полезнее, чем проиграть вечер в *secretaire* даже с самыми остроумными людьми. Главное же, то распространенное в свете понятие, что не выйти замуж, остаться в девках стыдно, так же совершенно противоположно истине, как и все светские суждения о вопросах жизни. Безбрачная жизнь, наполненная делами добра, безбрачная потому, что дела, наполняющие эту жизнь, все выше брака (а такие дела — все дела любви к ближнему, напоения чашей воды), в бесконечное число раз выше всякой семейной жизни. Мат. XIX, 11. Не все вмещают слово это, но кому дано. И так и смотрели всегда, все люди всех народов и всех веков с величайшим уважением и умилением на безбрачных не поневоле, но ради Бога, людей, мужчин и женщин. А в нашем мире это самые смешные люди. Оно и правда. Это так же, как бедные ради Бога и такие, которые не умели нажить. Всякой девушке и вам советую поставить себе идеалом служение Богу, т.е. соблюдение и возвращение в себе искры Божией, и потому — безбрачие, если брак мешает этому служению; если бы же случилось поддавшись себялюбивому чувству к одному человеку, выйти замуж, так не радоваться и не гордиться, как это обыкновенно бывает, своим положением жены и матери, а, не упуская из виду главной цели жизни, служения Богу, всеми силами стараться о том, чтобы исключительная и эгоистическая привязанность к семье не мешала бы служению Богу.

Я всегда думал, что один из вернейших признаков серьезности отношения к нравственным вопросам это строгость к себе в половом вопросе...

Соблазн, в который N впал, очень понятный и свойствен именно таким честным и правдивым натурам, каким я его воображаю. Отношения установились, и ему хотелось ничего не скрывать, а прямо и открыто признать их, придав им характер духовности.

Я вполне понимаю его мысль: воспользоваться тем душевным подъемом, который дает влюбленность, для того, чтобы этот

подъем употребить на дело Божие. Это возможно, и я думаю, что энергия людей, находящихся в этом положении, может значительно повыситься и дать неожиданно кажущиеся нам большие результаты. Я даже не раз видал это и знавал такие случаи; но тут страшно то, что, при уничтожении влюбленности (что очень возможно и вероятно), вдруг не только может упасть этот подъем энергии, но и всякий интерес к делу Божьему, чего тоже я видал примеры. А что это случается и может случиться, доказывает то, что дело Божие, служение Ему не может и не должно опираться ни на что, а все остальное должно опираться на сознание необходимости и радости этого служения.

Так можно (что тоже часто делается) усилить энергию служения Богу славой людской. И опять та же опасность охлаждения к делу Божию, как только уничтожается одобрение людей.

Все это вы знаете и высказали, но я хотел только прибавить одно к тому, что писал вам в последнем письме о том, что я согласен с N в том, что союз женщины и мужчины хорош, когда он имеет целью совокупное служение Богу и людям. А именно то, что союз брачный, телесный не то, что прибавляет силы для служения, а для некоторых людей, одержимых беспокойством потребности влюбления, устраняет это беспокойство, препятствующее отдаче всех своих сил на служение; и потому, хотя целомудрие, если оно полное, есть самое выгодное условие для служения, для некоторых людей брак, успокаивая их, устраняя препятствие, усиливает в них способность служения. Но при этом, — вот это главное я хотел сказать, — надо, чтобы люди понимали и признавали и вне брака и в браке, что способность влюбчивости и того душевного подъема, который при этом совершается, предназначена не на забаву, не на наслаждение, не на художественное творчество (многие так думают), не на увеличение энергии для служения Богу, как думает N, а только на половое, брачное соединение с одним мужем и одной женой для произведения детей и взаимного освобождения от похоти. Всякое же направление этой способности на что-либо другое может только затруднять путь жизни человека, а не облегчать и не усладить его.

И потому я совершенно согласен с вами, что это самый опасный соблазн, против которого нельзя быть достаточно осторожным. «Ну, говорят, почему же не быть дружным с лицами другого пола, так же как и с лицами одного пола?» Нет никакой причины, и чем

больше мы любим, тем лучше. Но искренний и серьезный в нравственном деле человек сейчас заметит, как это сделал N, что такие отношения с женщинами бывают особенные. Если человек не будет себя обманывать, он всегда заметит, что сближение совершается легче, чем обыкновенно; что велосипед едет очень легко и скоро и что не нужно тех усилий, которые нужны обыкновенно; и что потому должна быть этому причина. А как только серьезный в нравственном деле человек заметит это и не желает съехать под гору, зная что движение это все будет усиливаться и приведет к браку или исключительному чувству, то он остановится.

Брак, разумеется, хорош и необходим для продолжения рода, но если для продолжения рода, то надо, чтобы родители чувствовали в себе силы воспитать детей не дармоедами, а слугами людям и Богу. А для этого нужно быть в силах жить не трудами других, а своими, больше давая, чем беря от людей.

У нас же буржуазное правило, что жениться можно только тогда, когда крепко сидишь на шее людей, т.е. *имеешь средства*. Нужно как раз обратное: может жениться только тот, кто может жить и воспитать ребенка, *не имея средств*. Только такие родители могут хорошо воспитать детей.

Книжку просмотрел⁵.

Писать об этом и возражать нельзя, как нельзя возражать на то, что человек будет доказывать, что приятно и безвредно совокупление с трупами. Человеку, который не чувствует того, что чувствуют слоны⁶, что совокупление вообще есть акт, унижающий и себя и сообщницу и потому отвратительный, в котором человек отдает невольную дань своей животности и который искупляется только тем, что исполняет ту цель (деторождения), для которой непреодолимая в известное время потребность этого отвратительного, унижительного акта вложена в его природу, такому человеку,

⁵ В этом отрывке Л. Н. Толстой высказывается по поводу английской брошюры, пропагандирующей предупредительные приемы против зачатия и деторождения, которую ему послали для того, чтобы получить от него более обстоятельное мнение об этом вопросе, на предыдущих страницах затронутым им только вскользь.

⁶ Естествоиспытатели заметили, что слоны отличаются чрезвычайной умеренностью в половых сношениях, а в неволе и особенной застенчивостью в этом отношении.

несмотря на свою способность рассуждать, стоящему на уровне животного, невозможно объяснить и доказать этого. Не говорю уже о лживости мальтузианства, которое соображения объективные (да еще ложные) кладет в основу дела нравственности, всегда субъективного. Не говорю и о том, что между убийством, умерщвлением плода и этим приемом нет качественного различия.

Простите: стыдно и отвратительно серьезно говорить про это. Надо говорить и думать о том, какая извращенность или тупость нравственного чувства могла привести людей к этому. И не спорить с ними, а лечить их. Ну, право, русский безграмотный, пьяный мужик, верящий в «пятницу», который с ужасом отнесся бы к такому поступку и который всегда на акт совокупления смотрит, как на грех, стоит неизмеримо выше людей, прекрасно пишущих и имеющих дерзость приводить философию в подтверждение своей дикости.

Никакой род преступлений людских против нравственного закона не скрывается с такою тщательностью людьми друг перед другом, как преступления, вызываемые половой похотью; и нет преступления против нравственного закона, которое было бы так обще всем людям, захватывая их в самых разнообразных и ужасных видах; нет преступления против нравственного закона, на которое смотрели бы так несогласно люди, одни, считая известный поступок страшным грехом, другие тот же поступок самым обычным удобством или удовольствием; нет преступления, насчет которого было бы выказываемо столько фарисейства; нет преступления, отношение к которому показывало бы так верно нравственный уровень человека; и нет преступления более губительного для отдельных людей и для движения вперед всего человечества.

Мысли эти очень просты и ясны для того, кто мыслит для того, чтобы познать истину. Странными, парадоксальными, даже несправедливыми эти мысли кажутся только тому, кто рассуждает не для того, чтобы познать истину, а для того, чтобы свою жизнь со всеми ее пороками и заблуждениями считать истинной.

Этому делу никогда не бывает конца. Я и теперь думаю о том же (о половом вопросе), и все кажется, что нужно бы еще много уяснить и прибавить. И это понятно, потому что дело такой огромной важности и новизны, а силы, без ложной скромности говоря, так слабы и несоответственны значительности предмета.

Поэтому я думаю, что всем надо работать, тем, кого это интересует сердечно, всем надо разрабатывать этот предмет по мере сил своих. Если каждый с своей личной точки зрения скажет искренно то, что он думает и чувствует об этом предмете, то многое темное уяснится, привычно ложно скрытое откроется, кажущееся странным по непривычности видеть это перестанет казаться таким, и многое, кажущееся естественным по привычке жить дурно, перестанет казаться таким. По счастливой случайности я больше, чем другие, имел возможности обратить внимание общества на этот предмет. Надо, чтобы другие продолжали дело с разных сторон.

П. Кропоткин **ЗАПИСКИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА¹**

Часть 1. Глава VI

Высшее женское образование.

Стремление женской молодежи к науке.

Причины успеха

Единственным светлым явлением в петербургской жизни было движение среди молодежи обоего пола. Здесь слилось несколько различных течений, и они образовали мощный агитационный поток, который вскоре принял подпольный и революционный характер и на пятнадцать лет приковал к себе внимание всей России. Об этом движении я скажу ниже. Теперь же остановлюсь на борьбе русских женщин из-за высшего образования. Центром этого движения был тогда Петербург.

Каждый день, когда молодая жена моего брата возвращалась с педагогических курсов, на которых слушала лекции, она сообщала, нам что-нибудь новое об оживлении, господствовавшем там. Там шли горячие толки об открытии для женщин особых университетов и медицинских курсов; устраивались лекции и собеседования о школах и о различных методах образования, и тысячи женщин принимали в них горячее участие, обсуждая разные вопросы в своих кружках. Появились общества переводчиц, издательниц, переплетчиц и типографшиц, в которых женщины, съезжавшиеся в Петербург и готовые взяться за всякий труд, лишь бы добиться возможности получить высшее образование, могли бы получать занятие. Словом, в этих женских кругах пульс жизни бился сильно и часто представлял резкую противоположность тому, что я видел в других сферах.

Когда выяснилось, что правительство твердо решило не допускать женщин в существующие университеты, они употребили все усилия, чтобы добиться открытия своих собственных высших курсов. В Министерстве народного просвещения им сказали, что де-

¹ Кропоткин П. Записки революционера. М., 1998. С.251-255.

вушки, окончившие женскую гимназию, не имеют достаточной подготовки для слушания университетских лекций. «Отлично, ответили они, разрешите нам в таком случае устроить подготовительные курсы. Введите какую хотите программу. Мы не просим даже денежной помощи от государства. Только дайте разрешение. Все остальное мы сделаем сами». Но разрешение, конечно, не дали.

Тогда женщины организовали в различных частях Петербурга научные курсы в частных домах. Многие профессора, сочувствовавшие движению, вызвались читать лекции, и, хотя сами люди небогатые, они предупредили основательниц, что всякий намек о вознаграждении сочтут за личное оскорбление. Затем, летом, под руководством профессоров университета устраивались в окрестностях Петербурга геологические и ботанические экскурсии, и большею частью на экскурсии собирались женщины. На акушерских курсах слушательницы убедили профессоров читать каждый предмет гораздо полнее, чем требовалось по программе, и добились преподавания предметов, вовсе не входивших в программу. Словом, женщины пользовались всякою возможностью, всякою брешью в крепости, чтобы взять ее штурмом. Они добились доступа в анатомический театр профессора Грубера и своими превосходными работами заручили на свою сторону старого ученого, для которого анатомия была культом. И если они узнавали, что какой-нибудь профессор согласен допустить их в свою лабораторию по вечерам или по воскресеньям, то немедленно пользовались этим случаем учиться.

Наконец, несмотря на все нежелание Министерства, подготовительные курсы, под названием педагогических, открылись. В самом деле, нельзя же было воспретить будущим матерям изучение методов воспитания! Но так как метод преподавания ботаники или естественных наук вообще нельзя изучать абстрактно, то вскоре в программу педагогических курсов вошли эти предметы, а потом еще и другие.

Шаг за шагом женщины расширяли свои права. Как только становилось известно, что тот или другой профессор в Германии собирается открыть свою аудиторию женщинам, как в его двери уже стучались русские слушательницы. Они изучали право и историю в Гейдельберге, математику в Берлине. В Цюрихе более ста женщин и девушек работали в лабораториях университета и по-

литехникума. Там они добились более важного, чем докторские дипломы, а именно уважения лучших профессоров, которые и высказывали его публично. Когда я приехал в Цюрих в 1872 году и познакомился с некоторыми студентками, то был поражен тем, как молодые девушки в политехникуме разрешали при помощи дифференциального исчисления сложные задачи по теории теплоты или упругости так легко, будто много лет учились математике. Среди русских девушек, изучавших математику в Берлине под руководством Вейерштрасса, была, как известно, Софья Ковалевская, ставшая впоследствии профессором Стокгольмского университета. Кажется, она была первый профессор-женщина в мужском университете, по крайней мере в XIX веке. Ковалевская была так молода, что в Швеции все называли ее не иначе как уменьшительным именем.

Александр II ненавидел ученых женщин. Когда он встречал девушку в очках и в гарибальдийской шапочке, то пугался, думая, что перед ним нигилистка, которая вот-вот выпалит в него из пистолета. А между тем, несмотря на его нежелание, несмотря на оппозицию жандармов, изображавших царю каждую учащуюся женщину революционеркой, несмотря на громы против всего движения и на гнусные обвинения, которые Катков печатал в каждом номере своей подлой газеты, женщины все же добились открытия ряда курсов. Некоторые из них получили докторские дипломы за границей, а в 1872 году они добились разрешения открыть в Петербурге высшие медицинские курсы на частные средства. Когда же правительство отозвало учащихся женщин из Цюриха из страха, что они будут знакомиться там с революционерами и проводить потом революционные идеи на родине, то оно вынуждено было открыть в России для них высшие курсы, то есть женские университеты, в которых скоро оказалось более тысячи слушательниц. Не поразительно ли, в самом деле, что, несмотря на правительственное гонение на медицинские курсы, несмотря на временное закрытие их, в России теперь более 670 женщин-врачей*.

Без сомнения, то было великое движение, изумительное по своим результатам и крайне поучительное вообще. Победа была одержана благодаря той преданности народному делу, которую проявили женщины. Они проявили ее как сестры милосердия во

* Писано в 1898 году.

время Крымской войны, впоследствии как учредительницы школ, как земские акушерки и фельдшерицы, и, наконец, еще позже, они стали сестрами милосердия и врачами в тифозных бараках во время русско-турецкой войны и здесь заслужили уважение не только военных властей, но и самого Александра II, недружелюбно относившегося к ним сначала. Я знаю двух женщин, которые служили на войне сестрами милосердия. Они отправились с чужим паспортом, так как их усердно разыскивали жандармы. Одну из них, наиболее важную «преступницу» С. Н. Лаврову, принимавшую большое участие в моем побеге, назначили даже старшей сестрой в военном госпитале, где подруга ее едва не умерла от тифа. Короче, женщины брались за всякое дело, с какими бы трудностями оно ни было сопряжено, если только могли быть полезны народу. И так поступали не единичные личности, а тысячи. Они в буквальном смысле слова завоевали свои права.

Другой характерной чертой женского движения было то, что в нем не образовалось упомянутой выше пропасти между двумя поколениями: старших и младших сестер. Во всяком случае через овраг было немало мостиков. Те женщины, которые были первыми инициаторами движения, никогда не порывали потом связи с младшими сестрами даже тогда, когда последние ушли гораздо дальше вперед и стали придерживаться крайних взглядов. Они преследовали свои цели в высших сферах, они держались в стороне от всяких политических агитаций, но они никогда не забывали, что сила движения в массе более молодых женщин, большая часть которых примкнула впоследствии к революционным кружкам. Эти вожаки женского движения были олицетворением корректности; я считал их даже слишком корректными; но они не порывали с молодыми студентками, типичными нигилистками по внешности: стрижеными, без кринолинов, щеголявшими демократическими замашками. От этой молодежи вожаки движения держались немного в стороне; иногда даже отношения обострялись; но они никогда не отречались от своих младших сестер великое дело, скажу я, во время тогдашних безумных преследований.

Вожаки женского движения, казалось, говорили более демократической молодежи: «Мы будем носить наши бархатные платья и шиньоны, потому что нам приходится иметь дело с глупцами, выдающими в наряде признак политической благонадежности; но

вы, девушки, вольны в ваших вкусах и наклонностях». Когда русское правительство приказало студенткам, учившимся в Цюрихе, возвратиться на родину, изящные дамы-вожаки не отвернулись от них. Они только сказали правительству: «Вам это не нравится? Так откройте высшие женские курсы в России. Иначе наши девушки поедут за границу в еще большем числе и, конечно, будут вступать там в сношения с эмигрантами». Когда же их попрекали тем, что они воспитывают революционерок, и грозили, что закроют высшие женские курсы и академию, они отвечали: «Да, многие студенты становятся революционерами, но разве из этого следует, что надо закрыть все университеты?»

Как редки политические вожаки, имеющие мужество не отвернуться от крайнего крыла своей собственной партии!

Секрет этой благоразумной и успешной тактики объясняется тем, что ни одна из женщин, стоящих во главе Движения, не была просто «феминисткой», желавшей занять привилегированное положение в обществе или в государстве. Совсем напротив. Симпатии большинства были на стороне народа. Я помню живое участие, которое принимала Стасова в воскресных школах 1861 года, помню те дружеские отношения, которые она и ее друзья завязывали среди девушек-фабричных, интересуясь тяжелой жизнью работниц, их борьбой с жадными хозяевами. Помню также то горячее участие, которое слушательницы педагогических курсов приняли в сельских школах и в трудах тех немногих, которым, как барону Корфу, на некоторое время разрешали заниматься педагогической деятельностью среди народа. Помню также общественный дух, которым были проникнуты эти курсы. Права, за которые они боролись как вожаки, так и масса этих женщин, были вовсе не право на получение лично для себя высшего образования, а гораздо больше, несравненно больше право быть полезными деятельницами среди народа. В этом и была причина их успеха.

В. Хвостов
ЖЕНЩИНА НАКАНУНЕ НОВОЙ ЭПОХИ
Два этюда по женскому вопросу¹

Женский вопрос с точки зрения нравственной философии

За последнее столетие женское движение, несомненно, сделало большие успехи. Это можно сказать с одинаковым основанием как о теоретической, так и о практической стороне дела. Женский вопрос имеет уже огромную литературу²; хотя оживление в этой области началось сравнительно недавно со времен Великой Французской революции, но в этот период времени не мало серьёзных и знающих людей уже потрудились над выяснением довольно запутанной и сложной проблемы. Не мало сделано и в практической области: с половины XIX века возникают в большом количестве различные женские союзы, женщины постепенно добиваются улучшения своего низшего и среднего образования, получают доступ и к высшему, им открываются разные либеральные профессии, кое-где они получили и полные политические права³... И тем не менее едва ли есть среди всех так называемых «вопросов» более несчастный вопрос, как именно женский. До сих пор даже в среде представителей «интеллигентного» общества нередко самое упоминание о «женском вопросе» или о «женской эмансипации» вызывает только скептическую усмешку. Люди вполне серьёзные, которые привыкли решать научные вопросы по всестороннему и глубокому изучению материала, считают иногда возможным по поводу «женско-

¹ Печатается по: Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи. Два этюда по женскому вопросу Издание П. Д. Путиловой. М., Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1905.

² Недавно вышедший каталог «Verzeichniss der auf dem Gebiete der Frauenfrage während der Jahre 1851 bis 1901 in Deutschland erschienenen Schriften, herausgegeben vom Deutsch-Evangelischen Frauenbund, mit Nachtrag 1902—1904» составляет том в 372 страницы убористой печати. Французское издание «La femme et le féminisme» (Paris, Giard et Briere) имеет более случайное содержание, но обнимает литературу на нескольких языках (стран. 220+СIV).

го вопроса» отделяться полуироническими фразами, не давая себе даже труда сколько-нибудь ознакомиться с положением дела. И это делают не одни только мужчины; есть очень много образованных женщин, которые столь же недоверчиво и несерьёзно относятся к вопросу о женской «эмансипации».

Конечно, до известной степени виноваты в этом некоторые сторонницы женского движения; есть среди них такие, которые много содействовали тому, чтобы скомпрометировать свое собственное дело. Теперь, к счастью, все меньше и меньше встречается представительниц прекрасного пола, которые всю суть эмансипации видят в «уравнивании полов» и самое уравнивание это стремятся более всего провести во внешности, усваивая себе мужские манеры, мужские привычки и даже мужскую одежду. Прежде таких «передовых» женщин было гораздо больше, и они в значительной степени виновны в том, что в обществе появилось ироническое и недоверчивое отношение ко всему женскому движению. С другой стороны, вряд ли существует хоть одна иная область, где застарелые предрассудки играют такую большую роль, как именно область женского вопроса⁴. Столько веков без существенных перемен женщина занимала в обществе известное определенное место, и мы до такой степени свыклись с этим порядком, что самая мысль о какой-либо радикальной перемене до сих пор представляется многим дикой, идущей против самой природы вещей.

Несмотря на все это, женский вопрос заслуживает самого серьёзного внимания. Не нужно смущаться ходячими представлениями о «природе вещей». До Коперника природа вещей, по общему убеждению, состояла в том, что солнце ходит вокруг земли. Пришлось однако расстаться с этим убеждением.

В чем же состоит современное воззрение на исконную «природу вещей» в отношении обоих полов? Оно состоит, в общем, в том, что женщина представляет хотя и прекрасную, но все же низшую часть человеческого рода. Конечно, далеко не все противники женского движения совершенно откровенно высказывают эту мысль. Но она, несомненно, пользуется широким признанием. Чтобы не быть однако голословным, я приведу отзывы о женщинах двух выдающихся писателей, которые, между прочим, обладают достоин-

⁴ См. некоторые иллюстрации к этому в брошюре Mitscherlich, Entstehung der deutschen Frauenbewegung (1905 г.), с. 56 сл.

ством сравнительной откровенности в изложении своих воззрений. Послушаем, что говорит о женщине Шопенгауэр. «Когда природа делила человеческий род на две половины, читаем мы в его заметках о женщинах, то разрез был произведен не совсем посредине. При всей полярности различие положительного полюса от отрицательного не просто качественное, но и количественное»⁵. Шопенгауэр отказывает женщине даже в физической красоте. «Только отуманенный половым влечением мужской интеллект мог назвать «прекрасным» этот пол с его малым ростом, узкими плечами, широкими бедрами и короткими ногами; в этом половом влечении и состоит вся женская красота. С большим правом, чем прекрасным, можно было бы назвать женский пол неэстетическим. Они на самом деле не понимают и не восприимчивы ни к музыке, ни к поэзии, ни к пластическим искусствам, а если и делают вид сочувствие в этом направлении, но это просто обезьяничанье с целью нравиться»⁶. Только в области сострадания женщины стоят, по мнению Шопенгауэра, выше мужчин, но чувства справедливости у них совсем нет, а интеллект их всегда скользит по поверхности. Поэтому уделом женщины является только половая жизнь, продолжение человеческого рода. Рекомендуются в качестве брачного режима полигамия, ибо моногамия слишком высоко ставит женщину; моногамия создает для женщины «противоестественно выгодное положение», не соответствующее истинным свойствам женщины; женщина при этом порядке рассматривается, как существо, равноценное мужчине. Вследствие этого многие мужчины предпочитают совсем отказываться от брака. Это ведет к тому, что среди женщин развивается проституция. Между тем у народов, придерживающихся многоженства, каждая женщина получает возможность вступить в брак. «Поэтому для женского пола, взятого как целое, полигамия есть истинное благодеяние»⁷. Далее, философ считает весьма желательным ограничение женских наследственных прав и поставление женщин под вечную опеку. «Женщина по своей природе предназначена к повиновению; это ясно уже из того, что каждая из них, если поставлена в противное ее природе положение полной независимости, тотчас присоединяется к какому-либо мужчине, который и должен ею руководить и управлять; она

⁵ A. Schopenhauer's sammtl. Werke, herausg. v. Grisebach, T. V, с. 656.

⁶ Ibidem, с. C54.

нуждается в господине. Если она молода, то это любовник, если старая, то духовник»⁸. Не менее откровенен и Ницше⁹. «Женщина имеет столько оснований для стыда: в ней так много педантичного, поверхностного, отзывающегося приемами школьной учительницы, мелочно распушенного и нескромного, следует только обратить внимание на то, как она обращается с детьми; все это до сих пор лучше всего подавлялось и сдерживалось страхом перед мужчиной»... «Признавала ли когда-нибудь женщина, что женской голове прилично глубокомыслие, а женскому сердцу справедливость?...» «Ничто с самого начала не было так чуждо, так противно, так враждебно женщине, как истина; все ее искусство заключается во лжи, вся ее прелесть во внешности и красоте»... «Человек с действительно глубоким духом и стремлениями, сверх того отличающийся той глубиной благожелания, которая способна к строгости и жестокости и легко может быть смешана с ними, такой человек может думать о женщине только по-восточному; он рассматривает женщину, как свое владение, как свою собственность, подлежащую заботливому хранению, как существо, предназначенное для подчинения, и в этом подчинении завершающее свое развитие». Назначение женщины с точки зрения Ницше быть женою и матерью, экономкой и хозяйкой и при этом находиться в безусловном подчинении мужчине. Вместо гётевского «das Ewig-Weib-liche», у этого представителя германской литературы мы находим новую формулу: «das Ewig-Langweilige am Weibe».

Это воззрение на природу вещей нашло себе выражение и в современных законах. Повсюду муж является главой семьи и единолично решает все важнейшие вопросы, касающиеся положения семьи, т.е. жены и детей. Замужняя женщина нередко ограничена в имущественных правах. Почти всюду женщина лишена политических прав; ей затруднен доступ к участию в общественной жизни. Среднее образование женщин по общему правилу стоит ниже мужского. Высшее образование не везде доступно женщинам, во многих случаях поставлено также ниже мужского. Наконец, почти нигде и никогда не дает женщинам тех же прав, как мужчинам: многие профессии остаются закрытыми и недоступными для женщин. Есть культурные страны, где даже соблюде-

⁸ Ibidem, с. 661.

⁹ Nietzsche, *Jenseits von Gut und Bose*, §§ 232 сл.

ние обязанности к супружеской верности строже требуется законом от жены, чем от мужа. Чем можно оправдать такое положение с точки зрения справедливости? Нельзя спорить с тем, что оно не только создает неординарное положение обоих полов, но оно, несомненно, принижает женщину сравнительно с мужчиной, ограничивает сферу женской свободы и ставит женщину в тяжелую подчас зависимость от мужчины. Женский вопрос стоит в теснейшей связи с основными положениями этической философии, с общим учением о социальной справедливости. Основным принцип справедливости состоит, как известно, в том, что нормы права должны быть, по возможности, одинаковы для всех людей. Различия в юридическом положении могут быть оправданы лишь особыми свойствами того класса лиц, для которого вводятся отступления от общего порядка; эти свойства должны быть таковы, что делают такие отступления необходимыми в интересах общего блага или в интересах именно данного класса лиц. Спрашивается, существуют ли такие свойства женской природы, которые вызывают именно подчиненное положение женщин и вызывают его в интересах либо самих женщин, либо всего социального организма? При этом нужно раз навсегда оговориться: в так называемом «женском вопросе», если его правильно ставить, речь идет вовсе не о том, что между женщинами и мужчинами нет существенных различий и что роли обоих полов в социальной жизни должны быть тождественны¹⁰. Такое утверждение было бы нелепостью, и опровергнуть его было бы весьма не трудно. Речь идет о том, справедливы ли существующие ограничения женских прав, ставящие женщину в стесненное и подчиненное положение. Справедливы ли те нормы права, которые не дают женщине возможности свободно развивать все свои индивидуальные задатки и занимать в обществе то положение, которое она могла бы завоевать себе своими личными силами? Иными словами, сторонники женского движения не мечтают о полном отождествлении социального положения мужчины и женщины, но только добиваются для женщины равных условий с мужчиной в социальной деятельности. Для этого должны быть уничтожены специфические ограни-

¹⁰ Так, по-видимому, понимает женское движение, например, Paulsen, Ethik (6-е изд. 1903 г.), т. II, с. 283 сл.

чение в гражданских и политических правах женщин, должен быть открыт женщине доступ к полному образованию и, по возможности, ко всем профессиям. Затем каждый пол займет в обществе то положение, которое соответствует его задаткам и способностям, и получится социальный порядок, соответствующий справедливости. Несправедливость существующего положения вещей, по мнению сторонников женского движения, состоит не в том, что, с точки зрения господствующих воззрений и действующих норм права, социальное положение женщин и мужчин различно; она состоит в том, что женщине не дают возможности занять в обществе то положение, которое она может в нем занять, именно как женщина; ей не дозволяют приносить обществу всю ту пользу, которую она могла бы ему принести, свободно развивая все стороны своей общечеловеческой и специально женской натуры.

Эмансипация женщин, даже понимаемая в этом истинном ее смысле, встречает до сих пор в массе в конце концов все же больше несочувствие, нежели сочувствие. Повторяем, даже большинство женщин стоит за сохранение status quo. Посмотрим, какие же конкретные доводы приводятся в пользу этого отрицательного решения вопроса и, следовательно, в доказательство справедливости существующего порядка вещей. Прежде всего, конечно, противники женского движения указывают на то, что женщина, действительно, есть «низшая порода людей», существо, по самой своей организации стоящее ниже мужчины.

Несомненно, что женщина физически слабее мужчины. Ее мускульная сила значительно менее мужской: сила женской руки, например, в общем составляет лишь $\frac{2}{3}$ силы мужской¹¹; кровь женщины содержит более воды и менее красных кровяных шариков, чем кровь мужчины¹²; мужской мозг по весу и объему превосходит женский¹³; организм женщины периодически ослабляется менструациями. Периоды беременности и кормления грудью надолго делают женщину неспособной к серьёзному труду, и она не может с этим не считаться без вреда для себя и ребенка. Благо-

¹¹ Havelock-Ellis. Man and Woman (2-е изд., 1897 г.), с. 151.

¹² Ibid., с. 196. Ploss-Bartels. Das Weib in der Natur-und Volkerkunde, 7-е изд. 1902 г., Т. I, с. 29. Ранке, Человек, I, с. 259 слл.

¹³ Ibidem, с. 94 c.t. Ploss-Bartels, op. cit., с. 31 сл. Ранке, op. cit., с. 599 сл.

даря особенностям своей половой сферы и самого акта деторождения, женщина более подвергнута опасностям тяжелых заболеваний, чем мужчина¹⁴.

С другой стороны, и в интеллектуальном отношении женщина будто бы ниже мужчины. Она живет более чувством, нежели разумом: «Женщины, говорит Шопенгауэр¹⁵, всю жизнь остаются детьми, всегда видят лишь самое близкое, цепляются только за современность, принимают видимость вещей за сущность и предпочитают мелочи важнейшим обстоятельствам». Это, говорят, достаточно подтверждается тем, что женщины до сих пор ничем себя не ознакомили в области творческой деятельности. История не знает женских гениев ни в области науки, ни в области изящной литературы, ни в области музыкальной композиции, ни в области скульптуры и архитектуры.

Были женщины-профессора в древней Греции, в Болонье с XII по XVIII столетия, женщины-романистки и поэтессы, женщины-художницы, но нигде однако выдающихся гениев-женщин не имеется. Единственная область высшего труда, где до сих пор женщины не только равнялись с мужчинами, но, быть может, даже превосходили мужчин это область чисто воспроизводительных искусств: число знаменитых актрис и певиц не менее, а пожалуй, и более, чем знаменитых актеров и певцов.

Особенно опасны были бы эти свойства женщин в области политики. При свойственном женщинам преобладании чувства над разумом женщины, наделенные политическими правами, внесли бы слишком много страстности в политическую жизнь, были бы склонны отдавать чрезмерное предпочтение интересам минуты перед более отдаленными, но и более важными¹⁶. При обычной склонности женщин к клерикализму, при ограниченности их кругозора и недостаточности их образования они поддерживали бы постоянно самые реакционные течения. Наконец, участие женщины в политической жизни отвлекало бы ее от мужа, детей и домашнего хозяйства и служило бы источником нескончаемых разногласий между супругами.

¹⁴ См. об этом особенно Runge, *Das Weib in seiner geschl. Eigenart* (3-е изд., 1904 г.).

¹⁵ A. Schopenhauer's *sammlt. Werke*, Grisebach, T. V, с. 650.

¹⁶ Спенсер Г. *Основание этики*, часть IV, § 353.

Последний довод приводится и против экономической эмансипации женщин. Говорят, что истинное призвание женщин есть семья, а не профессиональный труд. Если женщина будет экономически независима и своим трудом станет поддерживать семью, то от этого семья только пострадает. Работая вне дома, женщина будет слишком мало времени посвящать домашнему хозяйству и воспитанию детей. Это в достаточной степени подтверждается жизнью современных фабричных работниц.

С другой стороны, самостоятельный заработок женщин никогда и не будет велик. Во-первых, допущение женщин ко всем профессиям еще более усилит конкуренцию и в результате сойдет цены не только на женский, но и на мужской труд. Во-вторых, опыт показывает, что женщина и к тем профессиям, к которым она уже имеет доступ, готовится сравнительно мало и вообще недостаточно интересуется своим профессиональным трудом. Она смотрит на него, как на временное занятие, от которого ее избавит замужество. Если же ей придется после замужества вновь приниматься за оставленную профессию, то она утрачивает навык к ней и упускает время, необходимое для завоевания прочной экономической позиции. Таким образом, шансы мужчин в этой конкуренции всегда будут выше женских.

Не малую роль среди возражений против эмансипации женщин играет опасение, что женщина, будучи уравнена в правах, получив доступ к высшему образованию и к мужским профессиям, выступив, одним словом, на широкую арену общественной деятельности, утратит лучшие свойства женской природы. Она сделается слишком похожей на мужчину и лишит человечество того вклада, который именно женщина делала до сих пор в его историю¹⁷.

Наконец, выдвигают и следующее соображение. Равенство в правах предполагает и равенство в обязанностях. Мужчины несут многие обязанности, которых женщины не несут, не могут и не должны брать на себя. На первом плане отмечается, конечно, обязанность мужчин отбывать воинскую повинность. Было бы несправедливо уравнивать женщину в правах, не уравнивая в обязанностях, а последнее является невозможным¹⁸.

¹⁷ См. напр., Wundt, Ethik (3-е изд., 1903 г.), т. II, с. 267 сл.

¹⁸ См., напр., Спенсер, Основания этики, § 336.

Таковы важнейшие аргументы противников женского движения. Посмотрим теперь, насколько все эти доводы убедительны.

Прежде всего, нельзя не протестовать против довольно, к сожалению, распространенного взгляда на женщину, как на существо низшее. Несомненно, что есть глубокие физические и психические различия женского существа от мужского, но эти различия вовсе не позволяют смотреть на женщину, как на нечто низшее.

Разумеется, современная женщина физически слабее мужчины. Весьма вероятно, что эта слабость составляет даже исконное свойство женской природы, хотя и увеличенное по мере исторического процесса. Надо думать, что эти именно стороны женской природы в связи с осложнениями, производимыми беременностью и кормлением привели к сравнительно неподвижному образу жизни женщины и к ее подчинению мужчине¹⁹. Но не следует забывать, что с физической слабостью вовсе не связана необходимым образом слабость психическая, сколько гениальных мужчин отличались слабым здоровьем²⁰, и что с течением времени именно физическая сила начинает играть все меньше и меньше роли в жизни человечества, а на первый план выдвигается умственная и моральная сила. Даже в области экономического производства распространение машин все более и более понижает требования, предъявляемые к мускульной силе рабочего. Таким образом, постепенно исчезает один из главных устоев, на которых до сих пор покоилось преобладание мужчины над женщиной.

Надо заметить, сверх того, что и в физическом отношении женщина наделена даже некоторыми преимуществами над мужчиной. В общем женщины оказываются более выносливыми и более долговечными, нежели мужчины²¹. Что касается психической стороны, то в этом отношении никаких данных для принижения женщины нет. Можно привести весьма почтенные авторитеты в подкрепление той мысли, что по своим нравственным свойствам женщины, в общем, стоят не только не ниже, но даже выше мужчин, что они более обнаруживают светлых сторон человеческого существа, нежели мужчины. Напомню всем известные женские типы наших писателей Гончарова, Толстого, Тургенева, Достоев-

¹⁹ См.: Lippert. Kulturgeschichte, I, с. 64 сл.

²⁰ Lourbe., Le probleme des sexes, с. 38.

²¹ Havelock- Ellis. Op. cit., с. 311 сл., с. 372 сл.

ского. Далее приведу следующее интересное наблюдение Рёскина относительно Шекспира; он указывает, что в драмах этого великого знатока человеческого сердца почти не встречается мужчин-героев; но едва ли найдется у него хоть одна пьеса, в которой нет идеальной по своим моральным свойствам женщины. Вспомните Корделию, Дездемону, Изабеллу, Гермionу, королеву Катарино, Пердиту, Сильвию, Виолу, Розалинду, Виргилию. Далее, он обращает внимание на то, что катастрофа каждой пьесы Шекспира причиняется почти всегда ошибкой или глупостью мужчины, а искупление, если таковое имеется, является результатом добродетели или мудрости женщины. Подобные же свойства поэзии Ибсена заставляют некоторых называть его поэтом женщин²². Гёте с свойственной ему силой выражения передал ту же мысль о нравственном превосходстве женщины в заключительных стихах своего «Фауста»:

Das Ewig-Weibliche
Zieht uns hinan.

По замечанию Куно Фишера, если в первой части трагедии мы имеем комбинацию Фауст-Гретхен, то во второй части она сменяется обратной комбинацией: Гретхен-Фауст. Гретхен идет впереди и указывает Фаусту путь к Богу²³.

Эти «невесомые» показания изящной литературы, конечно, не решают вопроса. Но они имеют в моих глазах больше значение, чем некоторые другие соображения, приводимые в доказательство морального превосходства женщин. Большой вес имеют свидетельства первоклассных писателей, общепризнанных знатоков человеческой природы, которые притом относились к предметам своих характеристик беспристрастно, *sine ira et studio*, что едва ли можно сказать о таких авторах, как Шопенгауэр или Ницше. Во всяком случае, подобные аргументы более могут убедить, чем, например, ссылки на уголовную статистику, которая будто бы также доказывает сравнительную высоту морального уровня женщины. Против этих цифр можно спорить, ссылаясь на то, что женщины по условиям своей жизни и деятельности менее мужчин подвергаются преступным соблазнам²⁴ и что истинное место по-

²² См.: Westminster Review 1903, November, с. 550.

²³ Fischer. Goethes Faust, т. IV, с. 304 сл.

²⁴ См. напр.: Ploss-Barlels, op. cit., II, с. 59 сл.

рочной женщины находится не в области преступления, а в области проституции. Разумеется, развитие проституции не может быть объяснено виной со стороны одних только мужчин и создаваемых ими условий жизни; есть тут вина и на стороне женщин²⁵.

Но если даже считать недоказанным положение, что женщины выше мужчин в нравственном отношении, то, во всяком случае, ничто не говорит и за то, чтобы они по самой природе своей были ниже их. А этого для наших целей достаточно.

В интеллектуальном отношении также не доказано, чтобы женщины стояли ниже мужчин. Не имеют никакой цены в данном случае рассуждения о весе и объеме мужского и женского мозга. Во-первых, не доказана зависимость умственных способностей от веса и объема мозга²⁶. Во-вторых, оказывается, что пропорционально к весу всего тела мозг женщины даже относительно больше мужского²⁷.

Указывают на то, что общий склад женского существа ближе подходит к существу ребенка, нежели взрослого мужчины, и заключают отсюда, что женщина есть «недоразвившийся мужчина». Но против этого возражают, что это обстоятельство скорее говорит в пользу превосходства женской природы. Дело в том, что взрослый мужчина по своему строению гораздо ближе подходит к типу обезьяны, нежели ребенок. Поэтому тип ребенка с его большой головой и короткими конечностями есть тип наиболее удаленный от животного типа, т.е. наиболее высокий, и женщина, приближаясь к нему, в большей степени удалена от животного мира, чем мужчина²⁸.

Что касается обычной ссылки на то, что до сих пор не было женских гениев ни, в одной области, то и эти ссылки не убедительны. Во-первых, гений есть явление необычное и редкое, и по нему нельзя определять общего уровня. Во-вторых, женщины вообще, по-видимому, отличаются большей склонностью к однообразному типу, чем мужчины, и менее представляют отклонений от нормы. Если между ними меньше гениальных натур, то, с дру-

²⁵ См.: Runge. Das Weib in seiner geschl. Eigenart. 1904г., с. 26 сл.

²⁶ Lourbet, op. cit., с. 59 сл.

²⁷ Havelock-Ellis, op. cit., с. 94 сл.

²⁸ Havelock-Ellis. Op. cit., с. 21 сл., 390 сл. и passim.

гой стороны, меньше и идиотов²⁹. В-третьих, нельзя не считаться и с тем, что женщины до сих пор стояли в условиях, мало способствовавших появлению гениальных натур. Ведь, что такое гений? Можно сказать, что это такая натура, которая сравнительно больше дает обществу, нежели от него получает. Но из этого следует, что для гениального творчества мало больших дарований. Для этого необходимы оригинальность, смелость, решимость идти по новым, неизведанным путям. Вот этой-то оригинальности, смелости в творчестве до сих пор не могло явиться у женщины. Она была приучена веками смотреть на себя, как на низшее существо, и если ей удавалось выдвинуться, то она во всем старалась подражать мужчине. Между тем свойства женской природы не те, что мужской. Когда у женщины будет достаточно смелости, чтобы быть оригинальной в своем творчестве, то явятся, быть может, и чисто женские гении. Да разве мало было таковых и до сих пор в специально женской, но зато и слишком скрытой от глаз публики, сфере деятельности матери, жены и воспитательницы?

Таким образом, совершенно неосновательно воззрение на женщину, как на существо низшее. Женщина есть существо во всех отношениях отличное от мужчины, но ничто не дает основание сомневаться в равноценности обоих полов.

Перейдем к разбору остальных аргументов противников женского движения.

Полагают, что преобладание чувства над разумом у женщин создаст серьёзные опасности в случае допущение женщин к активному участию в общественной жизни. Против этого нужно возразить, во-первых, что до известной степени именно эта сторона и ценна в женщинах, и следует думать, что человечество только выиграет от внесения женщиной новых элементов в общественную деятельность. Как правильно указывает Гейфдинг³⁰, чувство вредит рассудочной деятельности лишь в его ненормальном проявлении, когда оно переходит в страсть. Нормальное же чувство полезно даже в такой сравнительно спокойной области, как область научного исследования: возвышая интерес к исследуемому объекту, вследствие симпатии к нему исследователя, чувство только благоприятно отражается на самом исследовании. В свойствен-

²⁹ Havelock-Ellis. Op. cit, с. 358 сл

³⁰ Hoffding, Ethik (2-е немецкое изд. 1901 г.), с. 314.

ной ему картинной и несколько парадоксальной норме высказывает ту же мысль Ницше. «В науке нет такого метода, который был бы единственным путем к познанию. Мы должны в виде опыта обращаться к вещам то со злобою, то с добротой и проявлять по отношению к ним попеременно то справедливость, то страсть, то холодность. Один беседует с вещами, как полицейский, другой как исповедник, третий как любопытный странник. Иногда тайны вырываются у них при помощи симпатии, а иногда путем насилия; одного ведет вперед и к познанию благоговения перед их тайнами, а другого, напротив, нескромность и лукавство в изъяснении тайн. Мы исследователи, как и все завоеватели, мореплаватели, искатели приключений, придерживаемся дерзкой морали и в общем должны примириться с репутацией злых»³¹.

Таким образом, чувство само по себе еще не есть зло, если не развито в ненормальной степени.

Если же утверждают, что у современных женщин чувство развито именно в ненормальной степени, то не следует ли искать объяснение этому в тех ненормальных условиях, в которых живет современная женщина, и не следует ли думать, что женщина достигнет большего психического равновесия с изменением этих условий? Точно также только образование и широкое участие в общественной жизни могут помочь женщине отрешиться от чрезмерной склонности к клерикализму и консерватизму, в которой ее теперь иногда упрекают³². Что касается ссылки на отсутствие у женщин именно теперь опыта и образования, необходимого для участия в общественной жизни, то этот аргумент представляется защитникам женского движения до известной степени простым софизмом. Опыт приобретается вообще только практикой; не предоставляя женщинам доступа к этой практике, нельзя ожидать, что они приобретут опыт, необходимый для разумного ее осуществления. При введении всеобщего избирательного права от мужчин не требуют особого образования; непоследовательно требовать его и от женщин. Остается ссылка на семейные раздоры из-

³¹ Nietzsche, Morgenrothe, § 432.

³² Спенсер Г. Основания этики, § 353, считает, по-видимому, потребность в авторитете неискоренимым свойством женской природы; женщина всегда преклоняется перед силой, и этого требуют интересы рода: это действует размножению более сильных.

за политических вопросов. Конечно, чем больше в женщине проснется личность, тем менее можно ожидать от нее безусловной покорности мужу и слепого преклонения перед его авторитетом; но зато тем более проявит она такта в супружеских отношениях и тем в большей степени отрешится от мелочности и склонности к дразгам, часто присущей современной женщине. Опыт Австралии показывает, что предоставление избирательного права женщинам не является началом, подрывающим супружеский мир³³.

Нельзя, конечно, спорить с тем, что семья и воспитание детей составляют естественное призвание женщины. Но не следует упускать из виду также и того, что, во-первых, далеко не все женщины имеют свою семью. Многие лишены возможности выйти замуж, другие в замужестве не имеют детей. Далее, в совершенно особых экономических условиях находятся те женщины, которые, потеряв мужа, вынуждены искать самостоятельного заработка. Современный уклад жизни ставит подобных женщин в слишком тяжелые условия: они не имеют таких средств для профессиональной подготовки, какие открыты для мужчин, и труд их обыкновенно, даже при равноценности его с мужским, оплачивается ниже мужского. Масса профессий остается закрытой для женщин. Не принимается почти никаких мер, чтобы облегчить женщину в нередко неравной с мужчиной борьбе за существование. Нужно добавить к этому, что по мнению врачей, только правильный труд может противодействовать тем расстройствам в физической и психической жизни женщины, которые вызываются именно безбрачием и отсутствием детей³⁴.

Едва ли можно, далее, возражать принципиально и против профессионального труда со стороны такой женщины, которая состоит в замужестве и имеет детей. Если, благодаря неограниченной конкуренции женщин, заработок каждого супруга в отдельности даже несколько понизился бы, то в общем все-таки заработок супружеской пары всегда будет выше теперешнего заработка одного только мужа. Если замужество не будет избавлять женщину от не-

³³ См. об опыте, сделанном Австралией: Reeves W.P. State experiments in Australia and New Zealand 1902, т. I, с. 103-142. Ср. мою статью «Новейшая литература по женскому вопросу» в «Русских Ведомостях» 1904, № 709.

³⁴ Runge. Das Weib in seiner geschl. Eigenart, 5-е изд. 1904 г., с. 15.

обходимости заниматься профессиональным трудом, то она не будет смотреть на свою профессию, как на временное занятие, станет лучше к ней готовиться и проявлять к ней больше интереса.

А что будет с детьми и хозяйством, если мать будет занята деятельностью вне дома? Надо думать, во-первых, что с течением времени сама семья до известной степени реорганизуется, так что женщина будет избавлена от массы совершенно лишней и мелочной работы, которая теперь довольно непроизводительно отнимает у нее время. Уже распространение фабричной промышленности сняло с женщины массу лежавших на ней хлопот, вроде заготовления белья и платья для всей семьи. Нужно ожидать дальнейшего движения в этом направлении. Уже намечаются шаги в сторону сокращения чисто домашнего хозяйства в смысле постройки домов с общими кухнями, прачечными, детскими. Точно так же и воспитание детей, вероятно, постепенно преобразуется в смысле большей его профессиональности, и едва ли этому можно не сочувствовать. Посторонняя воспитательница-специалистка во многих отношениях полезнее детям, чем слишком нежная и мало подготовленная к этому делу мать.

Но, конечно, дети не должны быть оторваны от семьи и от матери. У матери должен оставаться досуг для интимного и тесного общения с ними. Поэтому безусловно нежелателен для женщины-матери труд современной фабричной работницы, отнимающий у нее весь день и все силы. Но ведь рядом с женским вопросом существуют и иные социальные вопросы. Следует надеяться, что обществу удастся в будущем оградить интересы труда вообще. Прогресс, вероятно, приведет нас к тому, что профессиональный труд, подавляющий всецело человеческую личность, вообще станет излишним и невозможным. Эта сторона дела, таким образом, стоит в связи не с одним только женским вопросом.

Гораздо серьезнее другое возражение, которое делается обыкновенно против широкого участия женщин в профессиональном труде. Указывают на то, что при обсуждении этого вопроса следует считаться с неизбежными в жизни нормальной женщины периодами беременности и кормления грудью, которые ставят женщину в крайне невыгодные условия для всякого профессионального труда. Эти соображения заставляют думать, что даже при возможной реорганизации домашнего хозяйства и воспитания детей профессиональный труд замужней женщины будет носить

только подсобный характер, сравнительно с трудом мужа, и что во многих профессиях, которые по своему характеру не допускают перерывов в деятельности, замужняя женщина никогда не будет равносильной конкуренткой мужчины. По этому поводу весьма интересны соображения о «материнстве и умственном труде» в известной книге Гергард и Симон³⁵. Но ведь требование разумного феминизма и не состоит в проповеди абсолютного социального тождества между ролями мужчины и женщины, а лишь в уничтожении тех несправедливых стеснений и ограничений, которые мешают женщине всесторонне развивать свою личность и занять в обществе то место, которое она может завоевать по своим личным свойствам.

Меньше всего значение имеет опасение, что эмансипированная женщина утратит лучшие женские свойства и всю свою привлекательность. Мы не раз подчеркивали, что правильно понятая эмансипация состоит вовсе не в извращении женской натуры, а именно в доставлении ей возможности беспрепятственно развивать ее лучшие свойства и находить им возможно более широкое применение. Поэтому, например, предоставление мужчинам и женщинам возможности получать одинаковое образование вовсе не означает, что те и другие вынесут из школы одни и те же результаты: напротив, каждый пол будет перерабатывать сообщенный материал по-своему. Ведь даже в пределах одного и того же пола результаты совместного обучения не одинаковы: каждый мальчик выносит из школы багаж, далеко не для всех одинаковый.

Наконец, по поводу ссылки на неодинаковость обязанностей, лежащих на мужчинах и женщинах, следует заметить, что и эта ссылка неосновательна. В существенных чертах обязанности мужчин и женщин перед законом одинаковы: уголовный закон в большинстве культурных стран не делает большой разницы между мужчинами и женщинами; налоги и пошлины взимаются на одинаковых основаниях с обоих полов. Если мужчины гибнут на поле битвы, то сколько же женщин погибает при рождении этих будущих солдат! Наконец, давно уже указывают, что всеобщей воинской повинности мужчин могла бы соответствовать особая повинность женщин по уходу за больными и ранеными и по общественной благотвори-

³⁵ Гергард А., Е. Симон. Материнство и умственный труд. Перевод с нем. Кучинского.

тельности, повинность, которая уже теперь добровольно отбывается многими женщинами.

Таким образом, доводы противников женского движения едва ли можно признать убедительными. В заключение добавим, что есть много и чисто положительных аргументов в пользу расширения женских прав и женской самостоятельности. Во многих отношениях общественная жизнь выиграет от такой реформы. До сих пор вся культура, по преимуществу, создавалась мужскими руками. Женщины много вносили в культурный процесс не нужно забывать, что они в конце концов были, например, изобретательницами земледелия, но все же преобладающая роль выпадала на долю мужчины. Можно надеяться, что, открыв для женщин возможность более широкого влияния на ход исторического процесса, мы только исправим его существенную односторонность, внесем новые и плодотворные тенденции в развитие человечества. Лишь тогда культура станет в полном смысле общечеловеческой; до сих пор она создавалась под преимущественным влиянием лишь одной половины человеческого рода. Надо думать, что расширение женского влияния поведет к усилению гуманности, к облагораживанию жизни. Ведь и в настоящее время главными интересами женщин, принимающих участие в общественной жизни, являются такие, как борьба за идею мира в международных отношениях, борьба с алкоголизмом и развратом³⁶. Нельзя далее упускать из виду и того, что женщины, повидимому, нередко обладают богатыми политическими дарованиями, как показал исторический опыт со многими женщинами-правительницами. Когда умерла королева Виктория, то одна большая английская газета даже предлагала, чтобы в Англии вообще царствовали только женщины. Допущение женщин к политической карьере должно значительно увеличить число талантов в этой области. Даже ярый противник женщин Шопенгауэр признает, что иногда полезно советоваться с женщинами. «Ни в каком случае не следует осуждать обычая древних германцев в трудных случаях привлекать женщин к совету; их мировоззрение совершенно отлично от

³⁶ Ср., напр., *Уокер*. Развитие австралийской демократии, с. 192-215. Большой материал о деятельности германских женщин в этих областях собран во II т. *Handbuch der Frauenbewegung*, herausg. v. Helene Lange und Gertrud Baumer (1901).

нашего и в особенности тем, что они легко находят кратчайший путь к цели и вообще замечают все ближе лежащее, мимо чего мы, большею частью, проходим, не замечая, именно потому, что оно лежит у нас под носом; нам приходится тогда возвращаться обратно, чтобы вновь получить ближайшее и простейшее воззрение. К этому следует прибавить, что женщины решительно трезвее нас: они видят в вещах лишь то, что действительно в них есть, между тем как мы, будучи возбуждены нашими страстями, легко преувеличиваем наличное или же пополняем продуктами нашего воображения»³⁷. Если так рассуждает этот мрачный мыслитель, не скрывающий своего презрения к женщинам, то тем более должен ценить интеллектуальное сотрудничество женщины человек, не отуманенный метафизикой пессимизма.

Далее, изменение условий, в которых живет женщина, должно изменить к лучшему характер как самой женщины, так и мужчины. На этой мысли особенно настаивает Шарлота Стетсон в своей известной книге «Женщина и экономические отношения»³⁸.

В самом деле, современная женщина, будучи ограничена узким кругом семейной и светской жизни и получивши недостаточно широкое и глубокое образование, вращается постоянно в сфере узких и мелочных интересов. Она живет только семейными интересами и нередко обнаруживает полное непонимание и несочувствие к более широким общественным интересам. Поэтому она вообще является мало социальной. Сама она сплошь и рядом не умеет вести общественных дел и часто не в состоянии почувствовать социальным стремлениям своего мужа, а также и развивать таковые в своих детях. Все это делает ее, в конце концов, плохой женой и матерью. Допущение женщин к широкому образованию и активному участию в общественной жизни должно исправить эти недостатки. Сильно ошибаются те, которые стремятся поддержать существующие ограничения женской деятельности и образования, ссылаясь на то, что женщина прежде всего мать и жена. Эти рассуждения опровергаются не только тем, что далеко не все женщины выходят замуж и имеют детей. Наблюдаемое в настоящее время уменьшение браков есть продукт ненормальных социальных условий; следует надеяться, что эти условия будут изме-

³⁷ Schopenhauer's Werke, т. I.V с. 651.

³⁸ Есть два русских перевода.

нены и в будущем замужество вновь станет нормальным делом женщины³⁹. Но подобные рассуждения опровергаются именно тем, что образование и общественная деятельность как раз необходимы для женщины в качестве жены и воспитательницы. Лишь та женщина может быть настоящей подругой своего мужа и истинной воспитательницей своих детей, для которой не чуждыми являются высшие общественные интересы, которая может разделять социальные стремления своего мужа и воспитывать таковые же в своих детях. А для этого первыми условиями служат солидное и широкое образование и деятельное участие в общественной жизни.

Современная женщина, будучи лишена по общему правилу самостоятельного заработка, находится в экономической зависимости от мужчины, что составляет основу и юридического преобладания мужа в семье. Такой чрезмерной зависимости одного пола от другого, по справедливому замечанию Стетсон, мы не наблюдаем больше нигде в мире животных, и она вызывает весьма неблагоприятные последствия в характере как мужчины, так и женщины. Современная женщина поставлена в необходимость строить всю свою жизнь в зависимости от того, понравится ли она мужчине или нет. Это приводит к чрезмерному развитию в ней именно половой жизни. С другой стороны, благодаря этой постоянной зависимости и опеке, женщина делается слишком робкой, приучается хитрить и обманывать. В то же время и в мужчине такое положение дела развивает несимпатичные свойства. Мужчина привыкает к деспотизму и грубости; излишнее развитие половых различий влечет за собою чрезмерное усиление чувственных инстинктов. Надо думать, что совместное воспитание детей обоего пола, подобное тому, которое и теперь практикуется в большинстве С.-Американских Штатов, а также совместное участие обоих полов в общественной жизни и профессиональной деятельности будут вести к ослаблению чрезмерно развитых половых отличий и гипертрофированного полового влечения. Экономическая независимость женщин не только повела бы к улучшению мужского и женского характера, но подняла бы и общественную нравственность, ослабив женскую нищету, один из главных источников проституции.

³⁹ См. также и Runge. Op. cit. с. 32сл.

Таковы общие соображения в пользу женского движения. Скажем в заключение, что, по справедливому замечанию уже цитированного выше известного датского философа Гёффдинга⁴⁰, для самой женщины стремление к расширению своих прав является не только правом, но даже нравственной её обязанностью, как перед самой собой, так и перед обществом. Ведь это расширение прав есть необходимое условие для всестороннего развития женской личности. Между тем наиболее полное развитие заложенных в индивиде сил и задатков составляет моральный долг каждого человека. Женщина должна позаботиться о том, чтобы она приносила обществу всю возможную для неё пользу, а для этого должны быть уничтожены несправедливые преграды её развитию.

И, надо думать, женщины в конце концов изменят свое социальное положение соответственно этим указаниям нравственного идеала. Разумеется, мы не ожидаем и не проповедуем какого-либо резкого и немедленного переворота в социальном положении женщины. Такой переворот и невозможен, да едва ли он и желателен ввиду недостаточной выясненности всех свойств самой женской природы⁴¹. Мы полагаем, что правильное решение поставленной проблемы даст исторический процесс, но при деятельном участии в нем самих женщин. Это участие уже началось, и, конечно, не прекратится. Уже в течение XIX века женщины много сделали в этом направлении; есть поэтому полные основания думать, что XX столетие будет, между прочим, веком женщины. Если до сих пор женщины не добились еще существенного изменения в своем положении, то это следует объяснить, главным образом, тем, что они сами в массе еще недостаточно желают такой перемены. Предыдущая история и современное воспитание делают большинство женщин еще слишком апатичными; они, в общем, мало прогрессивны в своих требованиях. От этого больше всего страдают, конечно, те их сестры, которые по воле судьбы выброшены на поприще конкуренции с мужчинами и принуждены довольствоваться половинной платой за одинаковый труд. Главный враг женщины в настоящее время есть сама же женщина, как сказано было недавно в одном из английских журналов⁴².

⁴⁰ Hoffding. Ethik, с. 319.

⁴¹ См. также: Mitscherhch, op. cit., с. 73 сл.

⁴² См.: W.K.Hill в «Westminster Review», 1903 г. Dezember, .656.

Но когда женщины откроют глаза на свое положение и в достаточной степени сплотятся, то они сбросят свои оковы. И от этого выиграют не только женщины, но и все человечество. Само собою разумеется, впрочем, что есть такие стороны женского вопроса, которые и теперь уже настолько выяснены, что никаких затруднений в практических реформах быть не может. Сюда относится, например, вопрос о женском образовании низшем среднем и высшем. Не подлежит сомнению, что женщина в своем стремлении к образованию стесняема быть не должна, каково бы ни было в остальном ее социальное и юридическое положение. Умственное развитие с точки зрения нравственной философии есть не только право, но и обязанность женщины.

Не раз уже цитировались защитниками женской свободы горячо написанные строки Шелли. И я не могу найти лучшего заключения для всего изложенного выше, как повторить здесь несколько стихов из поэмы Шелли⁴³.

Never will peace and human nature meet
Till free and equal man and woman greet
Domestic peace; and ere this power can make
In human hearts its calm and holy seat:
This slavery must be broken...
Can man be free if woman be a slave?
Chain one who lives, and breathes this boundless air
To the corruption of a closed grave!
Can they whose mates are beasts, condemned to bear
Scorn, heavier far than toil or anguish, dare
To trample their oppressors? in their home
Among their babes, thou knowest a curse would wear
The shape of woman – hoary crime would come
Behind, and fraud rebuild religion's tottering dome.

В русском переводе г. Бальмонта:
«Пока мужчина с женщиной не встретят
Домашний мир, свободны и равны,
Взор человека света не заметит;
Оковы быть разрушены должны.

⁴³ Shelley. The revolt of Islam, canto 2, XXXVII и XLIII.

Как человек способен быть свободным,
Когда с ним рядом женщина-раба?
Кто воздухом упьется благородным,
Когда вокруг гниющие гроба?
Как могут те, чьи спутники суть твари,
Восстать на тех, кто их гнетет весь век?
В позорном нескончаемом кошмаре
Живет, обманом скован, человек;
Своих сестер позорят их же братья,
И женщина насмешка и проклятье».

Современное женское движение

1. Женский вопрос

В основе современного женского движения лежат два главных фактора: фактор экономический и фактор идейный.

С одной стороны, оно является прямым последствием той революции, которая была произведена в области экономических отношений промышленными изобретениями конца XVIII века, с другой же стороны, оно есть отголосок тех идей о свободе человеческой личности, которая характеризует литературу века Просвещения и которые нашли себе яркое выражение в событиях французской революции.

В конце XVIII столетия происходит в промышленности переворот, который окончательно убивает цеховое ремесло и открывает начало для современной фабричной промышленности. В 1764 г. изобретена в Англии прядильная машина, а в 1788 г. там уже насчитывается 142 фабрики, где работало 59.000 женщин и 48.000 детей. Затем следует изобретение ткацкой машины и усовершенствование ткацкого станка, имевшие такие же последствия. Изобретение паровой машины довершает дело. С этих пор значительно сокращается потребность в искусных рабочих с особой профессиональной подготовкой, и не в прежней мере требуется от рабочего мускульная сила. Поэтому фабриканты начинают в широких размерах прибегать к женскому и детскому труду.

В то же время, благодаря прогрессу техники, значительно удешевляется производство многих продуктов, которые прежде готовились домашним трудом женщин, и этот труд становится излишним. Таким образом, экономическое положение женщин всех классов меняется. Женщины низших классов массами при-

влекаются на фабрики; с женщин средних классов снимается значительная доля их труда по домоводству; сложное при прежних отношениях хозяйство богатых джудей также значительно упрощается как раз в той его части, которая составляла достояние хозяйки. У женщин средних и высших классов остается много незанятого времени, и является потребность в новых сферах приложения труда. В обществе, где все основано на столь широком проведении принципа разделения труда, какое установилось к началу XIX века, сделался в значительной степени невозможным прежний домашний труд женщины; сама жизнь извлекала женщину из тесных пределов семьи на более широкую арену деятельности.

С другой стороны, в обществе, усвоившем идеи свободы, равенства и братства, положенные в основу великого освободительного движения и приведшие повсюду к критике и ниспровержению старого порядка, было бы странно ожидать, чтобы женщины не остановились также на вопросе, соответствует ли их положение этим принципам. А подумать было над чем. Соответствовало ли принципу свободы личности повсеместное подчинение женщины строгой власти мужа и узаконение многими законодательствами пожизненной половой опеки над незамужними женщинами? Были ли проведены принципы равенства и братства в обществе, где женщины оставались политически бесправны и за одинаковый с мужчинами труд получали половинное вознаграждение? Конечно, все эти особенности положения женщины не вызывали недоумений в массах, давно уже привыкших к подчиненной роли женщины; конечно, находили они себе и теоретических защитников, указывавших на то, что природные различия между мужчиной и женщиной дают полное оправдание и различиям в юридическом и социальном положении полов. Но более пытливые и смелые умы на этом не могли успокоиться. Необходимо было выяснить, точно ли так велико значение природных отличий полов, и может ли оно служить достаточным оправданием с точки зрения справедливости для установившихся социальных и политических различий?

Все эти вопросы нуждались не только в теоретической разработке; недостаточно было путем отвлеченных рассуждений сопоставлять сравнительно свойства и силы обоих полов. Необходимо было и на практике проверить, к чему именно способна женщина и что она может дать обществу сверх того, что оно уже привыкло от

нее получать. А для такой практической проверки требовалось получить доступ как раз к тем профессиям, которые для женщины были закрыты, и к осуществлению тех прав, в которых женщине отказывали. Дело этим значительно осложнялось. Нужно принять во внимание, что при этом ни в одной области социальных отношений застарелые и прочно укоренившиеся традиции не действовали с такой силой сопротивления, как именно в области женского вопроса. Наконец, женщине, ищущей труда и заработка, пришлось считаться и с тем противодействием, которое ее стремлениям оказывал хозяйственный расчет предпринимателей и конкуренция между лицами, ищущими труда; условия этой конкуренции не всегда складывались в пользу женщин: стоит подумать только о недостаточности даваемого обычно женщинам образования сравнительно с мужским.

Вот в чем состоит пресловутый «женский вопрос». Из сказанного ясно, что этот вопрос вовсе не составляет измышления кучки непокорных и своевольных женщин, забывших требования своего пола и желающих стать мужчинами. Вопрос этот выдвинут самой жизнью, и его нельзя снять с очереди никакими протестами и сетованиями. Смысл его состоит не в том, что женщина хочет стать мужчиною, а в том, что она хочет отстоять свое человеческое достоинство и занять в обществе то место, на которое она может рассчитывать именно как женщина и при котором она могла бы служить обществу во всей мере своих сил. Сторонницы и сторонники женского движения полагают, что именно в этом отношении существующие общественные порядки налагают на женщину несправедливые и ничем не оправдаемые ограничения.

Я не имею в виду разбирать теоретически доводы в пользу и против женского движения; это уже сделано мною в предыдущей статье. Я хочу остановиться лишь на изложении важнейших фактов из истории современного женского движения и попытаться подвести главнейшие итоги тому, что до сих пор достигнуто женщинами в борьбе за признание их человеческой личности. Начать этот обзор естественнее всего с Великой Французской революции, когда впервые ярко сказалось то движение женщин, которое затем не прекращалось в течение всего XIX века и ждет окончательного разрешения выдвинутых им вопросов от XX столетия.

II. Французская революция

Женщины принимали немалое участие в событиях французской революции. Революционные идеи в значительной доле созрели и находили свое распространение во французских салонах XVIII века, где преобладающее значение имели женщины. В качестве воспитательниц, женщины готовили будущих деятелей революции. Наконец, в самый разгар революционного движения женщины являлись вдохновительницами и деятельными сотрудницами участников этого движения. Можно отметить немало фактов и прямого участия женщин в революционных событиях 6 октября 1789 года. Толпа, состоявшая, главным образом, из женщин, заставила короля переселиться из Версаля в Париж. Г-жа Ролан принимала такое активное участие в политических делах, что не без основания некоторые историки называют ее, а не ее мужа, главой жирондистов и указывают, что фактически она занимала положение министра. Шарлотта Кордэ составила себе историческую известность убийством Марата. Не менее деятельное участие принимали женщины и в реакционном движении. В Вандее и некоторых других провинциях женщины активно противодействовали революции; они действовали при этом отчасти под влиянием католического духовенства, которое и до сих пор во Франции сохраняет свой престиж, преимущественно, в женских кругах. Но были и другие причины, настроившие массу женщин враждебно к революционному движению. Их оттолкнула от революции эпоха террора с ее кровавыми казнями, ее отрицательным отношением к женскому вопросу и придирчивой цензурой нравов, в порче которых тогдашние Катоны по примеру своих античных предшественников обвиняли, главным образом, женщин.

Что касается специально женского вопроса, то почва для него была отчасти уже подготовлена недавними событиями в Америке. Там женщины во время борьбы за освобождение потребовали себе политических прав и даже кое-где их получили; так, эти права предоставлялись им конституцией штата Нью-Джерси в 1776 г. Впоследствии, впрочем, эти уступки были взяты назад: в Нью-Джерси политические права вновь были отняты у женщин законом 1807 г.

В 1789 г. Кондорсэ напечатал в *Journal de la Soci t * статью, где обстоятельно доказывал, что необходимо предоставить женщинам политические права. Он ссылаясь на то, что если женщины в некоторых отношениях и стоят ниже мужчин, то это объясняется

чисто историческими причинами, а потому при изменении условий должны будут измениться и свойства женской природы. В 1792 г. жена известного английского писателя, одного из родоначальников современного анархизма Годвина, Мария Уолстонкрафт, издала горячо написанную книгу «Vindication of the rights of women», где указывала на совершенно неправильную постановку женского воспитания: воспитываются, по ее словам, дамы, а не женщины, и в этом она усматривала главную причину политической незрелости женщин. Она требовала предоставления женщинам участия в законодательстве, обеспечение им хозяйственной независимости от мужчин и равного с мужчинами образования. Яркий образ женщины-защитницы женских прав создал впоследствии в своей поэме «Восстание Ислама» поэт Шелли, женатый на дочери Марии Уолстонкрафт. В том же 1792 г. в Германии появилась книга Ниппел'я, друга и ученика Канта, озаглавленная: «Ueber die burgerliche Verbesserung der Frauen». Во Франции в 1798 г. появился очерк графа Сегюр: «Женщины, их положение и влияние в обществе», который был вскоре переведен на английский язык. Главным тезисом автора было положение, что душа женщины есть дополнение к душе мужчины и что благосостояние человечества зависит от свободного развития качеств, свойственных тому и другому полу.

Во время революции возникло во Франции немало женских политических клубов, и сделаны были попытки завоевать для женщин политические права. Особенно выдается своей деятельностью в этом направлении известная Олимпия де Гуж, обратившаяся к королеве с знаменитой «Декларацией женских прав», которая должна была составить противовес «Декларации прав человека и гражданина». «Женщины, говорилось между прочим, в этой декларации, имеют право всходить на эшафот; следовательно, они могут всходить и на трибуну».

Но эти попытки кончились полной неудачей. Революционное правительство отвергло мысль о предоставлении женщинам политических прав и ответило, что исключительное назначение женщины составляют семейные обязанности. Женские клубы были закрыты, а совместное обучение признано было возможным лишь для детей от 5 до 12 лет.

Следует отметить, что революция не только не дала женщинам новых прав, но вместе с другими остатками старого режима

окончательно уничтожила все следы ранее принадлежавших им публичных правомочий. Так, женщины-феодалки при старом режиме могли, являясь обладательницами ленов, осуществлять права феодальных сеньоров: собирать войско, творить суд. Встречались женщины в дипломатической сфере в качестве послов и агентов. Крупные землевладелицы-дворянки заседали в собраниях провинциальных чинов: в этой роли мы встречаем, например, в Бретани известную *m-me de Sïvigny*. Женщины-вдовы и наследницы ленов попадают в звании пэров Франции; так, в 1685 г. получают известность *duchesse d'Aiguillon – pair de France et gouverneur de Navre*. В цехах, которые также были уничтожены революцией, женщины имели иногда избирательное право⁴⁴.

Историки революции указывают, что женщины отчасти сами были виноваты в столь отрицательном отношении деятелей революции к их домогательствам. Дело в том, что часто женщины этой бурной эпохи действительно не знали никаких пределов в своих революционных увлечениях и доходили до крайних эксцессов. Но и реакция против женского движения принимала подчас уродливые формы; так, в 1803 г. один из самых пламенных сторонников революционного движения Пьер Марешаль написал книгу под следующим многозначительным названием: «Женщины не должны быть грамотными или проект закона, воспреещающего женщинам учиться читать».

Во время революции впервые происходит и серьёзное движение женщин-работниц, положение которых стало отчаянным при разыгравшемся промышленном кризисе. Женщины обращаются с депутатией и петициями к королю и к национальному собранию. Эти петиции вызвали целую литературу памфлетов и оказали некоторое влияние на обсуждение вопроса о цехах, в большинстве случаев, принявших к этому времени под влиянием обострившейся конкуренции враждебное положение относительно женщин. Поэтому уничтожение цехов в 1791 г. было приветствовано женщинами, как победа принципа равноправности мужского и женского труда в области промышленности.

⁴⁴ См. Franck, *Essai sur la condition politique de la femme* (1892), с. 303 сл., 447 сл.

III. Социальное и экономическое положение женщин буржуазных классов

XIX столетие ознаменовано уже систематической и повсеместной борьбой женщин за изменение их социального положения. В этой борьбе можно выделить экономическую и чисто социальную сторону и сторону юридическую. Мы начнем с очерка экономической стороны дела.

В этой области придется делать различие между двумя классами женщин, а именно излагать отдельно движение женщин буржуазных и женщин рабочих классов. Стремление женщин этих двух классов не во всем сходятся.

Как уже было указано, промышленный переворот конца XVIII века отразился и на положении буржуазных женщин. Раньше на них лежало много домашней работы, например, по изготовлению платья, белья, пищевых запасов. Теперь большинство этих продуктов выделяется на фабриках, где изготовление их обходится значительно дешевле. Затрачивать на них домашний труд в большинстве случаев было бы совершенно нецелесообразно. Вместе с тем закрываются многие из прежних источников заработка вне дома: женские домашние рукоделия теряют свою ценность; значение ремесла в промышленности вообще падает. А между тем потребность в заработке растет. Благодаря исчезновению дарового труда крепостных обеспеченность средних и высших классов общества уменьшается, а жизненные потребности их в то же время возрастают. Мужчины, вынужденные своим трудом добывать средства к жизни, откладывают вступление в брак, и количество незамужних женщин увеличивается. В то же время происходит довольно быстро процесс разложения семьи, основанной на патриархальных отношениях. Эта семья не соответствует новому укладу экономических отношений, при котором уже не существует организованного семейного хозяйства, и члены семьи имеют каждый свое отдельное занятие и самостоятельный заработок. С другой стороны, развивающееся чувство личного достоинства восстает против прежней деспотической власти отца семейства и других ограничений личной свободы на почве семейных отношений. Этот процесс высвобождал понемногу женщину от тяготеющей над ней семейной опеки, но он имел и иную сторону: по мере этой эмансипации взрослой дочери от власти отца уменьшалось и моральное обязательство отца заботиться о содержании дочери; да и сами женщи-

ны при более развитом чувстве личного достоинства тяготились отсутствием самостоятельного заработка.

Все эти причины заставляли женщин буржуазных классов искать себе работы вне дома. Но здесь они встретились с большими затруднениями: большинство профессий мужчин их класса оказалось для них закрытым; не имели они возможности и получать необходимую для их отправления подготовку. Добиться же изменения законодательства в благоприятную для женщин сторону было также нелегко: законодательная власть находилась в руках мужчин, которые отчасти благодаря непониманию новых требований женщин, отчасти же из боязни усилить конкуренцию в предложении труда, обыкновенно, несочувственно относились к женским домогательствам. Таким образом, женщинам пришлось начать борьбу за право на труд и за необходимое для этого образование.

Совсем в ином положении находились женщины рабочих классов: им нечего было отвоевывать себе право на труд; промышленная революция и без того извлекла их из семей на фабрику. Труд у этих женщин было более, чем достаточно. Для них возникала иная нужда. Необходимо было во имя человеческого достоинства оградить себя от чрезмерной эксплуатации со стороны предпринимателей. В этом отношении интересы рабочих женщин сходились с интересами мужчин-рабочих. Поэтому для женщин-работниц женский вопрос все более сливается с общим рабочим вопросом. Это начали сознавать и мужчины-рабочие, которые постепенно стали приобщать женщин к своему движению и своим организациям. Но это в то же время разобщает женщин двух классов. Разобщение есть и по существу дела: мы видели, что самые цели женского движения не вполне одинаковы там и здесь. Но есть и иная причина разобщения. Чем более сближаются женщины рабочих классов с социалистическим движением, тем более розни получается между ними и буржуазными женщинами. К делу примешивается классовый антагонизм и затрудняет взаимное понимание.

Разнь однако по существу дела не столь велика, чтобы не было возможно соглашение на почве, по крайней мере, интересов момента⁴⁵. У того и другого класса женщин есть общие интересы, как, например, требование политической равноправности с муж-

⁴⁵ Ср. «Handbuch der Frauenbewegung», т. I, с. 114 es. K. Schirmacher, «Die moderne Frauenbewegung» (1906), с. III, 43, 74.

чинами и равного образования. Сверх того, буржуазные женщины обыкновенно включают в свои программы требования об ограждении условий труда фабричных работниц. Поэтому в большинстве культурных стран рознь эта особенно резко не проявляется, и женщины разных классов находят возможным дружно работать на почве общих интересов. Но там, где примешивается сознательная политика обострения классово-вражды, там объединение становится затруднительным. Так обстоит дело в Германии, где социалистическая партия вводит в свою программу разрушение существующего общественного строя, поддержание классово-вражды. Под влиянием этих тенденций в Германии установился крупный раскол между женским буржуазным и рабочим движением. На международном женском конгрессе 1896 г. представительницы женского рабочего движения Лили Браун и Клара Цеткин заявили, что они никогда больше не будут работать с буржуазными женщинами; и эта угроза приведена в исполнение: на последнем конгрессе в Берлине представительницы рабочего класса Германии, за исключением немногих, не принадлежащих к социал-демократическим организациям, отсутствовали.

В дальнейшем мы сперва изложим ход женского движения, поскольку оно касалось буржуазных женщин и исходило из их среды, а затем перейдем к характеристике положения женщин рабочих классов.

Мы не в состоянии однако в коротком очерке охватить все культурные страны и потому предпочитаем остановиться на некоторых только, наиболее типичных и значительных. Мы избираем четыре страны: Северо-Американские Соединенные Штаты, Англию, Францию и Германию. Мы не будем касаться пока Австралии, так как в социальном отношении положение женского вопроса в Австралии особого интереса не вызывает: здесь женщин сравнительно немного, и борьба за существование для них обострена не в такой степени, как в других странах, нами намеченных.

Начнем с Северной Америки, как со страны, занимающей, несомненно, передовую позицию в нашем вопросе.

В начале столетия ничто еще не указывало на то, что американской женщине суждено будет занять впоследствии эту передовую позицию. Политические требования, предъявленные американскими женщинами после войны за независимость, как мы знаем, практического успеха не имели. Женское образование, этот самый надежный показатель социального положения женщины,

стояло чрезвычайно низко. На женщину смотрели, как на существо, предназначенное исключительно для семейной жизни, и находили, что для этого она в образовании особенно не нуждается. Поэтому отдельных школ для девочек не было; для получения элементарного образования девочки допускались в немногие мужские школы, и то в виде своего рода контрабанды: на два часа в день, в часы, когда у мальчиков не было своих занятий. Делались обычные возражения против женского образования. Указывалось на то, что женщины по слабости своих сил не могут вынести тяжелого умственного труда, что такие занятия подорвут их нежное здоровье; указывалось и на то, что умственная жизнь не соответствует и женским способностям, что она приведет к утрате ими женственности. Но американки рано восстали против подобных рассуждений. «Вы говорите, что женщины глупенькие? Бог создал их так, чтобы они подходили к мужчинам!» отвечают они.

Юридическое положение тогдашней американки также не было благоприятно. В пуританском обществе женщина считалась, согласно учению Библии, предназначенной к повиновению и к затворнической семейной жизни. Поэтому она по закону находилась в полном подчинении мужу, в пользу которого поступало и все её имущество; без согласия мужа жена не могла вступать в договоры; вся власть над детьми принадлежала отцу. Но были в Америке и условия, благоприятные для женской эмансипации. При сравнительно грубых условиях, в которые на первых порах была поставлена жизнь колонистов, женщина являлась деятельною помощницей мужчины. В молодом гражданском обществе, действующем в совершенно новой обстановке, не могли иметь слишком большого значения вывезенные из Европы предрассудки и закоренелые в метрополии традиции; поэтому бороться с ними было легче. Наконец, немалое значение имело и то обстоятельство, что число женщин в Америке, как и вообще в колониальных странах, не было велико. Это отношение полов держится там и до сего времени: в 1901 г. в Англии на 100 мужчин приходилось 106,9 женщин, а в Соединенных Штатах Северной Америки в 1900 г. на 100 мужчин считалось только 95,4 женщин. Поэтому к женщинам относились с большим вниманием и менее опасались невыгодной для мужчин конкуренции с их стороны. Тем не менее первые шаги женщин в борьбе за образование были и в этой стране обставлены большими затруднениями. Когда в 1819 г. Эмма Виллар подняла голос в защиту среднего женского образования,

то она была встречена градом насмешек. Однако ей удалось основать женскую семинарию в Трое и даже получить для нее субсидию от штата Нью-Йорк.

Начало серьезных успехов женского образования в Северной Америке связано с введением там системы совместного обучения обоих полов в низших и средних школах. Ревностным поборником этой системы выступил известный педагог Horace Mann. Система эта на первых порах встречала сочувствие уже вследствие своей практичности: школ было мало, средств для их открытия в большом количестве не хватало, а потребность в образовании девочек возрастала. Дальнейший опыт не только не охладил американского общества к этой системе, но, напротив, сделал её высоко популярной в Америке уже не по соображениям экономии, но в виду ее несомненных педагогических преимуществ. Поэтому Северная Америка и теперь остается классической страной совместного обучения. Низшее образование в Америке целиком построено на началах совместности. При этом оно бесплатно и в огромном большинстве штатов обязательно. Поэтому процент неграмотных невелик и не особенно разнится для мужчин и женщин. По данным 1890 г., в населении старше семи лет неграмотных мужчин оказалось 14%, а неграмотных женщин 12%. Преподают в народных школах в огромном большинстве женщины: на 6000 народных учителей приходится 76000 учительниц; среди школьных инспекторов считается 2320 мужчин и 2270 женщин.

В системе среднего женского образования единство принципа не соблюдено в такой степени. Кое-где имеются и отдельные школы для девочек, но и здесь система совместного обучения преобладает: в 28 штатах существуют только общие для обоих полов, а в остальных штатах 93% всех городов также имеют только совместные школы. Впервые средняя школа открыла свои двери для совместного обучения мальчиков и девочек в 1833 г.; это была Oberlin College в Ohio.

С гораздо большими затруднениями проложили американские женщины дорогу к высшему образованию. Агитация в этом направлении началась довольно рано: уже в 1835 г. женщины хлопочут о допущении их в Harvard-University, но безуспешно. Пришлось на первых порах обратиться к учреждению чисто женских высших школ. Первые такие школы для медицинского образования основаны были в 40-х и 50-х годах. Именно в 1848 г. в Бостоне возник союз для содействия медицинскому образованию женщин,

учредивший медицинскую школу. Такая же школа образовалась в 1850 г. в Филадельфии, а в том же году в Нью-Йорке возник первый женский госпиталь.

Серьёзные успехи стремление женщин к высшему образованию стало делать лишь после гражданской войны за освобождение негров (1861—1865 гг.). Связь этой войны с женским движением двоякая. Во-первых, сама тенденция аболиционистов была благоприятна женским требованиям. Аболиционисты исходили из того общего положения, что физические свойства сами по себе не должны создавать различий в юридическом положении. Отсюда следовал естественный вывод, что и различие пола не должно иметь значения: если негры должны быть равноправны с белыми, то отчего же женщины не могут пользоваться одинаковыми правами с мужчинами? Во-вторых, женщины во время этой войны впервые в широких размерах выступили на арену общественной деятельности. Они много способствовали подготовке освободительного движения своею пропагандой; впервые женщины стали по поводу этого вопроса пользоваться прессой и ораторскою трибуной; напомним хотя бы тот колоссальный успех, который выпал на долю известного романа м-с Бичер-Стоу. Во время самой войны женщины самоотверженно ухаживали за ранеными.

После войны стремление американок к высшему образованию встречается уже с меньшим противодействием. Сперва еще в большом количестве основываюся специально женские высшие школы; таковы Vassar-College (1865 г.) и Smith-College (1868 г.). Но уже в 60-х и еще более 70-х годах и мужские университеты начинают открывать свои двери женщинам и понемногу решаются давать им ученые степени. В настоящее время из 484 колледжей и университетов женщин допускают 345, из 51 высших технических школ 28; имеется 4 университета и около 160 колледжей специально для женщин. Вот данные об общем числе студентов обоого пола в С. Америке:

Года	Женщин	Мужчин
1890	10761	44926
1895	19071	62053
1900	26764	72159
1901	27879	75472

Таким образом, число женщин с 1890 по 1901 г. возросло на 155 с сотни, а число мужчин на 70 с сотни.

Ясно, что и в области высшего образования начинает брать верх принцип совместного обучения полов. Следует, впрочем, заметить, что большинство американских университетов по своему образовательному значению стоит гораздо ниже европейских университетов. Самые же крупные университеты, более близкие по типу к европейским, пока еще не все решились допустить женщин на равных правах с мужчинами. Так, Yale University лишь в 1896 г. сделал этот шаг; в Harvard-University женщины степеней не получают. Поэтому и в настоящее время американские студентки нередко отправляются завершать свое образование в Европу.

Но женщине недостаточно было получить доступ к высшему образованию; необходимо было проложить дорогу и к либеральным профессиям. Здесь опять потребовалась тяжелая борьба. Первые пионерки встретились не только с противодействием своих мужских коллег, но и с большим предубеждением публики. Женщины-врачи не имели пациентов и не допускались в больницы; они с трудом находили себе даже квартиры, так как домохозяева относились к ним с большим подозрением. Женщины-адвокаты не признавались судами и не находили себе клиентов. Против женщин-проповедниц устраивались грандиозные скандалы.

Эти препятствия однако были постепенно устранены, и в настоящее время американской женщине открыт сравнительно очень широкий круг профессий. В большинстве штатов женщинам доступны почти все либеральные профессии. Женщин-проповедниц насчитывается около 1250. Женщин-врачей считается 5000. Женщины занимают места на государственной и общинной службе в качестве фабричных и школьных инспектрис и иногда даже общинных старшин. Еще в 60-х годах женщины допущены были на службу в государственный банк и в почтовые учреждения. В 1869 г. высший суд штата Айова впервые допустил женщину Арабеллу Мансфильд к профессии адвоката; этому примеру последовало большинство штатов, а в 1879 г. высший Федеральный суд в Вашингтоне также допустил женщин к ведению дел. Теперь женщин-адвокатов считается до 200.

В Мичигане с 1899 г. имеется женщина-прокурор; в Канзасе женщины допущены к нотариальной практике. 79% всех учителей в С. Америке женщины. В двадцати штатах женщины пользуются правом голоса при выборах в школьные советы. В некоторых университетах женщины занимают кафедры; общее число женщин

профессоров и приват-доцентов доходит до 1000. Женщины-редакторы и издательницы газет составляют самое обыкновенное явление; вообще в журналистике занято до 900 женщин. Не редкость составляют женщины, стоящие во главе торговых и промышленных предприятий: в Чикаго имеется 8 женщин-банкиров и 37 торговых агентов. Нужно, впрочем, отметить, что и в С. Америке женский труд по общему правилу оплачивается ниже мужского не только на фабриках, но и в высших сферах промышленной деятельности. Что особенно важно, так это то, что в С. Америке укоренилось «полное уважение к человеческой личности женщины, полное признание её интеллектуальных способностей, её духовного равенства с мужчиной. Это признание составляет в Америке аксиому, вошло в плоть и кровь народа, сделалось составною частью его мирозерцания, между тем как в Европе оно составляет только удел прогрессивных людей и даже среди последних встречает много противников. В этом и заключается глубокая пропасть, отделяющая старую Европу от современной Америки»⁴⁶.

В Англии в начале столетия также трудно было предвидеть большие успехи женского движения. Общественное отношение к женщине достаточно характеризуется тем, что один поэт начала столетия изрекал: «Стыдно смотреть на женщину, когда она ест». Это занятие казалось ему слишком прозаичным и неприличным для женщины. Об уровне женского образования может дать представление известный в свое время учебник г-жи Мангнал, озаглавленный: «Исторические и разнообразные вопросы и ответы для юношества с приложением британских и иных биографий». Здесь излагалось все, что должна была знать благовоспитанная британская девица из области наук исторических, общественных и естественных. На всю всеобщую историю до XVIII в. здесь отводилось всего 27 страничек; затем следовали более подробные вопросы и биографии по греческой, английской и французской истории; далее учебник переходил к объяснению употребительных в обществе слов и поговорок на латинском языке; заканчивалось все астрономией на 13 страничках и вопросами по обыденным предметам; при этом давалось, например, следующее объяснение: «Что такое планетная система? Движение первостепенных и вто-

⁴⁶ Брандт, «Современная женщина» (1896 г.), с. 7.

ростепенных планет и комет вокруг солнца, которое остается неподвижным и к которому они относятся как бы с уважением»⁴⁷.

Однако в классической стране гражданской свободы и уважения к человеческой личности дело не могло надолго остаться в таком положении. Уже в начале столетия возникают в Англии два общества для поднятия женского образования и для улучшения подготовки учительниц, и образовалась пенсионная касса для учительниц. В 1847 г. при *Governess Benevolent Institution* (Общество вспомоществования гувернанткам) организуются вечерние курсы, из которых затем выросло первое высшее женское учебное заведение *Queen's College*, за которым вскоре последовала аналогичная *Bedford College*. Главной задачей этих учреждений была подготовка образованных учительниц для средних школ.

Потребность в поднятии уровня женского образования вызывалась не только идеальными соображениями, но и чисто практическими. Идеальные соображения нашли себе блестящее выражение в статье об освобождении женщин, помещенной женой известного экономиста Дж. Ст. Милля в 1851 г. в *Вестминстерском Обозрении* и обратившей на себя всеобщее внимание. Практическая же сторона дела особенно выдвинулась в общественном сознании благодаря переписи того же года, которая обнаружила существование серьезных причин, вынуждающих позаботиться о лучшей постановке условий женского труда. Оказалось, что в Англии огромное количество женщин вынуждено жить самостоятельным трудом без малейших шансов на замужество. Из общего числа 7.043.701 женщин 3.107.791 нуждались в самостоятельном заработке; при этом в больших городах количество женщин значительно превышало количество мужчин: в Глазго на 83 тыс. мужчин свыше 20 лет приходилось около 100 тыс. женщин; в Эдинбурге на 47 тыс. мужчин считалось 64 тыс. женщин. Понемногу женщины начинают завоевывать себе доступ к закрытым для них профессиям. В 1853 году международная телеграфная компания, руководясь чисто экономическими соображениями, допустила к себе на службу женщин в качестве дешевой рабочей силы. В 1859 г. основывается особое Общество поощрения женского труда *Society for promoting the employment of women*, которое открыло много профессиональных курсов для женщин. Результаты не замедлили обнаружиться: в 1851

⁴⁷ Сл. Вестн. Воспит. 1903 г., декабрь, с. 175 сл.

г. в Англии не было совсем женщин-бухгалтеров и фотографов, а женщин-продавищиц было всего 1742; к 1861 г. насчитывается уже 130 женщин-фотографов, 308 бухгалтеров и 7000 продавищиц. В 1865 г. впервые допускается к медицинской практике женщина-врач Elisabeth Garret, изучившая медицину за границей.

В 1864 г. была образована парламентская комиссия для ревизии среднего образования, которой поручено было обратить внимание и на женские школы; в её состав введена была женщина Miss Beale. Ревизия дала самые неутешительные результаты относительно женских школ. Преобладало преподавание в духе известного нам учебника г-жи Мангнал. Женские школы были малочисленны; преподавание в них велось содержательницами с немногочисленными помощницами, подготовка которых мало чем превышала уровень знаний, содержащихся в употребляемых ими учебниках.

Раскрытие этих фактов дало толчок к образованию нескольких союзов для поднятия женского образования. В 1865 г. Оксфордский университет, а несколько позже и Кэмбриджский допустили женщин к низшему экзамену (в объеме реальной школы); этот экзамен не дает права на университетские занятия. В 1869 г. возникла первая школа для подготовки женщин в университет (Girton College). В 1881 г. женщины допущены в Кэмбриджском университете к посещению лекций и к экзаменам; впрочем, ученых степеней они не получают: им выдаются особые свидетельства. Между 1870 и 1894 гг. женщины получили доступ и в Оксфордский университет, за исключением медицинского факультета. Теперь женщины в обоих этих университетах имеют свои колледжи, могут посещать лекции и сдавать экзамены, но не получают степеней, дающих право считаться членами университета. С 1878 г. лондонский университет допустил женщин ко всем экзаменам и дает им степени. То же самое сделали и другие университеты Англии, Шотландии и Ирландии, за очень немногими исключениями.

Труднее всего оказалось женщинам продолжить дорогу к медицинскому образованию. Когда в 1869 г. Эдинбургский университет решил было допустить на медицинский факультет нескольких женщин, то это новшество встречено было такими энергическими протестами студентов, что очень скоро пришлось от него отказаться. В 1874 г. была основана специально женская медицинская школа London School of Medicin for Women. В 1876 г. парла-

мент разрешил допускать женщин к экзаменам в медицинских школах, но до сих пор еще не все школы этому последовали.

Низшее образование в Англии по законам 1870 и 1876 гг. обязательно, а с 1896 г. в большинстве случаев и бесплатно. 79% всего преподавательского персонала женщины. В Шотландии действуют те же принципы; 63% учителей женщины.

Средняя школа для девочек, как и для мальчиков, в Англии находится в частных руках. Важнейшим Обществом, содержащим средние женские школы, является Girls Public Day School Company. Программы мужских и женских школ мало между собой различаются. Иногда практикуется совместное обучение.

Женщинам уже открыто в Англии немало профессий. Они допущены на канцелярские должности в правительственных учреждениях; им открыт доступ к должностям окружных и санитарных врачей; с 1893 г. существуют фабричные инспектрисы. Много женщин служит в почтовом ведомстве и в почтовых сберегательных кассах. На общественной службе они занимают места школьных, санитарных и торговых инспектрис, заведуют домами призрения и больницами; иногда женщины выступают в качестве сборщиков податей; некоторые служат в полиции. К деятельности адвоката женщины до сих пор не допускаются; адвокатские корпорации упорно отклоняют такие ходатайства. К церковной проповеди женщины имеют широкий доступ у некоторых сектантов; особенно широко поле их деятельности в «Армии спасения», где права мужчин и женщин совершенно равны; в сентябре 1904 г. в Лейчестере ассоциацией «Free Christian Church» на должность пастора впервые для Англии избрана женщина Гертруда Фон Петцольд. Очень велико участие женщин в народном образовании. Так как все средние школы в Англии находятся в частных руках, то женщинам без особого труда проложили сюда дорогу. Многие из них заведуют даже мужскими школами. Женщин-врачей практикует теперь в Англии 331, в Шотландии 94, в Ирландии 41. Очень многие женщины-врачи практикуют в Индии. В журналистике занято также не мало женщин; некоторые из них выступили даже в роли военных корреспондентов. Есть женщины-архитекторы. Участие женщин в ведении торговых и промышленных предприятий довольно широко.

Значительно слабее успехи женского движения во Франции. Наполеон I видел призвание женщин в домашнем хозяйстве и

воспитании детей и не выносил женщин, которые не желали ограничиться этой ролью. Предметом его особенной ненависти являлась *m-me de Stael*, которая хотя и не высказывалась принципиально за уравнение полов, но сама принимала активное участие в политике, и притом в духе, враждебном Наполеону. При обсуждении гражданского кодекса консул Наполеон устанавливал в государственном совете следующие общие точки зрения относительно положения женщины: «Совершенно не соответствует французским обычаям, чтобы женщины поступали по своему усмотрению». «Муж должен иметь абсолютное право распоряжаться действиями жены; он имеет право сказать ей: *madame*, вы не выйдете из дома, вы не пойдете в театр, вы не будете видеться с таким-то лицом». Поэтому в начале столетия женское движение не могло рассчитывать на поддержку со стороны правительства. Впрочем, Наполеон поддерживал открытие женских школ, которые бы готовили женщин к семейной жизни; в 1810 г. он даже назначил свою единомышленницу *m-me de Genlis* инспектором школ в Париже.

Хотя в 30-х и 40-х годах во Франции не прекращалась феминистская агитация в печати, но сколько-нибудь ощутительных успехов женское движение не делало. К этой эпохе относится сочувственное женщинам движение сен-симонистов и деятельность Жорж Занд, выступившей поборницей личной эмансипации женщины и её освобождения в области половой морали. В 1832 г. основана была первая феминистская газета «*La femme nouvelle*», за которой через четыре года последовала «*Gazette des femmes*», требовавшая политической равноправности женщин. В 1847 г. Э.Легувэ читал в *College de France* особый курс, в котором высказывался за общее расширение женского образования и в частности за допущение женщин к медицинскому образованию и к надзору за школами, больницами, тюрьмами и фабриками.

В эту же эпоху однако раздаются и иные голоса. Конт в своей «Позитивной философии» проводил ту идею, что, хотя женщина, несомненно, морально стоит выше мужчины, но её роль в обществе и должна сводиться только к охранению добрых нравов и возвышенных идеалов; поэтому ее следует держать вдали от общественной жизни и профессионального труда: участие в борьбе за существование только унизит женщину и испортит её характер. Родственные этому идеи развивал в начале 60-х годов историк

Мишле; в своих сочинениях «La femme» и «L'amour» он выстав-ляет женщину слабым и больным от природы существом, кото-рое нуждается в нежном обращении и особой защите. Открытым врагом женщины в 40-х и 50-х годах является известный анархист Прудон; для него женщина есть нечто среднее между человеком и животным, не настоящий человек; всю цель ее жизни составляет половая любовь, и это делает ее неспособной ко всем мужским занятиям. Весьма неблагоприятна была для женского движения, наконец, та клерикально-буржуазная реакция, которая началась во Франции после 1848 г.; перепуганная буржуазия отождествля-ла женское движение с социализмом и возлагала на него ответ-ственность за крайности, допущенные сен-симонистами. Эта ре-акция привела и к возрождению женских монастырей, запрещен-ных в свое время революционным правительством. Монахини до последнего времени являются главными руководительницами среднего женского образования во Франции, что значительно за-держивает успехи женского движения в этой стране.

В 1850 г. издан был первый закон о низшем женском образова-нии. Этот закон обязывал все коммуны с населением не менее 800 душ содержать, по крайней мере, одну женскую школу. Сверх того, женщины были допущены к слушанию лекций в College de France.

Несколько оживляется женское движение во Франции в 60-е годы, отчасти под влиянием примера Англии. Благодаря поддерж-жке Императрицы Евгении двери французских университетов без особой борьбы открываются для женщин в промежуток времени от 1863 по 1870 год. И они получают право приобретать ученые степени. С конца 60-х годов начинают заводиться и школы для подготовки женщин в университеты. Закон 1867 г. делает обяза-тельным содержание низших женских школ для общин с населе-нием в 500 душ. В 1880 г. Camille See провел закон, по которому государство обязалось при помощи общин открывать женские средние школы (лицеи), правда, с довольно элементарным курсом. Так как преподавание в этих школах должно находиться ис-ключительно в женских руках, то в Севре учреждена особая шко-ла Ecole Normale для приготовления учительниц. В 1882 г. низшее женское образование сделано было обязательным, причем про-граммы установлены одинаковые для обоих полов. Этим женщи-ны обязаны борьбе республиканского правительства с клерика-лизмом: чего не сделали бы для женщин, то было сделано против

католического влияния. В результате этой меры грамотности, французских женщин не замедлила повыситься: в 1892 г. брачный контракт могли подписать 92% женихов и 88% невест.

Среднее образование женщин до сих пор находится преимущественно в руках монахинь; правительство им сравнительно мало занимается: на мужские школы оно тратит 15.000.000 фр. в год, а на женские всего 2.000.000. Поэтому французенки сравнительно мало пользуются своим правом доступа в университеты: они недостаточно подготавливаются в средних школах к получению высшего образования. В 1992-1903 гг., из числа 29.000 студентов, студенток считалось всего 1.200, при чем 508 среди них были иностранки.

В настоящее время женщины во Франции работают на почте, в железнодорожных бюро, в государственных табачных лавках, в государственном банке. Они служат тюремными и школьными инспектрисами, допускаются на должности помощников фабричных инспекторов и на должности начальников железнодорожных станций. Женщины-врачи принимаются на службу правительством, но большинство таких врачей пока иностранки. В 1899 г. женщины допущены к адвокатуре; но пока женщин-адвокатов всего три. Очень много женщин-учительниц: в народных школах на 67.000 учителей приходится 84.000 учительниц. С 1881 г. женщинам разрешено быть редакторами периодических изданий; с 1898 г. издавалась газета «La Fronde», которая велась целиком исключительно женщинами; недавно эта газета прекратила свое существование.

Германия долго была одной из самых отсталых стран в отношении к женскому движению. Но в последнее время оно делает и здесь большие успехи.

Начало положено и в этой стране в 60-е годы. В 1866 г. возникают здесь сразу два союза. Один из них, Allgemeiner Deutscher Frauenverein, основан в Лейпциге известной писательницей Луизой Отто Петерс. Он преследует довольно широкие цели, до требования политических прав включительно; состоит этот союз исключительно из женщин. Другой союз возник в Берлине и вскоре получил по имени своего учредителя название Lette Verein. Этот союз, где участвуют и мужчины, поставил своей главной задачей содействие женскому профессиональному образованию и создал до сего времени целый ряд хорошо поставленных промышленных школ и иных учреждений, соответствующих целям союза.

Среднее образование женщин до сих пор стоит в Германии невысоко; существующие здесь с начала XIX столетия *Töchterschulen* имеют довольно элементарный характер. Стремление женских союзов повысить уровень общего образования женщин долго оставались без особых результатов. Возникло только несколько частных курсов с расширенными программами, в которых женщины могли пополнять недостатки своего среднего образования; такой характер носят *Victoria Lyceum* и *Humboldt-Academie* в Берлине.

О среднем женском образовании правительства в Германии в общем заботятся мало, предоставляя открытие женских школ преимущественно городам и частным лицам⁴⁸. В последние годы в этой области замечается оживление; в 1893 г. в Карлсруэ основана частная гимназия с курсом мужских гимназий, которая в 1897 г. принята в свое заведывание городом. В настоящее время в некоторых городах Бадена делаются опыты совместного обучения (Фрейбург, Маннгейм).

В 1894 г. феминистские общества в Германии объединились в общий союз; не вошли в него общества социалистического характера. Этот союз «*Der Bund deutscher Frauenvereine*» с 1897 г. принадлежит к международной женской организации, возникшей в Вашингтоне. Он объединяет теперь свыше 180 немецких женских обществ. Союз ведет деятельную агитацию в пользу расширения женских прав и повышения женского образования. Под влиянием организованной агитации женских союзов двери немецких университетов понемногу начинают открываться для женщин. С 1899 г. им разрешено сдавать экзамены по медицине и фармации; при этом в положенное для сдачи экзаменов число семестров женщинам зачитываются и те, которые они провели в университетах в качестве вольнослушательниц. Дело в том, что из всех немецких универси-

⁴⁸ В 1898 г. прусский министр народного просвещения *Bosse* отказал бреславскому магистрату в согласии на учреждение женской гимназии. Он выразился в ландтаге, что будет против «всякого шага» в смысле современного женского движения; он считает ложным «стремление женщин выступать везде конкурентками мужчин: таково воззрение всего министерства прусского государства». И это заявление нашло сочувственный отклик в ландтаге. См. *Zeigler*, «*Die geistigen und sozialen Strömungen des XIX Jahrhunderts*» (1901 г.), с. 617.

тетов к настоящей имматрикуляции допускают женщин пока только университеты Бадена, Баварии и Вюртемберга; здесь женщины получают и ученые степени тем же порядком, как мужчины. В остальных университетах женщины допускаются лишь в качестве вольнослушательниц с особого каждый раз разрешения подлежащего профессора. Далеко не все германские профессора относятся сочувственно к появлению женщин в их аудитории. Так, профессор Трейтшке как-то сам вывел под руку из своей аудитории замеченных в ней двух дам. В 1902 г. ректор берлинского университета закрыл один университетский студенческий кружок за то, что он в нарушение всех традиций пригласил даму в качестве референтки. Студенты также неоднократно проявляли враждебность к женщинам, работающим в клиниках.

В зимнем семестре 1904 г. в германских университетах насчитывалось 1260 женщин-вольнослушательниц и 85 студенток; в зимнем семестре 1905 г. считалось 1623 слушательницы и 122 студентки. Эти цифры пока еще незначительны в сравнении, например, со Швейцарией; здесь число женщин-студенток на медицинских факультетах уже превышает число мужчин (891 и 763 в 1904 г.).

Нищее образование в Германии почти повсюду обязательно для обоих полов. Преподавание находится до сих пор преимущественно в руках мужчин; в Пруссии на 68000 учителей приходится 10.000 учительниц, в Баварии на 18.000 учителей считается 7000 учительниц, в Саксонии 10.000 учителей и всего 401 учительница. По данным 1871 г., в Пруссии в числе населения старше 10 лет процент неграмотных был 10% для мужчин и 15% для женщин.

Количество либеральных профессий, открытых для женщин, в Германии пока еще невелико. Женщины-врачи на государственную службу допускаются редко. Служат женщины в почтовом ведомстве и в некоторых государствах в должностях помощниц фабричных инспекторов. Главной профессией образованных женщин является учительский труд; но и здесь, как мы видели, пока преобладают мужчины.

Немецкое общество до сих пор в огромной массе своих представителей склонно смотреть на женщин, как на существа, по самой своей природе живущие больше чувством, чем разумом, и предназначенные исключительно для семейной деятельности. Такая точка зрения господствует и в германской литературе. Я уже не говорю о таких страстных противниках женщин, как Шопен-

гауэр или Ницше, но я могу сослаться, напр., на столь читаемых авторов современных трактатов по этике, как Эд. Фон Гартман (*das sittliche Bewusstsein*), Вундт, Паульсен и др.

IV. Женщины рабочих классов.

Перейдем к общей характеристике положения женщин рабочих классов. Здесь не будет необходимости дробить изложение по отдельным странам, так как условия во дела везде одинаковы.

Мы уже отмечали, что женщины рабочего класса в XIX столетии были массами вовлечены в промышленный труд на фабриках благодаря революции, которая была произведена в промышленности развитием машинного производства. Количество женщин на фабриках быстро возрастало. В Англии уже в 30-х годах число женщин, занятых на фабриках, было весьма значительно. В течение 20 лет констатирован прирост рабочих мужчин на 92%, а женщин на 131%. С 1841 по 1891 г. число рабочих мужчин возросло на 53%, а женщин на 221%⁴⁹. Тот же процесс происходил в С. Америке и на континенте Европы. В настоящее время в английской промышленности занято 1.840.000 женщин, которые составляют 25% всего количества промышленных рабочих. В германской фабричной и горной промышленности занято 1.500.000 женщин на 6.700.000 мужчин⁵⁰.

Этот наплыв женщин в промышленный труд долго вызывал сильное противодействие мужчин-рабочих. Не одни только машины вызывали их ненависть, но и переполнение фабрик женщинами. Всякие средства в виде бойкота, стачек и насилия были пускаемы в ход против женского труда на фабриках. Раздражение рабочих не лишено было оснований. Действительно, женщины довольствуются обыкновенно слишком низкой платой за труд и, не имея достаточного общественного воспитания, часто отказывались принимать участие в рабочих движениях, организуемых для того, чтобы добиться улучшения условий труда. Таким образом, женский труд приводил к понижению заработной платы.

Но это положение не могло оставаться неизменным. Благодаря дальнейшему прогрессу техники, и женщинам пришлось страдать от введения новых машин, на первых порах, по крайней мере,

⁴⁹ Lily Braun, *Frauenfrage* (1901 г.), с. 216 сл.

⁵⁰ Пирсторф, *Женский труд и женский вопрос* (1902 г.), с. 9 и 26.

приводивших к сокращению спроса на рабочие руки. Особенно же тяжело отозвалось на условиях женского труда изобретение машин, которые давали возможность дробить производство и обходиться без сложных фабричных сооружений (напр. швейная машина). Развилась система домашней индустрии, т.е. такой формы капиталистического производства, при которой рабочий занят в своем помещении. Теперь началась самая ужасная конкуренция и эксплуатация рабочего труда. Бедствия рабочих при этой системе не смягчаются ни фабричным законодательством, ни вмешательством фабричной инспекции, ибо организованный надзор за таким производством наталкивается на непреодолимые препятствия. Эта форма промышленности, составляет поэтому самое больное место женского фабричного труда; здесь нет ни ограничений рабочего дня ни обязательной охраны беременных и родильниц, которая установлена для фабричных работниц.

В последнее время замечается усиленная тенденция в направлении союзной организации фабричных работниц. Учреждаются специально женские рабочие союзы и клубы для ограждения условий труда, да и мужские рабочие союзы начинают принимать в свой состав женщин. Постепенно исчезают прежние предрассудки мужчин, которые препятствовали участию женщин в рабочих союзах; постепенно и в женщинах развивается социальное чувство, недостаток которого так часто приводил раньше к нарушению ими союзной рабочей дисциплины. В особенности германские социал-демократы стараются привлечь женщин в свои организации и широко используются услугами женщин для пропаганды своих идей.

В Англии в 1898 г. из 826,000 женщин, работающих на фабриках, и 250.000, работающих в мастерских, организовано было 116.000, т.е. около 10% 25 мужских союзов принимали в свою среду женщин; сверх того было 13 специально женских организаций. В 1902 г. в союзах считалось 122.000 женщин. В 1903 г. число организованных рабочих вообще сократилось, и число женщин в союзах упало до 119.000. В Германии в 1903 г. организовано было всего 3,13% женщин-работниц, тогда как мужчин в рабочих организациях было 17,29%. Есть много специальных причин, которые стоят на пути организации рабочих-женщин. Во многих государствах Германии и в Австрии закон запрещает женщинам участвовать в политических союзах. Между тем в мужских рабочих

организациях правительство нередко усматривает политическую окраску и закрывает их для женщин. Далее, женщины до сих пор получают за свой труд меньшее вознаграждение, чем мужчины, и уже это обстоятельство само по себе составляет препятствие к развитию среди них организаций; известно, что легче всего организуются рабочие, сравнительно хорошо оплачиваемые. Наконец, женщины-работницы стоят вообще в несколько особых условиях: девушки обыкновенно склонны смотреть на свой фабричный труд как на временное занятие до замужества; поэтому они недостаточно серьезно входят в интересы своей профессии и не стремятся получать к ней ту подготовку, которую получают мужчины; они обрекают себя поэтому на низшие отрасли труда. Этот же взгляд на промышленный труд, как на временное только занятие, склоняет женщину легче соглашаться на худшие условия вознаграждения, чем те, которые ставятся мужчинами.

Существует специальное фабричное законодательство о женском труде. Для женщин ограничивается или даже совсем им воспрещается ночная работа. Запрещается работа женщин в некоторых опасных для здоровья производствах. Запрещается работа в последнее время беременности и в послеродовом периоде. Эти законы иногда вызывают возражения: указывают на то, что они ставят женщину в стеснительные условия при конкуренции с мужским трудом и таким образом ослабляют ее шансы в борьбе за существование. Едва ли можно согласиться с подобной точкой зрения, разделяемой преимущественно феминистками буржуазных кругов общества. Женский труд остается для фабрикантов соблазнительным благодаря своей сравнительной дешевизне; в некоторых же производствах особенную ценность имеет сравнительно большая ловкость женских рук. Поэтому нечего опасаться особенного сокращения спроса женского труда на фабриках. Специальная же охрана женщин необходима в видах заботы об общественной гигиене. Если женщины теряют заработную плату за время, проведенное без работы в период деторождения, то с этим правильнее всего бороться путем государственного страхования родильниц.

Условия фабричной работы, которая подчинена в культурных странах правительственному контролю и ограждена особыми законами, оказываются сравнительно гораздо лучше, чем условия труда сельских рабочих. Поэтому в последние десятилетия замечается отлив женщин из села в город. Во Франции в период с 1871

по 1876 г. переселилось в город 600.000 человек, а с 1876 по 1881 г. 800.000. В Англии с 1861 по 1881 г. число сельских рабочих уменьшилось на 273.000. Известное значение имело при этом распространение сельскохозяйственных машин, сокращающих и к этой области спрос на рабочие руки, но немалую роль играло и развивающееся самосознание рабочего, которое побуждает его искать лучших условий труда, а также улучшение и удешевление путей сообщения.

Хуже всего поставлены женщины в домашней индустрии, где нет законодательной охраны рабочего труда. Сверх того, условия этой формы промышленности разобщают работниц между собой, т.е. создают лишнее препятствие, к организациям, и ставят женщин вне мужского влияния. Аналогичные условия препятствуют улучшению быта домашней прислуги. Поэтому и в этой сфере в последнее время замечается сокращение предложения труда.

У. Юридическое положение женщин

Переходя к вопросу об юридическом положении женщины, мы сперва займемся выяснением гражданских прав женщин, а затем познакомимся с состоящем вопроса об их политических правах, по-прежнему ограничиваясь, по возможности, лишь крупнейшими странами.

Ниже всего остается до сих пор гражданско-правовое положение женщины во Франции. Здесь донныне действует Code Civil, изданный в 1804 г. Большое влияние на содержание статей этого кодекса, относящихся к женщинам, оказал Наполеон I, общий взгляд которого на женщин нам уже известен; знаем мы отношение к женскому вопросу и руководящих деятелей революции. При таких условиях нельзя было ожидать сколько-нибудь либерального отношения к женщинам со стороны этого кодекса. И действительно, женщина поставлена в нем в совершенно зависимое положение, особенно женщина замужняя.

Вообще женщина в своих гражданских правах приравнивается к мужчине; она может вести торговлю, может выступать на суде стороной и свидетельницей. В качестве вдовы и в качестве матери незаконного ребенка (при отсутствии признанного отца) она наделена властью над детьми. Наследственные права обоих полов уравниены революцией при уничтожении остатков феодального режима, а кодекс Наполеона воспретил отказы от будущих на-

следств, которыми прежде часто пользовались для ограничения женских прав на наследство. Но дальше начинаются существенные ограничения. Женщины лишены права выдавать векселя. Они не могли быть до издания закона 7 декабря 1897 г. свидетелями при совершении гражданских актов. Они не допускаются к ведению опеки (за исключением матерей) и не могут быть членами семейных советов. Выходя замуж, женщина во Франции становится под власть мужа и в результате делается вполне недееспособной; она приравнивается законом к малолетним и сумасшедшим. Поэтому все ее имущество поступает в управление мужа; акты, совершенные женой без согласия мужа, считаются недействительными. Заковным режимом для супругов является общность имущества; только по особому договору может быть введена детальная система или раздельность супружеского имущества. До сих пор остаются в силе во Франции старые законы о прелюбодеянии, санкционирующие двойную мораль. По стт. 337—339 уголовного кодекса стороны жены наказуемо всякое нарушение супружеской верности, тогда как муж подлежит наказанию лишь в том случае, если содержит наложницу в «*maison conjugal*»; прелюбодеяние мужа карается денежным штрафом, а такое же преступление жены двумя годами тюрьмы. По статье 350 гражданского кодекса «*la recherche de la paternite est interdite*», т.е. запрещено по суду отыскивать отца незаконного ребенка; таким образом, закон лишает мать возможности привлечь отца ребенка к участию в расходах по его воспитанию.

Установленное этими законами положение мало изменилось в течение всего XIX столетия. Единственным крупным успехом французской женщины в этой области является иовый закон о разводе, уравнивающий положение обоих супругов и дающий жене возможность прекратить слишком тягостный для нее брак. Кодекс Наполеона в определенных случаях допускал развод; но с торжеством католицизма при реставрации Бурбонов был издан закон 8 мая 1816 г., вполне воспретивший развод согласно учению католической церкви (предложение Бональда). Только 19 июля 1884 г. в результате длинной кампании, предпринятой Накэ, было, наконец, уничтожено это запрещение. В настоящее время развод во Франции допускается на основании целого ряда причин; главной причиной является прелюбодеяние, при чем условия установлены одинаковые для мужа и жены; далее поводом к разво-

ду может служить жестокое обращение, тяжкие обиды и уголовное осуждение супруга (ст. 229232 гр. код. новой редакции).

Итальянское уложение 1866 г. усвоило в общем принципы французского права с его широкой мужней властью. Совсем иным духом проникнуто новое германское уложение, вступившее в силу 1 января 1900 г. Правда, это уложение не удовлетворило требованиям феминистов и социалистов. Но нужно признать, что для Германии оно составляет значительный шаг вперед. Дело в том, что остатки режима пожизненной опеки над женщинами в германских государствах окончательно исчезли только около 1879 г.; перед введением нового уложения кое-где еще держалась мужняя власть по типу французской. Поэтому принципы германского уложения представляются довольно либеральными для этой страны и, по признанию французских юристов, могут служить образцом для реформирования законов о женщинах во Франции⁵¹.

Германское уложение не знает, конечно, ни опеки над женщинами, ни мужней властп во Французском смысле этого понятия. Семья в принище есть союз равноправных супругов, хотя за мужем сохранено преобладающее значение. Муж решает в случае разногласия вопросы супружеской жизни, ему предоставляется в частности право определять местожительство семьи.

Оба родителя наделены властью над детьми, но и здесь при разногласии перевес дается голосу мужа (ст. 1354 и 1634). Если жена заключает договоры, обязывающие ее к личным услугам, то муж может с разрешения опекунского совета расторгнуть такой договор, доказавши, что деятельность жены вредит интересам супружеской жизни (ст. 1358). Жене предоставлено однако право требовать защиты от произвола мужа: она может требовать по суду уничтожения распоряжений мужа, если они представляются «злоупотреблением власти» с его стороны. В имущественном отношении по принятой в законе легальной системе жена также поставлена в зависимость от мужа. Правда, она остается вполне дееспособной и даже свободно управляет своим особым имуществом, в состав которого входят, между прочим, все приобретения, сделанные трудом жены во время брака, а также и орудия ее труда. Сверх того, в силу принадлежащей ей *Schlusselfgewalt*, жена может самостоятель-

⁵¹К этому выводу приходит Lyon-Caen, «*La femme mariee allemande*» (1903 г.).

но делать расходы, необходимые для ведения домашнего хозяйства. Но остальное имущество жены, хотя и остается в ее собственности, поступает в управление мужа. По брачному контракту может быть введена и иная система имущественных отношений: полная общность имущества, общность приобретений, общность движимого имущества и даже полная раздельность имущества (ст. 1436). Но брачные контракты заключаются пока еще редко. Что касается развода, то он поставлен в уложении довольно свободно.

Таким образом, новое уложение значительно подняло положение замужней женщины. Феминистов и социалистов, как сказано, оно не удовлетворило, так как они требовали гораздо большего. В области имущественных отношений они настаивали на раздельности имущества в качестве законного режима. Это предложение не прошло в виду того, что система эта не имеет де исторических оснований в Германии. В области личных отношений Бебель предлагал предоставить при разногласиях между супругами решающий голос той стороне, которая из своих доходов покрывает большую часть семейных издержек; это предложение также было отвергнуто.

Сравнительно выше, чем во Франции и в Германии, положение женщины в англосаксонских странах. В Северо-Американских Соединенных Штатах имеют место две системы имущественных отношений супругов. В 41 штате применяется система раздельности имущества, обеспечивающая замужней женщине полную имущественную независимость от мужа. Эта система введена в Вермонте в 1847/1849 гг. и в Нью-Йорке в 1860 г. Нью-йоркский закон оказал влияние и на реформу английских законов об имущественных отношениях супругов. В других штатах принята система общности имущества, при чем однако положение жены уравнено с положением мужа. Такова система калифорнийского уложения, принятая и в некоторых других штатах, особенно на Западе.

В Англии в первой половине столетия положение замужней женщины было весьма незавидно. Английское право насквозь было пропитано в этом отношении отголосками феодальных традиций. Замужняя женщина поступала под широкую власть мужа и утрачивала при этом свою дееспособность. Муж и жена в глазах закона составляли одно лицо, поэтому муж становился собственником всего имущества жены. Лишь по особому договору можно было обеспечить за женой самостоятельное пользование ее иму-

ществом. Только во второй половине столетия, отчасти под влиянием американских примеров, англичане решились приступить к реформе своего брачного законодательства. В 1870 г. был издан закон, который ставил вне власти мужа те приобретения, которые жена своим трудом делала во время брака. В 1882 г. сделан был шаг более решительный: новый закон ввел полную раздельность супружеского имущества, если только противное не выговорено в брачном контракте. В области наследственного права в Англии до сих пор сохранились ограничения женских прав, ведущие свое начало от феодальных порядков. Дочери наследуют в недвижимом имуществе лишь при отсутствии сыновей, при чем они делят между собой наследство поровну, тогда как для сыновей существуют права старейшинства. В других странах Европы, за исключением, впрочем, России, женщины в правах на наследование уравниены с мужчинами.

Переходим к публичному праву. И в этой области женщины кое-где достигли значительных успехов, хотя в общем здесь права женщин остаются весьма ограниченными. Между тем именно эта область прав является предметом особенно настойчивых домогательств со стороны женщин, так как они хорошо понимают, что если добьются этих прав и тем обеспечат себе участие в законодательстве, то без особого труда достигнут и всего остального.

Во многих странах Европы женщины в настоящее время имеют право активного, а иногда даже и пассивного участия в местных общинных выборах. В 1862 г. женщины, не исключая и замужних, получили активное избирательное право в органы местного самоуправления Швеции. В Финляндии это право предоставлено незамужним женщинам в 1865 г. В Норвегии в 1901 г. женщины получили не только активное, но и пассивное право участия в общинных выборах; в Христиании уже шесть женщин избраны в состав городского управления. В Дании общинное избирательное право законом 1903г. предоставлено всем плательщикам податей и их женам. В некоторых государствах Германии женщины, владеющие землей, имеют активное избирательное право при коммунальных выборах в сельских общинах, а кое-где и в городах. Обыкновенно однако женщины передоверяют осуществление этого права уполномоченным ими мужчинам. Подобное же положение вещей находим мы и в Австрии. В Италии и Голландии женщины этих прав не имеют. Что касается Франции, то там женщины, ведущие само-

стоятельную торговлю, участвуют в выборах судей для коммерческих судов. В июне 1900 г. женщина Marie Bonneval была привлечена социалистическим министром Мильераном к участию в рабочем совете, а 12 февраля 1901 г. палата предоставила женщинам пассивное избирательное право в ремесленные суды (*conseils de prud'hommes*). В Германии в 1904 г. при обсуждении проекта закона о посреднических судах для разбора столкновений между купцами и приказчиками комиссия рейхстага высказалась за предоставление женщинам-приказчицам избирательного права в эти суды, но встретила с решительным противодействием министра Позадовского. В Англии женщины с 1809 г. имеют право активного участия в городских муниципальных выборах, с 1870 г. они голосуют при выборах в школьные советы, с 1888 г. незамужние женщины могут участвовать в выборах в советы графств, с 1894 г. женщины, платящие налоги, наделены активным и пассивным правом при выборах в приходские и окружные советы. В настоящее время палата общин обсуждает проект закона, предоставляющего женщинам право быть избираемыми в члены советов графств и городов. В Норвегии в последнее время женщины не только допущены к адвокатуре, но и на государственную службу; при этом не делается различия между замужними и незамужними, но служба военная, духовная, полицейская и дипломатическая для женщин закрыта. В Дании также вырабатывается закон о допущении женщин на государственную службу.

Особенно желательным для женщин представляется, конечно, допущение их к выборам в центральные представительные учреждения. Но в этом отношении женщины сделали пока значительные успехи только во внеевропейских странах.

В Северной Америке женщины наделены политическими правами в четырех западных штатах. Начало положила в 1869 г. незначительная тогда территория Уайоминг. В этом году женщинам Уайоминга предоставлено было право активного и пассивного участия в парламентских выборах этой территории. Причины этого весьма смелого по тогдашнему времени шага до сих пор с точностью не выяснены: высказываются даже предположения, что это было сделано просто с целью рекламы, чтобы обратить общее внимание на молодую территорию. Как бы то ни было, Уайоминг и впоследствии не отступил от раз усвоенного взгляда. В 1890 г. эта территория принята была в число полноправных штатов, и кон-

ституция ее, предоставляющая женщинам политические права, утверждена конгрессом без изменений. Точно так же полные избирательные права активные и пассивные предоставлены женщинам в штатах Айдаго (с 1896 г.), Юта (с 1870 г., в 1887 г. уничтожено Федеральным законом, но в 1895 г. при принятии Юта в штаты восстановлено), Колорадо (с 1893 г.). Женщины в этих штатах и на практике попадают в члены палат. В Колорадо и Айдаго женщины занимают пост министра народного просвещения. В Канзасе, где женщины имеют активное и пассивное право участия в коммунальных выборах, есть город, в котором все общинные чиновники, не выключая и самых высших, женщины. В Иллинойсе женщины привлекаются в суды присяжных по делам, в которых подсудимыми выступают дети. Само собою разумеется, что в штатах, где женщинам предоставлена полная политическая равноправность, они могут быть присяжными наравне с мужчинами.

В других штатах женщинам не удалось пока добиться соответственной реформы. Законы такого рода, если даже проходят чрез палаты, то отвергаются при всенародном голосовании. Точно так же не удалось осуществить этой реформы и с помощью федерального законодательства, хотя соответственная агитация уже давно ведется американскими женщинами. Дело в том, что подобный закон должен быть принят большинством двух третей в палате депутатов и в сенате и затем еще утвержден тремя четвертями парламента отдельных штатов.

Вопрос этот возник тотчас по окончании войны за независимость, в которой женщины принимали горячее участие. Жена президента республики Джона Адамса, Abigail Smith, обратилась к мужу с петицией о предоставлении женщинам политических прав. Но просьба эта осталась без последствий. В 40-х годах вопрос о правах женщин идет, как указано было выше, об руку с движением за освобождение негров. В непосредственной связи с этим движением возникли и первые женские союзы для борьбы за избирательное право. Поводом к усилению агитации послужило следующее обстоятельство: в 1840 г. на заседавший в Лондоне конгресс аболиционистов прибыло несколько американок; но конгресс отказался допустить в свою среду женщин. Это наглядно показало американкам, насколько необходима политическая равноправность для активного участия в общественной жизни. Вскоре в Америке образуется целый ряд Обществ в защиту женских прав

и устраиваются специальные съезды по этому поводу. Первый такой съезд собрался в 1848 г. в Seneca Falls (N. J.) по инициативе Lucretia Mott и Elizabeth Cady Stanton, не допущенных в свое время на лондонский конгресс. На этом съезде принята была Declaration of Sentiments и целый ряд резолюций, требовав уравнивания женщин в правах с мужчинами, в виду природного равенства всех людей и в виду того, что власть правительств должна покоиться на согласии всех управляемых.

С 1869 г. в конгресс начинают вноситься предложения о так называемом XVI добавлении к Федеральной конституции, в силу которого жеишины должны быть наделены политическими правами. Реформа однако не проходит, отчасти в виду крайней сложности требуемой для нее процедуры, охарактеризованной выше.

Особенно несправедливым представляется такое положение после 1870 г., когда прошло XV добавление к конституции, предоставляющее политические права неграм; после этого бесправными остались индейцы, жи-вущие в территориях, идиоты, сумасшедшие, преступники и женщины.

В 1876 г. женщины получили избирательное право в Чили. В Австралии женщины получили избирательные права без особой агитации с их стороны. Здесь эта реформа была проведена по инициативе мужчин. Главные борцы за женские права и здесь действовали во имя справедливости, вдохновляясь проповедью Милля. Эта проповедь не могла встретить в колонии, не имеющей вековых традиций, такого сопротивления, какое она встретила в метрополии.

Но не отвлеченные соображения решили дело. Масса депутатов в парламентах австралийских штатов руководилась иными, чисто практическими расчетами. Так, в Новой Зеландии билль о правах женщин прошел, и притом большинством всего двух голосов, благодаря поддержке, главным образом, партии борьбы со спиртными напитками, которая пользовалась сочувствием рабочей партии. То же самое имело место в Южной Австралии. В Западной Австралии билль был проведен консервативной партией землевладельцев, которые думали этим путем увеличить число своих сторонников в противовес новому элементу населения золотоискателям. Надежды эти впрочем, неоправдались: вопрос об австралийской федерации, против которой агитировала консервативная партия, прошел затем подавляющим большинством голосов, а на

первых выборах в федеральный парламент большой успех имели рабочая партия и партия свободной торговли. В Федеральном парламенте билль прошел очень гладко, в виду предшествовавшего опыта трех колоний. В настоящее время женщины имеют активное и пассивное избирательное право в Федеральном парламенте и в Южной Австралии; сверх того, им предоставлено активное право в Новой Зеландии, в Западной Австралии и в Новом Южном Уэльсе. Все эти реформы осуществлены за короткий промежуток времени: с 1893 г. (Новая Зеландия) по 1902 г. (Федеральный парламент и Новый Южный Уэльс). В Виктории и Квинслэнде женщины до сих пор пользуются только активным избирательным правом при общинных выборах, что представляет несомненную аномалию, так как они наделены полными политическими правами по отношению к Федеральному парламенту.

По отзывам компетентных лиц, результаты, которые успели до сих пор обнаружиться, сводятся к тому, что реформа эта, на первых порах по крайней мере, не внесла в политическую жизнь никаких особенных перемен. Женщины пользуются своим правом голоса довольно исправно, но выбираемы до сих пор там, где имеют и пассивное право, не были. Впрочем, кандидаты женского пола получали иногда довольно значительное число голосов.

Во всяком случае, не оправдались те зловещие пророчества, на которые так были щедры в этом случае, как, впрочем, и во всех подобных, противники реформы. Как уже указано, женщины своим правом фактически пользуются. Семейных раздоров из-за участия в выборах не замечается. Не произошло никакой революции в нравах, одежде и манерах. Нет и особого наплыва женщин в либеральные профессии, так как в Австралии вообще женский вопрос в экономическом отношении не стоит остро вследствие относительно небольшого количества женщин. На 1000 мужчин здесь приходится всего 852 женщины⁵².

Специально женского влияния на политику пока еще не обнаруживается. Женщины участвуют в тех же партиях, как и мужчины. Впрочем, австралийские женщины пока только учатся политике: до предоставления им прав они мало ею интересовались.

⁵² Кажется, единственным неудобством реформы является то, что в дни выборов австралийским гражданам приходится довольствоваться холодным обедом и ужином.

Сильная агитация в пользу предоставления женщинам политических прав ведется и в метрополии австралийских колоний, в Англии. Уже в 1832 г. в палату общин внесен был соответственный билль, но без успеха. Представил его некто Hunt от лица женщины Mary Smith of Stanmore; в билле указывалось на то, что эта дама, платя подати, не видит оснований, почему она лишена избирательного права. Билль начинался следующими характерными для того времени словами: «Я представляю ходатайство, которое, вероятно, послужит предметом насмешек со стороны некоторых почтенных джентлменов, но которое однако заслуживает полного внимания». Вопрос считался в то время настолько практически неосуществимым, что в 20-х и 30-х годах он обыкновенно в парламентских речах приводился, как пример реформы, логически довольно обоснованной, но совершенно невыполнимой.

Особенно оживился в Англии этот вопрос с 60-х гг. под влиянием авторитетного заступничества за женские права известного экономиста Дж.-Ст. Милля. В 1867 г. он внес в палату общин предложение предоставить женщинам политические права. Билль был отвергнут большинством 196 голосов против 83, но общественное внимание к вопросу, несомненно, увеличилось. В 1873 г. глава консервативной партии Дизраэли выразился следующим образом: «В стране, где женщина может быть правительницей, пэром, крупной землевладелицей, старшиной церкви и попечительницей о бедных, я не вижу, во имя какого принципа она лишена избирательных прав». Напротив, глава либеральной партии Гладстон высказывался против дарования женщинам политических прав, опасаясь, что это поведет к усилению консервативных элементов.

После неудачи, постигшей предложение Милля, некоторые женщины прибегали к иной тактике: они просто стали являться на выборы и требовать, чтобы их допустили к подаче голоса, ссылаясь на то, что новый закон о выборах нигде прямо не отнимает у женщин право голоса и что законы, говорящие только о мужчинах, в случае сомнения вообще распространяются и на женщин. Однако английскими судами подобное толкование закона было отвергнуто⁵³.

⁵³ Подобные дела и тем же исходом возбуждались в 60-х гг. в С. Америке и в 80-х гг. во Франции. См.: Ostrogorsk. La femme au point de vue droit public (1892 г.), с. 33 сл., 57 сл. Franck, с. 324.

С тех пор билль о правах женщины стал в Англии традиционным явлением. Этому способствовало возникновение в 1868 г. специального Общества, «National Society for Women's Suffrage». 3 февраля 1897 г. билль прошел большинством голосов; но дальнейшего движения он не получил. В марте 1904 г. билль получил большинство 182 голосов против 68. Парламентские партии не заняли определенного положения относительно этого вопроса. Основные принципы подобных биллей симпатичны либеральным партиям; но, с другой стороны, здесь действует опасение, как бы женщины своими голосами не усилили консерваторов. Поэтому за женщин иногда стоят лидеры консервативной партии (Бальфур, Сольсбри), расходясь с рядовыми членами партии, а против женщин видные деятели либеральной партии, расходясь со своими обычными приверженцами. Во всяком случае, и теперь, когда женщины не получили еще прав, их политические клубы своей агитацией оказывают большое влияние на исход парламентских выборов, так что с женщинами и теперь политическим деятелям приходится считаться⁵⁴.

На острове Мэне, который сохранил свою автономию, женщины-землевладелицы, у которых годовой доход с земли составляет не менее 4 фунтов, получили в 1880 г. избирательное право в Нижнюю палату. В 1892 г. плательщицы податей здесь вполне были уравнианы в избирательных правах с мужчинами.

В 1895 г. Бебель внес в германский рейхстаг предложение даровать женщинам избирательное право. В 1903 г. подобное же предложение было единогласно отвергнуто датским стортингом.

Во Франции республиканское правительство в общем не относится враждебно к женскому движению, но главным препятствием для разрешения в утвердительном смысле вопроса об избирательных правах женщин служило то обстоятельство, что до сих пор большинство женщин буржуазных и высших классов общества получает свое образование под руководством католического духовенства. В 1899-1900 гг. светских средних школ для девочек было всего 68, а в ведении монахинь находилось до 8000 женских школ. Есть поэтому полные основания думать, что клерикальное влияние на женщин еще очень велико. Да и самое жен-

⁵⁴ См. об этом: Ostrogorski. Lu democratie et l'organisation des partis politiques (1903 г.), Т. 1, с. 494 сл.

ское движение отчасти, может быть, под влиянием того же обстоятельства, развито во Франции пока еще не в больших размерах. Оно сосредоточено в Париже и на провинцию распространяется мало. Парижские женские союзы довольно малочисленны (самый большой насчитывает 400 членов). Петиции о предоставлении женщинам избирательных прав, которые вносились в палаты, никакого успеха до сих пор не имели. Французской женщине необходимо добиться еще улучшения своего положения по гражданским законам, и этот вопрос в современной Франции выступает с большей остротой, чем вопрос об избирательных правах. Нельзя не отметить, что среди современных женщин существует и организованное противодействие женскому движению, поскольку оно выражается в требовании политической равноправности с мужчинами. Так, в Сев. Америке в последние годы XIX столетия возникло два женских Общества противниц избирательного права, при чем бостонское Общество до 1900 г. насчитывало 9000 членов, а нью-йоркское 29.000. Женским петициям эти Общества противопоставляют свои контрпетиции. Аргументы выставляются ими обычные: делаются ссылки на семейные обязанности и на характер женщин; эксплуатируется против женщин и связь женского движения с социалистическим.

В 1894 г. в Массачусетсе сделана была попытка опросить всех женщин, имеющих право голоса при выборах в школьные советы, по вопросу об избирательных правах женщин. Результаты получились самые неблагоприятные: большинство женщин не приняло совсем участия в голосовании, а из подавших голос большая часть высказалась отрицательно⁵⁵.

В Англии существует также антифеминистское движение среди женщин. В 1889 г., например, в «*Nine-teenth Century Review*» появился женский манифест за подписями женщин из разных кругов общества, высказывавшийся в таком духе: «Каждый имеет свое назначение, говорилось здесь, делать из женщины существо, абсолютно равное с мужчинами, значит ее унижать. Так ли досто-

⁵⁵ Ostrogorski, ук. соч., т. II, с. 273 сл., ср. с. 450 сл., объясняет такое отношение современных американок к этому вопросу. Тем, что в американском обществе женщины окружены чрезвычайным вниманием и потому в массе настолько довольны своим социальным положением, что к вопросам политики и политических прав относятся равнодушно.

верно, что женщина может реформировать законы? А мы не думаем, что букет роз, употребляемый, как помело, хорошо выметет паркет. Но несомненно, что розы при этом изрядно выпачкают свои лепестки».

VI. Женское движение и социализм. Международная организация

Мне остается сказать несколько слов об отношении женского движения к социализму и о том международном характере, который оно приняло в самое последнее время.

Социалисты с самого начала сочувственно относились к женскому движению. Уже в 1808 г. Фурье в своей «Théorie des quatre mouvements» выставил тезис о необходимости женской свободы; он первый употребил и выражение «émancipation des femmes». Свой основной тезис Фурье формулирует следующим образом: «Социальный прогресс и смены периодов совершаются пропорционально прогрессу женщин к свободе, а падение социального строя совершается пропорционально уменьшению свободы женщин». Он выражает убеждение, что «женщина в состоянии свободы превзойдет мужчину во всех отправлениях ума и тела, которые не требуют физической силы». У сен-симонистов женщина также была выдвинута на видное место. 1 октября 1830 г. они обратились к палате депутатов с манифестом, требующим уравнивания женщин в правах с мужчиной. Сен-симонисты утверждали, что истинная мораль может образоваться только из сочетания мужской и женской мудрости, и проповедывали появление женщины-мессии, которая объяснит истинное положение женщины в человеческом обществе. В 1833 г. организована была особая экспедиция на Восток в поиски за такой женщиной. Кончилось все это развитием в сен-симонистских общинах культа свободной любви.

В последнее время социал-демократическая партия включает в свою программу требование предоставить женщинам политические права и обеспечить за ними хозяйственную независимость. В 1879 г. появилась первым изданием книга Бебеля «Die Frau und der Sozialismus», которая затем (до 1903 г.) выдержала 34 издания и переведена на многие языки. По мнению Бебеля, женский вопрос находится в теснейшей связи с общесоциальным; хозяйственная независимость женщины может быть обеспечена лишь в социалистическом обществе, где не будет вообще никакого социального гнета и неравенства. По вычислениям Бебеля, работать в этом обществе каждому придется не более как по 2,5 3 часа в день,

подготовка ко всем занятиям упростится благодаря прогрессу техники, а потому смена профессий не будет представлять особых затруднений. Воспитание детей социализируется, равным образом и ведение домашнего хозяйства станет излишним. Для родильниц будут устроены особые приюты, матери будут получать в случае нужды особое вознаграждение, освобождаясь от другой работы, брак станет совершенно частным договором, допускающим свободное расторжение с обеих сторон.

В 1891 г. Брюссельский *Congris international ouvrier socialiste*, где участвовали представители социалистических организаций всего мира, пригласил социалистов рабочих всех стран стоять за уравнивание женщин в правах с мужчинами. В октябре того же года Эрфуртский съезд социалистов помимо прежних требований об ограждении женского труда на фабриках выставил требование об отмене всех законов, которые ограничивают женщин сравнительно с мужчинами в области публичного и гражданского права и стесняют свободу слова и собраний, а также об уравнивании положения сельских рабочих и домашней прислуги с фабричными рабочими. В 1897 г. конгресс независимой рабочей партии в Англии объявил партию социалистической и включил в ее программу вопрос об избирательных правах женщин.

В конце XIX века женское движение получило организованный международный характер. В 1888 г. в Вашингтоне образовался *International Council of Women*, который объединил сперва 12 стран, а теперь объединяет уже 19. Этот «совет» состоит из председательниц «национальных советов», к которым примыкают не отдельные лица, но целые женские союзы, усвоившие себе известную программу. Количество всех женщин, примкнувших этим путем к организации, доходит до 1.000.000. Этот союз устраивает международные женские съезды каждые пять лет; сверх того, иногда женские конгрессы образуются независимо от союза, например, по случаю международных выставок. До сих пор женские международные конгрессы имели место в Париже (1889, 1896, 1900), в Чикаго (1893), в Берлине (1896, 1904), в Брюсселе (1898), в Лондоне (1899). Ближайший конгресс от «Международного совета» устраивается в Канаде в 1909 г. Берлинский конгресс 1904 г. включил в программу женских союзов «совета» вопрос об избирательных правах женщин. Тем же летом 1904 г. в Берлине образовался новый союз «*International Alliance for Woman Suffrage*».

VII. Женщина в России

Исторические судьбы русской женщины до последнего времени мало представляют отрадного. Только в начале XVIII века женщина извлекается из затворничества, на которое ее обрекали терема, с начала XVI века окончательно укрепившиеся в России. При этом об образовании женщины никто серьёзно не думал ни во время режима Домостроев и теремов, ни после его падения в связи с реформами Петра I. Только в царствовании Елизаветы⁵⁶ и в особенности Екатерины II мы встречаемся с первыми заботами правительства о женском образовании. Заводятся женские институты⁵⁷, в основу которых кладется стремление, по возможности, изолировать воспитанниц от жизни и ее прозаической стороны. Такое воспитание не могло содействовать выработке энергичных и практических деятельниц в области женского движения. И другие условия русской действительности не были благоприятны для женского движения в европейском смысле этого слова: в стране, где и мужское население доньше лишено элементарных политических прав и не пользуется свободой собраний и организаций, не могло развиваться и то организованное женское движение, с которым мы встречаемся за границей. Мы находим в современной России немало энергичных женщин, несмотря на бесчисленные затруднения пролагающих себе путь к знанию и свободе, но не встречаем здесь таких организаций, которыми так сильно женское, как и всякое движение за границей. А между тем только на почве организованных и сплоченных усилий возможен серьезный успех в общественных вопросах. И русские женщины поэтому, если хотят чего-нибудь достигнуть, должны организоваться и стараться выработать в себе свойства, необходимые для общественной деятельности⁵⁸. Пока этого не будет, можно говорить о женском вопросе в России, но едва ли можно говорить также и о женском движении в общепринятом смысле этого выражения.

⁵⁶ В 1754 г. издан указ о повивальных бабках и школах для них. Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России, т. I, с. 67.

⁵⁷ Смольный институт в 1764 г.

⁵⁸ Перечень существующих в России женских обществ, по преимуществу благотворительных, см. в книге Кечеджи-Шаповалова «Женское движение в России и за границей», 1902 г.

Под влиянием западно-европейского романтизма в нашу литературу конца XVIII и начала XIX века проник рыцарский культ женщины на подкладке сентиментального к ней отношения (Карамзин, Жуковский). Под влиянием Жорж Санд и сен-симонизма в 40-х и 50-х годах наша изящная литература начинает проповедывать идеи свободной любви, уничтожения двойной морали, а затем и полной равноправности женщин. Напомню произведения Искандера, Дружинина, Авдеева. Вполне определенных идеалов однако литература не выставляет: тургеневские женщины томятся именно вследствие отсутствия ясно наметившегося выхода из положения, неудовлетворительность которого уже вполне сознается. В 60-х годах стремление женщин к перемене своего положения иногда принимает уродливые формы, также благодаря отсутствию ясного представления о положительных задачах женского движения. «Эмансипация» выражается подчас в усвоении мужских манер и даже, по возможности, мужского костюма. Но были и более содержательные попытки найти практический выход из состояния глухой неудовлетворенности. Являются попытки достигнуть хозяйственной независимости и умственной свободы. Отражением этой стадии развития служит известный роман Чернышевского «Что делать?» К этому же времени относятся статьи по женскому вопросу наших выдающихся публицистов Михайлова, Шашкова и др.

Раньше 60-х годов женский вопрос и не мог серьезно быть поставлен в России. В стране, где процветало крепостное право, не было надлежащих условий для его правильной постановки. Трудно было мечтать о развитии уважения к женщине, как к личности, в стране, где масса крепостных женщин являлась безответным материалом для удовлетворения страстей своих господ. Нельзя было ожидать сильного стремления к независимому труду и заработку от женщин, принадлежащих к таким классам общества, где даже мужчины существовали на счет дарового труда крепостных. Вот почему стремления женщин дореформенного периода и получают несколько туманный, неясный характер. После реформы все движение получает более определенный характер.

Первые попытки русских женщин завоевать себе право на высшее образование совпадают как раз с началом так называемой «эпохи великих реформ». В 1859–1861 годах женщины временно были допущены к слушанию лекций в Петербургском универси-

тете и медико-хирургической академии. По поводу пересмотра университетского устава возбужден был даже общий вопрос о допущении женщин в университеты. Но в связи с разыгравшимися беспорядками в университетах все это дело получило неблагоприятное направление. Хотя все университеты, за исключением Московского и Дерптского, высказались в пользу женщин, но вопрос был решен отрицательно, и женщинам закрыт был доступ даже в открывшиеся для них свои двери учреждения Петербургский университет и медицинскую академию. Пришлось заботиться об открытии специальных женских курсов. В 1870 г. в Петербурге осваиваются так называемые Владимирские курсы, которые однако уже в 1873 г. вынуждены были прекратиться. В 1878 г. курсы возродились под именем Бестужевских. В 1867 г. Надежда Сулова получила в Цюрихском университете степень д-ра медицины, а в 1868 г. получила от медицинской академии в Петербурге свидетельство на право врачебной деятельности в России. В 1868 г. по особому разрешению Варвара Кашеварова-Руднева сдавала экзамен при медико-хирургической академии; однако к защите диссертации она допущена была только в 1876 г.

С 1872 по 1880 г. при медико-хирургической академии существовали женские врачебные курсы. Но и они были закрыты новым военным министром Ванновским. С 1869 г. в Москве открылись так называемые Лубянские курсы, а с 1872 по 1886 г. существовали здесь курсы проф. Герье. В последние годы была попытка организовать высшие женские курсы при Обществе учительниц и воспитательниц в Москве под именем коллективных уроков. Но и это предприятие не удалось. Коллективные уроки пришлось закрыть по требованию министерства внутренних дел. В настоящее время при Обществе воспитательниц и учительниц существуют педагогические курсы, в составе которых числятся около 1200 слушательниц. На смену коллективных уроков, которые преследовали цели общеобразовательного, а не чисто-педагогического характера, в Москве в 1900 г. вновь возникли высшие женские курсы, во главе которых стоит тот же проф. В. И. Герье. В конце 70-х и в начале 80-х годов женские курсы существовали в Киеве и Казани; делаемые теперь попытки к их возрождению пока успехом не увенчались. В 1896 г. в Петербурге возродилось высшее медицинское образование для женщин: возник женский медицинский институт, с 1904 г. получивший постоянный устав и

прочную организацию. В Петербурге же существует женский педагогический институт ведомства Императрицы Марии, недавно преобразованный из педагогических курсов, и еще ряд частных женских курсов. В Одессе существуют педагогические курсы с довольно элементарной программой.

Среднее образование женщин в России также особыми заботами правительства до сих пор не пользовалось⁵⁹. К 1 января 1899 г. всех средних женских школ насчитывалось 477 с 129.462 учащимися. Здесь существуют школы разных типов и разных ведомств. Первое место по численности занимают женские гимназии министерства народного просвещения. Учреждение этих гимназий в принципе санкционировано было Высочайшим повелением 5 марта 1856 г. на имя министра народного просвещения А. С. Норова. Здесь министру указывалось «приступить к соображениям об устройстве на первый раз в губернских городах женских школ, приближенных по курсу к гимназиям, по мере способов, которые к тому могут представиться». Первое положение об этих школах относится к 1858 г., (его сменило положение 1860 г., а затем действующее доныне положение 1870 г. К 1899 г. этих гимназий и прогимназий считалось 346; училось в них 94.078 человек. Содержатся они в значительной степени на средства Обществ и частных лиц. Далее следуют женские гимназии ведомства учреждений Императрицы Марии и институты того же ведомства. Возникновение открытых школ этого ведомства относится к 1858 г., когда в Петербурге открылись первые Мариинские училища для приходящих. К 1 января 1899 г. считалось 30 таких гимназий и 32 института с общим числом учащихся 20.246 чел. Наконец, имеются еще женские епархиальные училища, преобразованные в 1868 г. Их число к 1899 г. было 69, а училось в них 15.138 человек.

Программы всех этих школ уступают программам мужских гимназий; в особенности элементарными являются программы епархиальных и Мариинских школ. Хотя, таким образом, эти школы и между собою разнятся в высоте требований, но кончающим курс они дают одинаковые права, что равносильно, по спра-

⁵⁹ Большинство приводимых ниже цифровых данных любезно сообщено мне П. М. Шестаковым, которому я приношу за это глубокую благодарность.

ведливому замечанию г. Мижужева⁶⁰, поощрению школ наиболее элементарного типа.

Невысоко положение и низшего женского образования. К 1 января 1901 г. в России в начальных школах всех ведомств было 4.580.827 учащихся, из них 3 340.581 мужского пола и 1.231.217 женского; девочки составляли, таким образом, 27%. По данным 1900 г., в начальных училищах министерства народного просвещения обучалось 2.932.988 мальчиков и 749.702 девочки; девочки составляли 27% общего числа учащихся. В начальных школах духовного ведомства к 1 января 1903 г. обучалось 1.273.696 мальчиков и 509.187 девочек; девочки составляли 28% от всех учащихся. Совместное обучение допускается в виде исключения. Согласно ст. 7-й положения о начальных училищах 1874 г., «там, где не представляется возможности иметь отдельные мужские и женские училища, дети обоего пола могут обучаться в одном и том же училище, но с тем, чтобы в таких смешанных училищах девочки были не старше 12 лет. Воскресные школы учреждаются исключительно для учащихся одного пола». В ответ на ходатайство воронежского земства в 1903 г. министерство разрешило совместное обучение обоих полов в воскресных школах, но с тем, чтобы мужчины не сидели рядом с женщинами.

По данным земско-статистических исследований, приводимым г. Мижужевым⁶¹, в 114 уездах 20 земских губерний, с населением почти в 17 милл. душ, грамотность женщин более чем в 5 раз уступает грамотности мужчин. По данным переписи 1397 г., грамотность для русской части населения империи, в среднем, определяется в 30% для мужчин и 9,3% для женщин. Получили высшее и среднее образование 1,47% мужчин и 0,96% женщин.

Преподавание находится преимущественно в мужских руках. В начальных школах министерства народного просвещения в 1900 г. преподавали (не считая законоучителей) 32.788 учителей и 27.175 учительниц; таким образом, учительницы составляли 45%. Сравнительно с 1898 г. число учительниц увеличилось на 3%. По образованию учительницы стоят выше учителей: среди учительниц лица, не имеющие учительских свидетельств, составляют 1,3%, а среди

⁶⁰ «Образование». 1904 г., № 12, с. 20.

⁶¹ «Образование». 1904 г., № 12, с. 17.

учителей таковых 7,5%. В начальных школах духовного ведомства к 1903 г. преподавателей (не считая лиц, преподающих Закон Божий) было 49.820; из них 17.753, т.е. 36%, было учительниц.

Права женщин относительно государственной службы невелики. Общая статья об этом содержится в Св. Зак., т. III, Уст. о сл. гр., ст. 157. Здесь перечисляются, главным образом, те учреждения, в которых женщины допускаются к занятиям «по письменной и счетной части». В 1904 г. последовало два узаконения, которыми значительно расширены служебные права женщин. А именно, женщины получили право занимать с зачислением в государственную службу должности по почтово-телеграфному ведомству; за слушательницами же, окончившими курс в медицинском институте, закреплено право получать дипломы на звание лекаря со всеми предоставляемыми сим званием служебными правами, кроме прав по чиновпроизводству. Главной деятельностью русской интеллигентной женщины остается учебно-воспитательное дело. Но и здесь учительницы не уравниены в правах с учителями, хотя права и последних далеко не велики. Судебная и адвокатская деятельность женщинам закрыта: особым законом 1876 г. разъяснено, что женщины даже в качестве частных поверенных не могут вести судебных дел. Не допускаются женщины и к нотариату. Не существует в России также института фабричных инспектрис.

В последнее время начало развиваться профессиональное техническое образование женщин, и в связи с этим возникают женские аптеки, женские типографии, расширяется применение женского труда в конторах и промышленных заведениях. Что касается труда женщин на фабриках, то и в этом отношении Россия отстала от передовых стран. У нас уже не мало женщин-работниц. Именно, в конце 1902 г., по данным отчетов фабричных инспекторов из общего числа рабочих, которое равнялось 1.691.986. женщин было 479.414, т.-е. около 28%. Притом процент женского труда постоянно увеличивается. И тем не менее интересы рабочих женщин ограждены фабричным законодательством далеко не достаточно, хотя развитие фабричного законодательства в отношении ограждения жизни и здоровья рабочих началось у нас именно с законом о труде женщин и детей. 1 июня 1882 г. издан был закон о работе малолетних, 12 июня 1886 г. о школьном обучении малолетних, а 3 июня 1886 г. о ночной работе подростков и женщин. Сперва эти законы имели временный характер; окончатель-

но утверждены они 24 апреля 1890 г. Содержание законов о женском фабричном труде весьма несложно. Оно сводится к тому, что работа подростков (от 15 до 17 лет) и женщин в отношении ее продолжительности подчиняется общим правилам, т.е. узаконен 11 S часовой день и ночная работа не свыше 10 час. в сутки. Но ночная работа женщин воспрещена во всех производствах по обработке волокнистых веществ и в производстве фосфорных спичек. На горных заводах воспрещена ночная работа женщин, а внутри рудников всякая вообще женская работа. Весьма существенным недостатком нашего законодательства является то, что не принято никаких мер в ограждении труда беременных женщин и находящихся в послеродовом периоде.

Перехожу к вопросу об юридическом положении русской женщины. Бросим сперва взгляд на гражданские ее права.

У нас не существует пожизненной опеки над женщинами. Взрослая женщина вполне дееспособна, т.е. все гражданские акты может совершать самостоятельно. Женщина может быть опекуном даже над посторонними ей лицами. По смерти мужа она вступает во всю полноту родительской власти над детьми. Она может быть свидетельницей при совершении гражданских актов, за исключением губерний Черниговской и Полтавской, где женщины не могут быть свидетельницами при завещаниях (Гр. зак., ст. 1055). Совершеннолетие для женщин наступает в тот же срок, как и для мужчин, т.е. в 21 год. Только для брачного совершеннолетия делается различие между полами: для женщин оно наступает в 16 лет, тогда как для мужчин требуется 18 лет (Гр. зак., ст. 3). Выходя замуж, женщина получает приданое, которого, впрочем, родители не обязаны устанавливать. Но приданое только в Полтавской и Черниговской губ. поступает в управление мужа (Гр. зак., ст. III, 1001). Вообще же наш закон признает полную раздельность супружеского имущества и этим выгодно отличается от многих западных законодательств. Поэтому и приданое находится в управлении жены, ничем но отличаясь от остального ее имущества (ст. 109, 110, 114, 115, 116, 117, 978). Супруги не отвечают и за долги друг друга. На случай несостоятельности одного из супругов закон содержит особые меры. Дары, сделанные между супругами не раньше как за 10 лет до конкурса, могут быть поворочены обратно. Относительно же возмездных приобретений требуется до-

казательство, что они сделаны не на имущество, полученное от несостоятельного супруга (Уст. суд. торг., ст. 553-558).

Замужние женщины не могут без согласия мужа вступать в договор личного найма, но не могут и быть отдаваемы в наем без своего на то согласия (Гр. зак., ст. 2002 и 2003). Замужние женщины и неотделенные девицы не могут выдавать векселей без позволения мужей или родителей, если не ведут от своего имени торговли (Уст. векс., ст. 3). Купеческие и промысловые свидетельства выдаются лицам обо-его пола (Св. Зак., т.V. Уст. прям. нал. ст. 235, 237, 280, 297).

Во главе семьи по нашему праву стоит муж. Закон обязывает жену ему повиноваться, а мужу предписывает любить жену и притом как «собственное свое тело» (Гр. зак., ст. 106 и 107). Власть мужа поставлена выше власти родителей (ст. 179). Поэтому жена безусловно обязана разделять местожительство мужа (ст. 103). Не так давно перестали практиковать привод жены к мужу по этапу. Теперь практическое значение этого закона состоит, главным образом, в том, что жена, оставившая мужа не по его вине, не может по суду требовать содержания от мужа.

Развод у нас значительно затруднен сравнительно с протестантскими странами. Наш закон (Гр. зак., ст. 45) признает следующие поводы к разводу: 1) нарушение супружеской верности одним из супругов; 2) неспособность к брачному сожителству; 3) лишение по суду всех прав состояния; 4) безвестное отсутствие одного из супругов в течение не менее пяти лет; 5) поступление обоих бездетных супругов в монашество (Зак. сост., ст. 413). По новому закону 28 мая 1904 года прелюбодеяние, давшее повод к расторжению брака, больше не обрекает виновную сторону на безбрачие; по отбытии церковной эпитимии в течение семи лет виновный снова может вступить в брак. В законе нашем отсутствует даже такой повод к разводу, как жестокое обращение одного из супругов с другим. Лишь отчасти этот недостаток закона восполняется установившейся в последние годы практикой административных властей выдавать женам отдельные виды на жительство; такой отдельный вид до известной степени ограждает женщину, но развода он, конечно, не заменяет.

Чрезвычайно слабым и несправедливым отделом нашего законодательства является закон о наследовании. Казалось бы, что если в этой области и должны существовать какие-либо различия между полами, то разве только в пользу женщин, так как им не в

такой степени, как мужчинам, открыты пути к самостоятельному заработку и они больше мужчин поэтому нуждаются в получаемом по наследству имуществе. Но в наших законах, отражающих в себе все черты давно на деле отжившего родового быта, мы находим совершенно обратные принципы: права женщин на наследование ограничены сравнительно с правами мужчин. В нисходящей линии дочери при наличии сыновей получают лишь указную долю в размере $1/14$ недвижимого имущества и $1/7$ движимого; если сыновей не осталось, то дочери делят наследство поровну (Гр.зак. ст. 1128, 1130-1132). В боковых линиях права женщин еще меньше; здесь у нас применяется принцип: сестра при брате не наследница (ст. 1135, 1137); поэтому сестры умершего участвуют в наследстве лишь в том случае, если не осталось братьев. Переживший супруг имеет право на выдел ему $1/4$ из движимого имущества умершего и $1/7$ из недвижимого (ст. 1148). Если после мужа осталось только движимое имущество, то вдова может требовать, чтобы из имущества, находящегося еще в живых свекра, ей была выдана вдовья доля, пропорционально той части недвижимого имущества свекра, которая досталась бы ее мужу при наследовании по закону. Из движимого имущества свекра такой выдел делается уже по его смерти (ст. 1151, 1154).

Несправедливость законов о наследовании может быть, конечно, исправляема завещаниями; не следует забывать однако, что завещания допускаются у нас только относительно имущества приобретенных, но не родовых. Сверх того, далеко не все оставляют завещания. Наконец, завещатель может оказаться еще менее справедливым, чем закон. Поэтому во многих законодательствах принимаются даже меры для ограждения наследников от произвола завещателя. Для охраны интересов женщин при наследовании необходима, таким образом, полная реформа соответствующих законов.

Права состояния замужней женщины определяются у нас состоянием мужа (Гр. зак., ст. 100. Зак. сост., ст. 42, 51, 402, 537, 568); впрочем, женщина высшего сословия, выходя замуж за лицо низшего, сохраняет свои сословные права, не передавая их однако мужу и детям (Гр. зак., ст. 100. Зак. сост., ст. 3). Выходя замуж за иностранного подданного, женщина утрачивает русское подданство (Гр. зак. ст. 102), но по прекращении брака может вернуться в русское подданство (Зак. сост., ст. 853). Иностранка, вступающая

в брак с русским подданным, становится русской подданной и не утрачивает подданства при вдовстве или разводе (Зак. сост., ст. 855). Замужние иностранки не допускаются к принятию русского подданства отдельно от своих мужей (Зак. сост., ст. 840; ср. ст. 820).

Нам остается сказать несколько слов о публичных правах русских женщин. Этими правами и мужчины наделены у нас весьма скудно; но женщины их имеют еще меньше. Женщины, обладающие имущественным цензом, могут передавать связанный с этим голос при выборах земских, городских и дворянских своему мужу или родственнику. Дворянки-землевладелицы могут передавать свой голос в дворянских собраниях и посторонним лицам, если не имеют родственников или последние по законным причинам не могут участвовать в дворянских собраниях. Они могут давать доверенности и для участия в других постановлениях дворянских собраний, помимо выборов (см. Зак. сост., ст. 125, 136. Пол. о земск. учр., ст. 18, 20, 21. Город. Пол., ст. 2528). В некоторых сельских общинах женщины получают душевой надел. Как представительницы домохозяйств, они участвуют в сельских сходах.

В последние годы некоторые земства начали возбуждать вопрос о предоставлении женщинам непосредственного права участия в земских выборах.

Наш краткий очерк закончен. Если сравнить положение русских женщин с их западными сестрами, то едва ли можно отрицать, что почти во всех отношениях русские женщины отстали, в особенности в сравнении со странами англо-саксонской культуры. Не говоря уже о политических правах, они обделены в семейных и наследственных правах, не имеют доступа к высшему образованию, равносильному с мужским, лишены доступа к огромному большинству либеральных профессий, недостаточно обеспечены в удовлетворении своего стремления к среднему и низшему образованию, недостаточно ограждены в условиях фабричного труда. Сделать остается очень много. Только дружными усилиями обоих полов можно достигнуть лучшего будущего. Но прежде всего должны пробудиться сами женщины, масса которых до сих пор относится довольно равнодушно к женскому движению. Единичные усилия некоторых только особенно выдающихся женщин вопроса не разрешат: необходимо идти тем же путем, которым идут женщины на Западе, путем организованной общественной работы.

П. Мижув
ЖЕНСКИЙ ВОПРОС И ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ *

I

Причины подчиненного положения женщин

Как хорошо всем известно, во всех странах существует более или менее значительная разница в отношении доступа к образованию, в отношении сферы деятельности, гражданских и политических прав мужчин и женщин¹. Значительная часть женщин и некоторая часть мужчин находят это несправедливым и несогласным с истинными интересами человечества и, так или иначе, стремятся к возможному устранению неравенства в положении лиц разного пола. Вот причина возникновения так называемых женского вопроса и женского движения.

Прежде чем описывать, однако, состояние женского вопроса и женского движения в разных странах современного мира, мы считаем необходимым сказать несколько слов по поводу происхождения наблюдаемого повсеместно неравенства в положении мужчин и женщин. Такая попытка объяснить происхождение подчиненного положения женщин нам кажется тем более уместной, что от того или иного объяснения указываемого нами явления зависит и наше представление о том, каким образом и в каких пределах может быть достигнуто уравнение в положении обеих полов человеческого рода в более или менее близком будущем.

Причины неравенства в положении полов частью лежат в самой природе человека, частью носят исторический характер, т.е.

* Печатается по: Мижув П. Женский вопрос и женское движение / Образование. 1904. №12.

¹ Литература женского вопроса очень обширна. Мы назовем лишь более новые из книг, которыми мы пользовались для составления настоящего очерка. Лили Браун. Женский вопрос. 1902, Стетсон. Женщина и экономическое значение. 1902. Б. Брандт. Современная женщина 1896. Н. Lange, G. Baumer etc. Handbuch der Frauenbewegung 1901—1903. 4 тома International Congress of Women in London. 1897. (7 томов). Н. Blackburn Women s Suffrage, 1902. Clara Collet. Educoted working women. 1902 Pierstorf Franenarbeit und Frauenfrage. 1900 и т.д.

представляют одно из таких проявлений человеческой жизни, которые не коренятся в природе человека и потому могут изменяться сравнительно скоро и в сравнительно весьма широких пределах.

Мы говорим «сравнительно», так как вполне разделяем установившийся в науке взгляд, согласно которому и самая природа человека, не исключая и чисто физических его свойств, не представляет собой чего-либо неизменного, хотя всякие изменения этого рода требуют сотен, или, может быть, даже сотен тысяч поколений.

Итак, каковы же физические или, вернее, антропологические основы неравенства в положении лиц разного пола. Ответим на это словами величайшего естествоиспытателя новейших времен Чарльза Дарвина².

«У человека различия между полами сильнее, чем у большинства четвероногих, но не настолько велики, как у некоторых видов последних, например, у мандрилы. Мужчина вообще значительно больше ростом, тяжелее и сильнее женщины, отличается более широкими плечами и более развитыми мышцами... Мужчина храбрее, воинственнее и энергичнее женщины и обладает более изобретательным умом (a more inventive genius). Его мозг абсолютно больше, но больше ли он относительно, т.е. соразмерно большей величине тела мужчины, в этом не могли еще окончательно убедиться»³...

По поводу различия в умственных способностях между обоими полами Дарвин выражается так. «Относительно различий этого рода между мужчиной и женщиной, половой подбор играл, вероятно, весьма важную роль. Я знаю, некоторые писатели сомневаются в существовании такого врожденного различия между по-

² Мы надеемся, что читатели простят нам эту несколько длинную цитату из сочинения Дарвина «Происхождение человека и половой подбор». В приводимых же словах Дарвина мы находим чрезвычайно ясный и глубокий ответ не только на поставленный нами вопрос, но и на вопрос о том, каким образом и в каких пределах может быть постигнуто уравнение положения мужчин и женщин.

³ В настоящее время более или менее выяснено, что мозг у женщин относительно даже больше, чем у мужчин, но в то же время размеру мозга антропологи не придают более такого серьезного значения, в смысле показателя умственных дарований, как это думали раньше. См.: Havelock Ellis *Man und Woman*. 1894, стр. 113.

лами, но оно по меньшей мере вероятно на основании аналогии с низшими животными, представляющими другие вторичные половые особенности⁴. Никто не станет оспаривать, что бык отличается по своему нраву от коровы, кабан от дикой свиньи, жеребец от кобылы... Женщина, по-видимому, отличается от мужчины по своим наклонностям, преимущественно по большей нежности и меньшему эгоизму»...

«Мужчина... находит удовольствие в соревновании, которое ведет к честолюбию, а последнее, в свою очередь, легко переходит в эгоизм... Главное различие в умственных способностях обоих полов проявляется в том, что мужчина во всем, за что борется, достигает совершенства, недостижимого для женщин. Это проявляется как в области глубокой мысли, разума или воображения, так и в видах, требующих простого употребления органов чувств и рук. Если составить две таблицы из мужчин и женщин, наиболее замечательных в поэзии, живописи, скульптуре, музыке как относительно композиции, так и исполнения, — в истории, науках и философии, поставив с полдюжины имен под каждым предметом, то обе таблицы не выдержат, конечно, сравнения. Мы можем также заключить, на основании закона уклонений от среднего уровня, столь превосходно изложенного м-ром Гильтоном (Hereditary Genius), что так как мужчины обладают положительным превосходством над женщинами во многих отношениях, то и средний уровень способностей у мужчин должен быть выше, чем у женщин».

«Получеловеческие мужские прародители человека и мужчины среди диких племен боролись между собой в течение многих поколений из-за обладания женщинами. Но одной физической силы и роста было бы недостаточно для победы, если бы эти качества не были бы соединены с храбростью, настойчивостью и энергией. У общественных животных молодые самцы должны пройти много испытаний, прежде чем добудут себе самку... Переходя от животных к человеку, мы видим, что мужчине приходится защищать своих жен и детей от неприятелей и охотиться для общего пропитания. Но для всего этого... необходима помощь высших умственных способностей, именно наблюдательности, рассудка, изобретатель-

⁴ Как известно, вторичными половыми признаками или особенностями называются такие различия между полами, которые не имеют прямого отношения к акту деторождения.

ности и воображения. Таким образом эти разнообразные способности должны были находиться (у мужчин) в постоянной деятельности и подвергаться подбору в зрелые годы; кроме того, они должны были усиливаться, вследствие упражнения в тот же период жизни. Следовательно, на основании часто упоминаемого нами закона⁵, должны ожидать, что эти способности будут по крайней мере стремиться переходить преимущественно к мужским потомкам в соответствующий период возмужалости»...

«Итак», резюмирует свое изложение Ч. Дарвин, «для того, чтобы женщина достигла одного уровня с мужчиной, ей следовало бы приблизительно в зрелом возрасте развивать в себе энергию и настойчивость и упражнять до высшей степени разум и воображение; в таком случае она, вероятно, передала бы эти качества преимущественно взрослым дочерям. Но вся масса женщин могла бы, конечно, подняться в своем умственном уровне только в том случае, если бы в течение многих поколений, женщины, отличавшиеся такими достоинствами, вступали в брак чаще и производили большее число потомков, чем другие женщины. Но, как уже было замечено выше относительно физической силы, хотя между мужчинами не происходит теперь (физической) борьбы из-за обладания женами, и эта форма (полового) подбора отжила свое время, они, тем не менее, должны выдерживать в зрелые годы ожесточенную борьбу для поддержания себя и своих семейств. Это же обстоятельство должно вести к поддержанию и развитию их умственных способностей и, как неминуемое следствие, к сохранению настоящего неравенства между полами»⁶.

Таковы физические или, вернее, антропологические причины неравенства полов, по мнению великого английского натуралиста.

Если признать факты и соображения, приводимые Дарвином, вполне основательными, — а возражать на них было бы весьма трудно, — то, хотя они и подрывают надежды крайних оптимистов, ожидающих быстрого уравнивания полов во всех отношениях,

⁵ Вот закон, о котором здесь говорит Ч. Дарвин... «Признаки часто или даже постоянно обнаруживают наклонность развиваться в том поле и в те же возрасты, в которые они первоначально появились у родителей» («Происхождение человека», глава УШ).

⁶ Ч. Дарвин. Происхождение человека и половой подбор. (The Descent of Man and selection in relation to sex), глава XIX.

с устранением юридических и иных препятствий, стесняющих женское образование и общественную деятельность женщин, те же факты и соображения являются еще более сильным аргументом против сторонников разного рода ограничений, создающих подчиненное положение женщины. В самом деле, согласно приведенным воззрениям Дарвина, единственный способ поднять женщину в умственном и нравственном отношениях заключается именно в предоставлении ей всех способов развития ее умственных и всех иных качеств не только путем образования и воспитания в юные годы, но и путем последующего широкого участия в разрешении всех, не исключая в том числе и самых трудных (социальных и политических) вопросов жизни.

Наконец, с той же точки зрения, мужчины могут оказать содействие такому прогрессу женщины, отдавая преимущество при выборе себе подруги жизни женщинам, обладающим в наиболее сильной степени теми самыми качествами (ум, энергия, смелость), которые, благодаря естественному и половому подбору, получили преимущественное развитие и мужчин.

Итак, по-видимому, можно считать доказанным, что, *вообще говоря*, женщины уступают мужчинам не только в отношении физической силы, но и в отношении умственных дарований, что, конечно, нисколько не противоречит факту существования среди женщин отдельных высокоодаренных и даже гениальных личностей, и что, равным образом, нисколько не оправдывает существующих ограничений прав женщины во многих отношениях.

Указываемое нами обстоятельство а именно тот факт, что мужчина, вообще говоря, имеет на своей стороне физическую и умственную силу служит, как нам кажется, достаточным объяснением (но, конечно, не оправданием) общеизвестного исторического явления подчиненного положения женщин во все времена и у всех народов. В этом нельзя не видеть лишь частного проявления господствовавшего до последнего времени права сильного, как это прекрасно выражено Дж. Стюартом Миллем в его известном сочинении «О подчинении женщины».

Имея физическую возможность держать женщину в подчинении, мужчина не мог, конечно, останавливаться из-за каких-либо нравственных побуждений, так как этому препятствовало жалкое умственное и нравственное развитие самого мужчины. Однако, во все те периоды всемирной истории или истории отдельных пе-

риодов, когда, в силу тех или иных обстоятельств происходил подъем общественного духа, и когда общество увлекалось какими-нибудь высокими социальными идеалами, положение женщин значительно изменялось к лучшему, и им удавалось иногда достичь даже некоторых прочных результатов. Так было в Западной Европе в эпоху реформации и в особенности в эпоху великой французской революции⁷, так было в Америке в достопамятную эпоху борьбы за независимость (см. русский перевод известной книги *Эллет* «Женщины во время американской революции») и во время великого аболиционистского движения, т.е. движения к уничтожению рабства негров в Америке.

Демократизация политического строя главных государств современного культурного мира, совершившаяся в течение XIX века и знаменующая собой, в известном смысле, торжество идей справедливости под традиционным доминированием в государстве более или менее значительных групп лиц разных категорий, эта демократизация сопровождалась почти повсеместно весьма значительными переменами в фактическом положении и в самых правах женщин, при чем, в исключительных случаях, эти перемены превзошли даже мечтания утопистов прежних веков (мы разумеем предоставление женщинам политических прав в некоторых штатах Американской Республики и в нескольких австралийских колониях Англии, равно как и в самой Австралийской Федерации).

Итак, резюмируя предшествующее изложение, мы, по-видимому, можем утверждать, что исторические причины подчинения женщины заключаются в преобладающем до сих пор праве сильного. Мы видели, что мужчины унаследовали от своих диких прародителей некоторые физические и умственные преимущества над женщинами. Они воспользовались этими преимуществами для парабощения женщин, порабощения, которое с течением времени перешло в более или менее значительное подчинение и лишь в наши дни сменяется постепенным уравниванием прав мужчин и женщин.

⁷ Code Civil, явившийся одним из результатов революционного движения во Франции, радикально изменил юридическое положение французской женщины. См. P. Gide. Etude sur la condition privée de la femme. (В прошлом году переведена на русский язык под названием «Гражданское положение женщины с древнейших времен»).

Иначе сказать, историческая причина подчинения женщин заключается в низком нравственном развитии человечества, вследствие чего одна его часть, более сильная поработила себе другую. Эта сторона изучаемого нами явления выдвинута на первый план в известном сочинении Дж. Стюарта Милля⁸, который, в качестве философа старой школы, более или менее игнорировал физическую или, вернее, антропологическую основу социальных явлений. Сочинение Милля вышло в 1869 г. и произвело огромное впечатление, во-первых, на англо-саксонский мир, а затем и на все культурное человечество (сочинение Милля было переведено на все главные европейские языки; на русском языке существуют три перевода этого сочинения; один из переводов вышел с предисловием Н.К. Михайловского).

Как мы сказали, Милль рассматривал женский вопрос преимущественно с точки зрения философа-моралиста, и есть полное основание думать, что именно Милль Дарвин имел в виду, когда писал в знаменитом своем трактате «The Descent of Man», вышедшем в 1871 г., приведенные нами слова: «Я знаю, что некоторые писатели сомневаются в существовании врожденных различий между полами».

II

Происхождение женского движения и первые его проявления в Западной Европе и в Америке

На предшествующих страницах мы указали вкратце причины существующего неравенства в положении лиц разного пола. Теперь нам предстоит выяснить причины возникновения и развития так называемого женского движения, имеющего, как известно, своей целью возможное уравнивание прав мужчин и женщин в отношении доступа к образованию и к разным профессиям и занятиям, в отношении гражданских, а в некоторых странах и политических прав.

Причины женского движения, как всякого вообще крупного общественного явления, крайне сложны и разнообразны, но мы едва ли ошибемся, если скажем, что важнейшей из этих причин

⁸ «The Subjection of women». На русский язык переведен под названием «О подчинении женщины».

следует считать великую революцию, совершившуюся в экономической жизни новейших народов.

Как всем хорошо известно, период замкнутого⁹ семейного или натурального хозяйства, господствовавшего в средние века, сменился периодом городского хозяйства, характеризующегося прямыми сношениями производителей и потребителей или иначе, непосредственным обменом.

Затем настал период национального или денежного хозяйства, когда производители, утратив прямую связь с потребителями, стали выпускать на рынок *товар*, который нередко только после ряда денежных сделок доходил, наконец, до потребителей¹⁰.

Великий переворот в экономическом укладе культурных обществ, характеризованный нами со стороны условий обмена, отличается также от предшествующих режимов концентрацией производства на фабриках и заводах и разложением домашних промыслов. Это последнее обстоятельство освободило массу женских рук, находивших ранее занятие в изготовлении продуктов, потребляемых патриархальной семьей.

Само собой разумеется, указываемый нами переворот коснулся главным образом женщин низших классов, которые поэтому составили готовый контингент дешевых работниц для быстро нарождавшихся фабрик.

Однако тот же переворот коснулся с течением времени и женщин среднего класса, трудоспособность которых оказалась также без приложения при изменившихся условиях производства, обесценивших продукты разных женских изящных и иных домашних рукоделий. Прибавьте к этому увеличившуюся для средних классов дороговизну жизни, последовавшую за падением крепостного права, т.е. за лишением привилегированных классов массы дарового труда, стремление мужчин все более и более отдалять период вступления в брак, стремление, объясняемое отчасти той же дороговизной жизни и усилением потребностей; вспомните, на-

⁹ См. об этом превосходное сочинение берлинского профессора К. Bucher'a. «Die Entstehung der Volkswirtschaft».

¹⁰ Мы вполне сознаем, что представленная нами историко-экономическая перспектива слишком проста и схематична, но недостаток места не позволяет нам развивать более подробно высказываемые нами мысли, составляющие не более, как введение к последующему изложению.

конец, параллельную метаморфозу в политическом строе общества, которое, правда, освободило во многих случаях личность от излишней опеки главы семьи, но за то ослабило у самого главы семьи чувство ответственности за благосостояние всей совокупности членов семьи, особенно незамужних и вдовых женщин.

Если принять все это в соображение, то станет понятным и возникновение так называемого женского движения, которое наблюдается в большей или меньшей мере во всех культурных странах современного мира.

Таковы основные, наиболее существенные причины возникновения женского движения, первые проявления которого относятся к концу XVIII века.

На последующих страницах мы попытаемся в немногих словах ознакомить читателей с этими первыми проявлениями женского движения во Франции, Англии и Америке, останавливаясь на этих странах, так как там это движение началось раньше и достигло в общем наибольших успехов (последнее справедливо в особенности относительно Англии и Америки). Размеры настоящей статьи не позволяют нам дать такие же исторические справки относительно других стран современного культурного мира¹¹.

Как уже было сказано выше, первым серьезным проявлением так называемого женского движения в Европе была агитация в пользу расширения женских прав во время великой французской революции. Воодушевленные примером деятельности американских женщин в достопамятную эпоху борьбы за независимость, французские женщины не оставались пассивными зрительницами великих событий, происходивших вокруг них, но, напротив, принимали в них самое деятельное участие. По примеру «Декларации прав человека» была составлена «Декларация прав женщины», при чем автором этой последней была одна из крайних деятельниц того времени, Олимпия де Гуж. Женщины стали появляться в мужских политических клубах, а затем основали даже свои собственные политические клубы («Societe des femmes republicaines», «Amies de la Constitution» и т.п.).

¹¹ Такого рода справки можно найти в только что закончившемся труде Helene Lange и Gertrud Baumer «Handbuch der Frauenbewegung». Berlin 1900-1903, 4 тома (в составлении этой своеобразной женской энциклопедии участвовало множество лиц из разных стран Европы и Америки).

Это было уже в самый разгар революционного движения, но первые более умеренные выражения настроения женщин сказались при самом начале общественного движения, закончившегося революцией.

В самом деле, в 1789 г. королю была представлена так называемая «Петиция женщин третьего сословия», в которой было изображено в весьма мрачных красках положение работниц, и убедительно доказывалась необходимость сделать что-нибудь для улучшения их быта. В другой петиции, поданной вскоре после первой, были выражены неудовольствия женщин буржуазии, которые требовали расширения своих гражданских прав и даже допущения к участию в выборах в Генеральные Штаты. Однако общество, не исключая даже более более прогрессивных его элементов, было слишком мало подготовлено предшествующей жизнью для того, чтобы сколько-нибудь серьезно отнестись к вопросу о политических правах женщин.

Из крупных общественных деятелей революционной эпохи наиболее благосклонно относился ко всему женскому движению знаменитый математик и философ Кондорсе. Вот что он писал по поводу женских прав в одном из своих произведений (*Sur L'admission des femmes au droit de cite*).

«Во имя какого принципа, во имя какого права в республиканском государстве устраняют женщин от общественных должностей? Я не знаю такого права. Народное представительство означает представительство всего народа. Но разве женщины не составляют часть народа? Даже главное возражение, повторяемое всеми и состоящее в указании на то, что открыть женщинам политическую деятельность, значит оторвать их от семьи, даже этот аргумент только на первый взгляд кажется существенным. В самом деле, этот аргумент не применим к тем многочисленным женщинам, которые не замужем или почему-либо не имеют семьи. Если бы однако указанный выше аргумент был признан решающим, то на том же основании женщинам следовало бы запретить всякую промышленную (Кондорсе, вероятно, имеет в виду здесь работниц) и торговую деятельность, так как это также отрывает женщин от семьи»¹².

¹² Мы весьма сожалеем, что могли позволить себе только небольшую цитату из этой замечательной апологии женских прав.

Во времена Наполеона, и тем более в эпоху Реставрации, не могло быть, конечно, и речи о каких-либо успехах женского движения во Франции. Однако уже около половины только что истекшего века снова возник вопрос о так называемой в то время женской эмансипации, причем в области изящной литературы на эту тему писали свои романы Жорж Санд (Georges Sand), в публицистической форме Легувэ (Histoire morale des femmes) и Лабулэ (Recherches sur la condition civile et politique des femmes depuis les Romains jusqu'a nos jours).

В кратковременный период второй республики женское движение обострилось, появились даже журналы для пропаганды идеи женской эмансипации, но наступившая вскоре реакция и захват власти Наполеоном III прекратил надолго мечты об уравнении прав обоих полов. Впрочем, и период второй империи прошел далеко не бесплодно для женского движения: в это время было положено начало разным женским «курсам», из которых впоследствии были организованы женские гимназии: до тех пор женщины достаточных классов во Франции воспитывались почти исключительно в монастырях, а женщины низших классов оставались часто без всякого образования.

С ходом женского движения в эпоху нынешней (третьей) республики мы ознакомимся ниже, при характеристике современного положения женщин во Франции.

В Англии первые голоса в пользу устранения наиболее резких неравенств в положении разных полов раздались в бурный в английской истории XVII век, когда защитником женских прав выступил в одном из своих¹³ памфлетов (этот памфлет был переведен около десяти лет тому назад в «Русской Мысли») знаменитый автор «Робинзона Крузо», Даниэль Дефоз.

Впрочем, Дефоз не ожидал, конечно, чтобы его современники усвоили себе его взгляды. «Я оставляю осуществление этих взглядов», писал Дефоз, «тем счастливым дням, — если вообще когда-нибудь наступит такое время, — когда мужчины захотят вникнуть в эти мысли».

Такое время, как известно, не наступило для Англии и в XVIII век. Однако, головокружительные события, которыми сопровож-

¹³ Project on Academies. См. Н. Morley Earlier Life of and Works of D. Defoe. 1889.

далась великая французская революция, вдохновили уже приобретшую в то время некоторую известность писательницу Мэри Уолстонкрафт (Mary Wollstoncraft) к в высшей степени красноречивой защите женских прав в ее знаменитом произведении *The Vindications of the Rights of Woman* (Защита женских прав), появившемся в 1792 г., т.е в самый разгар революционного движения. Это произведение, при всех своих внешних литературных несовершенствах, объясняемых необычайной поспешностью автора, желавшего воспользоваться известным историческим моментом, носит на себе ясную печать гениальности. Оно произвело сильнейшее впечатление на современников¹⁴, но не могло привести к каким-либо результатам, вследствие неподготовленности общественной среды, в особенности же вследствие наступившей вскоре в Англии реакции, вызванной отчасти преувеличенными слухами об излишествах, которыми сопровождалось во Франции торжество демократических идей.

Довольно долгий период реакционных веяний в Англии с 20-х годов XIX века уступил, наконец, место иному общественному настроению, притом настроению настолько решительно либеральному, что сама палата лордов должна была смириться и принять знаменитый билль о реформах 1832 г., с которого начинается долгая эра преобладания либеральных принципов в общественной жизни Англии.

Само собой разумеется, это либеральное движение затронуло и женщин, которые стали агитировать в пользу возможного уравнивания лиц обоего пола в самых различных отношениях, не исключая и политических прав. Об этом последнем не могли, конечно, мечтать женщины континентальной Европы, где даже мужчинам приходилось добиваться этих прав с оружием в руках. В 1859 г. В Англии стал выходить журнал, посвященный специально женскому движению¹⁵, журнал, не перестающий выходить до сего дня,

¹⁴ Сочинение Mary Wollstoncraft не лишено значения и интереса и для нашего времени, как об этом можно судить, между прочим, по недавнему выпуску дешевого издания (полтора миллиона переплетенная книга в 280 страниц) этой книги фирмой Walter Scott (Серия The Scott Library).

¹⁵ «The Englishwoman's Journal» (переименованный впоследствии в «Englishwoman's Review»).

что как нельзя лучше характеризует устойчивость течений общественной жизни в Англии.

В пятидесятых и шестидесятых годах было положено прочное начало организации рационального среднего женского образования в Англии, развивающегося с тех пор непрерывно, несмотря на то, что до сих пор среднее женское образование представляет собой в Англии почти исключительно дело частной инициативы. В конце 60-х и начале 70-х годов были основаны первые женские высшие учебные заведения (Girton College, Newnham College), поставленные в некоторую и притом все более и более тесную связь со славными старыми английскими университетами¹⁶.

Надо сказать, что конец 60-х и начало 70-х годов ознаменовались вообще подъемом общественной жизни в Англии; наиболее важным выражением этого подъема была, как известно, вторая избирательная реформа (1868), сразу удвоившая число избирателей в Англии.

Агитация в пользу расширения политических прав английского народа захватила в круговорот тех же идей и женщин, которые основали даже в разных городах общества, с целью добиваться для себя политических прав. Впрочем, в движении участвовали активно и многие мужчины крупные общественные и литературные деятели; президентом лондонского общества был избран знаменитый английский философ и политико-эконом Дж. Стюарт Милль.

В 1869 г. вышло известное сочинение Милля «О подчинении женщины» («Subjection of Woman»), имевшее огромное влияние на общественное мнение не только одной Англии, но и многих других культурных стран, не исключая и России, где это сочинение появилось в нескольких переводах (последний перевод Лялиной издан в 1896 г.). Основную мысль своего произведения сам Милль резюмирует следующей фразой: «принцип, господствующий над нынешними социальными отношениями между обоими полами легальное подчинение одного пола другому, — представляет собой величайшее зло и одну из главнейших преград для человеческого прогресса; этот принцип должен быть заменен принципом полного равенства, не допускающего никакого преобладания или привилегии для одной стороны и никакой неправопоспособности для другой».

¹⁶ Оксфордским и Кэмбриджским.

Книга «О подчинении женщины» была одним из последних сочинений Дж. Стюарта Милля, сошедшего в могилу в 1875 г., но оно послужило исходным пунктом для усиленной агитации в пользу женских прав, агитации, достигшей наибольших результатов в Англии и в особенности в ее колониях и в С. Штатах Америки. Семидесятые и восьмидесятые годы ознаменовались в Англии необыкновенным прогрессом женского образования во всех его видах и формах, значительным улучшением правового положения английской замужней женщины, наконец началом активного участия женщин в работе разных органов местного управления. Здесь, однако, мы касаемся таких событий, которые характеризуют современное положение женского вопроса, что будет изложено ниже.

Женское движение в Америке началось в достопамятную эпоху войны за независимость, сопровождавшуюся необыкновенным подъемом демократических тенденций. Как мы имели случай упомянуть это ранее, женщины играли в революционном движении крупную роль, возбуждая или поддерживая энергию и энтузиазм своих мужей или братьев. С окончанием войны за независимость наступил период переустройства социальных отношений в бывших английских колониях, получивших теперь название штатов. Так называемые «конвенты»¹⁷ выработали конституцию новообразованных штатов, причем, согласно одной из этих конституций, а именно конституции штата Нью-Джерси, женщинам было даже дано право участия в выборах народных представителей.

Однако другие штаты не пошли так далеко, да и в штате Нью-Джерси вскоре была уничтожена указанная статья конституции. Как бы то ни было, хотя женщины и не приобрели в то время политических прав в Америке, тем не менее положение американских женщин тогда в течение XIX века было во всех отношениях много выше положения женщин в Европе. И закон, и, в особенности, обычай давал американской женщине в первой половине

¹⁷ Как известно, так называются в Америке собрания особых делегатов населения, избираемых со специальной миссией выработать новую или пересмотреть старую конституцию штата. Проект новой конституции или поправки к старой окончательно утверждаются целиком, или целиком же отвергаются особым народным голосованием.

XIX века такую свободу, о какой не могли и мечтать европейские женщины того времени¹⁸.

Это особенно рельефно сказалось во время начавшегося в 30-х годах так называемого аболиционистского движения, т.е. движения, имевшего целью уничтожение (abolere) рабства негров. Женщины в этом движении играли крупную роль и уже в 1832 г. образовали первое женское аболиционистское общество¹⁹. Почти одновременно с этим было открыто женщинами первое высшее женское учебное заведение, из чего видно, что политическая деятельность женщин шла параллельно с деятельностью их, направленной к поднятию своего образования.

В 1848 г. в Америке состоялся первый конгресс или съезд женщин для выработки мер, которыми можно было бы добиться политических прав для женщин. Этот конгресс имел своеобразную декларацию прав женщины, представлявшую в некоторых частях парафраз знаменитой американской декларации независимости. В самом деле, вот что мы читаем между прочим в этой декларации: «Следующие истины мы считаем самоочевидными. Все мужчины и женщины (в декларации независимости: «все люди») рождаются равными; все они одарены Творцом некоторыми неотъемлемыми правами «к числу которых относится право на жизнь, свободу и на стремление к счастью»... «Власть правительства имеет источником согласие управляемых²⁰ и т.д.

Некоторое время оба этих движения аболиционистское и движение к расширению женских прав развивались параллельно, но затем первое поглотило все внимание американского народа и пришло, наконец, как известно, к четырехлетней кровопролитной меж-

¹⁸ Известное сочинение Laboulaye «Paris en Amerique», где, между прочим, представлен в шуточной форме огромный контраст в положении французской и американской женщины, вышло в самом начале 60-х годов (1863). Сказать кстати, это сочинение имело во Франции 30 изданий и было переведено на многие языки, и в том числе на русский.

¹⁹ Известно, что вышедший в начале пятидесятых годов роман г-жи Бичер Стоу «Хижина дяди Тома» («Uncle Tom's Cabin»), имел огромное влияние, в смысле подготовки общественного движения, закончившегося уничтожением рабства негров.

²⁰ Декларацию прав можно прочесть на русском языке в истории Соед. Штатов Чаннинга и в нашей книге «Великий раскол англо-саксонской расы. Американская Революция» (1900).

доусобной войне. Женщины во время этой войны проявили чрезвычайную энергию и способность к самопожертвованию, стараясь так или иначе (помощью раненым и иными способами) ослабить ужасы войны. После окончания войны тысячи северных женщин отправились в южные штаты и с полным самозабвением отдались делу обучения только что освобожденных негров, остававшихся до тех пор совершенно без образования.

Однако дарование неграм политических прав, последовавшее вскоре после окончания войны, обострило у женщин сознание несправедливости лишения их тех самых прав, которыми были награждены недавние рабы. Вот причина основания в 1869 г. одновременно двух женских обществ, имевших специальной задачей достижение политических прав для женщины.

Ниже мы увидим, в каком положении находится этот вопрос в Америке в настоящее время, теперь же мы считаем нужным обратить внимание читателя на другую сторону женского движения в Америке в шестидесятых и семидесятых годах, а именно на стремление женщин обеспечить себе такие же широкие пути к образованию, какие открыты там для мужчин. В 70-ых и 80-ых годах был открыт в Америке ряд специальных женских высших учебных заведений, в это же время открыли свои двери женщинам многие т. наз. Государственные университеты²¹, тогда же было поставлен и разрешен вопрос о допущении женщин ко многим таким профессиям, которые до тех пор считались исключительной привилегией мужчин (медицинская деятельность, адвокатура и т. д.).

Мы не считаем возможным давать исторического очерка зарождения женского движения в других странах, так как в большинстве культурных стран это движение есть, можно сказать, дело наших дней. Впрочем ниже, при описании современного состояния женского вопроса, мы кое-где дадим и небольшие исторические справки.

Переходя к изложению современного состояния женского вопроса в разных странах, мы считаем наиболее уместным начать с

²¹ State Universities, т.е. университеты, содержимые, главным образом, за счет средств штата. Эти университеты гораздо быстрее отзываются на требования времени, чем наиболее старые самоуправляющиеся университеты и колледжи. См. нашу книгу «Школа и общество в Америке».

характеристики женского образования и перейти затем к экономическому положению женщин, полагая, что первым, т.е. состоянием образования женщин определяется в значительной степени последнее, т.е. экономическое их положение.

III

Женское образование в Западной Европе и Америке.

Вопрос о совместном образовании в средней и высшей школе

Как известно, сознание необходимости начального образования для всего народа является результатом весьма разнообразных мотивов и соображений²². В настоящее время во всех культурных странах наибольшее значение придается экономическим соображениям желанию поднять производительность народного (и, следовательно, и женского) труда, путем широкого распространения разного рода технических и профессиональных знаний и навыков, к чему однако народ должен быть подготовлен хорошей начальной школой.

В странах демократических хорошая народная школа, через которую проходили бы одинаково все мужчины и женщины, требуется и по соображениям политического характера. В самом деле, если даже, как это бывает в большинстве случаев, сами женщины не имеют политических прав, они все-таки могут сильно влиять на политические взгляды и деятельность своих мужей и на политическое развитие и направление своих детей. Это влияние будет конечно отрицательным, если женщины будут значительно уступать мужчинам по образованию или даже останутся совсем без образования.

В наиболее прогрессивных странах современного мира уже давно поняли справедливость этих соображений. Поэтому мы находим всегда в этих странах законы об обязательности начального образования, распространяющиеся совершенно одинаково на все мужское и женское население. Мы видим это в Германии, Франции, Англии, Швеции, Норвегии, Дании, Австрии, в Северо-Американских Соединенных Штатах, в Канаде и в Австралии.

²² См. нашу книгу «Влияние народного образования на народное богатство, здоровье, нравственность и другие стороны общественной жизни». 1902.

Самые законы об обязательности начального образования говорят обыкновенно не о мальчиках и девочках, а только о детях. «Начальное образование», читаем мы, например, во французском школьном кодексе, «обязательно для всех детей от 8 до 13 лет. Начальное образование можно получать в учебных заведениях низших (т.е. народных общественных школах) или средних (приготовительные классы), в школах частных, или общественных, или в семье²³.

В некоторых странах, напр., в некоторых союзных государствах, вошедших в состав Германской империи²⁴ обязательно посещение не только элементарных, но и так называемых дополнительных народных школ (Fortbildungsschulen). Однако здесь, вообще говоря, уже не проводится принцип одинакового отношения общественных властей к образовательным нуждам мужчин и женщин. Из государств Германского союза посещение дополнительных народных школ обязательно для женщин лишь в Вюртемберге и Бадене; в других частях Германской империи установление такой обязательности, вообще говоря, предоставлено на усмотрение местных (общинных) властей.

Во Франции посещение дополнительных школ не только ни для кого не обязательно, но для поступления в эти школы, вследствие их малого числа, требуется выдержать экзамены (обучение даровое и организовано гораздо лучше, чем в дополнительных школах Германии). Так как, однако, женских дополнительных школ гораздо меньше, чем мужских, то оба пола уже по одному этому, оказываются далеко не в одинаковом положении в отношении возможности продолжения начального образования. В Англии посещение дополнительных школ (higher grade school) ни для кого не обязательно; в Америке в наиболее передовых штатах, как, напр., в Массачусетс, посещение дневных или вечерних школ остается обязательным для всех неграмотных или малограмотных, вплоть до 16-летнего возраста, при чем не делается никакого различия между мужчинами и женщинами. Согласно законодательству Массачусетса, до 13 лет никто не может служить на фабрике или в торговом

²³ В последнем случае ребенок должен пройти не менее того, что изучается в общественных школах, и это должно быть известным образом удостоверено.

²⁴ Хотя бы в течение нескольких часов в неделю.

заведении, а должен посещать школу; между 13 и 14 годами можно работать на фабрике или в торговом заведении лишь по представлении свидетельства об аккуратном посещении школы в течение всего предшествующего года. Наконец ни одно лицо, моложе 16 лет, не допускается к работе на фабрике или в торговом заведении, если не посещает *одновременно* вечерних классов, о чем должно быть представляемо *еженедельно* удостоверение²⁵.

Таково положение дела, если исходить главным образом из состояния законодательства. Фактически однако даже в наиболее культурных странах замечается более или менее значительная разница в распространении элементарного образования среди мужчин и женщин, как это видно из следующей таблицы.

СТРАНЫ:		% неграмотных:	
		мужчин:	женщин:
Австрия	(1890г. в насел. старше бл.)	28	31
Бельгия	(1890г.; » « « бл.)	25	30
Испания	(1887г.; » « « 7л.)	42	61
Италия	(1881г.; » « « 7л.)	55	69
Канада	(1890г.; » « « бл.)	15	12
Пруссия	(1871г.; » « « 10л.)	10	15
С. Штаты	(1890г.; » « « 7л.)	12	14
Финляндия	(1890г.; » « « 7л.)	2	2
Франция	(1872г.; » « « 7л.)	28	35

По поводу последней цифры можно сказать, что даже и после героических усилий третьей республики на пользу начальной школы, по данным 1892, из женихов могли подписать брачный контракт 92% и из невест 88%.

Заметим кстати, что в России, как и вообще в менее культурных странах, разница между грамотностью мужского и женского населения достигает иногда громадных размеров. По данным земско-статистических исследований, касающихся 114 уездов 20 *земских* губерний, с населением почти в 17000000 душ, грамотность женщин более, чем в пять раз уступает грамотности мужчин! Это и не удивительно, так как, даже по данным 1898 г., из всего мужского населения империи училось в школах около 4,8%, а из женского только 1,6%, т. е. в три раза меньше.

²⁵ См. нашу книгу «Школа и общество в Америке», 1902.

Все эти данные имеют огромное значение, как показатель культурного состояния страны вообще, и в особенности положения женского вопроса в низших слоях населения, где этот вопрос также существует, хотя, правда, в стихийной, полусознательной форме. В самом деле, едва ли возможно сомневаться в том, что необычайно низкий уровень образования среди женщин низших классов должен губительно отражаться на их экономическом положении, когда им по тем или иным условиям приходится самостоятельно добывать себе средства существования; Это же самое обстоятельство чрезвычайно затрудняет для женщин тех же классов осуществление своих нарушенных прав даже в тех случаях, когда закон, без всякого сомнения, на их стороне.

Мы только что видели, что в наиболее культурных странах современного мира принимаются довольно энергичные меры к тому, чтобы *все население*, как *мужское*, так и *женское*, проходило через *начальную школу*.

Не таково отношение к *среднему* образованию мужчин и женщин. Европейские правительства уже давно тратят народные деньги на разного рода средние *мужские* учебные заведения, но вопрос об организации общеобразовательных или иных средних учебных заведений для женщин поставлен серьезно лишь во второй половине XIX века. Да и в настоящее время, в большинстве стран дело среднего женского образования предоставлено частной инициативе; правительства же, расходуящие более или менее значительные суммы на содержание средних мужских школ, в отношении среднего женского образования нередко довольствуются одним контролем его, предоставляя самое содержание женских гимназий преимущественно городам (Германия) или даже частным лицам и разным обществам (Англия).

В самом деле, в то время, как из 200 общественных средних женских учебных заведений Германии, правительственных не наберется и 20 (все остальные содержатся городами); из 412 общественных мужских средних школ три четверти представляют собой правительственные учреждения. В общественных женских школах учатся свыше 50000 девиц; в подобных же частных женских учебных заведениях учатся в полтора раза больше девиц. Из почти 8,5 милл. марок, которые обходится содержание женских

общественных средних школ Пруссии, центральное правительство не дает и 180000 марок!²⁶

Подобное положение мы находим в Австрии, Франции и большинстве стран Западной Европы. Кроме того женские средние учебные заведения уступают мужским не только по количеству, но и по качеству. В самом деле, состав предметов преподавания в мужских и женских средних школах и самый уровень преподавания настолько различны, что в большинстве стран получилась довольно трудно разрешимая дилемма, когда стал на очередь вопрос о допущении женщин в университеты и другие высшие учебные заведения.

Надо сказать, впрочем, что основание средних женских школ даже такого типа, который существует и у нас в России, называясь женскими гимназиями, — относится к сравнительно весьма недавнему времени: в Германии движение к организации женских гимназий началось в 60-ых и 70-ых годах, а во Франции даже в 80-ых годах, вследствие чего ревнители женского образования во Франции могли, в качестве страны, показывающей пример организации женского среднего образования, приводить и Россию. Правда, что с тех пор женское образование во Франции развивалось непрерывно, не испытывая реакции, и потому женщины во Франции в области образования опередили теперь русских женщин.

Иначе дело обстоит в Англии. Правда и там женские учебные заведения содержатся, главным образом, особыми частными обществами (из которых важнейшие Girls Public Day School Company) и частными лицами, но ведь там и мужское среднее образование предоставлено главным образом частной инициативе (см. нашу книгу: Очерк развития и соврем. сост. среднего образования в Англии).

Надо прибавить при этом, что, если английское правительство не платит ничего на содержание средних женских школ, оно и не пытается вмешиваться в организацию и деятельность женских учебных заведений и, тем более, устанавливать для них какие-нибудь рамки²⁷.

²⁶ Н. Laange und G. Baumer. «Handbuch der Frauenbewegung», III Theil. 1902. Der Stand der Frauenbildung in der Kulturländern, таблицы к статье о Пруссии.

²⁷ Правительства континентальных государств делают для женского образования не больше, чем правительство Англии, но в то же время ставят значительные преграды самодеятельности общества в этом направлении.

Одним из последствий такого порядка вещей можно считать тот важный факт, что в Англии нет коренного различия между женским и мужским (средним) образованием, какое наблюдается в странах континентальной Европы. Мальчики и девочки учатся там нередко по одним и тем же программам; случается даже, что они обучаются совместно, — к немалой пользе для детей обоего пола, как об этом свидетельствует опыт (См. об этом только что вышедшую книгу «Seeducation», изданную под редакцией выдающегося английского педагога М. Сэдлера, начальника бюро педагогических исследований английского министерства народного просвещения).

Известно, что система совместного образования в средних школах имеет значительное распространение в Норвегии и практикуется также в Швеции, Дании и Финляндии, давая везде прекрасные результаты и значительно облегчая разрешение вопроса об организации среднего образования в менее значительных городских центрах и сельских областях. Последний норвежский закон о средней школе (1896 г.) ничего не говорит о поле детей, для которых предназначается реформированная (изъяты совершенно древние языки) средняя школа; по толкованию самих скандинавских педагогов такой редакцией закона норвежский стортинг показал *implicite*, что считает нормальным явлением совместное обучение детей обоего пола во всех *общественных* средних учебных заведениях (см. только что вышедшую нашу брошюру «Народное образование и реформа средней школы в Норвегии»).

Наиболее полное осуществление принцип совместного²⁸ среднего образования получил однако в Соединенных Штатах, особенно в сравнительно более новых западных штатах. У пионеров «дальнего запада» не было ни средств, ни охоты устраивать отдельные школы для мальчиков и девочек; когда же этот опыт, произведенный по необходимости, дал прекрасные результаты, жители западных штатов не нашли нужным изменять раз заведенного порядка. Опыт западных штатов оказал затем влияние и на остальную часть великой республики, почему за последние 30 лет совместное образование становится нормальным явлением не

²⁹ К сожалению мы не находим возможным входить в дальнейшие подробности организации американской средней школы, и отсылаем читателей к нашему труду «Школа и общество в Америке», 1902.

только в западных, но и в более прогрессивных восточных штатах (штаты так называемой Новой Англии, а также штат Нью-Йорк, Пенсильвания и др.)

Вследствие этого и самое школьное законодательство приняло особый отпечаток: в наиболее прогрессивных штатах закон, нормирующий курс средней школы, совершенно игнорирует какие-либо различия в программах, в зависимости от пола учащихся. Закон дает весьма длинное перечисление тех предметов, которым *можно* обучать в средних школах (называемых в Америке high schools); местные власти организуют средние школы по своему крайнему разумению, причем учащимся всегда предоставляется на выбор весьма различный по составу курс предметов преподавания, чем дается каждому возможность усвоить себе такой цикл науки, который почему либо кажется наиболее желательным или необходимым²⁹.

Такого рода организацию имеют *общественные* средние учебные заведения в Америке, в которых в большинстве штатов обучение бесплатно (частные же средние учебные заведения в Америке, как и в Англии не подлежат вовсе контролю в каком либо отношении со стороны общественных властей).

Вследствие устоявшегося во многих штатах обычая совместно обучать детей обоего пола в средней школе, вследствие бесплатности обучения в средней школе, и обычая американцев возможно раньше определять своих сыновей к какому-либо практическому делу, вследствие всего этого, в Америке в средней школе девочек больше, чем мальчиков. Это последнее обстоятельство, как мы увидим ниже, оказало большое влияние на американцев, когда им пришлось решать вопрос о допущении женщин в университеты и другие высшие учебные заведения.

В России, как мы позволим это заметить ради параллели, женщины получают среднее образование в институтах, куда, вообще говоря, принимаются только дети привилегированных классов, в женских гимназиях, состоящих в ведении министерства народного просвещения и ведомства учреждений Императрицы Марии, и наконец в женских епархиальных училищах, предназначенных главным образом для дочерей духовенства. Преподавание во всех

²⁸ И следовательно наиболее близкого к мужскому или даже совершенно с ним совпадающего.

этих родах женских учебных заведений, особенно в епархиальных училищах и институтах имеет весьма элементарный характер; курс всех этих женских школ существенно отличается от курса общеобразовательных мужских школ, значительно уступая последнему во всех отношениях, что создает весьма серьезное препятствие для правильной постановки высшего женского образования.

По сравнению со средним мужским образованием, на среднее женское образование правительство тратит весьма мало денег; окончание всех названных родов средней женской школы, несмотря на разницу в уровне преподавания и в продолжительности курса (женское епархиальное училище имеет 6-летний курс, а дает те же права «домашней наставницы», как и женская министерская гимназия с педагогическим классом, т.е. с 8-летним курсом) дает одинаковые права, что конечно равносильно поощрению наиболее элементарного типа средней женской школы³⁰.

Вопрос о высшем женском образовании был поставлен на очередь лишь во второй половине XIX века. Из европейских стран Швейцарии принадлежит честь наиболее раннего (в конце 60-х годов), наиболее смелого и, как мы смеем думать, наиболее рационального разрешения этого вопроса, путем допущения женщин к совместному обучению с мужчинами в университетах. Надо сказать при этом, что в Швейцарии женщины учатся совместно с мужчинами в университетах не только словесным наукам, но даже и медицине. В 1896 г. германское правительство сделало по этому поводу формальный запрос правительству Швейцарии следующего содержания: «насколько оправдываются высказываемые (в Германии) опасения, что присутствие женщин на лекциях и демонстрациях, касающихся предметов из области половой сферы, обнаруживает неблагоприятное влияние на нравственность учащих женщин или дает повод к оскорблению женской стыдливости? Приведем, ради примера, ответ, данный своему правительству медицинским факультетом в Лозанне. «С полным единогласием члены факультета находят, что практика совместного обучения нис-

³⁰ Во всех средних женских учебных заведениях России учатся до 120000 девиц; больше половины этого числа приходится на долю так называемых министерских гимназий; около 20000 приходится на долю ведомства учреждений Императрицы Марии и делится почти в одинаковой пропорции между институтами и женскими гимназиями.

колько не оправдывает высказываемых опасений. Нравственность учащихся женщин до сих пор не давала повода ни к каким жалобам, и как теоретические лекции, так и демонстрации и проч., всегда происходили без всякого замешательства и без оскорбления чувства стыдливости присутствовавших женщин. В общем факультет может лишь похвалиться учащимися здесь женщинами».

Препровождая полученные и от других университетов подобные же отзывы правительству Германии, швейцарское правительство, в качестве общего вывода, сообщало, «что присутствие женщин на лекциях и участие их в демонстрациях и практических занятиях по медицине не сопровождаются никакими неудобствами».

Это касается совместного обучения мужчин и женщин медицине. Чтобы выяснить общие результаты продолжительного швейцарского опыта совместного образования в университетах, известный ученый проф. Эрисман (бывший проф. Московского университета, ныне, если не ошибаемся, проф. Бернского унив.) обратился с соответствующим циркулярным письмом к швейцарским профессорам.

Вот как проф. Эрисман резюмирует содержание полученных им ответов (многие ответы приведены полностью в сборнике «Дело», изданном в 1899 г., в Москве в пользу Сибирского Женского Медицинского Института; наши данные о Швейцарии заимствованы из статьи проф. Эрисмана, помещенной в этом сборнике). «Ни один из 37 (ответивших) профессоров не высказывается против совместного образования, ни один не находит более целесообразным разделение полов и учреждение высших учебных заведений исключительно для женщин. Некоторые из профессоров, даже из тех, которые вовсе не сочувствуют высшему женскому образованию, идут так далеко, что возникновение специальных факультетов или университетов для женщин рассматривают, как несчастье для самих женщин, будучи уверены, что уровень преподавания в таких высших женских школах всегда будет ниже, чем в мужских учебных заведениях».

«Отношение швейцарских профессоров к вопросу о совместном обучении», — как совершенно справедливо говорит проф. Эрисман, — «тем более важно, что в швейцарских университетах учатся женщины, съезжающиеся со всех концов старого и нового света... Это обстоятельство лишает, очевидно, врагов совместного образования возможности указать на то, что опыт швейцарс-

ких университетов не допускает обобщения, и что прием, дающий такие хорошие результаты в Швейцарии, может быть совершенно непригодным в других местах»

Скажем в заключение, что в 1894-95 учебном году в университетах Швейцарии насчитывалось 600 женщин; из них 38 вольнослушательницы. Из 362 имматракулированных студенток, только 38 швейцарские гражданки. Число женщин, обучающихся в швейцарских университетах быстро растет. В летний семестр 1901 года из почти 5000 учащихся в университетах Швейцарии, около 1.100 были женщины, из них 553 были на так называемом философском (наши физико-математический и историко-филологич. факультеты), 530 на медицинском, 19 на юридическом и одна на богословском (*H. Lange. Handbuch der Frauenbewegung. Ш Theil, Berlin, 1902*).

Во Франции женщины допускаются во все университеты на одинаковых условиях с мужчинами и могут, подобно мужчинам, получать разные ученые степени. В январе 1898 г. из почти 30000 учащихся в высших учебных заведениях Франции, женщин насчитывалось 871; из них 469 изучали медицину, 262 словесные науки, 80 науки физико-математические, 55 фармацевтические и 5 юридические. Из указанного числа учащихся женщин значительно более половины (579) француженки, остальные иностранки.

В последнее десятилетие и в отдельных государствах, входящих в состав Германской империи, стали допускать женщин в университеты с теми или иными ограничениями. Начало положил Баден, где уже в 1891 г. правительство разрешило допускать женщин на философский факультет гейдельбергского университета. Затем примеру Бадена последовали Пруссия и другие союзные государства. В настоящее время женщины допускаются почти во все германские университеты, но лишь на положении вольнослушательниц; нигде женщины не могут быть имматрикулированы, хотя бы они и обладали необходимыми дипломами (аттестатом зрелости и т.п.). Впрочем, даже и в качестве вольнослушательниц, женщины допускаются в немецкие университеты лишь условно, при получении специального согласия каждого отдельного профессора (каждой отдельной слушательницей). Помимо всего этого, требуется, конечно, разрешение ректора и министра народного просвещения.

Большую часть женщинам разрешается при указанных условиях посещать лишь лекции так наз. философского (см. выше) факультета.

В зимний семестр 1898-99 гг. общее число женщин в германских университетах переходило за 400; из них в Берлине 238, в Бонне 26, в Бреславле 32, в Геттингене 26, в Грейсвальде 17, в Галле 15, в Киле 17, в Кенигсберге 33 и в Марбурге 10. Значительную долю слушательниц немецких университетов (до 150) составляют иностранки. Чаще всего женщины занимаются в университетах философией, новыми языками и их литературой, историей и естественными науками.

С 1896 г. женщины допускаются и в берлинский сельскохозяйственный институт.

Так описывал в 1900 г. положение вопроса о допущении женщин в германские университеты проф. Pierstorff в своей статье «Frauenarbeit und Frauenfrage», вошедшей во второе издание «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». С тех пор положение несколько улучшилось³¹, и в конце того же 1900 года великий герцог Баденский издал указ, разрешающий женщинам имматрикулироваться в в университетах герцогства Баденского Гейдельбергском и Фрейбургском.

Нет сомнения, что пример Бадена окажет решительное влияние на другие союзные государства, тем более, что в последнее время устраняются некоторые прежние серьезные препятствия к допущению женщин в университеты. В самом деле требование аттестатов зрелости представляло не малую помеху для распространения университетского образования не только между женщинами, но и между мужчинами. В настоящее время значение этого обстоятельства почти уничтожено, с одной стороны тем, что в некоторых городах уже основаны классические и реальные (с одним латинским языком) женские гимназии, и с другой тем, что, согласно реформы прошлого (1902) года, классическое образование утратило по крайней мере в Пруссии последние следы своих,

³¹ Согласно позднейшим данным в зимний семестр 1901–1902 года число женщин в германских университетах доходило уже до 1200, из которых половина приходится на Берлинский университет (в зимний семестр 1895–96 учебного года всех слушательниц в немецких университетах насчитывалось только 116).

когда-то монопольных прав в отношении *conditio sine qua non* доступа в университет.

Допущение женщин в австрийские университеты совершилось еще более поздно, чем в немецкие, а именно лишь в конце 90-х годов. Дело началось с открытия в 1890 г. в Праге чешской женской классической гимназии, за которой последовало в 1892 г. открытие такой же немецкой гимназии в Вене; в 1898 г. была открыта в Праге женская классическая гимназия с немецким языком преподавания. В настоящее время в австрийские университеты женщины допускаются на все факультеты при условии представления аттестата зрелости. В 1901-1902 учебном году в Венском университете насчитывалось до 100 женщин, несколько меньше в Краковском и Львовском, около 50 в Граце и т.д.

Наиболее значительные успехи, в отношении доступа в университеты, женщины сделали в англо-саксонских странах, особенно в самоуправляющихся колониях Англии и в Штатах. В Оксфорде и Кэмбридже женщины допускаются к слушанию лекций и могут быть удостоиваемы степени В. А., т.е. бакалавра наук (*Bachelor of Arts*). Они не могут получать звание М. А., т.е. магистра, так как с этим званием связано участие в управлении университетом. (Недостаток места не позволяет нам входить в некоторые любопытные подробности организации университетского образования в Англии, которые могли бы вполне выяснить излагаемый нами вопрос. См. наши работы об английской школе).

Таково отношение к женщинам старых английских университетов. Другие английские университеты, о существовании которых, к сожалению, и не подозревает большинство русского образованного общества, а именно университеты Дургамский, *Victoria University*, Бирмингамский (открыт в 1901 г.) допускают женщин на совершенно одинаковых условиях с мужчинами. Равным образом и в Шотландии (университеты в Эдинбурге, Глазго, Дундиди *St-Andrews*) женщины допускаются в университеты на совершенно одинаковых условиях с мужчинами. В общем число женщин, получающих университетское образование в Англии, можно считать до 3000, притом не принимая во внимание женщин, изучающих медицину, так как медицинское образование в Англии организовано независимо от университетов.

Надо сказать, что англичанки вообще отличаются необычайным стремлением к образованию, и им главным образом обязано своим успехом знаменитое движение, известное под названием University Extension³² Movement (популяризация университетских знаний вне стен университета). Это движение, много раз описанное в русской прессе, сопровождалось настолько значительным успехом, что вызвало подражание во всех культурных странах, не исключая и России, где, впрочем, оно не могло достичь сколь-нибудь значительных успехов под влиянием внешних причин.

Наиболее широко совместное образование практикуется в Соединенных Штатах Северной Америки, как в низших и средних, так и в высших учебных заведениях. Еще в 1890 г. заведующий народным образованием в Америке, в предисловии к одной книге (*H. Lange. Higher Education of Women in Europe*) противопоставляя американскую систему женского образования европейской, писал таким образом: «Опыт (американский) опроверг все возражения противников совместного образования. Естественные различия, существующие между мужским и женским умом, в своем влиянии на ход обучения в учебных заведениях высших или средних, скорее содействуют, чем препятствуют успехам каждого пола. И мужчины, и женщины выигрывают от взаимного влияния... Вследствие этого совместное образование непрерывно делает (в Америке) успехи»³³.

Судя по последним данным число женщин, обучающихся в американских университетах и колледжах совместно с мужчинами, достигает 16000, составляя до трети всего числа лиц, посещающих высшие учебные заведения, допускающие совместное образование.

Хотя совместное образование и стало общим явлением в Америке, тем не менее, там существует некоторое число специально женских колледжей (*Vassar Wellesley, Smith, Brun-Mawr*) и довольно большое число таких колледжей и университетов, которые пред-

³² В первый период этого движения женщины составляли доминирующий элемент среди слушателей. С улучшением женского образования и с открытием для женщин доступа в университеты. Женщины уже не составляют преобладающего элемента среди посетителей курсов University Extension.

³³ См. дальнейшие сведения по этому вопросу в нашей книге «Женское образование и общественная деятельность женщин в Америке».

почитают держаться пока традиционных порядков, ограничивая состав своих слушателей только мужчинами. Такого рода учебные заведения существуют главным образом в восточных, т.е. наиболее старых, и в южных, т.е. наиболее отсталых штатах.

Если мы оставим Америку и перейдем в еще более прогрессивную страну, какой несомненно является недавно образованная Австралийская Федерация, то там мы уже почти вовсе не найдем следов преобладающего до сих пор в Европе обычая обучать раздельно лиц разного пола, организуя для каждого из них особые, иногда значительно отличающиеся по программам средние и высшие учебные заведения. Такого рода учебные заведения считаются в Австралии анохронизмом³⁴.

Совершенно иначе поставлено дело высшего женского образования в России. У нас женщины ни под каким видом не допускаются к слушанию лекций в университетах. Для целей высшего женского образования служат чктырехлетние высшие женские курсы в Петербурге и Москве (открыты с 1900 г.), при чем как на тех, так и на других курсах³⁵ имеется только два отделения, историко-филологическое и физико-математическое. К числу высших женских курсов, впрочем более по формальным основаниям, чем по действительному уровню преподавания, следует отнести и так называемый Женский Педагогический Институт при с.-пет. жен. гимназ. Ведомства учрежд. Имп. Марии. Занятия в институтах продолжаются 4 года, (причем два последние года назначены преимущественно для практических занятий) и делятся на два отделения, словесно-историческое и физико-математическое.

Женское медицинское образование имеет в России любопытную, но весьма сложную историю, касаться которой здесь было бы неуместно. Так наз. женские врачебные курсы были открыты в 1872 г., главным образом, благодаря сочувствию этому делу и ныне благополучно здравствующего, бывшего в то время военного ми-

³⁴ См некоторые данные по этому вопросу в цитированном выше сборнике «Дело» и в нашей книге «Передовая демократия современного мира. Английская Колония «Новая Зеландия».

³⁵ С осени только что истекшего (1903) года открыты женские педагогические курсы в Одессе. По-видимому можно ожидать открытия высших женских курсов в Казани и в Киеве (на подобие таких же курсов, существующих в Петербурге и Москве).

нистра Д.А. Милютина, и состояли в ведении военного министерства. Несмотря на то, что женщины-врачи принесли огромную пользу действующей армии во время русско-турецкой войны 1877–78 г., в 1882 г. курсы было решено закрыть, что и совершилось в 1886 г. с выходом последнего выпуска.

Сознание необходимости женского медицинского образования оказалось однако в русском обществе настолько сильным, деятельность женщин, окончивших бывшие врачебные курсы, оказалась настолько полезной, что правительство решило наконец снова удовлетворить голосу общественного мнения, разрешить открытие в 1897 г. Женского Медицинского Института в Петербурге. Институт имеет 5-летний курс, и в него принимаются женщины, закончившие среднее образование и сдавшие сверх того специальный экзамен по латинскому языку.

Конечно, перечисленных высших женских учебных заведений слишком мало для необъятной России, вследствие чего из массы стремящихся поступать в эти заведения, особенно же в медицинский институт, попадает лишь сравнительно небольшая группа «счастливиц».

IV

Экономическое положение женщин: женский труд на фабриках.

Вопрос о допущении женщин к так называемым либеральным профессиям

Говоря об экономическом положении женщин, необходимо выделить женщин низших классов и женщин средних и вообще достаточных классов. Едва ли нужно приводить здесь какие-либо таблицы и доказывать и без того хорошо известный факт быстро растущего участия женщин в промышленной жизни³⁶ в качестве работниц на фабриках, заводах и иных промышленных заведениях. Как уже было указано нами выше, это объясняется главным образом упразднением разного рода домашних производств, освободивших массу женских рук, находивших себе работу в хозяйстве старшего члена семьи. Это обстоятельство имело тем большие влияния на положение женщин, что с ростом фабричной промышленности, возник значительный спрос на так называемый

³⁶ См. об этом, например, книгу Лили Браун «Женский вопрос: его историческое развитие и экономическое значение». 1902.

неквалифицированный труд, т.е. на труд, не требующий ни продолжительного опыта, ни специальных навыков, ни даже значительной физической силы.

Вследствие всего этого, первый период развития фабричной промышленности сопровождался привлечением к фабричной работе не только женщин, но и детей. Картины эксплуатации женского и в особенности детского труда, представленные К. Марксом в его знаменитом трактате (Капитал), производят неизгладимое впечатление и показывают, до чего может довести людей не сдерживаемое законом или деятельным общественным мнением стремление к наживе. Конкуренция дешевого женского и почти дарового детского труда привела к понижению заработков взрослых мужчин и выгнала на фабрику значительную часть замужних женщин, которым надо было так или иначе заполнять денежные недочеты семьи.

Беспомощное положение еще не успевших сплотить свои силы рабочих (чему препятствовало долгое время даже в Англии законодательство, стеснявшее организацию рабочих союзов и смотревшее на стачки, как на уголовное преступление), отсутствие каких-либо законодательных ограничений даже для детского и женского труда, близорукая жадность фабрикантов, перед которыми вдруг открылась необычайно заманчивая перспектива быстрой наживы, — все это, повторяем, привело к такой эксплуатации рабочих, в особенности же детей и женщин, что, несмотря на недавнюю безграничную веру в провозглашенный Адамом Смитом принцип невмешательства государства в промышленную жизнь нации, на всем протяжении XIX века (с 1802 г.) издаются один за другим в Англии ряд законов, нормирующих сначала труд детей (1802, 1819, 1825 и т.д.) затем труд женщин (1847, 1850 и т.д.) и наконец даже труд взрослых мужчин (в опасных производствах).

На последнее англичанам особенно трудно было решиться, так как они до сих пор не совсем еще отказались от взгляда, согласно которому взрослый англичанин, опираясь на поддержку своих товарищей по занятию и пользуясь безграничной свободой ассоциации, митингов и т.п., всегда может и без помощи какого-либо специального закона оградить все свои права и обеспечить себя от эксплуатации со стороны фабриканта. Нельзя сказать, чтобы такой взгляд не имел за себя, в Англии, некоторых серьезных оснований, что доказывается отчасти уже одним тем, что в Англии, где 8-часо-

вой рабочий день не представляет редкости, а 9-часовой составляет обычное явление, закон нормирует продолжительность рабочего дня (9 часами) лишь в текстильной промышленности и только для женщин (и, конечно, для детей), хотя ни для кого не секрет, что этот закон, формально касающийся только женщин, неминуемо (в силу технических условий производства) должен распространиться и на мужчин.

Мы говорили здесь об Англии, так как в Англии раньше всего возникла фабричная промышленность, ранее, чем где-либо проявились ее дурные стороны и ранее, чем где-либо, были приняты решительные меры к ослаблению и даже отчасти полному парализованию дурных сторон фабричной промышленности путем развития фабричного законодательства, особенно тех его частей, которые касаются женщин, детей и подростков.

Со второй половины XIX века фабричная промышленность начинает быстро расти и на континент Европы, сначала во Франции, Германии и Австрии, а впоследствии и у нас в России. Вместе с ростом фабричной промышленности возникли и все те злоупотребления, вся та эксплуатация рабочих сил, которые пережила Англия в первой половине XIX века. Вмешательство правительства в отношения фабрикантов и рабочих на континенте Европы было тем более необходимо, что полицейский характер континентальных государств делал невозможным или, по меньшей мере, затруднял для рабочих консолидацию своих сил путем организации всякого рода профессиональных и иных союзов. Так возникло и на континенте Европы так называемое фабричное законодательство, нормирующее самые разнородные стороны отношений между предпринимателями и рабочими.

Видную часть этого законодательства составляют разного рода распоряжения, нормирующие труд женщины. Женщинам обыкновенно запрещается, частью или вполне всякая ночная работа, некоторые особенно тяжелые, вредные или опасные виды работ, как например. Работа в рудниках, работа в течение некоторого периода, следующего за разрешением от бремени, и т.д.

В жизни и литературе существует два вида отношений к этому рода ограничениям женского труда: некоторые лица, перенося сюда точку зрения женщин либеральных профессий или иначе женщин среднего класса, видят во всех законоположениях указанного характера посягательство на равноправность женщин,

думая, что в результате таких законоположений стесняется сфера применения женского труда, а женщина теряет как в экономическом, так и во всех иных отношениях.

Другие и нам кажется, что справедливость на их стороне находят совершенно неуместным распространение на женщин рабочих классов точки зрения женщин либеральных профессий и полагают, что означенные законоположения безусловно необходимы, как в интересах самих женщин работниц, так и в интересах всего общества, для которого крайне важно не допускать до крайнего напряжения женского организма, на который сама природа возложила тяжелое бремя рождения, питания и первого воспитания детей.

Переходя к характеристике оплаты труда женщин-работниц, следует сказать, что, вообще говоря, они получают вдвое или втрое меньшую заработную плату, чем мужчины. Существуют разные толкования происхождения меньшей оплаты женского труда. Наиболее правильным, по-видимому, следует считать тот взгляд, согласно которому женский труд оплачивается дешевле во-первых потому, что он, вообще говоря, в большей или меньшей мере уступает по качеству мужскому труду, во-вторых потому, что женский труд не так постоянен, так как женщины обыкновенно прекращают свою промысловую деятельность с выходом замуж, и в-третьих потому, что женщины обыкновенно не участвуют в мужских профессиональных организациях и не имеют собственных профессиональных союзов, которые могли бы защищать их интересы. В самом деле, из почти полумиллиона членов социал-демократических рабочих союзов (*Gewerkschaften*) Германии, женщин не насчитывается и 15000. Даже в Англии, где число мужчин, состоящих членами рабочих союзов, переходит за 2 мил., число женщин, входящих в состав каких-либо рабочих организаций мужских или женских, никак не превосходит 100000 (число же специально женских профессиональных или рабочих союзов не более 15).

Замечательно, что женщины редко объединяют свои силы даже там, где правительство готово смотреть благосклонно на организации профессиональных союзов. Таким образом, напр., в своем отчете за 1896 г. министр труда (он же и главный фабричный инспектор) английской колонии (Новой Зеландии), говоря о ничтожной плате, получаемой на некоторых фабриках женщинами, выражается следующим образом. «Что касается до ничтожной (с точки зрения новозеландских рабочих, разумеется. П.М.) заработной

платы, которую получают нередко женщины, то для борьбы с этим злом *нет другого средства, кроме всяческой помощи женщинам в их попытках организации рабочих союзов.* «Мы говорим это, — прибавляет министр, — имея в виду не одни только экономические преимущества, которые могут дать такие союзы рабочим женщинам, предотвращая падение заработной платы, но и огромные преимущества чисто социального характера. Вместо того, чтобы, как теперь, выбирать по необходимости только между сиденьем весь вечер в своей мрачной комнате или гуляньем по ярко освещенным улицам, девушки и женщины получают возможность провести вечер в помещении своего союза с обычными в таких учреждениях комфортабельными гостиниными, столовой (tea-room т.е. чайной), читальной залой... Да и в дни болезни и искушения близость и тесное товарищество с другими женщинами и девушками будет большой нравственной поддержкой для каждой работницы, а помощь союза предупредить отчаяние или падение многих женщин, впавших во временную нужду..»

В виду всего этого нельзя не сказать, что благожелательные люди, жертвующие свое время и деньги на устройство приютов св. Магдалины, борются со злом не с того конца. Лучше помочь рабочему союзу, чем приюту св. Магдалины» (Report of N.Z. Department of Labour for 1895–96).

Мы позволили себе привести эту длинную цитату, так как она знакомит нас со взглядом на одну из важнейших причин наблюдаемого во всем мире неравенства в оплате мужского и женского труда и так как из этой же цитаты читатель может видеть, какую огромную роль — не только в экономическом, но и во всех иных отношениях играют профессиональные или рабочие союзы, самое существование которых невозможно до сих пор у нас в России.

Повторяем однако, что ничтожное сравнительно развитие женских рабочих организаций представляет лишь одну из причин меньшей оплаты женского труда. В самом деле женский труд и у нас, в России, оплачивается значительно хуже, чем мужской («женщины обыкновенно получают половину заработка мужчин, пишет В.И. Ковалевский в статье «Промышленность и торговля» в томе энциклопедии Брокгауза-Эфрона, посвященном России, стр. 284), хотя, как мы только что сказали, у нас закон не допускает существования каких-либо организаций между рабочими-мужчинами или женщинами безразлично.

Между тем отсутствие специально женских рабочих союзов в России тем более важно, что у нас и фабричная инспекция, которая должна охранять интересы рабочих в их отношениях к предпринимателям, состоит исключительно из мужчин, тогда как в Англии и Америке институты фабричных инспектрис существуют уже в первой до десяти, во второй более десяти лет (Пример Англии и Америки не остается без влияния на более прогрессивные страны Европы, и фабричных инспектрис можно уже найти в некоторых из государств Германии и в Швейцарии).

Переходя к вопросу об экономическом положении женщин средних и высших классов, мы встречаем здесь явление, представляющее в некоторых отношениях полную противоположность тому, что мы видели при обзоре положения женщин-работниц. В самом деле, чем дальше ушла в своем культурном развитии, та или иная страна, тем вообще говоря, более решительны меры, принимаемые правительством этой страны для того, чтобы *не допускать женского труда в тех или иных производствах* или занятиях, могущих вредно отразиться на здоровье женщин или на здоровье их потомства. С другой стороны, чем прогрессивнее та или иная страна, *тем меньше закон стесняет сферу приложения* своего труда и способностей для интеллигентных женщин.

Это совершенно понятно: интеллигентный труд, вообще говоря, менее продолжителен, не требует такого напряжения сил и оплачивается много лучше, чем труд рабочих, почему и составляет фактически *привилегию достаточных классов*, а в менее культурных странах даже одних только мужчин достаточных классов.

Прогрессивное развитие общества заключается, между прочим, в том, что те или иные интеллигентные профессии сначала наименее хорошо оплачиваемые делаются доступными и для женщин средних классов. Указываемое нами явление совершается частью под влиянием гуманитарных соображений, во имя принципа справедливости, частью под влиянием простой необходимости, а именно в виду чрезвычайно быстро растущей потребности общества в интеллигентных работниках, потребности, которой не может удовлетворить наличное число мужчин, обладающих соответствующими знаниями и находящих достаточным существующий в той или иной профессии размер заработка.

Таково несомненно происхождение, наблюдаемого повсюду заполнения педагогической профессии женщинами, особенно области начального преподавания.

Как известно, женщины составляют в настоящее время значительный элемент педагогического персонала начальных школ в России, Франции, Германии и других стран Западной Европы; в С. Штатах женщины почти вовсе вытеснили мужчин из начальных школ (вернее, может быть, было бы сказать: мужчины уступили совершенно женщинам преподавание в начальных школах).

В области среднего образования, которое оплачивается, вообще говоря, значительно лучше, женщины допускаются уже только к обучению лиц своего пола, да и то не везде. В России женщины, вообще говоря, допускаются лишь к преподаванию в младших классах женских гимназий; в Германии преподавание в женских средних учебных заведениях находится преимущественно в руках мужчин; во Франции и Англии среднее женское образование находится, наоборот, почти исключительно в руках женщин. В Америке дело пошло гораздо дальше: там область среднего образования находится преимущественно в руках женщин, при чем, вследствие широкого распространения совместного образования, сплошь и рядом оказывается, что класс, в котором учатся совместно молодые люди обоего пола между 15 и 17 годами, находится в руках женщин учительниц. Хотя более ответственные должности начальников средних школ (так называемых в Америке *high schools*) и заведующих народным образованием отдельных городов или графств поручаются почти всегда мужчинам, тем не менее в Америке можно указать единичные примеры женщин, занимающих выдающееся положение в педагогической иерархии: одна женщина состояла даже заведующей народным образованием целого штата (новый штат *Wyoming* с весьма редким населением, среди которого женщины составляют значительное меньшинство).

Область высшего преподавания, где вознаграждение еще выше и где вообще условия службы во многих отношениях весьма привлекательны, находится уже почти всецело в руках мужчин даже в самых культурных странах: женщины-профессора представляют собой большую редкость и в Америке, особенно если исключить специально женские колледжи, где преподавание весьма естественно поручается преимущественно женщинам.

Даже служба в канцеляриях разных учреждений при том всегда в младших должностях стала доступной женщинам лишь в сравнительно недавнее время. Надо сказать при этом, что частные конторы, банки и т.п. стали принимать женщин к себе на

службу много раньше, чем аналогичные правительственные учреждения, хотя, конечно, главным мотивом здесь было стремление приобрести дешевых, надежных работниц. Этот мотив был, разумеется, не без влияния и на правительственные и общественные (городские и иные) учреждения, когда они решили допустить женщин в число своих служащих.

Расширение этого рода деятельности женщин едва ли может считаться сколько-нибудь серьезным шагом вперед по пути решения женского вопроса, так как по крайней мере для интеллигентных женщин такого рода деятельность не может быть сколько-нибудь привлекательной, как со стороны удовлетворения самолюбия, так и со стороны материального обеспечения.

Медицинская профессия, которая при благоприятных обстоятельствах может дать человеку значительное богатство и влиятельное положение в обществе (не говоря уже о нравственном удовлетворении, которое часто должен испытывать способный врач, любящий свое дело), стала доступна женщине лишь после значительных и многократных усилий.

В Англии первой женщиной, приобретшей право заниматься практикой, была Лиз Блакуэлл (Blakwell), получившая однако медицинское образование в Америке. Это было в 1858; прошло 5 лет, прежде чем удалось другой пионерке г-же Гаррет (Miss Garrett) добиться права практики. Надо сказать, что ни одна медицинская школа в Англии не хотела в то время принимать в слушательницы г-жу Гаррет, ей пришлось готовиться к экзаменам путем частных уроков. Опасение женской конкуренции привело далее к тому, что медицинская корпорация, от которой зависело в то время в Англии регулирование доступа к медицинской профессии, запретила являться к экзаменам лицам, не прошедшим курса медицинской школы.

Вышеприведенные исторические справки имеют целью показать, насколько дело медицинского женского образования тормозилось, даже в такой либеральной стране, как Англия. Мы не можем однако следить за перипетиями разрешения вопроса о допущении женщин к медицинской практике в Англии, так как это заставило бы нас войти в слишком большие подробности, тем более, что и в настоящее время медицинская профессия и медицинское образование имеют в Англии весьма своеобразную организацию.

Как бы то ни было, указанные факты обратились в Англии в «предание», которому нынешнему поколению «верится с трудом». В самом деле, теперь в собственной Англии 2 женских медицинских колледжа и два таких же колледжа в Шотландии; в некоторых медицинских школах Англии, и в особенности Шотландии допускается уже совместное обучение медицине мужчин и женщин; то же самое справедливо в общем относительно Ирландии. Ни обычай, ни закон, ни какие-либо корпоративные правила нисколько не затрудняют более в Англии женщинам получения медицинского образования и права медицинской практики.

Несмотря на все это, англичанки, для которых доступнее сравнительно весьма разнообразные сферы деятельности, не обнаруживают вовсе такого стремления изучать медицину, какое мы видим у русских женщин. В самом деле число всех женщин врачей в Соединенном Королевстве немного превосходит 300, из которых большая часть приходится, конечно, на собственную Англию. Надо сказать впрочем, что до 200 женщин, получивших медицинское образование в Англии, занимаются медицинской практикой в Индии, где, как и у нас в Средней Азии, так необходима помощь женщин-врачей.

В Германии медицинская деятельность до последнего времени не была доступна женщинам, так как они не могли быть, как мы знаем, правоспособными слушательницами университетов, где только и можно получать медицинское образование в Германии (вследствие отсутствия особых мужских или женских медицинских школ). Даже те женщины, которые получили медицинское образование за границей, не могли иметь права официальной практики, занимать места, прописывать лекарства, выдавать медицинские свидетельства и т.п. Такой порядок изменился лишь с 1899 г., когда наконец было разрешено допускать женщин к экзаменам врача, считая время, проведенное женщинами в университетах в качестве вольнослушательниц, за равносильное с тем сроком, который требуется от студентов для допущения к экзаменам на врача (или вернее доктора медицины, так как это единственная медицинская ученая степень в Германии).

В Австрии вопрос о допущении женщин к медицинской практике разрешился также лишь в самые последние годы, когда, как мы знаем, женщины были, наконец, допущены в австрийские университеты. Таким же образом, хотя и значительно раньше раз-

решился тот же вопрос и во Франции. В настоящее время в одном Париже насчитывается до 80 женщин-врачей, хотя, впрочем, большинство из них иностранки (как было сказано выше, иностранки составляют значительный элемент женщин, учащихся во французских университетах). Швеция принадлежит к числу тех стран, где женщины раньше всего получили право изучать медицину, а именно в 1870 г. Замечательно однако, что прошло 18 лет, прежде чем нашлась женщина, которая удовлетворила всем условиям, которые требуются вообще от лиц, изучающих медицину в Швеции (занятия на медицинском факультете в Швеции продолжаются 7 или 8 лет, т.е. дольше, чем где-либо в Европе). В настоящее время в Швеции до 20 женщин-врачей; из них одна занимает должность ассистента в Стокгольмской медицинской школе (Karolinska Institutet), соответствующей медицинскому факультету университета (в Стокгольме нет университета).

В Швейцарии женщины стали изучать медицину и притом совместно с мужчинами (как впрочем и в Швеции) еще в конце 60-х и в начале 70-х годов. Замечательно, что первыми слушательницами медицинского факультета были почти исключительно русские, число которых в Цюрихе, где первоначально стало практиковаться совместное обучение полов медицине в зиму 1872—73 гг. дошло до 96 (из общего числа 110). Это число сразу весьма упало после того, как летом 1873 г. русское правительство предложило всем русским женщинам, обучающимся в Цюрихе, возвратиться в Россию. Число женщин-врачей в Швейцарии и теперь еще незначительно, так как швейцарки не обнаруживают большой склонности к занятию медициной.

В Америке медицинское образование стало доступно для женщин раньше, чем где-либо в Европе: как было уже выше сказано, первая женщина-врач в Англии и в Европе Елизабет Блакуэлл получила медицинское образование в Соединенных Штатах. Не имея возможности входить здесь в рассмотрение вопроса об обстоятельствах допущения американок к занятию медициной, мы позволим себе лишь следующую выписку из недавно вышедшей нашей книги «Школа и общество в Америке».

«В настоящее время в Соединенных Штатах насчитывается 156 медицинских школ, из которых половина состоит в качестве факультетов при колледжах и университетах... Во всех этих медицинских школах в 1899 г. числилось 24119 слушателей, из которых 1897

женщины. В большинстве лучших медицинских школ, как и в других высших учебных заведениях Америки, допускается совместное образование лиц обоего пола. Несколько лет тому назад в Филадельфии закрылся женский медицинский колледж, бывший первым женским медицинским учебным заведением в Америке, так как с открытием для женщин лучших мужских медицинских школ утратился и *raison d'être* существования особых женских медицинских учебных заведений» (стр. 106).

Русские женщины обнаруживают в большей мере, чем женщины какой-либо другой европейской страны, стремление к изучению медицины. Первыми женщинами, явившимися в швейцарские университеты после того, как они стали доступны женщинам, были русские, желавшие изучать медицину. Надо думать, что необычайное увеличение их числа в Цюрихе содействовало разрешению организации в Перербурге бывших женских врачебных курсов», открытых, как известно, в 1872 г. (см. выше).

Закрытие этих курсов в 1886 г. не встретило сочувствия в русском интеллигентном обществе и повело лишь к тому, что многие русские женщины стали опять ездить за границу для получения медицинского образования, недоступного для них на родине. Не удовлетворило стремления русской женщины к изучению медицины и открытие женского медицинского института, несмотря на сравнительно значительный его штат и несмотря на некоторую преграду, которая поставлена женщинам, желающим изучать медицину, требованием особого испытания по латинскому языку. Вопрос об открытии второго женского медицинского института от времени до времени возбуждается на страницах периодической печати, встречая по-видимому сочувствие общества, что весьма понятно, если принять во внимание потребности полуторамиллионного населения, особенно же мусульманского населения Европейской и Азиатской России.

Занятие юридической деятельностью и в частности адвокатурой, пока осуществилось в сколько-нибудь значительной мере лишь в Соединенных Штатах Америки; да и там женщины не без большого труда достигли такого расширения сферы применения своих дарований и стремлений.

Так как каждый штат великой республики пользуется во многих отношениях полной самостоятельностью, женщинам приходилось добиваться права адвокатской практики в каждом штате

отдельно. Таким образом, напр., в 1869 г. суд штата Айоуэй (Iowa) разрешил весьма охотно заниматься адвокатурой г-же Мансфельд, выдержавшей предварительно необходимое испытание. Это был первый такого рода случай в Америке. Почти в то же самок время обратилась с подобным же ходатайством в верховный суд штата Иллинойс г-жа Брадуэлл и получила мотивированный отказ, в котором, между прочим, читаем следующее: «Всеми принимается за аксиому, что Бог назначил обоим полам особые занятия, и что только мужчине подобает издавать, комментировать и применять законы... Согласившись допустить к адвокатуре г-жу Брадуэлл, мы подобным решением как будто подтвердим своим судебским авторитетом, что такой поступок согласен с духом нашего законодательства, и что женщины вправе занимать всякие гражданские должности, как-то судей, губернаторов, шерифов и т.д.»... Однако уже в 1872 г. в Иллинойсе вышел закон, согласно которому «никому не должно быть отказываемо в занятии какой-либо должности (исключая военной службы) только на основании пола претендента», этим самым был решен и вопрос о допущении женщин к занятию адвокатурой. Подобные факты произошли и во многих других штатах: часто судебская корпорация оказывается более консервативной, чем народная масса, влияние которой и проявлялось в издании законов, подобных тому, который вышел в 1872 г. в Иллинойсе. В настоящее время в большей половине штатов женщины могут заниматься адвокатурой.

По цензу (переписи) 1890 г. в Соединенных Штатах насчитывалось более 200 женщин-адвокатов; это число должно было за последнее время значительно увеличиться, судя по крайней мере по тому, что из 84 юридических школ в 64 допускается и фактически практикуется совместное обучение лиц обоего пола³⁷.

Из европейских стран женщины допускаются к адвокатской деятельности лишь в Швеции и Норвегии, в некоторых кантонах Швейцарии, в Финляндии и Румынии. В самое последнее время (1900 г.) на это шаг отважилась наконец и республиканская Франция, где первой женщиной, получившей право адвокатской прак-

³⁷ См. по этому вопросу наши книги «Женское образование и общественная деятельность женщин в Америке» и «Школа и общество в Америке».

тики, была г-жа Пти, по происхождению русская (урожденная Болоковская).

На этом мы оканчиваем наше изложение вопроса о допущении женщин к разного рода профессиям. Мы далеко не исчерпали, конечно, этого интересного вопроса, так как существуют еще и иные профессии, представляющие привлекательность для женщин среднего класса, как со стороны экономического обеспечения, так и со стороны удовлетворения вполне законного чувства самолюбия, но наша статья и без того уже разрослась выше предположенных нами размеров, почему мы и направляли любознательных читателей к источникам, перечисленным в начале нашей работы.

V

Гражданские права женщины

Вопрос о гражданских правах женщины в высшей степени сложен и с трудом поддается краткому описанию. Наиболее важная часть этого вопроса именно имущественные отношения мужа и жены разрешается крайне разнообразно, даже в таких государствах, которые заселены народами, составляющими одну и ту же этническую группу. В самом деле, комиссия, работавшая над составлением нового гражданского уложения для всей Германии, принятого, как известно в 1896 г., и начавшего действовать с 1900 г., насчитала до 100 режимов имущественных отношений между супругами в одной лишь Германии. Почти такое же разнообразие царствовало недавно и в Швейцарии, где каждый кантон имел особое законодательство, нормирующее юридическое отношение между супругами.

При всем разнообразии юридического положения замужней женщины³⁸ в разных странах и даже, как мы только что видели, в пределах одной страны, в общем можно однако сказать, что *до второй половины* XIX века в огромном большинстве культурных стран женщина, выходя замуж, теряла свое право и дееспособность. Это было справедливо, даже по отношению к такой, вообще говоря, либеральной стране, как Англия. Муж и жена счита-

³⁸ Мы говорим о правах замужней женщины, так как ограничения гражданских прав касались и касаются, большую частью, лишь замужних женщин; вдовы и совершеннолетние девушки в настоящее время пользуются в большинстве культурных стран почти всей полнотой гражданских прав.

лись в то время в Англии юридически одним лицом. Муж не мог, напр., ничего подарить своей жене или заключить с ней договор, так как нельзя договариваться с самим собой, долги, сделанные женщиной до ее замужества, с выходом замуж, становились долгом мужа и т.д.; одним словом личность жены юридически совершенно поглощалась личностью мужа.

В течение последних 30 лет (законы 1870 г. и особенно 1882 г.) это положение замужней женщины в Англии радикально изменилось, так как все законы, стеснявшие юридическую самостоятельность замужней женщины были отменены. Замечательно, что одновременно с освобождением жены из-под юридической опеки мужа, не были отменены законы, которые составляли тяжелое бремя и для мужа, оправдываемое лишь прежним бесправным положением жены. Таким образом в некоторых случаях в Англии получилось даже неравенство обратного характера. Так напр., муж, не получивший за женой никакого приданого, все-таки может быть привлечен к уплате долгов, заключенных его женой до брака. В то же время собственность жены не может ни в коем случае служить для удовлетворения кредиторов мужа, хотя бы эти долги были заключены на содержание семьи и т.п. (см. *I. Loeb. The Legal property relations of married parties of study in comparation legislation, N. York 1900*).

Столь же радикальная перемена произошла и в юридическом положении женщины в большинстве штатов С. Амер. Республики, где в занимающем нас отношении до 1848 г., вообще говоря, действовали такие же законы, как и в Англии. То же самое справедливо и по отношению к самоуправляющимся колониям Англии Канаде и Австралии. В том же направлении изменилось в течение последних 50 лет, а частью даже в течение последнего десятилетия, юридическое положение женщины в Скандинавских странах, в Италии, в Германии (согласно новому общегерманскому гражданскому кодексу), в Швейцарии, где еще недавно во многих кантонах жена находилась в полной юридической зависимости от мужа (см. сочинение женева профессора *L. Bridel. Le droit des femmes et le mariage. Paris, 1893*).

Скажем, наконец, что во Франции и некоторых других странах, где действуют принципы французского *Code Civil*, женщины, выходя замуж, могут обеспечить себе имущественную самостоятельность заключением соответственного содержания брачного контракта.

Для России эта сторона женского вопроса не имеет такого большого значения, как другие стороны того же вопроса, так как, в отношении охраны гражданских прав замужней женщины Россия принадлежит к наиболее передовым странам. По русскому законодательству гражданские права жены уравниваются с правами мужа, кроме двух случаев: 1) жена не может наниматься в услужение или на работы без согласия мужа; 2) не может выдавать векселей, если не ведет торговли. Уравниваются у нас и права супругов относительно наследования (чего до сих пор нет, например, в Англии); оставшийся в живых супруг имеет право на получение седьмой части недвижимого и четвертой движимого имущества. Не таковы, как известно, отношения закона к вопросу о правах наследства дочерей по сравнению с такими же правами сыновей³⁹.

VI

Вопрос о политических правах женщин

Как это весьма естественно, вопрос о политических правах женщины возник ранее всех в той из европейских стран, где наиболее прочны традиции общей политической свободы, т.е. в Англии. Уже около времен агитации, закончившейся великим избирательным актом 1832 г., появились некоторые памфлеты, доказывавшие несправедливость «рабства одной половины человеческого рода». Ко времени второй избирательной реформы, состоявшейся, как известно, в 1867 г., в Англии было уже много обществ, желавших добиться признания за женщинами политических прав, или, говоря точнее, права участия в выборах членов парламента. Во время обсуждения билля о реформе Дж. Стюарт Милль, бывший в то время членом парламента, выступил защитником женских прав, предложив поправку к законопроекту, состоящую в замене слова «man» (мужчина, человек), словом «person». При голосовании за поправку высказалось 73, против 196.

Через 25 лет парламенту (1892 г.) пришлось еще раз высказаться по вопросу о политических правах женщины при обсуждении внесенного на его обсуждение формального законопроекта о рас-

³⁹ По действующему у нас закону дочь при сыновьях получает $\frac{1}{8}$ в движимом и $\frac{1}{14}$ в недвижимом имуществе (если однако дочерей так много, что за выделом указанных частей сыновьям пришлось бы получить меньше, чем дочерям, то наследство делится поровну между сыновьями и дочерьми).

пространении избирательных прав на женщин. Здесь голоса уже разделились далеко не так равномерно, а именно: в пользу законопроекта при решении вопроса о втором его чтении высказалось 179 и против 202⁴⁰.

В настоящее время вопрос о даровании женщинам политических прав находится в Англии в весьма оригинальном положении: за женщин стоят лидеры консервативной партии, как напр., маркиз Сольсбери и Артур Бальфур и рядовые члены либеральной партии; против женщин руководители либеральной партии и рядовые члены консервативной. Объясняется это тем, что эта мера, будучи в принципе либеральной, на самом деле, по крайней мере в течение ближайшего времени, должна послужить к усилению консервативной партии⁴¹, как это хорошо понимают руководители обеих партий. Известно, какие услуги консервативной партии оказала и оказывает женская политическая лига «Primrose League».

Если англичанкам не удалось пока добиться участия в парламентских выборах, то, по крайней мере в выборах разных учреждений местного управления (городских или сельских управлений, советов графства), женщины, удовлетворяющие известным условиям, участвуют наравне с мужчинами. Кроме того женщины сами могут быть избираемы членами советов графства, приходских советов (parish councillors)⁴², советов по общественному признанию бедных (poor guardians), которое, как известно, поставлено в Англии лучше, чем где либо в Европе. Надо сказать, что такое расширение политических прав женщин совершилось в царствование королевы Виктории и касается почти одинаково всех частей Соединенного Королевства.

Широкое и весьма успешное пользование женщинами предоставленным им законом правом пассивного и активного участия в местном самоуправлении ручается за то, что недалеко уже вре-

⁴⁰ В 1897 г. парламент в третий раз обсуждал вопрос о политических правах женщин; на этот раз при втором чтении большинство (71 чел.) оказалось в пользу билля, но по некоторым особым условиям третье чтение билля не могло состояться.

⁴¹ Так как женщины, как известно, в общем более консервативны, чем мужчины.

⁴² Приход (гражданский) представляет собой в Англии ту самую мелкую земскую единицу, о какой так много говорят теперь в России. См. статью проф. Виноградова в сборнике «Мелкая земская единица».

мя, когда в область действительности перейдет и домогательство англичанок оказывать влияние и на политическую жизнь страны, участием в парламентских выборах. Как мы увидим ниже, в этом направлении действует и пример некоторых самоуправляющихся английских колоний.

Из других европейских стран надо указать на Швецию, где женщины уже около 15 лет пользуются правом не только участвовать в выборах, но и быть избираемыми в члены училищных комиссий и комиссий общественного призрения. В Норвегии женщины также являются деятельными участницами училищных комиссий; кроме того в Норвегии за последние 15 лет несколько раз в стортинге дебатировался вопрос о предоставлении женщинам права участия в парламентских (стортинг) выборах; в последний раз в пользу этого предложения было подано даже абсолютное большинство голосов, закон же требует для такого рода реформы большинства $\frac{2}{3}$ голосов, почему указанный результат голосования не привел пока ни к чему, служа лишь поощрением норвежским женщинам для продолжения их агитации⁴³.

Во Франции женщины не имеют политических прав, но в последнее время они стали серьезно агитировать в этом направлении, как это видно например, по следующей *profession de foi* наиболее радикального элемента французских феминисток.

«Французский народ состоит из мужчин и женщин, подчиненных одинаковым законам и платящих одинаковые подати. Являясь в одинаковой мере ответственными перед законом и одинаковыми плательщиками налогов, все французы без различия пола имеют право на защиту своих интересов, путем участия в управлении страной.

§ 1. Все французы, как мужчины, так и женщины, равны перед законом и имеют одинаковые права гражданские и политические» и т.д.

Надо думать, однако, что французским женщинам долго еще придется ждать осуществления подобных желаний, так как до сих пор они не имеют даже права участия в трудах учреждений по общественному призрению бедных, на что кажется могло бы отвратиться правительство третьей республики.

⁴³ См. доклад froken Gina Krog на международном женском конгрессе в Лондоне 6 июля 1897 г. (Труды конгресса, том 6, Women in politics London, 1900, 16-23).

В Германии также пока не может быть серьезного отношения к вопросу о даровании политических прав женщинам, так как там женщинам (а также детям и духовным лицам) *запрещено законом* самое участие на митингах или собраниях политического характера. Присутствие женщин на таком митинге считается достаточным основанием для закрытия его присутствующей всегда полицией (см. цитированные книги проф. Pierstorff'a «Frauenfrage» и доклад Мари Штратт на международном женском конгрессе в Лондоне).

Мы должны вернуться снова к англо-саксонским странам, чтобы увидеть наиболее широкое осуществление женских прав вообще и политических прав женщин в частности. Как было уже упомянуто выше, агитация в пользу дарования политических прав женщинам обострилась в Соединенных Штатах со времени политической эмансипации негров. В конце шестидесятых и в начале семидесятых годов в Америке существовало много разных женских обществ, поставивших себе целью добиться распространения политических прав на женщин; два из этих обществ имели национальную организацию, будучи распространены по всему союзу. В 1869 г. совершился важный в принципиальном отношении факт дарования политических прав женщинам в штате (бывшем тогда, впрочем, еще территорией; это значит, что население пользовалось полным самоуправлением, но не участвовало в выборах федеральных властей) Вайоминг (Wyoming). За тридцать лет, протекших с этого времени, женщины получили политические права еще в трех штатах⁴⁴, находящихся на западе. Агитация женщин за политические права идет непрерывно и в более старых восточных штатах, что позволяет думать, что в XX веке осуществится в Америке и это, считавшееся когда-то несбыточным желание женщины.

Когда в 1894 г. пересматривалась конституция штата Нью-Йорка, женщины собрали массу петиций с 300000 подписей в пользу дарования им политических прав⁴⁵. Нынешний президент Рузвельт, бывший тогда губернатором штата, в своем послании палате депутатов штата Нью-Йорк, высказался за предоставление женщинам права голоса. Это обстоятельство в прошлом году (1902) послужило, между прочим, поводом для представления Рузвель-

⁴⁴ Колорадо, Вашингтон, Ута.

⁴⁵ Эти петиции, как известно, не достигли своей цели.

ту петиции о содействии женщинам в их стремлении добиться участия в федеральных выборах.

Не участвуя пока в выборах федеральных властей и участвуя лишь в нескольких штатах в выборах губернатора палаты и сената, женщины за то играли в Америке видную роль во многих местных выборных учреждениях, не имеющих строго политического характера, как то в училищных комиссиях городских и сельских, в комиссиях по общественному призрению и т.п. Наконец в некоторых местах женщины исполняют обязанности присяжных заседателей.

Наиболее смелые опыты в политической эмансипации женщин сделаны, однако, в Австралии. Еще в 1893 г. новозеландский парламент предоставил право участия в выборах парламента всем совершеннолетним лицам (adults), следовательно и женщинам. В своем сочинении, посвященном описанию Новой Зеландии, вышедшем в 1900 г., т.е. спустя семь лет после дарования женщинам права голоса, В. Ривс, представитель Новой Зеландии в метрополии, сообщает нам, что никаких ужасных или вообще каких-либо чрезвычайных последствий от этого не произошло⁴⁶. Женщины охотно воспользовались своими правами и в первых бывших при активном их участии выборах (1893), 90% всех женщин, значащихся в избирательных списках, подали свои голоса, тогда как из мужчин подали голоса только 70%. Любопытно отметить, что участие женщин, как в этих, так и следующих выборах (1896 и 1899) не изменило направления политического развития колонии; либеральное министерство, которое провело закон об избирательных правах, остается у власти и до сего дня (1903 г.).

В общем, можно сказать, читаем мы в цитированном сочинении Ривса, что самым замечательным фактом пользования женщин своими избирательными правами, следует считать их склонность действовать согласно с мужчинами. Семейства, вообще говоря, голосуют одинаково, и женщины, принадлежащие к тому или иному классу, увлекаются теми же интересами, поддаются тем же предрассудкам, как мужчины тех же классов или слоев обще-

⁴⁶ W/ Pewber Ruves. The Lony White Cloud. (или наша книга «Передовая демократия современного мира. Английская колония Н.Зеландия» 1902 г.).

ства. Таким образом, например, родственницы купцов, лиц либеральных профессий, крупных землевладельцев или фабрикантов подают голос за одних кандидатов; фабричные работницы, домашняя прислуга, жены рабочих, ремесленников, мелких земельных собственников, подают голоса за других кандидатов»... «По-прежнему немногие женщины в Н. Зеландии занимаются так называемыми либеральными профессиями, большинство занято, главным образом, семейными обязанностями».

«Впрочем, некоторые жители колонии готовы утверждать, что в значительной степени благодаря усилившемуся политическому влиянию женщин могли состояться некоторые из последних законов и мероприятий, например, закон о лучшем ограждении здоровья малолетних, отдаваемых на воспитание, закон о назначении женщин фабричными инспекторами и инспекторами домов призрения умалишенных и других учреждений общественного характера, допущение женщин к занятию адвокатурой, новый и строгий закон о продаже спиртных напитков»...

К этому списку Ривса можно бы прибавить недавний закон о разводе, облегчивший получение развода и поставивший оба пола в абсолютно одинаковые условия относительно причин, могущих служить основанием для требования развода.

Успешность новозеландских опытов политической эмансипации женщин доказывается впрочем и более убедительным аргументом, чем мнение Ривса, как ни высок, вообще говоря, авторитет этого выдающегося политического деятеля Новой Зеландии. Дело в том, что после Новой Зеландии женщины получили право участия в парламентских выборах в Западной и Южной Австралии. Вопрос о политической эмансипации женщин поставлен на очередь и в других колониях Австралии и, судя по результатам бывших голосований в разных парламентах, можно быть уверенными в близком завершении описываемого движения в этой прогрессивной части света.

Это предположение имеет тем более за себя оснований, что согласно конституции только что образовавшейся (1900) Австралийской федерации (Australian Commonwealth) правом участия в выборах членов *федерального* австралийского сената и палаты депутатов пользуются все лица, участвующие в выборах членов палаты депутатов отдельных колоний. Таким образом, женщины Южной и Западной Австралии (Н. Зеландия не присоединилась пока к фе-

дерации) стали участвовать в выборах федеральных властей с самого зарождения новой нации на южном континенте. Мало того, ничто не препятствует женщинам этих колоний выступать кандидатами в члены федерального парламента, так как, согласно федеральной конституции, членом федерального парламента может быть всякий, кто пользуется правом участия в самых выборах.

Так разрешила вопрос о женской эмансипации эта либеральнейшая конституция современного мира. Этот факт составляет, конечно, великое событие не только в истории женского движения, но и в культурной истории всего человечества. Тот же факт делает великую честь всей англосаксонской расе, показавшей всем другим народам пример безграничного доверия уму и характеру женщин.

Мы далеко не исчерпали всего того, что может характеризовать современное состояние женского вопроса и женского движения. Так, например, мы коснулись лишь мимоходом разных женских обществ и ассоциаций, между тем число и значение женских обществ весьма велико, в англосаксонских странах даже прямо таки огромно. Достаточно сказать, что в Англии существует более 20 женских обществ, имеющих специальной целью агитацию в пользу дарования женщинам политических прав. Об энергичности, с которой англичанки, кстати сказать, пользующиеся лучшим во всех отношениях, положением, чем женщины какого-либо другого государства старого света, добиваются дальнейшего уравнивания прав женщин и вообще интересуются всеми сторонами (экономической, политической, социальной и т.д.) женского движения, можно судить уже по одному тому, что в Англии выходит четыре периодических издания, посвященных женскому вопросу, причем одно из этих изданий (*English woman's Review*) выходит непрерывно уже 40 лет. Лежащий перед нами ежегодник женского вопроса и женского движения в Англии (*The English woman's Year book and directory*) выходит уже 20-й год и представляет в высшей степени интересную книгу, почти в 350 страниц, состоящую притом из материала, имеющего действительно прямое отношение к женскому вопросу⁴⁷.

⁴⁷ Чего нельзя сказать про выходящий у нас «Первый женский календарь» г-жи П.Н. Ариян.).

Д. Андреев
РОЗА МИРА*

Книга VI. Высшие миры Шанданакара
Глава 3. Женственность

<...> Проблеме воспитания посвящены главы в конце книги. Здесь же мне кажется своевременным отметить некоторые особенности тех исторических задач, которые не только в воспитании, но и вообще в жизни ставит перед женщиной начинающийся ныне цикл эпох.

И от мужчин, и от некоторых женщин, не обладающих глубокой пониманием как раз именно женственного начала, случается услышать решительное утверждение, будто бы культурные и творческие задачи обоих полов одни и те же, а если до сих пор общестственности, политике, науке, технике, философии, даже в искусстве женщина уступала мужчине в объёме и значимости создаваемого, то это объясняется лишь тем, что женщина всегда находилась в положении подчинённом и угнетённом.

Такое мнение распространено шире, чем можно бы думать. Допустимо даже назвать его ходячим.

Однако разве женщина всегда и везде находилась в угнетённом положении? Уже двести лет в Европе и России двери творческого труда в области литературы и искусства были открыты конечно, в привилегированных классах перед женщинами так же, как перед мужчинами. Нужно ли напоминать, что, проявив бесспорную одарённость и выдвинув немалое число музыкантов-исполнителей, женщины за эти два столетия (равно, впрочем, как и за весь предшествующий период всемирной истории) не обогатили пантеон музыкальных гениев ни единым именем? Грустно, что приходится указывать на то, что среди корифеев мировой литературы на двести лет или триста мужских имён приходится шесть или семь женских. Уже около столетия назад женщина добилась

* Андреев Д. Роза мира. Метафилософия истории. М., 1991. С. 123-124.

во многих странах права на высшее образование. И она с успехом заменила мужчину на широких участках профессиональной деятельности: в больницах, лабораториях, за школьными кафедрами, даже иногда и в научных экспедициях. Но где же те сотни имён выдающихся женщин-учёных, которые могли бы уравновесить сотни мужских имён, ставших известными всему миру за тот же период времени? Мировой театр блещет, как звёздное небо, именами замечательных актрис. Но приобрела ли хоть одна женщина режиссёр действительно всемирную известность? Слышал ли кто-нибудь о женщине великом философе? Великом архитекторе? Великом государственном деятеле? Знаменитом металлурге, мудром критике, замечательном организаторе производства, прославленном шахматисте? отрицать или игнорировать эти факты, значит, расписываться в полной потере объективности. Вместо отрицания фактов было бы плодотворнее изменить на них угол зрения. Одарена ли женщина менее чем мужчина? Совершенно бесспорно, что в некоторых отношениях да. И столь же бесспорно, что в других отношениях она обладает дарами, которых мужчина не имеет и никогда не будет иметь.

Было бы, разумеется, реакционным абсурдом отрицанием того, что женщина может быть хорошим геологом, добросовестным инженером, талантливым художником, квалифицированным химиком или биологом, или сомневаться в полезности или ценности её работы в таких областях. Но можно и должно усвоить два бесспорных факта: во-первых, то, что список гениальных деятелей в этих областях не обогатился и вряд ли когда-нибудь обогатится женскими именами, а во-вторых, то, что незаменима и высокоодаренна женщина в другом.

Материнство. Воспитание детей. Творчество домашнего очага. Уход за больными и лечение. Этическое врачевание преступников. Преобразование природы. Совершенствование животных некоторые русла религиозной жизни. Творчество любви. И, наконец, творческое оплодотворение души того, кого она полюбила. Вот в чём женщина незаменима и безгранично одарена.

В первом и в последнем из этих видов творчества она незаменима абсолютно. В остальных же мужчина уступает ей в той же мере, в какой она уступает ему на поприще государственной деятельности или технических наук. Ибо здесь требуется именно жен-

ское. Женственное душевное качество: мягкость, любовная нежность, самоотдача, терпеливая настойчивость, бережность, чуткость, сердечность, внимательность.

В областях высшего творчества совершается нечто обратное тому, что мы видим в мире физическом: там оплодотворяющее начало женщина, оформляющее и воплощающее мужчина. «Божественная комедия» есть плод двоих, и без Биатриче она так бы и не появилась на свет, как и без Данте. А если бы вникли в глубину творческого процесса большинства великих художников, мы убедились бы, что духовное семя их бессмертных творений именно женщиной брошено в глубину их подсознания, в сокровенные творческие тайники. Мысль о постановке в Веймаре памятника Ульрике Левенцоф, вдохновившей Гёте на прекрасные стихи, — справедлива и глубока. И не нужно смущаться тем, что в большинстве биографий художников трудно доискаться внешними приёмами до тех женских имён, которые заслуживают благодарности потомков в той мере, как имена самих художников художники и сами не знают порой, кому они обязаны семенами своих творений. Каждый из них это узнает в своё время и в своём месте уже за пределами Энрофа.

Тысячи лет в человечестве преизбыточествовало мужское, мужественное начало: сила, дерзость, гордыня, отвага, стремление вдаль, жестокость, воинственность. Существует испанская поговорка, удручающая сознание и возмущающая совесть: «Мужчина должен быть свиреп». Увы, народ, создавший эту поговорку, вполне её оправдал. Бесчеловечность конкистадоров и зверства испанской инквизиции украсили страницы всемирной истории картинками такой свирепости, что зло, от них излучающееся, не перестаёт воздействовать на души до сих пор.

Впрочем, и многие другие народы мало уступали испанцам на этом поприще. Тысячелетие за тысячелетием перекатывались и перекатываются по лицу земли волны войн, мятежей, революций, террора, бешеных и беспощадных расправ: бесчисленные капли, составляющие эти волны, — мужские воли и мужские сердца. Говорят иногда о женской жестокости. Но, Боже мой, разве кровопролития Чингиз-ханов, Тимуров, Наполеонов, пытки застенков, ярость якобинского террора, неинствования колониальных захватов, массовые репрессии фашистских и иных диктатур начина-

лись и возглавлялись женщинами?.. История знает женщин-отравительниц, братоубийц, детоубийц, изощрённых садисток, но не знает ни одной, чьё историческое значение сопоставимо со значением Тиберия и Нерона, Ассаргадона и Алла, эд-Дина, Торквемады и Пизарро, герцога Альбы и Робеспьера, Грозного и Скуратова, Гимmlера и Берия.

Робкое, загнанное в глубь семейных ячеек, женственное начало убереглось от уничтожения лишь потому, что без него сам мужчина бесплоден, как свинец, и потому что физического продолжения человечества без женщины не может быть.

До сих пор провозглашались, что не только мужчина, но и женщина обязана быть мужественной. Если под мужественностью понимать смелость и стойкость в жизненной борьбе, то это, конечно так. Но если под женственностью понимать не стиль манер и поведения, не жеманство и сентиментальность, а сочетание сердечной теплоты, внутреннего изящества, нежности и способности повседневно жертвовать собой ради тех, кого любишь, то не только женщина, но и мужчина должен быть женственен. Когда, наконец, человечество дождётся эпох, в дни которых ложно понятая мужественность не будет превращать мужчину в свирепого захватчика, в кичащегося своей грубостью драчуна, в помесь индюка с тигром? когда не будет больше воспитываться в нём фальшивый стыд перед собственной затаённой нежностью, попираемой и насилуемой им самим?.. Трудно будет преодолевать этот тысячелетний комплекс предрассудков, предубеждений, душевной искалеченности и атавистических инстинктов, но их преодолевать нужно. Во что бы то ни стало.

Е. Щепкина
ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1905 года в отзывах
современных деятелей¹

Женское движение возникло одновременно с открытым выступлением на путь политической деятельности конституционалистов-представителей общественно-выборного элемента. В начале ноября 1904 г., во время земского съезда в Петербурге, приехавшие из провинции женщины осведомлялись о женских кружках, которые могли бы поддержать заявления провинциалок, требовавших расширения гражданских и политических прав женщин; тогда в Петербурге не нашлось подходящих организаций, кроме женского взаимно-благотворительного общества, на которое тоже трудно было надеяться: оно придерживалось осторожно-консервативного направления. Так, до начала весны 1905 г. брожение среди женщин интеллигенции не выливалось в определенные формы.

Идея равноправности полов по временам мелькала в речах и резолюциях социалд-емократов и таилась в сознании немногих прогрессивных деятелей.

Зимой представители различных слоев общества собирались на банкеты, пользовались общими собраниями всевозможных организованных обществ, технических, педагогических и т. д., чтобы поддерживать освободительное движение; составляли резолюции, эти «формулы соглашений прогрессивных элементов разных слоев населения», по удачному выражению одной из них. Разразилось 9-ое января 1905 г. и тяжело отдалось в глубинах русского населения. Расстрел мирных рабочих на столичных улицах и площадях, неожиданный и поразительный по бессмысленной жестокости, сразу обострил настроение борцов освободительного движения. Представители всех свободных профессий, вся чуткая к политической жизни интеллигенция Петербурга принялась собирать сведения о ходе народного движения, о деяниях властей, о погибших, об участи обездоленных семей. Вокруг предста-

¹ Щепкина Е.Н. Женское движение 1905 года в отзывах современников. М., 1906

вителей группировались их товарищи по профессиям, образуя кружки, быстро развивавшиеся в союзы интеллигентных сил. Одним из первых возник союз инженеров, объединившись на политической платформе, требовавшей созыва учредительного собрания из лиц избранных всем населением «без различия пола» (семичленной формулы).

В Москве женщины, собираясь группами, составили и послали в земское собрание и городскую думу заявление с требованием для женщин политических прав и гражданского равенства. Несколько гласных сочувствовали политическому равноправию полов и поддерживали стремления женщин. В половине февраля была избрана Московской думой комиссия по общим вопросам, подготовлявшая между прочим материалы для введения всеобщего избирательного права в России.

В частности в комиссии возбуждался вопрос о правах женщин; за них высказалось еще слабое меньшинство. Оно полагало, по словам отчета, «что лишение женщин права голосования лишает систему выборов права именоваться всеобщим голосованием и что к исключению женщин нет ни принципиальных, ни практических оснований». Тем не менее меньшинство не настаивало на внесении своего мнения на обсуждение Думы, оставив за собой право настаивать на допущении женщин к участию в местных выборах.

Начались деятельные сношения с провинциями ради организации своего женского союза. Но наиболее деятельные и энергичные женщины интеллигенции были уже захвачены в ряды партий или профессиональных союзов, писателей, врачей, учителей и т.д.; организация непрофессионального, а чисто политического союза, как союз равноправности женщин, встречала различные препятствия. Возникали сомнения, следует ли выделять женское движение в особую организацию, не лучше ли довериться социалистическим партиям, признающим основным догматом политическое равноправие всех людей; часто сами женщины довольствовались работой в других союзах на равных правах с членами-мужчинами.

В апреле женские кружки в Москве сговорились окончательно; петербургские согласились примкнуть к ним. В начале мая в Москве собрался первый съезд делегатов столичных и провинциальных кружков.

Его заседания совпали с собранием делегатов всех союзов, организация которых распространялась и на провинции, собранием «Союза Союзов». Союз женщин поспешил войти в общую политическую организацию, чтобы деятельнее участвовать в освободительном движении и влиять на другие союзы в благоприятном смысле для укрепления идеи равноправия женщин.

Первое появление женщин в бюро общесоюзного съезда вызвало откровенное удивление: «Зачем сюда попали женщины? Тут какое-нибудь недоразумение». Но женщины твердо и спокойно заняли свои позиции, и к их присутствию очень скоро привыкли. Среди 14-ти объединившихся союзов едва ли четыре ввели в свою платформу семичленную формулу, уравнивающую права обоих полов. Но участие женщин на делегатских съездах хорошо повлияло на прочие союзы. Внутри каждого из них действовали представители крайних партий, которые поддерживали агитацию за равноправность женщин, чтобы придать платформам ярко-демократический характер. Опираясь на крайних, женщинам удалось внести поправки во все платформы. Делегаты признавали, что союзы, ими представляемые, ничего не имеют против равноправия женщин, а просто не подумали о новом принципе, принимая обычную 4-х членную формулу; и союзы один за другим принимали прибавку к ней «без различия пола». То же делали и вновь примыкавшие союзы. Через два месяца на 3-м делегатском съезде большинством всех против одного делегата «без различия пола» было внесено и в резолюцию, и в самую платформу Союза Союзов.

Идея политического равноправия полов делала быстрые успехи в сознании русской интеллигенции, и ею начали проникаться некоторые земские и городские собрания. Все лето 1905 г. союз женщин вел среди них свою агитацию. Июльский земский съезд в Москве получил 16 заявлений от отделений союза, а 17-е привезла делегатка из Литвы. Но ни одного заявления не прочитали на съезде; его члены вообще уклонялись от обсуждения вопроса о женских правах. В своей резолюции съезд принципиально признавал необходимость равноправности, но «дабы не затруднять момент учредительства» новых порядков в стране, нашел более политичным не решать его сейчас, а отложить или до изменения условий, при которых произойдет учредительство, или до того времени, когда нарядные представители уже будут созданы.

Союз равноправия горячо протестовал против такого отодвигания жгучего вопроса в неопределенное будущее. Предвидится радикальная реформа политического и социального быта страны; до сих пор русское население не знало свободы; пока политически бесправное, оно в близком будущем намеревается резко расколоться; одна половина его, мужчины, готовясь завладеть всеми личными и политическими правами, уже отмежевывали себя от другой, осуждая женщин на неопределенное ожидание лучших условий и лучшего будущего. Государства западной Европы совсем не испытывали того деспотического гнета, который столетиями выносила Россия; там личная свобода и правовые порядки медленно и постепенно проникали в нравы и обычаи, развиваясь в более совершенные формы общежития. В отсталой России крутой, тяжелый перелом должен совершиться сразу: поэтому простая экономия сил требует, чтобы перелом был доведен до конца, чтобы обновлению дали проникнуть как можно глубже во все сферы народной жизни, охватить им всю массу населения.

Чтобы уяснить отношение общественных деятелей конституционалистов к женскому вопросу, бюро союза равноправия женщин обратилось к ним с письменными заявлениями. Ответы на них, по моему мнению, представляют немалый интерес в настоящее время, когда около Государственной Думы работает избранная ею комиссия по вопросу о равноправности населения перед законом.

Бюро разослало 169 писем с просьбой ответить на следующие вопросы, соответствующие платформе союза, хотя бы односложным «да», «нет»: «Считаете ли Вы, что женщины должны пользоваться равными с мужчинами правами: 1) при избрании народных представителей, 2) в органах местного самоуправления, и 3) считаете ли Вы предоставление этих прав женщинам своевременным при созыве учредительного собрания?».

Запросы получены были членами земских съездов как раз перед 6-м августа, днем опубликования «Булыгинского» закона о Государственной Думе, и последний вопрос об учредительном собрании смущал наиболее сдержанных деятелей. Более 60 деятелей прислали ответы; немногие из них ограничились краткими «да» или «нет», огромное большинство обосновывало свои ответы на различных данных, аргументировало свои мнения. Из 61-го имеющихся в моем распоряжении письма, четыре относятся вообще отри-

цательно к равноправности жепшин, не видят пользы для общества в уравниении женщин с мужчинами. 22 ответа допускают возможность расширения прав женщин, иные даже признают его необходимым, но с большими или меньшими ограничениями или просто признают «несвоевременным», «не очередным» вопрос о политических правах женщин. 36 деятелей ответили утвердительно на все три вопроса, выразили полное сочувствие агитации в пользу распространения избирательных прав и на женщин, доказывали, что она своевременна и необходима.

Начну обзор с ответов противников равноправия полов; этим путем развитие молодой политической идеи выразится ярче, выпуклее. А чтобы крепче связать недавнее прошлое, то, что говорилось всего 11 месяцев тому назад, с текущей деятельностью Государственной Думы приведу только одну выдержку из письма сторонника равноправия: «Полагаю, что вопрос об уравниении прав женщин будет одним из первых, которым займется Государственная Дума». Сказанное по поводу первоначального учреждения, наменного робким, бесцветным законом Булыгина, оказалось справедливым относительно современной Думы, более совершенной.

«В настоящее время считаю нежелательным предоставление женщинам равноправности, — говорит самый резкий из противников, — так как, вступая в общественную деятельность, женщина перестает быть матерью семьи и, становясь равноправной, теряет свое самое важное назначение — быть матерью. От этого и она, и все общество более потеряют, нежели приобретут». Ответ, можно сказать, «классический», но уже единственный в своем роде в нашей коллекции писем; это мнение переживает свое время и, видимо, теряет под собою почву.

Другой противник старается доказать, что к политической деятельности стремится очень мало женщин. «Большинство ограничивает свои стремления тем, чтобы был расширен доступ к образованию, чтобы обширнее сделалась сфера приложения женского труда, чтобы за женщинами была обеспечена равноправность с мужчинами в гражданско-правовом отношении. Стремления эти, по моему мнению, заслуживают полного сочувствия и содействия». «Никто, мало-мальский близкий к делу, — говорит он далее, — не станет отрицать, как много серьезного и полезного сделано и делается женщинами в областях, непосредственно соприкасающихся,

а подчас и совпадающих со сферой деятельности земских и городских учреждений». Однако автор не знает случаев, чтобы женщины старались юридически закрепить за собой право на эту деятельность. Впрочем, он допускает возможность ради заслуг «десяти праведниц» дать все права земских работников и всей женской братии. Агитацию же за политические права он считает излишней и не заслуживающей сочувствия.

Третий противник женского полноправия и согласился бы предоставить женщинам права избирательниц, но беда в том, что политических прав еще ни у кого нет в России; за них надо бороться, а борьбу эту надо предоставить одним мужчинам, так как «борьба очень действует на психику, а это может вредно отозваться на семье; а нужны здоровые члены семьи, готовые на борьбу умом, характером, а не нервами». Увы, позволю себе возразить, бороться приходится в значительной степени и нервами. За последнюю осень и зиму в этом, вероятно, убедился и сам автор.

Таковы доводы немногих деятелей решившихся ответить отрицательно на вопросы женщин. Жаль, что их так немного; анкета в силу этого дала односторонние результаты.

Перехожу к письмам сторонников частичного расширения сферы деятельности женщин. Этот отдел особенно богат аргументацией; нет ни одного односложного ответа из «да» и «нет». На рубеже между отделами следует поставить самое обширное в коллекции письмо, автор которого попутно разбирается в значении политических прав и обязанностей вообще, в смысле четырехчленной формулы всеобщего избирательного права.

Вопрос о политической равноправности женщин он считает очень сложным. Если бы «я был в эту минуту немцем, англичанином или французом, я высказался бы против предоставления женщинам избирательного права. И это не потому, чтобы я думал, что женщины менее сильны интеллектуально и менее подготовлены к политической деятельности, чем мужчины (даже в старо-конституционных странах средний уровень депутатов отнюдь не очень высок, и рядовой средней женщине нетрудно стать с ним вровень), а по другой причине». Автор не желает пачкать женщин участием в политической борьбе, всегда неопрятной. Предвидя распадение современного института брака и полную реформу отношений полов, он полагает, что это поведет за собой полную перестройку куль-

турных, экономических и правовых условий жизни, вообще ряд последствий, которые трудно учесть. Во всяком случае, введение женщин в активную политическую жизнь очень усложнит личную частную жизнь людей, «не говоря о политической», замечает автор, сделает ее более тяжелой.

Творчество женщины как матери умалится, что несомненно дурно отразится на участи расы. Что касается бессемейных женщин, то существование их на свете аномалия, «ибо право на личное счастье, на любовь, на семью и для женщины — на деторождение есть такое же основное естественное право, как право человека на кислород воздуха, которым он дышит! Бессемейная женщина, *quantite negligeable*, вряд ли имеющая значение в широкой общественной деятельности. Вообще политическую деятельность лучше предоставить одним мужчинам»... — так говорил бы автор, если бы был гражданином западно-европейского государства, но он русский, и потому оказывается вынужденным признать, что «не человек для субботы, а суббота для человека. Иногда исторические условия и политическая необходимость заставляют поступиться принципиальными соображениями. Я думаю, что несмотря на все то, что мною сказано выше, русская государственная и политическая действительность чревата такими событиями, что одним мужчинам не по силам спасти культуру и обеспечить мирный прогресс страны, и что нам, несмотря на все вышеизложенное мной, необходимо обратиться к помощи и сотрудничеству русских женщин».

Признавая всеобщее, но не равное избирательное право, автор отстаивает образовательный ценз; только для того, чтобы усилить значение и влияние интеллигентных групп на выборах, автор представляет избирательные права и женщинам. От избирателя он требует по крайней мере грамотности; но, чтобы не лишить избирательных прав 86% крестьянского населения, он допускает исключение для 30-летних крестьян-домохозяев; а затем ряды избирателей пополняются женщинами, удовлетворяющими минимальному образовательному цензу; женщины удваивают число голосов интеллигенции; ради этого и поступается своим принципом противник равноправности.

Это длинное и обстоятельное письмо ученого врача так ярко отражает настроение русской интеллигенции за время политичес-

кого перелома, что его следовало бы целиком отдать в печать, если бы не категорическое заявление автора «для печати не предназначено».

Совершенно иначе смотрит на дело другой деятель. Относительно женщин вообще, как нормальной части населения, он склонен ответить «да» на все 3 вопроса. Но право «избирать» он очень строго отличает от «права принять избрание». Первое есть право «общее», принадлежащее одинаково мужскому и женскому населению; второе право быть народным представителем, есть право *личное* и обставляется специальными личными условиями свободой от личных и семейных уз, способностью беспристрастного мышления, даром молчаливости, знанием народного чувства.

Соответственно этому автор делит и женщин на 1) обладающих полным атрибутом половой жизни (жены, матери, хозяйки семьи) и 2) бесполовых, лишенных половой жизни, но с широким кругозором духовных и общественных потребностей девушек (в смысле *Spinsters*); это учительницы, гувернантки, сестры милосердия, чернички; этим последним должно принадлежать наравне с мужчинами личное право «принимать избрание», быть народными представительницами. Доступно ли замужним женщинам по крайней мере активное избирательное право, или они совсем неспособны, этого автор не выясняет.

Оба автора — врачи, оба ученые; оба основывают свои взгляды на психо-физиологических данных женской природы, но только из одних и тех же данных делают противоположные выводы: один считает женщину без половой жизни за аномалию, непригодную для нормальной общественной деятельности; другой, наоборот, этих-то старых дев — «черничек», *Spinsters* — и считает самым подходящим элементом из женского населения для политической деятельности. Один боится за счастье человека в интимной жизни, если женщины увлекутся политикой. Другой считает безбрачие неизбежным для значительного числа женщин и охотно готов привлечь их к ответственным политическим ролям.

Далее один земец заявляет, что возбуждение вопросов, изложенных бюро, считает преждевременным, однако допускает для женщин пользование активными избирательными правами (но отнюдь не пассивными), как народных представителей, так и в органах местного самоуправления.

Очень опытный земский деятель считает необходимым участие женщин только в ячейке местного самоуправления, во всеословной волости, ведающей одни хозяйственные дела; что касается уездного земства, то оно должно ограничиваться избранием уездных гласных. Участие же их в избрании народных представителей неосуществимо при современных культурных условиях страны.

Мягче и пространнее говорит то же самое и другой земец, ссылаясь на то, что старые предубеждения и отношения к личности, допускающие ее поглощение интересами семьи и двора, хотя и поколеблены, но еще очень сильны. Только с их изменением изменится и положение женщин, а пока следует добиваться участия в местном самоуправлении.

С последним заключением с большей или меньшей уверенностью согласен ряд общественных деятелей-практиков. Неуверенные смущаются недостатком образования среди массы женского населения.

Иные, по-видимому, просто мало задумывались над вопросами, выставленными союзом женщин. «На первые 2 вопроса отвечу, конечно, «да», — пишет один автор; относительно своевременности же полагаю, надо подождать? Ввиду неудовлетворительности закона 6-го августа следует бороться за истинное народное представительство, женский же вопрос — «неосновной».

Ничего не имеет в принципе против равноправности и другой автор, но осуществление женщинами приобретаемых прав считает делом неблизкого будущего.

«На первые два вопроса, с точки зрения справедливости, я должен ответить положительно, пишет осторожный деятель-практик, что же касается 3-го, о своевременности предоставления этих прав женщинам, я затрудняюсь ответить положительно, так как нужно считаться с крестьянской массой (ведь если предоставлять права, то всем женщинам). Нужно ее спросить, что она думает; я, несмотря на близость мою к деревне, все-таки не могу сказать, чтобы я узнал крестьянина; женщина же крестьянка для меня до сих пор сфинкс...».

Смело отвечая на два первых вопроса, иные авторы сильно смущаются по поводу 3-го, своевременно ли выдвинут вопрос о равноправности женщин? «Я отнесся бы с сочувствием и к предоставлению политических равных с мужчинами прав, и при созы-

ве учредительного собрания, но полагаю, что настаивать на этом вопросе в настоящее время с надеждой на успех нельзя». Вопрос не вошел в сознание общества, а последнее занято более неотложными задачами.

Отвечая «да» на все вопросы, вспоминая частное совещание с 20-ю крестьянами, высказавшееся единогласно за уравнивание женщин в правах, один деятель заявляет, что в Думе будет вотировать за равноправность женщин, но с собственной инициативой не выступит: это — деталь, есть более важные задачи. Участие женщин в представительных учреждениях важно тем, что «только этим путем можно достигнуть правильной постановки просвещения и воспитания женщин».

Интересно мнение радикала-южанина: «Считаю совершенно своевременным и конечно справедливым предоставление *активных* прав избирателей женщинам, как в государственных учреждениях, так и в органах местного самоуправления. Что же касается пассивных прав, то, находя предоставление их женщинам наравне с мужчинами вполне справедливым, не считаю возможным сделать это сейчас, т. е. считаю *несвоевременным*. Излагать все мотивы такого моего мнения не стану, это повлекло бы к большой переписке; скажу только, что положение женщины в семье и обществе и ее массовое низкое развитие побуждают меня считать предоставление прав пассивных *несвоевременным*. Но можно было бы установить образовательный ценз и такой группе предоставить пассивные избирательные права, но этого я не считаю справедливым и не могу рекомендовать».

Несколько преданных земскому делу деятелей отнеслись особенно внимательно к заданным вопросам. В их ответах заметно сознание важности вопроса о равноправности полов и стремление разобраться в нем. В органах местного самоуправления участие женщин и сейчас желательно, говорит один из них; но с участием в избрании народных представителей нужно подождать: «В подавляющей массе женского населения провинции вовсе не наблюдается сознательного отношения к политической жизни страны и стремления играть в ней какую-либо роль. Только при наличности такого отношения возможно, как мне кажется, ожидать пользы для государства от участия женщин в собрании представителей, особенно если принять во внимание, что они, преобла-

дая по числу, будут иметь решающее влияние на ход государственной жизни». «Принципиально, имея в виду лишь разницу физической и духовной природы женщины и мужчины, различия делать не следует», — заявляется в другом ответе. Но нужно считаться с действительностью, иметь в виду, «что в среде совершенно невежественной, где женщина является в полном семейном и экономическом подчинении мужчине (некоторые инородческие племена и часть крестьянского населения), присвоение женщинам права голоса без всяких отговорок было бы ничем иным, как усилением голоса наиболее невежественной части мужского населения»...

Автор думает, что при избрании народных представителей женщины, ведущие самостоятельное хозяйство и имеющие самостоятельное семейное положение, должны иметь право непосредственного участия в выборах (активное право); в органах местного самоуправления такие женщины должны иметь и пассивное право, т. е. право быть избираемыми. При этих же условиях автор считает возможным предоставить женщинам права голоса при созыве учредительного собрания.

Выдающийся земец еще 3 года тому назад представлял земскому собранию своей губернии доклад о пользе участия женщин в местном самоуправлении. Теперь в своем ответе бюро он признает более или менее логичными все доводы, приводимые в пользу предоставления женщинам и политических прав, но вместе с тем считает их теоретичными, далекими от русской действительности. Только весьма незначительная часть женщин способна сознательно добиваться этих прав. «У подавляющего же большинства, кому эти права свалятся с неба (крестьянок), это предоставление политических прав вызовет лишь удивление. Не говорю уже о крестьянках, которым эта мера покажется более или менее странною, нисколько несоответствующей их поиманию («пустую барскую затею»). Говорить среди населения, у которого в смысле прав «нет даже сухой корки хлеба» о женских избирательных правах, о последнем слове «политической свободы и благоустройства» «значит голодному толковать о пирожном». «Это несвоевременно, нетактично и даже нецелесообразно: явно докажет нашу политическую неуравновешенность и незрелость. Вместе с тем считаю весьма полезным, что вопрос этот выдвинут из-

вестною, наиболее передовую часть нашего общества; если он не заглохнет, в чем я почти не сомневаюсь, то можно рассчитывать, что постепенно он будет проникать все более и более глубоко и широко во все слои русского общества». Весьма вероятно, что время предоставления женщинам всех политических прав и не очень далеко. Начинать нужно с участия в местном самоуправлении; на этом поприще следует показать себя достойными полной равноправности с мужчинами и приучить население к тому, что теперь ему кажется неестественным и даже диким.

Все горячие доводы автора против выступления женщин на борьбу за свои права, обличения в нетактичности в настоящее время потеряли смысл. Чтобы вопрос о равноправии полов проникал широко и глубоко в сознание общества, чтобы представители общества в Государственной Думе могли провести его в законопроекты, женщины должны были агитировать как раз в жгучие моменты возбуждения, следовательно, агитация оказалась своевременной, вопреки приведенным доводам.

В ином тоне высказывается другой сторонник несвоевременности немедленного разрешения вопроса о равноправности женщин.

«Постараюсь ответить на эти вопросы с возможной ясностью, что не представит затруднений, так как для меня этот вопрос возник не сейчас, и я думал о нем достаточно много. В основу всякого союза общественного, а следовательно и государственного, может быть положено лишь начало свободы человеческой личности, независимо от пола или каких-либо иных социальных различий. Только свобода человеческой личности может дать прочное начало нравственности, праву и справедливости, без которых никакой союз не может осуществить своей высшей, человеческой задачи. Поэтому, исходя от начал свободы, нравственности и справедливости, я не вижу никакой возможности отрицать за женщиной какое-либо право, которое уже принадлежит другой половине человеческого рода, ибо это было бы отрицанием в женщине человеческой личности.

С практической точки зрения, точно также я полагаю, что признание за женщиной полного равноправия с мужчинами произвело бы глубокий переворот в нравах и понятиях общества, так как прежде всего освободило бы человечество от господства силы над правом и создало бы действительное уважение, а не внешнее только к человеческому достоинству, к правам человека.

К несчастью, однако, человеческое общество достигает таких истин не сразу и подвигается к ним весьма медленно. Все такие истины завоевываются путем упорной борьбы, требующей своей тактики. Думаете ли вы, что настоящий момент благоприятен для того, чтобы совершить эту величайшую социальную реформу *во всей ее полноте*? Я этого не думаю, хотя всей душой ее желаю. Серьезных сторонников равноправия женщин в России не так много, как вы, быть может, думаете. Многозначительные резолюции по этому поводу, особенно же крестьянские, меня нисколько не убеждают, так как «бабьи слезы» еще не высохли и по-прежнему заливают русскую жизнь. Общество во всей своей массе не может сделать скачок от грубого издевательства над человеческой личностью к признанию не только ее полной неприкосновенности, но и подчинению себя новым обязанностям, к ограничению своей воли.

Резолюции обещают то, чего сами еще не имеют; но в какой мере русский народ склонен реализовать такие обещания, едва ли можно узнать из резолюций, а действительность говорит противное. Ввиду этих соображений я полагаю, что осуществление равноправности женщин во всей полноте сейчас недостижимо. Теперь идет борьба всей страны за политические права. Завоюет ли их народ и в какой мере, нелегко предсказать, но можно сказать с полной уверенностью, что всякое осложнение в этой борьбе усилит врагов и ослабит борцов за право и свободу. Раскол из-за равноправия женщин был бы пагубен для успеха борьбы, а потому, по моему мнению, выдвигать этот вопрос на первую очередь, значило бы совершить непоправимую политическую ошибку. Девять месяцев жестокой борьбы дали нам нелепую государственную думу с цензом, сословиями и классами и без законодательной власти. Сколько же еще нужно жертв и времени, чтобы сделать избирательное право всеобщим и признать суверенитет народа? А между тем, пока вопрос идет лишь о бесспорном всеобщем праве мужчин. Внесите в эту борьбу для очень многих спорный вопрос о правах женщины, и Вы затормозите ход борьбы на долгий срок».

«По моему мнению, надо начинать с местного самоуправления, так как на этой почве сопротивление будет неизмеримо слабее и успех обеспеченнее. Заняв позицию в местном самоуправлении и укрепившись в ней, надо вести борьбу далее, за участие в законодательстве страны. Всякий частичный успех в завоевании права бу-

дет несомненным успехом и приведет вопрос о равноправности женщин к его окончательному разрешению. В борьбе за политические права мужчин имеется один противник — правительство; в борьбе за политические права женщин приходится бороться на два фронта с правительством и крепким еще предрассудком самого общества. Вместе с Вами я верю в справедливость принципа, за который вы боретесь, и вопреки Вам я не сомневаюсь, что час для его полного осуществления еще не настал и что в политической борьбе надо идти от этапа к этапу, от позиции к позиции; всякая же надежда на полную победу сразу есть пагубная иллюзия, ведущая не к победам, а к поражению».

Этот обстоятельный ответ помещаю последним из ряда писем, отрицательно относящимся к «своевременности» разрешения женского вопроса. В нем очень ярко выдвинут вопрос о тактике в политической борьбе; но те замечания, которые в свое время вызвала бы предлагаемая автором постановка вопроса, теперь, в разгар деятельности Государственной Думы и комиссии по равноправиям, лишились прежнего интереса².

Перехожу к ответам сторонников женского равноправия.

Письма этого отдела в общем короче тех, которые только что рассмотрены; так оно и должно быть: отвечая утвердительно, часто одними «да» на все вопросы, авторы не имели надобности входить в подробности, прибегать к разъяснениям; сомневающимся, отвечавшим различно на вопросы, приходилось, хотя бы поневоле, выяснять основания, вызывавшие такой, а не иной ответ.

Обзор начну опять-таки с писем, где еще заметна неуверенность в мнениях авторов. Так один деятель пишет: «Вопрос третий более сложен, и мне казалось бы, что только тогда возможно будет дать женщинам воспользоваться предоставленными им правами, когда сложный механизм учреждения народного представительства начнет действовать и несколько окрепнет». Впрочем, автор не решается возражать против допущения женщин и в учредительное собрание. Другой тоже останавливается на вопросе об участии женщин в учредительном собрании и ставит это участие в зависимость от условий возникновения самого собрания. Если оно будет «созвано» после настойчивых, но мирных дебатов

² Брошюрку пришлось выпустить уже после роспуска Государственной Думы.

с правительством, то могут поступиться участием женщин; если же собрание явится результатом революции, тогда «жизнь покажет». Отвечая в принципе «да» на третий вопрос, автор прибавляет: «но никто не знает, при каких обстоятельствах пришлось бы собирать учредительное собрание если вообще таковому предстоит быть. Может быть, тогда будет не до того, чтобы разбирать как следует даже права мужчин».

Отмечу ответ автора, полного уверенности, что освободительное движение в конечном результате создаст в стране «свободных и пользующихся полнотою прав граждан без различий, для которых *сама жизнь* отнимает основания».

Предводитель дворянства, пославший особое мнение на съезд городских и земских деятелей, пишет: «Для меня несомненно, что и в земской, и в городской среде количество лиц, сочувствующих равноправности женщины, очень значительно; но торжество этой идеи возможно только при условии настойчивого ее пропагандирования». Вот и еще несколько охлаждающее воззрение: «На все три вопроса отвечаю «да», но в тоже время не могу не высказать своего глубокого убеждения в том, что в *массе* женщины окажутся консервативнее мужчин, хотя и не боюсь этого».

Однако и среди этих вполне определившихся сторонников равноправия полов мелькает недоумение перед ролью учредительного собрания, гадательностью его созыва или возникновения; один опасается обострения борьбы партий; другой, приведя результаты совещания в Ярославле из 20 земских гласных с 20-ю крестьянскими выборными (закрытой баллотировкой шарами большинством 25 против 21 признавшего необходимым предоставить женщинам право быть избираемыми в народные представители), уклоняется от 3-го вопроса; он находит, что первое же собрание представителей, приняв учредительный характер, должно установить избирательную систему, признать за женщинами равные с мужчинами политические права.

Другой просто обещает, если будет представителем, в первом же законодательном собрании отстаивать равноправие женщин.

«На все три вопроса отвечаю в положительном смысле, говорит деятель-литератор, — но не могу не заметить, что вопросы поставлены слишком отвлеченно (особенно последний), без сопоставления с условиями времени, без оценки вопроса о полноте,

последовательности и сроке осуществления». Находя все доводы против равноправия шаткими и неубедительными, сторонник все-таки рекомендует обратить внимание на деятельность в местном самоуправлении.

«Да, да, да! Считаю крайне нелогичным и непоследовательным, вотируя за предоставление избирательных прав киргизам, вотякам и чукчам, отказать в этом праве образованной русской женщине», — говорит сторонник, оставляя в некотором недоумении, имеет ли он в виду образовательный ценз или употребляет слово «образованные» только для яркости сравнения.

Следующее письмо в сущности не дает ответов; это просто изложение соображений писавшего. «Я нахожу вопрос о равноправности полов столь же важным и основным, как вопросы об элементарных гарантиях, без коих государство может лишь прозябать, и провожу этот взгляд свой всюду, где только представляется к тому возможность. Отношение к этой проблеме бюро земских съездов, а равно многих других организаций представляется мне не только актом несправедливости, но (результатом) политического недомыслия. Всякое учредительное собрание должно поставить вопрос этот в ряд фундаментальных положений, иначе, выбрасывая за борт государственного корабля половину груза, оно рискует лишиться его той устойчивости, без коей немислимо сколько-нибудь организованная деятельность, сколько-нибудь надежный ход его».

Одно письмо выделяется тем, что убежденно и решительно отвечает именно на 3-й вопрос об участии женщин в учредительном собрании и при этом считается с тяжелой действительностью... «Я считаю вполне своевременным и необходимым предоставление женщинам равных с мужчинами прав при созыве учредительного собрания. Лица, не признающие равноправности женщин по причинам большого процента среди них неграмотных и малоразвитых, забывают, что подобные лица и не воспользуются своим правом, как мало их интересующим, и что также поступит и неразвитая часть мужского населения, а потому каждое лицо, отчетливо сознающее свой долг перед родиной в этот важный момент, должно стать одинаково дорого, будь это мужчина или женщина, безразлично».

Вот особенно оригинальное и яркое заявление сторонника равноправия во всей его полноте: «Я категорически отвечаю «да» на все вопросы. Но при этом считаю не лишним высказать, что я не согласен с Миллем и другими защитниками прав женщин, которые полагают возможным доказывать эти права утилитарным путем. По-моему, женщины должны пользоваться равными с мужчинами правами просто потому, что они такие же люди; это для меня есть политическая аксиома; но именно поэтому, как и математические аксиомы, будучи очевидной, она не поддается частичным доказательствам. Доказывать права женщин тем, что они способны хорошо пользоваться этими правами, это значит сводить вопрос с бесспорной почвы на очень спорную. Я вовсе не уверен, что они сумеют ими воспользоваться так же хорошо, как мужчины; может быть это так, а может быть и нет. Тут придется рассуждать о физиологии и об истории, определять влияние анатомических и физиологических особенностей женщины на ее психологию, приводить разные примеры, очень мало доказывающие, по-моему, ни к чему, так как худо ли, хорошо ли будут женщины пользоваться своими правами, все-таки эти права присущи им в силу их человеческой личности и отняты у них быть не могут, как не могут они быть отняты от сословия, народности или расы, хотя бы последние и признавались стоящими на низшей степени развития».

Трудно высказаться убежденнее, проще и яснее, однако имеется ответ более конкретный по доводам, выдерживающий сравнение с этой страничкой современного Кондорсе.

«Я не раз встречал женщин в числе тех, кого признавал стоящими выше меня в умственном отношении (про нравственное, думаю, и говорить не стоит). Я обладаю всеми цензами, образовательным, имущественным и сословным, и в высшей степени трудно было бы придумать такую систему представительства, местного или государственного, которая отстраняла бы меня от участия в нем. Я играю известную роль в местном самоуправлении; мое имя называется в числе возможных будущих членов Думы. И мой ум совершенно отказывается понять, почему все это не должно быть доступно тем женщинам, которых я считаю стоящими выше себя. Я не согласен с доводами в пользу различных ограничений, препятствующих многим и многим более достойным мужчинам продвигаться в первые ряды, но все-таки могу признать некоторую логичность за этими доводами с известной точки зрения, но понять, почему должен

быть отстранен человек из-за одной принадлежности к женскому полу, хотя бы и обладающий всевозможными цензами, я совершенно не в состоянии. Что касается прав женщин при созыве учредительного собрания, то я позволю себе сравнение хозяйственного характера: когда потребности нарастают постепенно, хозяин также постепенно производит поправки, переделки и пристройки в своем хозяйстве, и тут вполне понятен разговор, что эта постройка еще постоит, с этими еще можно подождать, эту часть можно еще не переделывать. Но когда, как в настоящее время, нужно изменить сразу всю систему ведения хозяйства, выстроить заново все постройки, тогда экономнее всего сразу приняться за проведение наилучшей системы, за постройку зданий по наиболее совершенному плану и крайне нерационально сознательно портить план с тем, чтобы в будущем исправлять его. «Довлеет дневи злоба его» и у будущего будут свои задачи».

Ответы писались в очень смутный момент нашего бурного времени: сокрушительные народные бедствия и мучительно подавленное общественное движение привело к жалкому манифесту 6-го августа 1905 г. о Государственной Думе, совещательной, без всякого законодательного значения, с сохранением в прежней силе всех полицейских, цензурных и прочих запретов и пресечений относительно собраний, свободы личности и слова.

Манифест был встречен мрачным равнодушием во всей стране; как будто население сговорились не вводить в жизнь его положения, а идти вперед своим путем, но каким именно, было неясно. Вопросы союза женщин предполагают коренную ломку государственных и общественных порядков; людям умеренных взглядов было нелегко давать мотивированные ответы; не с прежней смелостью могли отвечать и деятели более радикального направления; парламент все-таки зарождался; отношения и речи видных деятелей становились ответственнее. Может быть, в силу этого многие и воздержались от ответов на анкету.

Что касается союза равноправия женщин, то ему именно в эту пору и следовало обратиться со своими запросами к наличному составу прогрессивных деятелей, к своим товарищам по освободительной борьбе: намеченная политическая реформа совершенно игнорирует женщин; как же современники намерены отнестись к женскому движению?

При значительном разнообразии ответов в огромном большинстве их имеется нечто общее: так или иначе гражданские и политические права женщин должны быть расширены. Строго говоря, только один деятель безусловно отрицательно отнесся к вопросам союза; прочие авторы шли на разные компромиссы, ссылались на несвоевременность, нетактичность, неполитичность выступления женщин со своими требованиями на политическую арену; они вовсе не отрицают способности женщин к общественной службе и публичной деятельности. Два ученых врача, судившие о ней по данным своей науки и разошедшиеся во взглядах, только лишний раз показали, как бесполезно оценивать здоровые общественные явления с точки зрения патологических случаев или временных болезненных состояний.

Сторонники «несвоевременности» разрешения женского вопроса боятся малокультурной и совсем некультурной массы населения, так как неизбежность введения всеобщего избирательного права исключает возможность установления образовательного ценза для женщин. Однако, как ни некультурно в массе женское население, участие образованных женщин в публичной деятельности мало сказать полезно оно необходимо; на этом основываются частично благоприятные ответы: пусть русские женщины пока удовлетворятся участием в местном самоуправлении; они приучат темное еще население, проникнутое предрассудками, к их совместной с мужчинами деятельности на постах местной выборной службы, и тогда им откроется дорога к палате народных представителей. В ответственный время крайнего напряжения всех интеллигентных сил для подъема культуры в разоренной стране одних мужчин может не хватать, придется выдвинуть и женщин.

Так высказался один деятель, но думают и многие другие; эта мысль мелькает между строк тех страниц, где авторы подыскивают основания для своих ограничительных сообщений. Письмами иных деятелей-практиков трудящиеся женщины могли бы возгордиться, им готовят обязанности прежде всего; общественное дело нуждается в них, и весь вопрос в том, как начать переложение на них общественных обязанностей так, чтобы этому не помешали предрассудки массы; таким образом само собой отпадает самое тяжкое обвинение женщин, ратующих за равноправие, что они требуют себе только прав и не думают о соответствующих обязанностях.

Что касается писем сторонников равноправия, то в них уже слышится сознание, что захудалой, измученной стране необходимо установление всеобщего равноправия для всего населения, и потому распространение политических прав и на женщин должно само собой разумеется.

В заключение напомним, что ответы присланы из среды земцев—цензовиков, тех сомнительных представителей организации союзов, которые именовались земцами—конституционалистами и вместе с академистами остановились на краткой первоначальной формуле избирательного права; здесь не было ни представителей 3-го элемента, ни интеллигенции свободных профессий. Для такой среды и для того времени ответы в общем очень благоприятны целям союза женщин. Несомненно, что чтение запросов, желание отвечать на них заставляли деятелей лишиться раз подумать над женским вопросом, а это благоприятно отразилось на дальнейшей его судьбе.

В июле и августе 1905 г. общественные организации продолжали сговариваться по поводу грядущей политической деятельности. Тверской областной съезд, костромской и ярославский земские огромным большинством высказались за избирательные права женщин; вятское, уфимское, орловское, макарьевское, старицкое земские собрания, ковенская и либавская городские думы тоже признали их. Первый съезд делегатов крестьянского союза признал равноправие женщин. В августе особенно сильное впечатление произвело единогласное решение съезда городских деятелей в пользу того же принципа.

Подходило время выборов в государственную думу; и политическое настроение разгоралось; в сентябре собрался новый земский съезд, последний перед выборами. Предыдущий съезд отложил вопрос об избирательных правах женщин в ожидании, как выскажется страна. Страна высказывалась; но бюро не подготовило по женскому вопросу ни определенного доклада, ни материалов. Съезд постановил большинством 72 против 63 (9тью голосами) вопроса не рассматривать. Оставшиеся в меньшинстве члены приложили к протоколам свое особое мнение.

Особое мнение 63 — меньшинства земского съезда, — стоявшего за равноправность с мужчинами женщин при выборах в Государственную Думу. Из всех вопросов, выдвинутых освободитель-

ным движением, менее всего посчастливилось вопросу о расширении политических прав женщин. Правда, он был выдвинут в некоторых, и то немногих, резолюциях, которые были постановлены отдельными собраниями и совещаниями по различным поводам, но он не был категорически разрешен в утвердительном смысле ни в одной из разработанных программ, циркулировавших в обществе и печати от имени главных организованных политических групп, на которые разделилась в последние дни мыслящая Россия.

В общеземских съездах и на предыдущем съезде земских и городских деятелей вопрос этот был затронут первоначально по докладу бюро, а впоследствии по заявлениям отдельных членов, но вполне определенного разрешения также не получил.

Мы считаем неотложным рассмотрение и разрешение его в текущую сессию съезда по следующим основаниям:

1) Настоящий съезд является последним перед тем моментом в жизни государства, когда будущие члены Государственной Думы, получая от избирателей свои полномочия, примут на себя нравственные обязательства действовать согласно принципам, ими исповедуемым, которые послужат основанием к их избранию.

По этой причине съезд земских и городских деятелей поспешил теперь же, до наступления выборов, сговориться по всем главнейшим вопросам переустройства России, которые должны быть поставлены на первую очередь в заседаниях Государственной Думы. Съезд совершенно правильно признавал недостаточным по этим вопросам оказывать впоследствии влияние на деятельность Думы через ее членов. Съезд считал необходимым через среду земских и городских деятелей пропагандировать принятые принципы в среде самих избирателей, дабы получились в составе избранных или будущих деятелей единодушно настроенные сторонники этих начал. Мы не можем признать, чтобы вопрос о расширении политических прав женщин мог быть среди этих больных и коренных вопросов русской жизни поставлен на место второстепенного разряда. Мы не можем понять, как, предпринимая коренное переустройство нашей жизни на новых светлых началах равенства и объявив еще на апрельском съезде почти единогласно всеобщее и равное голосование первой и главной основой будущей избирательной системы, мы можем затемнять светлую полосу нашей освободитель-

ной работы оставлением без немедленного разрешения вопроса о бесправном положении половины населения, не имевшей притом среди нас своего непосредственного представителя для отстаивания своих прав.

2) Мы признавали необходимым разрешение этого вопроса на нынешнем же съезде еще и потому, что этот момент является наиболее благоприятным для справедливого и беспристрастного его разрешения. Мы собрались здесь по уполномочию пославших нас земских и городских собраний без каких бы то ни было данных нами перед избирателями нашими обязательств, кроме нравственной обязанности говорить и действовать по убеждению совести. Мы здесь голос народа, а не уполномоченные от отдельных его групп. С убеждением вотируя за уравнение женщин в политических и гражданских правах, за которое подали бы голос все женщины, если бы могли быть спрошены, и, во всяком случае, значительное количество мужчин, мы можем быть уверены, что выражаем истинный голос большинства населения. Не в таком положении окажутся члены Государственной Думы, когда им после преобразования Думы на лучших, проектированных нами, началах будет предъявлен на разрешение тот же вопрос. Они явятся туда уполномоченными от различных политических партий, составляемых избирателями-мужчинами, и перед одними своими избирателями обязаны будут дать ответ за свои действия и решения. Пример всего Запада показывает, каким странным тормозом служат эти обязательства для депутатов, избираемых одними мужчинами, по отношению к вопросу, о котором идет речь. Поэтому мы признаем, что всякое отодвигание этого вопроса за пределы того острого периода, когда формируется новый строй жизни страны, ставить вопрос этот в положение шаткое, если не совсем безнадежное.

3) В рассматриваемом вопросе есть еще одна сторона стороны чисто этической, которая не может быть игнорируема при перестроении государства на началах равенства и справедливости. Бесправное общественное и политическое положение женщины, характеризующее ее в глазах рядовых людей как существо низшего разряда, без всякого сомнения, губельно отражается на положении женщины в семье.

Нельзя объяснить одной только слабостью ее физического строения рабское угнетение женщины в крестьянской семье, а

более слабым ее образованием принижено ее, сравнительно с мужчиной, положение в семье культурной. Мы убеждены, что уравнение русской женщины в политических ее правах, которого она заслужила тяжким трудом в сельской и рабочей трудовой семье, и признана всем миром выдающейся общественной деятельностью в среде культурной, выведет ее из этого полурабства; что в значительной мере от этого преобразования замолкнут в деревне и в темных слоях городского населения «бабьи стоны», а в семье культурной она займет то почетное положение равного во всем сотрудника нынешнего «главы» семьи, которого она теперь в большинстве случаев не имеет.

По всем этим основаниям мы не можем согласиться с постановлением съезда о том, чтобы вопрос о расширении политических прав женщин был отставлен на дальнейшую очередь.

С осени 1905 г. начинают организоваться парламентские партии, и женский вопрос вступает в новую фазу развития; под давлением общественного мнения и энергичной деятельности крайних левых групп с ним считаются внутри партий; он обсуждается при выработке партийных программ и вызывает бурные прения.

После долгих споров равноправие женщин признается партией народной свободы (кадетов), а это помогает ему найти значительное количество сторонников среди членов Государственной Думы; но в этом фазисе женский вопрос выступает далеко за пределы моего маленького обзора.

Н. Чехов
ПЕТИЦИЯ ЖЕНЩИН В ГОСУДАРСТВЕННУЮ
ДУМУ*

Противники избирательных прав женщин часто повторяют в виде аргумента, что женщины не нуждаются в избирательном праве и что это доказывается тем, что они и не просят о нем. Если же такие требования и заявляются, то, по мнению этих лиц, они исходят всего от нескольких экзальтированных особ и поддержки в остальной массе женщин не встречают. Не касаясь нелогичности этого возражения, приходится признать, что последняя его часть, по крайней мере, для России, не верна и фактически.

Еще в 1905 году, когда всем общественным учреждениям было предоставлено представлять свои соображения об изменении порядка управления и государственного строя, России московские женщины подали в Московскую городскую Думу, избравшую тогда особую комиссию для выработки вышеупомянутых соображений, петицию с требованием включить предоставление женщинам избирательных прав при выборах в законодательное учреждение и в органы местного самоуправления. Заявление это было покрыто более чем тысячью подписей.

Июльскому съезду того же года представителей земств и городов было послано свыше 30 заявлений с десятками и сотнями подписей от женщин различных городов с требованиями признания избирательных прав женщин при предстоящем изменении общественно-политического строя России. Инициатива подачи этих заявлений принадлежала возникшему тогда же Союзу равноправия женщин. Заявления эти не были рассмотрены, потому что самый вопрос об избирательных правах женщин был снят с очереди, но бюро съезда под давлением этих требований заготовило благоприятную для женщин резолюцию, а 68 членов съезда подали мотивированное заявление о необходимости немедленного рассмотрения этого вопроса в целях удовлетворения требования женщин.

* Печатается по: Союз женщин. 1907 г. № 1.

Осенью 1905 года время митингов и забастовок ознаменовалось целым рядом массовых выступлений женщин с требованием избирательных прав, митинги были организованы главным образом отделениями Союза равноправия женщин в целом ряде городов России. Самые грандиозные из них были в Москве (до 2500 человек), наименее удачными были митинги петербургских женщин.

Во время выборов в первую Государственную думу имели место, с одной стороны, такие случаи: женщины-работницы являлись на избирательные собрания с требованием себе права участия в выборах; в Москве на фабрике Чепелевецкого работницы явились в таком количестве, что, когда им было отказано в праве участия в голосовании, они путем обструкции сорвали выборы. В Вятской губернии в некоторых местах при выборе уполномоченных от волостных сходов для избрания выборщиков фактически принимали участие в голосовании женщины, заменявшие отсутствовавших мужей.

После открытия первой Государственной думы в числе поступивших туда наказов от разных групп населения было несколько требований, присланных от женщин-крестьянок Тверской, Воронежской и Ярославской губерний.

Наконец, в ту же Думу поступило два заявления от женщин с требованием для них избирательных прав — одно за 5000 подписей от Союза равноправия женщин, другое — за 4500 подписей от Женского взаимно-благотворительного общества в Петербурге. Последнее было передано через депутата Петражицкого, который и заявил о нем в Думе; первое было прямо передано в Думскую комиссию о равноправии.

Но Дума была распущена, не успев коснуться ни избирательного закона, ни организации местного самоуправления.

В мае текущего года было передано депутатам Трудовой группы для передачи второй Государственной думе новое заявление следующего содержания:

В Государственную думу

Во имя общего блага всей страны, во имя великих принципов свободы, справедливости и социального равенства мы, женщины России, обращаемся к Вам, граждане, члены Государственной думы.

В целях осуществления этих принципов и проведения в жизнь широких демократических начал необходимо установление по-

литического и гражданского равноправия женщин законодательным путем. Мы твердо верим, что Государственная дума признает всю важность этого принципа и проведет его в новом законе о выборах в Государственную думу, в местное самоуправление и в законе о равноправии всех граждан.

Под заявлением этим значилось 19984 подписи¹. Подписи эти собраны со всей России Союзом равноправия женщин. Подписи еще продолжают поступать и, вероятно, будут поступать еще некоторое время, так как далеко не все листы, разосланные по России для сбора подписей, вернулись обратно.

Большинство подписей поступило из городов, хотя есть немало листов, полученных из сел и деревень; есть даже листы, на которых стоят подписи всего женского населения целых деревень. Это своего рода женские приговоры. Есть много сотен подписей за неграмотных женщин по их просьбе, есть даже традиционные кресты. В общем, число подписей от лиц трудового класса, как это ни странно, преобладает над подписями интеллигентных женщин. Буржуазная косность, равно как и партийные предрассудки, слишком часто мешали им присоединять свои подписи. Женщины-крестьянки и работницы свободны как от того, так и другого недостатка.

Все активно участвовавшие в сборе подписей под настоящей петицией свидетельствуют о том огромном интересе и горячем сочувствии, которое вызывает предложение присоединиться к требованиям женщин среди крестьянок, работниц, прислуги, а часто даже среди крестьян и работников.

Вот отрывок из письма молодого крестьянина из глуши Саратовской губернии: «У нас в России есть много женщин, стремящихся к осуществлению своих прав, но не знают, как... Мне учительница вручила лист за № 1038 в Государственную думу, где справедливо требуют равноправия женщин. Я собираю мужские подписи. Вчера, 20 февраля, лишь получил сей лист, а собрал 64 подписи. Как только заполнится 100 подписей, передам учительнице».

Характерен лист, подписи на котором собрал один петербургский извозчик. Аршинными кривыми буквами самыми разными

¹ После подачи петиции поступило еще свыше 600 подписей, так что общее число их теперь более 20000.

почерками значится: «Извозчики: Митрофан Старостин, по просьбе за безграмотностью за жену его Авдотья Старостина, дочери его Аграфена 17 лет, Матрена 19 лет, Фекла 22 года. Лука Дормидонтов ломовой, Семен Иванов Петров, трактирщик Лександр Севастьянов и жена его и дочь его Севастьянова, первая Дарья Фокина Севастьянова и вторая дает сама свою подпись, Ирина Севастьянова 30 годов. Извозчики: Семен Васильев легковой, Иван Дерунов из Ломовых, Петр Филиппов, Николай Филиппов, Трофим Микин и по просьбе за безграмотностью жена его Марья Иванова Микина, Авдотья Любушина ломовая кухарка, ломовые: Трофим Савелов, Карп Ливонов, Марфа Ливонова, Дормидонт Кособрюхов, Л. Филиппов, Н. Кулаков, Михаил Михайлов сам хозяин, Борис Петкин, жена его Дарья, жена их Федосья, Митрий». Очевидно, подписи собраны на извозничьем дворе и в соседнем трактире, и справедливость требований женщин признали все, не исключая и самого хозяина и трактирщика (лист № 4700).

Характерен лист, подписанный 84 прачками.

А вот лист из Москвы, характерный по соединению разных словесий и профессий (лист № 1230). Он подписан следующими лицами: Анна Широченко — ткачиха, Елена Николаева — фабричная, Екатерина Шувалова — бывшая работница фабрики, Анна Спиридонова — фабричная, Настасья Елагина — фабричная, баронесса Мария Михайловна Корф, Регина Кржевицкая — учительница, Анна Лаушкина — прислуга, Екатерина Крючкова — прислуга и др.

Текст обращения в Думу, отпечатанный на листах для подписей, был разослан по 1037 адресам в количестве свыше 3000 листов. Текст этот еще переписывался и перепечатывался на местах. Кроме того, он был переведен на языки: украинский, польский, литовский, немецкий, якутский и др. Некоторые провинциальные газеты не только перепечатали у себя лист, но и объявили сбор подписей через редакции. Один провинциальный журнал перепечатал листы с текстом и разослал их все своим подписчикам. Пока поступило через редакцию этого журнала около 500 подписей.

Географически поступившие подписи распределяются следующим образом.

Всего поступили подписи из 122 городов и мест России (кроме того, 68 подписей прислано из Женевы, 115 — из Берна и 29 — из

одного местечка Финляндии). Из всего числа подписей, поступивших из России (19772), приходится:

На европейскую Россию (без окраин)	15494
Прибалтийский край	650
Литва и Польша ²	342
Кавказ	2068
Азиатская Россия	218

Из европейской России имеются подписи из всех губерний, кроме Симбирской. Женщины Орловской губернии отправили отдельное заявление через с.-д. фракцию Государственной думы; достоверно известно, что свыше 300 подписей рязанских женщин пропало на почте.

Наибольшее число подписей дал г. Петербург — 4467, затем идут следующие города:

2. Москва	2240
3. Екатеринослав	480
4. Тифлис	876 ³
5. Херсон	344
6. Киев	311
7. Пермь	307
8. Шавли (Ковенск. губ.)	302
9. Кишинев	252
10. Вятка	249
11. Казань	218

Остальные города дали менее 200 подписей каждый. Больше 100 подписей получено всего от 45 городов. В том числе из Самарканда прислано 118 подписей. Более далекий Хабаровск дал 91 подпись; отметим еще 21 подпись из с. Кемь Архангельской губернии.

Женщины Литвы прислали целый ряд листов подписей, собранных в разных местах литовского края с текстом на литовском языке и с 430 подписями.

На своем языке, кроме литовок, подписывались немки из Прибалтийского края, еврейки из Бессарабии, грузинки из Кутаисской губернии, татарки из Елизаветпольской, армянки из Баку и Кубы.

²Как известно, польские женщины составили свою петицию в Государственную думу и собрали уже несколько тысяч подписей. Литовские женщины присоединились к заявлению русских женщин.

³2 576 из них под особым более решительным текстом.

Заявление это уже не может быть заслушано в Государственной думе, да, если бы Дума и не была распушена, ему все равно приходилось, благодаря существующему закону, проникать туда контрабандой в речи какого-нибудь депутата, но того факта, что до 20 тысяч женщин самых разнообразных состояний, вероисповеданий, наций, без различия степени образования соединились в одном требовании, уже нельзя уничтожить. Он представляет собой шаг вперед в борьбе за права женщин, и шаг внушительный. Весть о подаче такого заявления разнесется по всей России и заставит биться горячим сочувствием не тысячи, а миллионы сердец женщин, которые не знали о сборе подписей или почему-либо не могли прислать их вовремя. С верой в правоту своего дела и с надеждой на близкое, более счастливое будущее пойдут они дальше по своему трудовому пути в жизни, на котором так много терний, слез и крови. А все те, которые приложили свою руку к подаваемому ныне заявлению в Государственную думу, пусть считают себя отныне связанными общим делом в крепкий дружеский союз для борьбы за политическое равноправие женщин, за ее избирательные права. В единении сила, а женщинам это единение теперь нужнее, чем когда-нибудь. Если не сейчас, то не скоро добудут они себе право на человеческую жизнь и свободу.

Н. Щепкин
УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В МЕСТНОМ
САМОУПРАВЛЕНИИ¹

Отказ женщине в признании за ней равных с мужчиной, прав основан частью на предрассудках, привитых веками общего бесправия, частью на эгоистических и рабовладельческих соображениях, а иногда на представлении мужчин о себе как о высшем существе, представлении, свойственном обыкновенно людям недалеким и тупым. И вот приходится при таком положении бороться с бесправием женщины медленным, культурным путем. Пройдут, быть может, многие годы, прежде чем установится полное равноправие. От самих женщин зависит ускорение хода дела непрерывной пропагандой в семье, школе и жизни.

Наши дети находятся по преимуществу на руках и в руках женщин, и женщины должны тут использовать свое выгодное положение, прививая нашим мальчикам с самых первых лет уважение к женщине и идею равноправия совершенно так, как, бывало, няни прививали нам народные предрассудки и поверья. Но пока что надо пользоваться всяким удобным случаем, чтобы завоевывать положение. А время для этого подходящее, так как никогда еще в народе не было так сильно сознание необходимости уничтожить всякую несправедливость, что и выражается в современных нам усилиях осуществить широкие политические и экономические программы. Бесправие женщин — одна из величайших несправедливостей. Это начинают сознавать и наиболее отсталые люди, недаром ведь даже программа октябристов признает допустимым участие женщин в местном самоуправлении.

В нашей современной борьбе с чиновничеством за свободу и счастье мы не в состоянии опереться на местные силы, совершенно разрозненные. Самоуправление, где они могли бы сплотиться, является у нас учреждением узкоклассовым и лишенным всякого влияния на местное управление, зависящее целиком от милостей губернского и уездного чиновничества всяких рангов. У нас, в сущ-

¹ Печатается по: Союз женщин. 1907 г. № 1.

ности, отсутствует то, что можно назвать действительным самоуправлением. По поводу значения последнего приведем слова покойного Б. Н. Чичерина: «Только существование земства способно ввести бюрократию в должные границы... Если же контроль со стороны независимых общественных сил бюрократии может быть полезным органом правительственной власти, то без таких сдержек он становится язвой государства. В конституционных правлениях этой цели служат представительные собрания. Они до некоторой степени могут восполнить даже недостаток местных учреждений. Но где их нет, там широкое развитие местного самоуправления в состоянии обуздать бюрократический произвол и поддержать в государстве общественный дух».

Это мнение сохранило свою силу и для нашего времени, и справедливость его подтверждена тяжким опытом нашей родины. Именно таким значением самоуправления и обуславливаются неотложность и высокая важность преобразования местного управления и самоуправления на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и расширения пределов ведомства и власти местных самоуправлений. Вот почему нельзя не приветствовать совершившееся внесение в Государственную думу законопроекта об изменении способов избрания земских и городских гласных. Проект этот внесен фракцией партий Народной свободы и составляет первый шаг. Вслед за тем должен был последовать ряд законопроектов, которые должны совершенно изменить картину местного управления и самоуправления.

Любовь и привычка к общественному делу даются не сразу. Сознание обязанности отдавать значительную часть своего времени общественному делу есть результат многих лет и относительно высокой степени культуры. Можно опасаться, что у нас в первые десятилетия низкое состояние культуры будет отзываться недостатком людей для общественной работы. Особенно можно ожидать вопрос с возникновением мелкой земской единицы и самоуправления в незначительных даже поселках, так как потребность в общественных работниках быстро и сильно возрастет. Такое положение обязывает нас использовать все мало-мальски культурные силы страны. Уже одно это должно нас побуждать привлечь женщин к участию в местном самоуправлении и управлении. Устраняя здесь женщин, мы устраним более чем половину всех местных культурных сил.

Мы не думаем, что в самоуправлении будут принимать непосредственное участие все женщины или все мужчины, но полагаем, что населению должна быть предоставлена возможность воспользоваться всеми культурными силами так, как оно признает более полезным. Не следует забывать, что привлечь в глухой деревне к работе бесплатной или плохо оплачиваемой будет очень трудно и что в этом отношении местное женское население может оказать большую помощь, как оно оказывает ее и теперь при всяких народных невзгодах. Жены, сестры, дочери лиц, связанных с местностью постоянными занятиями, вдовы, ведущие самостоятельное дело, их семьи, учительницы, женщины-врачи, фельдшерицы — это все лица, которые у себя на месте будут вести общественное дело не хуже, а, пожалуй, и лучше, чем те общественные деятели, которых теперь с таким трудом набирают в уездах, так как все более способные и бойкие норовит уйти в столицы и большие города. Недостаток не только культурных, но просто даже грамотных лиц у нас так велик, что во время последней народной переписи главное затруднение заключалось в приискании достаточно грамотных для этого дела сотрудников. Мы так бедны культурой, что не имеем права поступать теми силами, которые имеются на местах, только потому, что силы эти являются в непривычном для нас виде. Поступая так, мы рискуем в самом начале поставить преобразованные самоуправления в безвыходное положение.

Опыт Англии, Америки (в некоторых штатах) и Финляндии показывает, что женщины прекрасно справляются с работой во всех областях местного самоуправления. Благотворительность, врачебно-санитарное дело, народное образование, как общее, так и профессиональное, местная статистика и агрономия, дорожное и строительное дело — ведь все это, в сущности, не требует от местных деятелей высоких способностей и знаний. Во всех этих областях обычно весьма удовлетворительно работают средние, но добросовестные и внимательные люди. Опыт показал, что внимательность и серьезное отношение к делу у женщин обычно выше, чем у мужчин, и что работа женщин в этих областях самоуправления не хуже мужской. Да это и неудивительно, так как все это дела практического характера, к которым женщины способны не менее мужчин. Мы уже не говорим, что иметь работником при одинаковом вознаграждении вместо туповатого и не особенно умного мужчины умную и развитую женщину всегда предпочтительнее.

Мы не ожидаем, чтобы участие женщин в самоуправлении сказалось каким-либо особым подъемом его: женщины — такие же люди, как и мужчины, и ждать от них чего-либо необыкновенного, конечно, нельзя. Но, с другой стороны, и нет основания думать, что они принесут вред делу. У женщин есть, конечно, свои собственные недостатки, как у мужчин свои, но мы не можем указать у женщин таких недостатков, которые ставили бы их, в смысле общественных работников, ниже провинциальных мужчин. Повсюду участие женщин в общественном деле приводило до сих пор к известному смягчению во взаимных отношениях в собраниях, к усилению забот о здоровье женщин и подрастающих поколений и к борьбе с пьянством. Если и у нас повторится то же самое, то уже ради одного этого следовало бы воспользоваться женскими силами в местном самоуправлении.

В отношении крестьян допущение женщин к самоуправлению на одинаковых основаниях с мужчинами обеспечит им возможность влиять на местное самоуправление даже в тех местах, где мужское население отсутствует на заработках. Мы не говорим уже о том, что привлечение крестьянок к общественной деятельности наравне с крестьянами тотчас повысит их положение в глазах населения. Если в первое время многим и будет это казаться странным, то в этом беды нет. Но с хорошими нововведениями люди быстро сживаются. Поднять положение женщины в семье — одна из важнейших задач для нашей страны. Нам приходилось беседовать на эту тему с крестьянами из местностей, поставляющих в Москву готовых ремесленников. Они объясняют грубость нравов, пьянство и другие пороки в ремесленной среде в значительной мере забитостью и приниженностью женщины в семье. Мальчики, видя перед собой постоянно пример крайнего неуважения к матери, похвальбу грубостью и излишеством, лишаются тем самым смягчающего влияния, которое могла бы оказать в такой среде женщина, поставленная в сколько-нибудь соответствующее ей положение.

Таковы, по нашему мнению, житейские соображения, которые должны бы заставить нас в деле самоуправления отложить в сторону наши предрассудки и попросить наших женщин помочь нам в нашем великом народном деле, как они всегда и повсюду помогают, не требуя за это даже благодарности.

М. Меньшиков ЖЕНСКОЕ БРОЖЕНИЕ ¹

22 января. Завтра в Государственном Совете будет решаться, судьба женщин-юристов в России, то есть, быть ли им адвокатами или не быть, а сегодня телеграмма из Англии, как нарочно, преподносит следующий комментарий к женскому вопросу: «В замке Тауэр суфражистка Леонора Коген топором разбила окно в башне, где хранятся бриллианты короны. Хотя в крепости находится довольно большой гарнизон, суфражистка успела произвести довольно большой вред». Та же телеграмма передает, что лондонские суфражистки решили терроризировать английское общество. В национальной галерее они уже испортили некоторые картины, сожгли траву в парках, пытались оборвать проволоки телеграфа и телефона, а также проводы электрического и газового освещения. Они обратились к женщинам с воззванием, приглашая их носить с собой топоры для разрушения всякого частного имущества. Некоторые фирмы вследствие этого удвоили стражу. Королевские дворцы закрыты для публики. Боятся за драгоценные коллекции Британского музея и прочее.

Все это необыкновенно любопытно с культурной точки зрения. Когда знаменитый Уэльс взволновал Англию и весь мир своим романом, в котором описывал грядущее нашествие на Великобританию жителей Марса, никому в голову, конечно, не приходило, что первое очередное нашествие в действительности окажется не с далекой планеты и не с ближайшего континента, а из недр самого английского, притом образованного общества и так называемой «прекрасной» его половины. С какой быстротой меняется мир! Кто мог бы подумать еще во времена Диккенса о том, что восхищение поэтов английские девушки и женщины способны публично набрасывать на министров с зонтиками и палками, вступать в драку с городскими, разбивать окна в королевских дворцах и разрушать даже частное имущество. Явление суфражиз-

¹ Печатается по: Меньшиков М.О. Национальная империя. М., 2004. С. 424-429.

ма уже много лет безобразит собой чинную и чопорную английскую жизнь. Колоссальные скандалы, устраиваемые этими бешеными женщинами, сначала все пробовали принимать юмористически: скандалисток забирали в полицию, подвергали более или менее легким полицейским взысканиям; когда суфражистки объявляли голодовку в тюрьме, их связывали и кормили насильно, как страсбургских уток. Но чем дальше, тем эти скандалы становятся все более преступными и, наконец, в самом деле, развиваются в общественный террор. Доходит до того, что государственным людям, не спешащим провести женское равноправие в избирательный закон, нельзя уже показаться ни на улицу, ни на публичную эстраду, ни в театр, ни в церковь без опасения быть избитыми или убитыми. Английские женщины, если верить суфражисткам, требуют свободы и полноправия и начинают с того, что ограничивают свободу самых выдающихся и почтенных английских мужчин в той степени, в какой не покушались ни древние Ричарды, ни Генрих VIII, ни Карл I.

Обыкновенно говорят: «Суфражизм вздор, ведь ясно же, что эти буйные дамы, лезущие в драку, ненормальные женщины. Это особый психоз, род истерии на политической почве, как случались когда-то эпидемии помешательства на религиозной почве». Может быть, это и так, отвечу я; но если это психопатия, то она и заражительна, и опасна. Число суфражисток не уменьшается, а растет, и преступные их выходки делаются все безумнее. Эпидемии возникают и держатся там, где имеются благоприятные условия. Как средневековое католическое духовенство было виновником того, что страстное воображение некоторых верующих женщин уклонялось на болезненный путь, так, мне кажется, и нынешнее жречество либерализма должно взять на себя вину в развитии суфражистского движения. Прежний, несколько сентиментальный и благочестивый либерализм к XX веку выродился в черствый радикализм, доводящий раскрепощение общества до крайних пределов. Радикалам мало согреть омертвевшее в стеснениях общество они хотят его зажечь, расплавить, превратить в пар. Мне кажется, если женский суфражизм психопатия, то она вытекает из соответствующего мужского психоза, из утратившего равновесие либерализма. Суфражисток, как и крайних радикалов, пока незначительное меньшинство, но оно растет и заражает обширные круги женщин и муж-

чин тем скверным настроением, которое врачи называют продромальным. Кроме охваченных эпидемией, множество больных находится в стадии повышенного предрасположения к ней.

Вернемся к нашему законопроекту, который будет обсуждаться в общем собрании Государственного Совета. Обратили ли вы внимание на фамилию суфражистки, что разбила окно в башне с коронными бриллиантами? Не правда ли, отдает еврейством? И у нас пионерками допущения женщин в адвокаты являются такие представительницы русских женщин, как Гитель Абрамовна Флейшиц и Лея Гинзбург. Уже одно это обстоятельство должно быть учтено нашей верхней палатой в смысле крайней осторожности при решении этого вопроса. Пусть сторонники женского равноправия кричат и вопят сколько им угодно, будто *все* русские женщины задыхаются от попрания их самого священного права быть присяжными поверенными, Государственный Совет хорошо сделает, если спросит: кто же эти «*все* русские женщины?» Возможно, что в действительности окажутся всего две еврейки, как в эпоху 1905 года во главе русской революции оказалась госпожа Рубинчик и во главе «всего восставшего флота» во Владивостоке какая-то тоже еврейская девица. Но то, что казалось смешно и скверно в разгар бунта, едва ли может служить убедительной директивой для старцев Государственного Совета в спокойное мирное время. Для пары евреек или даже для двенадцати колен израильских не стоит навязывать *всем* русским женщинам стремлений и домогательств, каковых они пока еще не имеют. Не следует фальсифицировать явлений, которых нет. Основное правило законодательства создавать закон не ранее, чем в нем выяснилась потребность. У нас иногда ломают древние, естественные установления, сложившиеся органически и, стало быть, сообразные с природой просто потому, что этого требуют такие высокопочтенные гражданки, как госпожа Коген, вооруженная топором, или госпожа Гитель Флейшиц, или госпожа Лея Гинзбург. Но может быть, и они не требовали этого, если бы Господь наградил их более миловидной наружностью и если бы нашлись в свое время господа Янкели и Мовши, чтобы направить этих дочерей Израиля на путь, более подходящий к их женской природе и указанный еще Иеговой. Может быть центральным, хоть и скрытым доводом в пользу создания нового института является вовсе не нужда населения в нем,

а всего лишь то случайное обстоятельство, что адвокатская шапочка пришлась к лицу одной из первых адвокатесс во Франции и об этой адвокатессе несколько недель шумела еврейская печать, печатавшая ее портреты. Не будь этого происшествия, не было бы, может быть, и женско-адвокатского вопроса у нас. Ведь даже во Франции этот вопрос явился до такой степени искусственно раздутым, что при всем вопле и шуме еврейской печати за десять лет (начиная с 1900 года) вступило в адвокатуру всего лишь тринадцать женщин, да и из них-то всего лишь шесть действительно занялись адвокатской практикой. Вот вам и «потребность населения», вот вам и «героическое стремление женщин воспользоваться новыми правами». Даже у добившихся всеми правдами и неправдами юридического диплома большая половина женщин изменяет великому призванию, если шапочка оказывается им «не к лицу». У нас уже много лет в пяти высших женских учебных заведениях преподаются юридические науки, и за семь лет окончил курс всего лишь около тридцати девиц. Стало быть, серьезной потребности у русской женщины в изучении юриспруденции нет. Хотя и ныне по закону (статья 389 Учреждений судебных уставов) женщины допускаются быть поверенными на суде, но выступают в этой роли крайне редко. Почему? Да по очень простой причине. Зачем же обращаться за услугами к женщине, если имеется сколько угодно мужчин, которые выполняют, что нужно, лучше женщин? Обыватели немножко знакомы с женской природой вообще и, даже не читая Шопенгауэра, все сплошь придерживаются взглядов этого умного философа на своих жен и сестер. За целые тысячелетия истории сложилось убеждение, что мужчине более свойственно быть защитником, чем женщине. И на поле брани, и в деловом, и в судебном споре мужчина является более сильным и более вооруженным, нежели женщина. Назовите это суеверием, однако оно очень распространено и до сих пор не опровергнуто. Если кое-где (во Франции, в Румынии, в Швеции, в Америке) женщины допущены с недавнего времени в адвокаты, то мы уже видели на примере Франции, как мало из этого вышло толку. В большинстве же культурных стран в Германии, Австрии, Италии, Бельгии, Швейцарии, Испании и других с этим вопросом не спешат. Там стоят ближе, чем мы, к средневековой и античной цивилизациям; там знают, что женское равноправие обсуждалось на

все лады еще в эпоху Аристофана и довольно удачно разрешено в его несколько скабрешной комедии. Древние народы ревниво оберегали государственное правление и суд от вмешательства женщин. Правда, божество правосудия у греков женщина, но при условии, что она была с завязанными глазами. В более серьезные века женская молодость, женская красота, женское искусство и женская слабость казались условиями, которые далеко не способствовали вдумчивому и строгому судебному процессу. Совершенно невероятно, чтобы хорошенькая адвокатесса не стала стрелять глазами в председателя и бросать красноречивые взгляды в сторону прокурора. Даже «суровый Дант» в роли прокурора неизбежно терял бы равновесие, если бы на трибуне адвоката встретил Беатриче. Вы скажете, эта сторона не существенна, ибо нельзя же допустить, чтобы члены судебного трибунала, в руках которых судьба подсудимого и закона, забылись до флирта, допустимого лишь в легкомысленных гостиных. Люди же, знающие человеческую природу и более искренние, нам скажут, что всего лучше не вводить людей в искушение. Если прокурору трудно не размякнуть под прожектором улыбок и лучей, исходящих от обаятельной адвокатессы, то в более частом обратном случае, когда защитница будет стара и безобразна, мужская совесть способна сбросить с ее доводов, по крайней мере, 50 процентов убедительности. А это пойдет уже на счет шкуры несчастного подзащитного.

Как профессиональный адвокат, женщина может быть, вероятно, и хуже, и лучше мужчины, едва ли достигая на этом поприще гениальности (ибо на всех поприщах кроме чисто женских, она уступает мужчине). Но, говоря о средних условиях, следует предвидеть, до чего будут затруднены прокурор и судьи вторжением в устный процесс так называемой «женской логики» и того крайнего аргумента женских слез, перед которыми пасуют даже философы. Всем известно, до чего развязно ведут себя господа адвокаты, особенно из евреев. Нужна драконовская власть председателя, чтобы сколько-нибудь обузывать их под угрозой даже изгнания из зала. Еврейки, вероятно, будут еще непринужденнее евреев. Попробуйте-ка применить к ним председательскую репрессию. Последуют слезы, истерика, обморок и вслед за ними гвалт всей еврейской печати против чудовищного председателя. Если с мужчинами-евреями русские судьи иной раз не знают, что делать, то

за что же подвергать их следующей, более жестокой язве египетской в лице евреек? Правда, предполагаются в теории и русские адвокатессы, одна на десять евреек, но вспомните щедринского «Ангелочка». Такая изведет судей не хуже еврейки. Лучшей защитительной речью женщины был известный жест Фрины, позванной на суд, но ведь нельзя же слишком часто прибегать к этому известному приему. Классической же в своем роде считается речь Порции в «Венецианском мавре», но не надо забывать, что эту речь сочинил мужчина Шекспир.

Самым сильным притом единственно серьезным доводом сторонников допущения женщин в адвокаты является тот, что «нет оснований» для их недопущения. И в самом деле, если отбросить в сторону человеческую психологию и расстройство суда при разном составе его состава, то, пожалуй, не найдется других очень серьезных оснований для недопущения женщин. Однако это вовсе не решает вопроса в их пользу. *Надо доказать не то, что нет оснований не допустить, а то, что есть основание допустить.* У вас, скажем, нет никаких оснований к тому, чтобы не поехать в Австралию: есть и деньги, и свободное время. Однако вы не едете, ибо нет оснований, чтобы ехать. Законодательство наше собьется на крайне соблазнительный путь, если займется введением в жизнь всего, чего нет оснований не ввести. Оно напомнит русского помещика, который покупал все, чего не было причин не купить, и у которого не хватило, наконец, денег на рюмку водки.

Радикальные лидеры женского движения не скрывают того, что они добиваются расширения женских прав не потому вовсе, что это практически нужно. Главная нужда в теории, в психологической будто бы нестерпимости стеснений, которыми оскорблена целая половина человеческого рода. В Лондоне на днях разыгралась юмористическая история. Контора пароходного общества вывесила объявление, что она дает совет, как женщины могут получить избирательные права всего лишь за три фунта стерлингов. Целые сотни суфражисток наводнили пристань парохода. Невозмутимый клерк компании заявил им, что для того, чтобы английские женщины получили избирательные права, им стоит только купить билет на проезд в Австралию, где женщины пользуются избирательными правами. Разъяренные фурии произвели погром пристани, перебили стекла, и тридцать из них вместо Ав-

стралии угодили в тюрьму. На суде, вероятно, им будет разъяснено, что Австралия находится под британской короной и что там живут такие же англосаксы, как в Лондоне. Сообразнее с основным догматом свободы, чтобы люди переселялись сами в более подходящие для них края, нежели навязывать свои мнимые потребности огромному большинству, не имеющему этих потребностей. Для лондонских суфражисток достаточно тридцати рублей, чтобы получить избирательные права, а госпожи Гитель Флейшиц и Лея Гинзбург могли бы затратить всего лишь целковый, чтобы при добром желании переехать в Выборгскую губернию и пользоваться там правом быть выбранными в сейм.

Судя по заключению комиссии законодательных предположений Государственного Совета, проект закона о женщинах-адвокатах, принятый Государственной Думой, будет одобрен и в верхней палате. «Глубоко справедливый с точки зрения принципиальной», этот закон будто бы «и на практике не может повлечь ни к каким неблагоприятным последствиям». Что касается практики, то ее ведь еще не было, стало быть, и ручаться за нее рано. Говоря же о «глубокой справедливости», комиссия под председательством С. С. Манухина сразу выдала затаенный и основной мотив, общий всем радикальным реформам. «Глубоко справедливым» считается не выведенное из опыта, не доказанное полезное, а лишь теоретически более простое. Равенство бесконечно проще неравенства, потому и кажется справедливее. С неравенствами, из которых сплетена природа, нужно долго возиться, тщательно разбирать их, взвешивать, соразмерять, а для этого нужны большие умственные усилия. То ли дело равенство: мужчина и женщина люди, стало быть, они равны, поэтому и права, и обязанности у них одинаковы. Коротко и просто. Пусть природа и история протестуют против этого прямолинейного ранжира, радикалы готовы с топором в руке, как английская еврейка, или с пером в руке, как наши либеральные деятели, ломать и природу, и историю. Больших несчастий введение нового закона, вероятно, не вызовет; вредные последствия его скажутся при развитии нового института через десятки лет. Но что выступит уже в ближайшем будущем это дальнейшее обострение у нас женского вопроса. На последних женских съездах, в женских обществах и клубах можно уже наблюдать и у нас довольно быстро созревающий полити-

ческий психоз, тождественный с суфражизмом. Пожилые и с виду почтенные дамы, потеряв натуральные права считаться женщинами, становятся одержимыми ненавистью к мужчинам и всякое преимущество последних считают для себя личным оскорблением. Я не знаю, выгодно ли с верховной точки зрения раздувать раздор между основными «классами», каковы мужчины и женщины, полезно ли поддерживать между ними соперничество и сеять злобу, доходящую в стране свобод до осады королевских замков нежными созданиями, вооруженными топорами. Начинают всегда с небольших поблажек и кончают общей растерянностью, какую вы наблюдаете сейчас в Англии.

М. Меньшиков УТОМЛЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ¹

26 января. В тот самый день, когда в Государственном Совете решался вопрос о женщинах-адвокатессах, я получил письмо от одной старой поборницы женского равноправия А.Н. Пешковой-Толиверовой. Более яркого комментария к нашему феминизму нельзя придумать, и я думаю, что не совершу нескромности, если приведу выдержки из этого к тому же циркулярного письма. Александра Николаевна сообщает, что есть в Петербурге симпатичное «Общество попечения о выздоравливающих и слабосильных», что это общество устроило санаторию для женщин в Лесном и послезавтра, в понедельник, устраивает однодневный сбор («Звездочка») для поддержки этой санатории.

Послушайте же дальше: «Общество, имеющее целью восстановление сил *утомленных в жизненной борьбе тружениц*, является единственным учреждением в России, взявшим на себя эту гуманную задачу. Устроенная на средства общества санатория в Лесном во время своего пятнадцатилетнего существования дала возможность восстановить силы более чем полутора тысяч тружениц не только Петербурга, но и иногородних, без различия вероисповедания, национальности и социального положения. Количество трудящихся женщин с каждым годом увеличивается, круг их деятельности становится шире, и сообразно с этим растет и потребность в доставлении временного отдыха для поддержки сил работающих на различных поприщах женщин. Но средства общества слишком малы, чтобы... расширить деятельность санатории, где каждая работница находит и физическую, и моральную поддержку. С этой целью общество обращается ко всем сочувствующим и гуманным лицам с призывом не отказать в своей посильной лепте для облегчения участи многочисленных тружениц, *для которых санатория является светлым маяком в трудные минуты жизни*»...

¹ Печатается по: Меньшиков М.О. Национальная империя. М., 2004. С. 429-434.

Прочел я эти строки, и у меня защемило сердце. Вот вам горькая судьба женщин, отбившихся от семьи и очага. В тот самый день, когда самые блестящие хоть и несколько престарелые мужчины в России ратуют в Государственном Совете за женское равноправие, раздается жалостливый голос одного малоизвестного, почти забытого общества о помощи «утомленным в жизненной борьбе труженицам», многочисленным труженицам, для которых общая дача в Лесном, среди деревьев, является уже «светлым маяком в трудные минуты жизни»... Увы, стало быть, жизнь-то, несмотря на все красноречие рисующихся перед женщинами феминистов, доказывает, что в начавшейся жизненной борьбе победа далеко не всегда на стороне слабой половины человеческого рода, и уже едва мы прикоснулись к равноправию женщин, как появились «утомленные», сбитые с дороги, в полном смысле несчастные женщины, которые действительно нуждаются в благотворительном сборе. Прочел я оба письма почтенной вице-председательницы комитета (и частное, и циркулярное), прочел описания симпатичного общества и санатории, и мне живо припомнилось, как когда-то, еще в прошлом столетии, мы спорили с А.Н. Пешковой-Толиверовой по поводу моей одной работы по феминизму (см.: глава «Женщина-мать» в моей книге «Начала жизни»). Ах, как я был прав тогда! Я утверждал, что весь женский вопрос сводится к тому, что подлец-мужчина не хочет кормить женщину, а наоборот сам склонен от нее кормиться. И тогда это было для меня ясно, и теперь вполне бесспорно. Александра Николаевна, сама имевшая опыт семейной жизни, сама будучи чудной матерью прелестных девочек, тем не менее издавна была под гипнозом философов, напавших и тогда, как они напевают и теперь, о том, что женщинам необходимы все *права* мужчин, вся *свобода* мужчин, все, *доступное* для мужчин, и что никакой черты между двумя полами, которую будто бы установил Бог, не существует. Меня эти господа философы, насколько я понимаю их мужскую психологию, глубоко возмущали затаенной бессовестностью, как возмущали и те слишком доверчивые женщины, что заражаются этой философией.

Приглядываясь к жизни, я отлично видел, что, ратуя за равноправие женщин, мужчины, с одной стороны, требуют, чтобы их сестры, жены и *даже матери* вносили свой пай в содержание семьи из личного заработка, что дает господам мужчинам карман-

ные деньги для ресторанных и клубных удовольствий. С другой стороны, женское равноправие дает возможность господам мужчинам подбирать хорошеньких помощниц себе и вне дома, где остаются часто брошенные и одинокие женщины. С третьей стороны, то же женское равноправие создаст хоть и скрытый, но выгодный институт рабства: кроме работников-мужчин, является класс работников-женщин, которые гораздо дешевле и безответнее мужчин, слабосильнее их и покорнее. Выжимать соки из подчиненных, работать чужими руками на это всегда были охотники, но с мужчинами это труднее, нежели с выброшенными из семьи, то есть как бы осиротевшими женщинами. Почему же, скажете вы, женщины и именно образованного класса с такой пылкостью стремятся и к общественной, и к государственной службе, где им обеспечены лишь третья и четвертая роли? Да потому, отвечу я, что кроме соблазна равенства, хотя бы призрачного и мнимого, женщину выталкивают на арену публичной жизни те же господа мужчины, и выталкивают чуть не кулаками. «Ты, матушка, взрослая, говорит дочери отец, довольно сидеть на отцовской шее». Как ни деликатны бывают подобные намеки, как ни справедливы они иногда (ибо отцам действительно бывает очень трудно), их горечь чувствуется остро и гонит из дому девушку на какое угодно, даже нищенски оплачиваемое рабство. И главным, почти категорическим императивом для такой девушки или женщины становится не иметь детей, то есть не иметь мужа и семьи. Любовников сколько угодно под условием «шито-крыто», но единственной естественной, единственно здоровой, единственно блаженной формы жизни правильно-семейной «равноправные» женщины лишены. Мы в подавляющем большинстве плохо реагируем на ход жизни и не сознаем даже трагических ее уклонов. «Ну что ж, рассуждает обыватель, без мужа останется девица, так без мужа, без детей, так без детей. Тут не до жиру, быть бы живу». Но позвольте, господа: даже простое растение отсекайте у него ветки и почки, оборвите завязь под венчиком цветка с его благоуханиями, даже для растения явится вопрос: зачем же тогда и жить? Превратившись в сухое сено, не лучше ли быть совсем скошенным? Этот тяжкий, как смертный приговор, вопрос заставляет многих и многих одиноких девушек и женщин хвататься за склянку с ядом гораздо раньше, чем они вспомнят о санатории на Старопарголовоком про-

спекте. Да и что может сделать санатория? Она как скала для терпящих кораблекрушение дает возможность продлить лишь несколько дней жизни на твердой почве, но потом? Что же будет дальше с этими «утомленными труженицами»? Бедные, загнанные бурей птички, они летят на «светлый маяк», стремятся в интеллигентскую богадельню, но ведь нельзя же сотни тысяч и миллионы женщин, уставших от борьбы с мужчинами, устроить на счет сборов «Звездочки» и продажи жетонов и открытых писем...

На блестящую, вооруженную с головы до ног речь И.Г. Щегловитова в Государственном Совете отвечал, по обыкновению, очень красноречивой речью А.Ф. Кони. В сущности, весь вопрос об адвокатессах был поединком между этими знаменитейшими у нас юристами. Речь остальных ораторов, включая докладчика господина Шебеко, составляли не более как секундантский спор, незначительный и чисто формальный. По вопросу о женщинах-адвокатах скрестили шпаги, может быть, самые талантливые представители двух поколений нашего юридического сословия «шестидесятник» и «восьмидесятник». Мне кажется, обе эти речи следовало бы издать вместе отдельной брошюрой в пользу хотя бы той же женской санатории. Составилась бы небольшая книжка на память о том, как в 1913 году сражались на самой высокой государственной арене два искреннейших друга русских женщин, понимавших разное, в чем состоит женское счастье. Я очень ценю умственную силу А.Ф. Кони, его обширные познания и судебный опыт, я не смею отрицать искренности его убеждений в данном вопросе, но мне кажется, восьмидесятые годы справедливо восторжествовали над шестидесятыми. Тут столкнулись два мирозерцания, борьба между которыми наполняет собой все последнее столетие. Идеалистам 60-х годов казалось ясным, что лучшая форма жизни свобода, равенство, братство; да ведь и в самом деле, это лучшее, что можно себе представить. Но воображение одно, а жизнь другое. Уже восьмидесятые годы внесли в это верование много отрезвляющих поправок. Обнаружилось, между прочим, что те же самые тезисы свобода, равенство, братство благородными людьми понимаются в одном смысле, а неблагородными в другом. Мужчины рыцарственного склада, преклоняясь перед женской прелестью и слабостью, вовсе не думали, что свобода в женском вопросе есть освобождение мужчин от вечной обязанности

служить женщине, а неблагородные мужчины именно так и думали. И благородные женщины свое равенство с мужчинами представляли вовсе не в поспешной утрате целомудрия и в заражении мужской распущенностью, а неблагородные за это именно, прежде всего и ухватились. Сам А.Ф. Кони свидетельствует, что «конечно, лучшее призвание женщины и самое нормальное ее положение брак. Но надо быть откровенным: мы ведь знаем, что в том среднем сословии, которое образовалось за последние пятьдесят лет в России, *брак становится все больше предметом роскоши*. А раз брак становится труднодостижимым, то куда деваться тем, которых брак обойдет? Им остается зарабатывать себе хлеб».

Но разве не ужасно это центральное, подчеркнутое мной, положение? И разве не заключает в себе логика знаменитого юриста в данном случае некоторой серьезной трещины? Ведь если такая необходимость — *первозданная и органическая*, как брак, становится предметом роскоши, то, казалось бы, прежде всего, следовало не соглашаться с таким порядком вещей и не давать ему дальнейшего питания. Женское равноправие не только вызывается затруднительностью браков, но еще в большей степени само вызывает эту затруднительность. В старые годы, когда и государство, и Церковь, и нравы, и обычаи удерживали женщину у семейного очага, родители *старались* выдать дочерей замуж и сами девицы *старались* в этом же направлении. Результатом повышенных (и даже до крайности) стараний было то, что почти все девушки достигали своей цели. Ведь сообразно с последней воспитывались и юноши. И для них брак казался вещью не только желательной, но неизбежной. Для обоих полов это было не только сладостное право, но и священная повинность; все находили ее естественной и потому легкой. Брак, семья, дети все это почиталось *сокровищем*, а справедливо сказал Христос: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Но вот подошли новые времена, и старые сокровища стали подменяться новыми. Когда для женского сердца явилось новое сокровище звание чиновника-телеграфиста, звание врача, педагога, адвоката, писателя художника, согласитесь, что повелительная необходимость брака сама собой отошла назад. И родители, и невесты охладели в своих стараниях и стали гораздо разборчивее. «Моя дочь окончила высшие курсы, с какой стати ей выходить замуж за мещанина, она найдет себе партию, а пока пусть стучит хотя бы на машинке за трид-

цать рублей в месяц» И родители, и невесты по глупости своей и жадности стали вносить в глубоко интимное, мистическое, великое явление, какова юношеская влюбленность, свои пошлые и мертвые поправки. Сколько перепорчено таким образом женских существований! Да и мужских тоже, ибо с появлением бездетных женщин, с которыми можно сожительствовать, не неся последствий, и мужчины сделались требовательнее и развращеннее. Конечно, лучшие из девушек, добившихся равноправия, остаются чистыми и засыхают, как не опыленные розы, но средние и худшие пользуются всеми суррогатами брака, отвлекая от последнего значительный процент мужчин.

Если прав А.Ф. Кони, что брак становится все больше предметом роскоши, то в *будущем* при развитии женского вопроса супружество делается совсем уже деликатесом, недоступным для большинства. Между тем в *прошлом* супружество было доступно и беднякам. Спрашивается, в каком же направлении следует вести общество к будущему ли равноправию или к прошлому разноправию? Казалось бы, следовало вести к прошлой обеспеченности брака, но А.Ф. Кони вместе с апостолами феминизма толкают в будущую его необеспеченность. Это вовсе не злонамеренное настроение это плохая религия, продукт плохой культуры. Когда-то органический, строй общества распался. Распались ткани, высвободились даже отдельные клетки или хотят высвободиться, ибо и в самом деле оставаться в мертвых организациях иногда опаснее, чем вне их. Когда существовал стихийный, свежий, жизнерадостный уклад общества не существовало никаких вопросов. Вспомните, каким уважением пользовалась женщина у древнеарийских племен, например у германцев. При наружном подчинении отцу и мужу как бережно она была поставлена в семье. В сущности, все войны, сколько их ни было, велись за семейный очаг, за счастье иметь дом, хотя бы крайне бедный, но свой со своим огнем, со своей хозяйкой, со своей колыбелью, в которой даже дикарь чувствовал залог бессмертия своей жизни. При всей оклеветанности первобытной жизни а ргоіі ясно, что женщина чувствовала себя в ней не хуже мужчины, и это было во всякой *отстоявшейся* культуре, низкой или высокой. Но вот когда старая культура рушится, а новая еще не сложилась, тяжело бывает всем и низшим, и высшим, и мужчинам, и женщинам. Все разделения труда, свойственные организованному складу, спу-

тываются, все роли смешиваются, никто не знает, к чему он более склонен и в чем его счастье. В такие-то эпохи всем кажется, что все позволено, и женщинам хочется мужского труда. Но всего лишь несколько десятилетий слабого опыта и уже нужна богадельня, нужно общежитие хотя бы в виде простенькой дачи под Петербургом. Надорванные в работе, изнуренные жестокой обстановкой труда, корыстным или похотливым (простите грубое слово) отношением другого, покровительствующего пола, бедные женщины ищут хоть немного покоя, тишины, свежего воздуха и... *отсутствия господ мужчин*. Да, представьте! Поэма поисков сближения и равноправия, совместной работы рука об руку с «товарищем» — мужчиной оканчивается санаторией, куда этого «товарища» уже не пускают. Из мужчин допускается только врач, чтобы лечить увечья, полученные в свободной конкуренции с мужчинами.

Стоит ли прибавлять, что я от всего сердца желаю успеха послезавтрашнему сбору? Пусть одной санаторией или богадельней вы, как чайной ложечкой, не исчерпаете океана женской скорби, но если вы облегчите жизнь хоть несколькими лишним сотням «утомленных» и это будет уже хорошо. Кто не помнит из своей молодости гувернанток и учительниц и кто, вдумавшись в жизнь их, не чувствует, что он обязан многим и многим бесконечному терпению, вниманию и ласке этих интеллигентных тружениц? Безрадостный их и неустанный труд казался таким естественным, но кто проследил, отчего преждевременно вянут, седеют эти труженицы и наживают иногда неизлечимые болезни? Мне кажется, и мужчины, и женщины помимо феминизма или антифеминизма 28 января имеют случай припомнить нравственный долг свой перед женщинами и во имя самых священных чувств откликнуться на призыв женского комитета. Во главе последнего, как мне пишут, стоит графиня В.В. Толстая, «чудная и с доброй душой», баронесса В.П. Мейендорф (к которой относится тот же эпитет), как и много известных Петербургу благотворительниц С.К. Балицкая, А.И. Головина и другие. Их лозунг: «Здоровье женщины здоровье народа». Прекрасный лозунг, но как жалко, что он слишком был пренебрежен пророками женского движения. Какое же, скажите, здоровье при *однополом* человечестве, при свободе сильного пола состязаться со слабым?

ОБ АВТОРАХ ТЕКСТОВ

Андреев Даниил Леонидович (1906–1959). Поэт, писатель, философ. В 1948 г. был арестован и осужден на 25 лет. Освобожден и реабилитирован после смерти Сталина. Его поэмы опубликованы в Советском Союзе и за границей. Философское произведение «Роза мира» — итог мистических откровений — увидело свет только в 1991 г.

Бакунин Павел Александрович (1820–1900) учился в тверской гимназии и Московском университете, вместе с братом Михаилом Бакуниным посещал лекции в Берлинском университете. С введением в 1865 г. земских учреждений началась деятельность Павла Александровича в Тверской губернии. Он был первым председателем новоторжской уездной земской управы и оставался губернским гласным тверского земства до конца 1880-х годов. П.А. Бакунин оставил два сочинения: философский трактат «Основы веры и знания» (СПб., 1886) и посвященное современным злободневным вопросам (главным образом, женскому) «Запоздалый голос сороковых годов» (СПб., 1881).

Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) князь, известный ученый и деятель русского и европейского революционного движения. Воспитывался в пажеском корпусе, по окончании которого служил казачьим офицером в Сибири, занимался физическими и географическими исследованиями Сибири, а также общественной деятельности. Позже учился на физико-математический факультете Петербургского университета, по окончании которого стал секретарем физического отделения Географического общества. По поручению этого общества он исследовал глетчеры в Финляндии и Швеции и принял участие в Олекминско-Витимской экспедиции, результатом чего явились его работы «Материалы для орографии Восточной Сибири», «Исследования о ледниковом периоде» и др. В 1872 г. Кропоткин уехал за границу, познакомился с социалистическими учениями и примкнул к анархическому направлению, став главным представителем его в Европе. Возвратясь в Россию, Кропот-

кин присоединился к кружку «чайковцев», для которого составил программу деятельности. Арестованный в 1874 г., он, после двухлетнего пребывания в тюрьме, бежал из заключения (из Николаевского госпиталя в 1876 г.) за границу и там занялся научной и революционной деятельностью. Редактируя «La Revolte», участвуя во многих других журналах, Кропоткин написал на французском и английском языках ряд сочинений по социальным вопросам, издал на французском, немецком, и английском языках историю французской революции. Особенной известностью пользуются его «Записки революционера».

Меньшиков Михаил Осипович (1859–1919). Публицист, толстовец. Закончил курс в морском техническом училище. Поместил в «Голосе», «Санкт-Петербургских Ведомостях» и «Кронштадтском Вестнике» ряд очерков заграничного плавания по Атлантическому океану и Средиземному морю на фрегате «Князь Пожарский» (вышли отдельной книгой «По портам Европы», 1879). С середины 80-х годов Меньшиков начинает писать в «Неделе», в 90-х гг. становится главным сотрудником этого издания. После закрытия «Недели» Меньшиков вступил в «Новое Время», проповедуя реакционную политику, нетерпимость к либеральным, конституционным и революционным идеям. Был одним из вдохновителей антисемитизма.

Мижув Павел Григорьевич (1861–1932?). Писатель, образование получил в Морском училище. Главные труды: «Современная школа в Западной Европе и Америке» (М., 1912), «Средняя школа в Англии» (Петроград, 1914), «Средняя школа во Франции» (1902), «Школа и общество в Америке» (1902); «Главные моменты в развитии школы в Западной Европе» (М., 1912), «Политическая история Англии в XIX в.» (1908), «История колониальной империи Англии» (2-е изд., 1909), «История Великой Американской демократии» (1906), «Великий раскол англосаксонской расы» (Американская революция; 1901), «Восьмичасовой рабочий день» (1907), «История одной стачки» (1907), «Парламентаризм» (1906), «Главные федерации современного мира» (1907), «Передовая демократия» (Новая Зеландия, 4-е изд., 1906); «Крестьянское Царство» (Канада, 2-е изд., 1907), «Социологические этюды» (1904), «Счастливая Австралия» (1909), «Сады-города Англии» (1916).

Соловьев Николай Иванович (1831–1874). Врач и критик, учился в Казанском университете, а затем в Киевском, где получил степень лекаря в 1855 г., служил военным врачом в разных госпиталях и полках. С 1860-х гг. стал деятельным сотрудником «Отечественных Записок», также публиковался в «Русском Вестнике». Критические статьи его изданы были в 3-х томах под заглавием «Искусство и жизнь» (Москва, 1869).

Стасов Владимир Васильевич (1824–1906). Деятель культуры. Родился в семье архитектора. Получил прекрасную домашнюю подготовку, завершив образование в 1843 в училище правоведения. Служа в департаменте Сената, затем в Министерстве юстиции, главным своим делом считал изучение искусства и сотрудничество в крупнейших русских журналах. «Отечественные записки», «Современник», «Вестник Европы», «Библиотека для чтения» и др., где печатал музыкальные и художественные статьи, делал обзоры французской, немецкой, английской литературы. Энциклопедически образованный человек, Стасов писал статьи по истории искусства, культуры, археологии, фольклористики. Поддержал молодых художников «Товарищества передвижных выставок», композиторов «Могучей кучки», став первым в истории русской культуры профессиональным художественным и музыкальным критиком, оказавшим огромное воздействие на развитие реалистического и демократического направления отечественного искусства.

Страхов Николай Николаевич (1828–1896). Известный писатель. В 1845 г. поступил на математический факультет Санкт-Петербургского университета, а в 1848 г. перешел на естественно-математический разряд Главного педагогического института, где окончил курс в 1851 г. В 1858 г. уже и раньше кое-что печатавший, Страхов выступил в «Русском Мире» с «Письмами об органической жизни». В этом органе той разновидности славянофильства, которая приняла название «почвенников», Страхов преимущественно выделялся как полемист. Под псевдонимом Н. Косица он написал ряд нашумевших в свое время статей, направленных против Чернышевского, Писарева др., жил исключительно переводами, которыми он охотно занимался и позднее. С 1874 г. состоял членом Ученого комитета Ми-

нистерства Народного Просвещения. В 1890-х годах состоял членом-корреспондентом Академии Наук, которая неоднократно поручала ему разборы представляемых на Пушкинскую премию стихотворных произведений.

Толстой Лев Николаевич (1828–1910). Великий русский писатель...

Хвостов Вениамин Михайлович (1868–1920). Русский социолог, правовед, философ. Окончил юридический факультет Московского университета, в котором с 1895 по 1911 и с 1917 читал лекции по римскому и гражданскому праву. Преподавал на Высших женских курсах, Высших женских юридических курсах, в народном университете им. А.Л. Шанявского. В 1911 г. вышел в отставку в знак протеста против нарушения университетской автономии. Участвовал в создании журнала «Вопросы права», активно сотрудничал с журналом «Вопросы философии и психологии». Покончил жизнь самоубийством. Основные работы: «Общественное мнение и политические партии» (1906), «Нравственная личность и общество. Очерки по истории социологии» (1911), «Психология женщин» (1911), «Женщина и человеческое достоинство» (1914), «Этика человеческого достоинства. Критика пессимизма и оптимизма» (1912), «Теория исторического процесса» (1910), «Социология. Введение. Ч. 1: Исторический очерк учений об обществе» (1917), «Основы социологии. Учение о закономерностях общественных явлений» (1919) и др.

Чехов Николай Владимирович (1865–1947). Педагог, библиограф, профессор. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1890). Руководил земскими школами, преподавал в различных учебных заведениях, возглавлял Московские женские педагогические курсы им. Тихомирова. Придавал большое значение внешкольному образованию, в т.ч. организации народных чтений, распространял «дешевые книги» издательства «Посредник». После 1917 г. Н.В. Чехов работал в Наркомпросе, участвовал в ликвидации неграмотности воинов Красной армии. С 1923 профессор Второго московского университета, и других высших учебных заведений. Автор свыше 700 работ по организации детского чтения, библиографии, книговедению.

Соч.: Книги для детского чтения, учебники и учебные пособия: Каталог. М., 1904; Спутник самообразования: Беседы о выборе и чтении книг для детей и подростков. М., 1907; То же. 2-е доп. и испр. изд. М., 1912; Детская литература. М., 1909; Народное образование в России (с 60-х годов XIX века). М., 1912; Детские книги и детское чтение // Книги для детей: Каталог. М., 1915.

Щепкин Николай Николаевич (1854—1919). Политический деятель. Он был из потомственных дворян, чье родовое имение находилось рядом с селом Тихвинское на р. Клязьме под Москвой. Участник земского движения 1890—1900 гг., один из основателей партии кадетов (1905) и член её ЦК. Н.Н. Щепкин окончил физический факультет Московского императорского университета. В 1877 г. ушел вольноопределяющимся на русско-турецкую войну, сражался в авангарде у Скобелева и вернулся награжденным солдатским Георгиевским крестом за храбрость, будучи произведенным в офицеры. После войны был секретарем Казенной палаты, помощником секретаря Московской городской Думы, а с 1883 по 1894 г. мировым судьей. В 1889 г. Н.Н. Щепкин был избран гласным Московской городской Думы и оставался им вплоть до роспуска Думы большевиками (с перерывом с 1909 по 1912 г.). В 1894 г. его избирают товарищем (заместителем) Городского Головы, на этой должности он проработал до 1897 г. Н.Н. Щепкин был одним из главных теоретиков земства в вопросах избирательного законодательства. В популярной брошюре «Земская и городская Россия о народном представительстве» (1905 г.) он пишет о необходимости всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании для выборов народных представителей.

Щепкина Екатерина Николаевна (1854—1938). Историк. Окончила Высшие женские курсы профессора Герье, работала учительницей истории в Саратове и Москве. В 1880—1882 гг. занималась историей под руководством профессора Бестужева-Рюмина. В 1895—1896 и 1898—1899 гг. преподавала русскую историю XVIII и XIX веков на Высших женских курсах в Санкт-Петербурге. С 1890 г. преподавала историю в классах и курсах для рабочих Императорского русского технического общества. Вела отдел русской истории в «Малом Энциклопедическом Словаре» Брокгауза-Эфрона и

поместила несколько статей в «Большой Энциклопедии» (под редакцией С.Н. Южакова). Е.Н. Щепкина была автором нескольких исторических работ, опубликованных в Журнале Министерства просвещения в конце 1880-х годов. В годы первой русской революции она была членом Петербургского отделения Союза Равноправности Женщин, членом Центрального Бюро Союза Равноправности Женщин от Петербурга, а позже активной участницей Российской Лиги равноправия женщин (СПб). После Октябрьской революции 1917 г. Щепкина осталась в России и какое-то время работала историком. В 1921 г. была опубликована ее книга по истории женского движения в годы Французской революции. В 1925 г. Щепкина работала над статьей, посвященной истории Союза Равноправности Женщин, но редакция журнала «Былое», для которого она писала эту статью, так и не опубликовала ее.

